

Е. СОБОЛЬ

ДХРИТЕХИ

ДАР ОГНЯ
КОРОДИ БУДУЩЕГО
ИГРА МУДРЕЦОВ
ЗЕМЛЯ ЗАБЫТЫХ
СЕРДЦЕ БУРИ

ВСЕ ЦИКЛ
В ОДНОМ ТОМЕ

Весь цикл в одном томе

Екатерина Соболев

**Дарители: Дар огня. Короли
будущего. Игра мудрецов.
Земля забытых. Сердце бури**

«РОСМЭН»

2016-2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Дарители: Дар огня. Короли будущего. Игра мудрецов.
Земля забытых. Сердце бури / Е. Соболь — «Росмэн»,
2016-2018 — (Весь цикл в одном томе)

ISBN 978-5-353-10084-3

Все книги цикла в одном томе! Давным-давно в волшебном королевстве, созданном могучим колдуном Барсом, у каждого жителя был свой чудесный дар, полученный от Сердца волшебства. А потом волшебство исчезло. С тех пор прошло триста лет, и внезапно история, которая уже стала сказкой, получила продолжение. Героям новой истории – Генри, Эдварду, Розе и многим другим – предстоит вернуть пропавшие дары, разгадать самые сложные загадки, распутать не один клубок интриг, сразиться с кошмарными чудовищами и перехитрить хитрейшего из злодеев. Но хватит ли им мужества, решимости и доброты, чтобы спасти свой прекрасный сказочный мир?

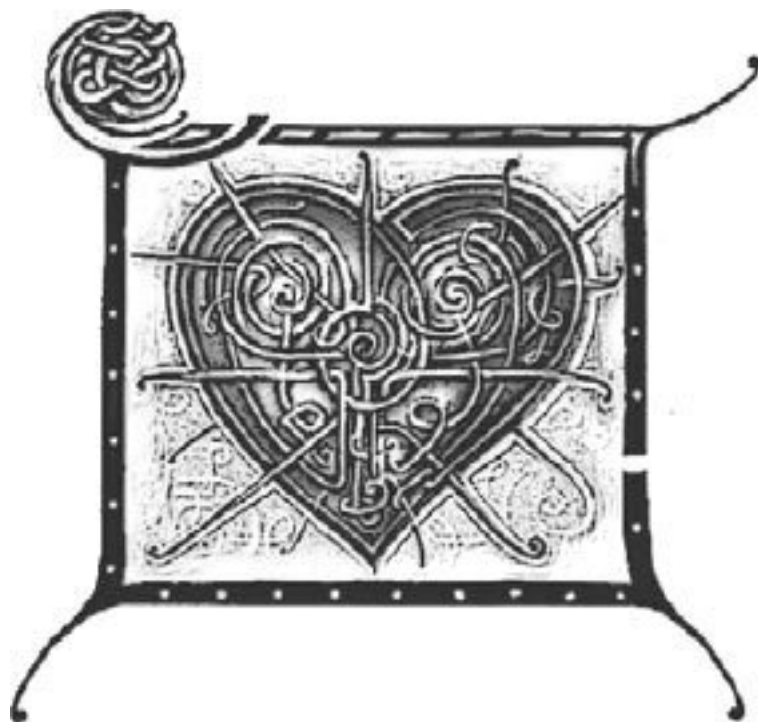
УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-10084-3

© Соболь Е., 2016-2018
© Росмэн, 2016-2018

Содержание

Книга 1	6
Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	39
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	73
Глава 6	86
Глава 7	93
Глава 8	104
Глава 9	118
Глава 10	133
Глава 11	143
Глава 12	152
Глава 13	160
Глава 14	170
Глава 15	183
Глава 16	194
Глава 17	209
Книга 2	221
Пролог	221
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Екатерина Соболев
Дар огня. Короли будущего. Игра
мудрецов. Земля забытых. Сердце бури

© Е. Соболев, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

Книга 1

Дар огня

Пролог

Если вам скажут, что я, Олдус Прайд, ни в чем не виноват, не слушайте. В тот день я повел себя как последний болван. Но давайте я начну с самого начала. Порядок – вот что важно, когда рассказываешь о невероятных событиях.

Накануне дня, когда порядку в нашем королевстве пришел конец, я проснулся от оглушительного стука в дверь. Открыл глаза – и даже не сразу сообразил, где именно заснул. С королевскими посланниками такое случается: слишком много путешествуем. Стук продолжался, а я моргал, глядя в потолок, пока не вспомнил: я в какой-то унылой северной деревушке, сегодня канун Зимнего дня, а заснул я от усталости еще до заката – и прямо на диване. Свет за окном был вечерний, блеклый, значит, проспал я не больше часа.

– Господин посланник, проснитесь! – гроыхал за дверью голос Седрига, хозяина гостиницы.

Я застегнул мундир (кажется, не на те пуговицы), схватил сумку, куда складываю все, что добыл для короля – такое без присмотра не оставишь, – и распахнул дверь.

– Там... на площади! – выпалил Седриг, тыкая в сторону окна. – Как из-под земли вырос! Вид у него был такой бледный, что я молча бросился за ним.

* * *

На площади былолюдно: все готовились к завтрашней ярмарке Зимнего дня. Повсюду уже расставили столы с соком и пирогами, развесили еловые ветки. Вот только веселиться, кажется, так и не начали. Толпа была непривычно тихая – люди плотно обступили что-то в углу площади и глухо, угрожающе перешептывались. Я протолкнулся сквозь толпу – при виде моего мундира все давали мне дорогу – и обомлел.

Среди привычных, грубо сколоченных столов, за которыми жались притихшие торговцы, виселось что-то невиданное. Огромный, будто вросший прямо в землю прилавок из крепко переплетенных веток, уставленный чашками, блюдами, вазами и корзинами. Кому все это принадлежит, было ясно сразу: скрипpler сидел прямо на прилавке, свесив вниз ноги-корни, и протирал чашки полотенцем раза в два больше его самого. Он был как две капли воды похож

на всех остальных из своего племени – корявый пенек с руками-ветками, ростом едва мне по колено, – но вел себя более чем странно. Не улепetyивал при виде людей, не пытался спрятаться, а главное...

– Подходите, господа и дамы, и особенно дети. Совершенно без всякой платы – чашка лучшего чая, – вдруг проскрипел он.

На слух – как будто ветер качает старую деревянную дверь. Даже не знаю, что было более жутко: то, что он заговорил, или то, что он сказал «без всякой платы». Обмен – основа жизни в нашем королевстве, даже малые дети знают: нельзя никому давать свои игрушки или другое имущество, не попросив ничего взамен.

– ...А к чаю – пряники, орехи, засахаренные лимоны, – прибавил скрипpler, будто решил, что еще недостаточно произвел впечатление.

По толпе пронесся сдавленный, потрясенный стон.

* * *

Говорят, в старые времена, еще до потери Сердца, скриплеры держали по всему королевству чайные, где давали людям отдых и мудрые советы. Поверить в это трудно: всем моим современникам, а также их отцам, дедам и прадедам скриплеры известны как обычные домашние вредители, которые стараются не попадаться людям на глаза, – так, шуршат иногда на чердаке. Интерес у них один: хватать все, что плохо лежит, и утаскивать неизвестно куда, – конечно, не говоря при этом ни слова. Когда что-то пропадает или теряется, люди говорят, что это забрал скрипpler, и чаще всего так оно и есть. Сказки про добрых говорящих скриплеров, мастеров чаепитий, – это для детей. Ну, так я думал до того дня.

– Никто и не заметил, откуда его прилавок взялся! – дрожащим голосом сказал Седриг. – Задержите эту деревяшку побыстрей, и дело с концом!

– А что... – Голос у меня сел, и я прокашлялся. – Что пропало?

– Пока ничего, но...

– ...Прекрасное печенье, чай высшего сорта для всякого, кто пожелает, – невозмутимо проскрипел виновник всеобщего беспокойства.

– Раз он ничего не украл, я не могу его задержать, – заявил я, думая о том, как глупо буду выглядеть, если начну гоняться за скриплером по всей площади. И даже если поймаю – куда мне его деть?

– Да кому еще за порядком следить, как не посланникам? – возмутился Седриг. И он был прав: действительно некому. – А мы пока клетку для него найдем, сейчас, я быстро... – И он скрылся в толпе.

Я, если честно, понятия не имел, что делать, никаких инструкций на такой невиданный случай у меня не было.

– Господа, не толпитесь, – громко сказал я. – Здесь множество других развлечений.

Никто не двинулся, и я твердо прибавил:

– Тех, кто сейчас же не приступит к веселью, я задержу по подозрению в краже.

Люди заворчали, но тут же начали расходиться: у нас в королевстве нет ничего хуже, чем подозрение в воровстве. Через минуту этот угол площади опустел, и я остался один перед пугающе нарядным прилавком.

– Апельсиновый мармелад, желе из морошки совершенно без всякой платы, – сообщил скрипpler, в упор глядя на меня блестящими глазами, едва заметными среди складок коры.

Я глубоко вздохнул и подошел ближе.

– У вас есть разрешение на присутствие здесь? – наобум спросил я.

– С каких пор нужно разрешение, чтобы быть на ярмарке Зимнего дня? – спросил скрипpler, вытирая полотенцем тоненькую чашку.

Я с трудом оторвал от нее взгляд – вещь старинной работы, явно сделана еще до потери Сердца. Вот бы купить ее для короля...

– Людям – не нужно. А волшебным существам оно необходимо.

Это правило я выдумал на ходу: все волшебные существа, кроме скриплеров, уже давно-давно вымерли.

– Мой народ держал чайные испокон веков.

– Эти сведения ничем не подтверждаются.

– Вы всегда такой скучный или только в честь праздника, господин Прайд?

– Я просто слежу за порядком... Стойте, откуда вы знаете мое имя?

Скриплер сделал вид, что оттирает какие-то невидимые пятна на ободке чашки, и я навис над прилавком, как мне казалось, угрожающе. От резкого движения у меня из-под воротника выскользнул медальон, и, прежде чем я успел отшатнуться, скриплер коснулся его своим тонким пальцем-веткой.

– О, медальон-защитник. – Его скрипение стало мечтательным.

– Решите его стащить – будете в Цитадели еще до заката, – сердито ответил я, заталкивая медальон обратно под рубашку.

– Вы зря беспокоитесь. Мы никогда не берем то, что действительно нужно хозяевам.

– Ох, да что вы говорите. А все те старинные предметы, которые вы уже триста лет тащите по всему королевству, тоже никому не нужны?

– Несомненно. Я всегда думал: если люди останутся без творений предков, они быстрее поймут, как убога их нынешняя жизнь. И тогда страшнот смертельное оцепенение уныния, отправятся искать Сердце, вернут себе дары, и королевство начнет жить, а не трястись над старинными вещами. Жаль, что этого так и не случилось. Но то, что действительно нужно людям, мы не берем.

– Ну конечно.

– Ваш медальон никто из нас не взял бы. Эта вещь важна для вас не потому, что дорого стоит. Такие медальоны превращают вашу любовь к родичам в волшебство, которое их защищает, где бы вы ни были. Кстати, можно посмотреть портреты вашей семьи? А впрочем, там нет портретов. – Он бросил полотенце и, с кряхтением приподняв огромный чайник, налил в чашку заварки.

Я поежился. Откуда, Странника ради, этот деревянный воришка мог знать, что в медальоне?

– Вы положили туда по пряди волос жены и сына. Такая жалость, что люди разучились красиво рисовать. Один мастер древности даже мой портрет однажды сделал. Чаю, господин Прайд?

И скриплер невозмутимо подвинул ко мне чашку.

Мы постояли, глядя друг на друга. Лично я думал о том, почему эта работа сделала меня таким занудой. Раздавал бы скриплер свой чай с печеньем – кому он мешает? Мой сын, увидев такое, от счастья с ума сошел бы. Я тоже, будь я в его возрасте.

Но мне уже двадцать семь, так что я решил, что надо держаться твердо.

– Покажите мне разрешение или будьте добры уйти вместе с прилавком.

Я отлично знал: подобных разрешений вообще не существует.

– Ну, если вы настаиваете... Секундочку.

Скриплер вздохнул, прикрыл глаза и вытянул руку в сторону. Из-под прилавка тут же высунулась еще одна деревянная рука – очевидно, там прятался другой скриплер – и протянула первому мятый лист бумаги. Я заглянул под прилавок: никого, второй уже ускользнул в щель между корнями прилавка.

Скриплер как ни в чем не бывало подал мне лист, я развернул его и обомлел.

– «Подателю сего разрешается присутствовать на ярмарке Зимнего дня. Олдус Прайд». Это что, моя подпись? Подождите! Я помню, когда написал это! В прошлом году. Моему сыну. Он был еще слишком мал, чтобы идти на ярмарку, но так хотел, что я написал ему разрешение!

– Чтобы малыш с юных лет приучался к правилам и бумагам – он ведь, по вашему мнению, тоже обязан стать посланником.

– Я думал, эту записку давно выбросили.

Мне показалось, он усмехнулся, хотя вряд ли это можно утверждать о ком-то настолько деревянном.

– Я ведь говорил: мы собираем вещи, которые не нужны владельцам. Мы верим, что все однажды может пригодиться. Ну, теперь все в порядке?

Я украдкой обвел взглядом площадь. Люди покупали пироги, играли в снежки, бросали камни по мишеням, то и дело поглядывая в нашу сторону. Взгляды их ничего хорошего не предвещали: мрачные, подозрительные. Люди терпеть не могут все необычное, все, что нарушает их спокойствие, – этому каждого посланника учат сразу.

– Это разрешение не подойдет, – громко и сурово сказал я, так, чтобы вокруг услышали. – Нужно разрешение с большой королевской печатью.

– Сейчас что-нибудь подберем.

И скриплер невозмутимо полез под прилавок.

– Подождите! – сердито прошептал я. – Мне не нужно очередное ваше якобы разрешение! Мне нужно, чтобы вы убрались отсюда. Зачем вы вообще явились?

– Решил проверить, как поживают люди. Кажется, не очень хорошо. А почему вы не пьете чай?

– Уходите отсюда. Если не удастся посадить вас в клетку, они просто сожгут прилавок и, скорее всего, вместе с вами.

– Не сожгут, если вы скажете всем, что у меня вкусный чай и что я не хочу никому зла.

– И с чего вы взяли, что я это сделаю?

– С того, что вы сказали «они сожгут», а не «мы сожжем». Орехи в сахаре сегодня очень удались, попробуйте.

Хуже всего было не то, что я не знал, как прогнать странного говорящего скриплера с площади, а то, что я и не хотел. Слишком часто я в детстве представлял себя усталым путешественником-героем, который после всех подвигов остановится отдохнуть в чайной у скриплера.

А тот, кажется, это почувствовал и подошел ближе, переваливаясь на своих спутанных корнях. От него пахло теплым деревом, как в дровяном сарае летним днем.

– Люди после потери Сердца стали совсем не те, что раньше. Злые, сердитые. Держатся за свои порядки и свое добро. Мой народ уже триста лет боится близко к вам подходить – или пнут, или горячей головней бросят. Но знаете, почему я пришел?

Теперь он скрипел совсем тихо, и я нагнулся вперед, чтобы слышать. Медальон опять выскользнул из-под воротника и закачался в воздухе между нами, но на этот раз я не стал его убирать.

– Сегодня мы все проснулись и поняли: что-то надвигается. Мы это каждой веткой чувствуем. – Скриплер пошевелил одной из веток на голове. – Боюсь, людям скоро придет конец – те, кем они стали, не смогут спасти королевство. Я пришел попрощаться. Вспомнить, в какой дружбе были наши народы раньше, какие праздники устраивали. Так что давайте все начнем с чистого листа, – он потряс редкими листьями на голове, – и вместе вспомним старые добрые времена. В последний раз. Выпейте чаю, Олдус. Я же вижу, вам хочется.

– Умеете вы праздничное настроение создать, – пробормотал я и опрокинул чашку себе в рот. Наверное, это был лучший чай, какой я пробовал в своей жизни, но вкуса я так и не почувствовал. От слов скриплера у меня мурашки по спине поползли, и, чтобы успокоиться, я начал сбивчиво повторять Устав Посланников.

– Нам ничего не грозит. У нас нет врагов. Наши худшие враги – воры, а они все в Цитадели. Наша главная ценность – имущество предков, а оно в сохранности. Старинные предметы – ну, те, что вы не украли, – в королевской казне, а остальные скоро там будут. – Я крепче вцепился в сумку. – Так что не надо меня запугивать.

– Кстати, что у вас там? – Скриплер кивнул на сумку и долил чаю в мою опустевшую чашку. – Я чувствую старинные вещи. Неужели прямо тут и купили?

– А что вас удивляет?

– Мои скриплеры давно обыскали все в этой деревне. Тут не осталось ничего, сделанного мастерами древности.

– Ну, значит, на этот раз мы вас обставили.

Самодовольную улыбку я сдержать не смог. После потери Сердца уже триста лет за старинными предметами охотятся и посланники, и скриплеры. Как ни грустно признаться, в этом соревновании обычно выигрывают юркие пни, которые могут пролезть в любую щель.

– Нас всегда вызывают из столицы, когда умирают старики, – продолжил я (гордость не давала мне промолчать). – Мы осматриваем предметы в их доме и, если среди них есть старинные, честно платим за них наследникам. В этой деревне скончалась старушка, и у нее на чердаке я сегодня нашел вот это.

Я оглядел площадь – все косились на нас, каждый из своего угла. Ну и пусть. Я постарался встать так, чтобы загородить прилавок от любопытных взглядов, и вытащил из сумки два деревянных ящика: один большой, другой маленький. Увидев их, скриплер подавился воздухом.

– Вот этот стоил мне довольно дорого. Смотрите, в каком хорошем состоянии. – Я погладил по крышке большой черный ящик с резьбой в виде волчьих морд. Даже после стольких лет на своей работе я не мог понять, как предкам удавалось делать вещи такой красоты. – Правда, какой-то умник набил его булыжниками, и теперь они застряли и не вынимаются. Пришлось тащить ящик вместе с ними.

Я откинул крышку. Внутри лежало шесть камней: все одинаковые, круглые и серые, размером почти с кулак. Скриплер не то крикнул, не то свистнул – словом, издал какой-то совершенно не деревянный звук, – и я, довольный тем, какое впечатление произвел, провел рукой по крышке второго ящика. Тот был маленький, из светлого полированного дерева – легко уместился бы в кармане.

– Этот подешевле, потому что не открывается, замок заело, но тоже явно старинной работы. Думаю, предки складывали в него леденцы, или табак, или что-то вроде того. Неплохой улов, а?

Скриплер смотрел то на меня, то на ящики – он выглядел настолько потрясенным, что моя самодовольная улыбка стала еще шире.

– «И прежде чем навеки закрыть глаза, Великий Сивард сказал: “Однажды эта игра продолжится”», – прокрипел он так сдавленно, что я еле разобрал.

– Ну да, так кончается сказка про Сердце волшебства. При чем тут это?

Вместо ответа он достал из-под прилавка еще одну чашку, налил чаю, залпом выпил и наполнил снова. Ветки, которыми он вцепился в чашку, подрагивали.

– Шкатулка секретов принадлежала Сиварду. А темный ларец с огненными камнями – его заклятому врагу, разрушителю, – неразборчиво прокрипел он.

– Сивард – самый знаменитый из героев прошлого. Все, что ему принадлежало, стоит таких денег, что вряд ли валялось бы на чердаке у старушки. А после разрушителя и вообще не осталось вещей – я бы знал.

– В этой деревне не было старинных предметов, мы проверяли. – Взгляд скриплера как-то просветлел, будто он окончательно проснулся. – И если они там вдруг появились, кто-то хотел, чтобы вы их нашли. М-да, кажется, я ошибся: ваш народ рановато хоронить. Игра продолжается. Знаете, что такое шахматы, господин Прайд?

– Какая-то игра предков, видел однажды в королевской казне. При чем тут это?

– Эта игра показывает, как работает любое сказочное приключение. Суть вот в чем: есть фигурки двух цветов – черные и белые. Среди них есть черный король и белый король, и сами они почти ничего не могут. Для того чтобы за них сражаться, есть другая фигура: ферзь, всемогущий воин. Вот такой. – Он вытянул ветку в сторону, пошевелил пальцами в воздухе, и второй скриплер, который, очевидно, по-прежнему был где-то под прилавком, вложил в нее деревянную фигурку, выкрашенную в черный цвет, а потом вторую – такую же, но из светлого дерева.

– Да сколько ж сокровищ вы прикарманили... – застонал я.

Скриплер строго посмотрел на меня:

– Не отвлекайтесь. В нашей игре белый король – это Барс, величайший из волшебников, добрый покровитель нашего королевства, а черный – это Освальд.

– Освальд? Легендарный король, который загадал желание стать бессмертным и этим угробил Сердце волшебства? – Я сухо рассмеялся. – С тех пор уже триста лет прошло.

– Их ферзями, великими воинами, были Сивард и разрушитель. В битве за Сердце они оба, как вы знаете, погибли. – Скриплер сбросил обе фигурки под прилавок, и я с тоской проводил их взглядом. – По легенде, однажды на свет появятся их наследники, новые ферзи, черный и белый.

– А при чем тут ящики?

– Огненные камни – легендарное оружие разрушителя. А в шкатулку секретов Сивард спрятал кое-что для своего наследника. Эти предметы даже мы, скриплеры, триста лет считали потерянными, а теперь они вдруг нашлись. Уже догадались, что это значит?

– Хотите сказать, что новые ферзи уже появились и скоро сразятся за Сердце волшебства? – Это было просто безумие, я хотел даже рассмеяться, но ничего не вышло. – Но я ведь... я не один из них, нет?

– Нет конечно. В игре есть фигуры поменьше и послабее. Вы, пожалуй, ладья. – Скриплер выставил на прилавок пузатую фигурку из светлого дерева, похожую на башню.

– Уф, ну спасибо.

– А сейчас вы отдадите мне шкатулку секретов, и я в нужный час передам ее наследнику Сиварда. Открыть ее вы все равно не сможете, – будничным тоном прибавил скриплер и протянул ветку ко мне.

И вот тут я наконец рассмеялся.

– Шутите? Конечно я вам ее не отдам. Посланники и скриплеры – худшие враги, вы вечно уводите вещи у нас из-под носа! И вообще, я уже составил опись предметов, которые купил в этой поездке.

– Вы ее исправите.

– Знаете что? Король назначил меня главой отряда посланников, хотя все они старше меня. А все потому, что я умею находить предметы и не выпускать их из рук.

Скриплер вдруг улыбнулся – деревянные углы рта потянулись в стороны.

– Можно, я расскажу вам историю? Про мальчика, который так верил в сказку про Сердце волшебства, что сделал себе деревянный меч – довольно неаккуратно, но уж как мог, – и заявил родителям, что идет искать Сердце и не остановится, пока не найдет и не вернет людям дары. А родители посмеялись над ним и сказали мальчику, что если он будет и дальше мечтать о несбыточном, то никогда не будет зарабатывать много денег. И он вырос, и стал хорошим посланником, который круглый год ездит по королевству и покупает старинные предметы для короля, почти не видя жену и сына. Но зато ему платят десять золотых в месяц и разрешают, как всякому посланнику, иметь одну старинную вещь. – Он постучал веткой по моему медальону. – Когда он последний раз был дома, его сын сказал, что хочет стать как Сивард, найти Сердце

и вернуть людям дары. А наш герой ответил ему, что, если он и дальше будет верить в невозможное, никогда не вырастет уважаемым человеком.

– Откуда вы все это знаете? – выдавил я.

– Думаете, скриплеры просто копошатся на ваших чердаках и тащат старые носки и корзины? Мы слышим все, что вы делаете. А теперь отдайте мне шкатулку – поверьте, Освальд сделает все, чтобы она не досталась тому, кому предназначена, а я сохраню ее в целости.

– Никто никому ничего не отдает просто так. – Я был так растерян, что перестал сохранять на лице суровое выражение. – Может, купите?

– Раньше, до потери Сердца, люди часто давали друг другу вещи просто так – это называлось подарком. Почему бы не возродить традицию прямо сегодня?

Скриплер ждал, вытянув ко мне ветку, и что-то такое было в его взгляде, что я как будто на секунду стал тем, кем воображал себя двадцать лет назад, – усталым путником, которого скриплер приветствует в чайной перед новыми опасными приключениями.

И я медленно поставил шкатулку из светлого дерева перед ним. Скриплер улыбнулся, подтянул ее к себе. Через секунду она исчезла под прилавком, а я словно очнулся. Осознание того, что я только что сделал, рухнуло на меня, как груда камней.

– А теперь уходите, – пробормотал я. – И прилавок заберите.

– Ну-ну, Олдус, что вы. Не волнуйтесь так. Выпейте еще чаю. Поздравляю вас.

– И вас, – мрачно сказал я, отхлебнув из чашки. Даже если я прямо сейчас переверну прилавок, наверняка пособие скриплера уже утащил шкатулку. Какой же я болван. Если шкатулка и правда принадлежала Сиварду – ей цены нет.

– Я имел в виду не Зимний день. Вы добровольно расстались со своей вещью, в наших чайных путники так и поступали, но сейчас эта традиция, увы, утеряна. По традиции скриплеров за свой подарок вы получите один мудрый совет. А он вам пригодится – вы ведь отправляетесь потом в Хейверхилл, верно?

Я захлопал глазами. Откуда он мог знать?

– В Хейверхилле хранится секрет, – важно сказал скриплер. – А точнее, два. Жители дорого дали бы за то, чтобы никто не узнал про один из них, а про второй они и сами не знают. И вот мой совет: когда окажетесь там, внимательно смотрите по сторонам и крепче держите ларец с камнями. Я бы и его забрал, да не могу – это темное волшебство, мы не можем прикасаться к таким предметам. Освальд жаждет заполучить эти камни и натворить бед. То, что люди не слышали о нем триста лет, не значит, что он вдруг перестал быть бессмертным. Освальд никуда не исчез, он гораздо ближе, чем вы думаете. И жаждет того же, что и раньше: уничтожить Сердце раз и навсегда.

Он так это сказал, что у меня мороз по коже прошел.

– И еще кое-что, – прибавил скриплер. – Вам ведь было приятно отдать мне шкатулку, верно?

Я заносчиво фыркнул – это было глупо, но в тот момент, когда я подвинул шкатулку к нему, я и правда почувствовал себя счастливым.

– До потери Сердца ваши предки говаривали: «Пусть озаряют звезды путь дарителей». Это значит: если отдаешь что-то от всего сердца, ты создаешь особый вид волшебства. И оно всегда возвращается к тому, кто сделал доброе дело. Не забывайте об этом, Олдус, кого бы ни встретили в Хейверхилле.

– Так что у них хранится? – Я отодвинул чашку. – Если бы что-то ценное, они бы давно уже это продали. Какой-то могущественный предмет-помощник?

– О нет. Это не вещь. – Голос его душераздирающе закрипел.

Я подождал еще, но продолжения не последовало. Скриплер смотрел в другую сторону, и я обернулся.

Трое детей тянули родителей в сторону прилавка, а те за руки тянули их назад.

– Мам, ну можно, пожалуйста? Он же живой, как в сказках!

– Вкуснейший чай, детки! Господин посланник подтвердит! – Скриплер посмотрел на меня, и я уныло кивнул.

После того что я только что сделал, прилавок скриплеров уже не казался мне чем-то из ряда вон выходящим.

И дети с радостным визгом бросились к скриплеру. Родители с опаской пошли за ними, а скриплер ловко вытащил из-под прилавка сразу пять чашек с блюдами. Глаза у него блестели.

– А теперь, детки, скажите: почему, вы думаете, прилавок такой большой? – весело спросил скриплер. И сам же ответил: – Чтобы на нем можно было сидеть! Залезайте! – И дети с радостным визгом полезли по сплетенным веткам наверх.

– Нельзя сидеть на столе! – возмутился их отец.

– Сегодня праздник, пусть развлекутся, – отмахнулся я.

Тот посмотрел на меня круглыми глазами и неуверенно кивнул. И тут, расталкивая людей, которые опять начали собираться вокруг прилавка, к нам пробился хозяин гостиницы.

– Нашел! Вот. – Он торжественно поставил передо мной клетку.

– Не нужно, я все проверил. У него есть разрешение на установку прилавка.

– Какое такое разрешение?

– Официально заверенное и подписанное представителем королевской власти, – хмуро сказал я, и хозяин гостиницы сник. Я в последний раз бросил взгляд на прилавок – скриплера уже облепили дети, и он ловко крутился во все стороны, разливая чай и протягивая им печенье.

– Если мы еще встретимся, как я вас узнаю? – крикнул я.

Скриплер взглянул на меня, и я вдруг понял: он стал выглядеть моложе, даже листьев на голове как будто прибавилось.

– Меня зовут Пал. Любой скриплер вам скажет, как меня найти.

И я улыбнулся. На душе у меня стало так легко, словно я правда ему поверил: рано унывать, скоро придет наследник Великого Сиварда и спасет нас всех.

«Давно пора», – подумал я, оглядывая убогую, старую площадь, и пошел в гостиницу, держа Седрига под локоть.

– Завтра утром еду в Хейверхилл. Знаете, как туда добраться?

– В Хейверхилл? – Седриг закашлялся. – А зачем вам туда?

– Увидел на одной старой карте это название. Я даже не думал, что кто-то живет так высоко в горах. Наверняка у них уже лет сто проверки не проводили – вдруг там завалялось что-нибудь интересное. А что?

– Да ничего. Это часа три пешком в горы, повозок свободных у меня сейчас нет. И вообще, ничего вы в такой глуши не купите.

И мне вдруг почудилось: он не хочет, чтобы я туда отправился.

– Оттуда они нечасто спускаются, мы к ним тоже не ходим, – с нажимом продолжал Седриг. – Зачем вам туда идти прямо в Зимний день? Оставайтесь лучше у нас на праздник. У нас тут вон какая невидаль – разрешенный заверенный скриплер.

Но я только покачал головой. Жажда деятельности кипела во мне, как вода в чайнике скриплера Пала.

– Я выйду на рассвете, – важно сказал я и, оставив растерянного Седрига посреди улицы, отправился к себе.

В своей комнате, скрипучей и промерзшей насквозь, я рухнул на кровать и проспал до рассвета, на этот раз никем не потревоженный. Когда первый луч бледного зимнего солнца глянул в окно, я оделся и спустился вниз.

Внизу было холодно и очень тихо, у потухшего камина спал большой серый кот. Я хотел было позвать хозяина, но тут входная дверь распахнулась рывком, так что холодный ветер взметнул в камине пепел и осыпал им кота. Тот недовольно мяукнул и заснул опять.

На пороге стоял румяный, толстощекий человек в расстегнутом полушубке, как будто ему было жарко даже на таком морозе.

– Поздравляю с Зимним днем! – Он приветственно раскинул руки. – Я Йенс Кэмпбелл, пекарь, старейшина Хейверхилла. Мне про вас Седриг рассказал. Говорит, вы к нам сегодня собирались.

Он кивнул на дверь в соседнюю комнату: оттуда доносился мощный храп хозяина гостиницы, которого мои приготовления к отъезду, кажется, ничуть не потревожили.

– А мне Седриг говорил, вы не спускаетесь к ним в деревню, – подозрительно начал я. – С чего сам господин старейшина решил меня проводить?

Йенс расплылся в улыбке:

– Решил: дай, думаю, посмотрю, как в Барнаби гуляют!

– В пять часов утра?

– Да, что-то я рано. А тут вы. Вот это везение – прямо на праздник господин посланник к нам едет! На нашу ярмарку Зимнего дня решили посмотреть?

Я молча вышел за дверь, и он тут же бросился за мной.

– Хорошо, что вы нас посетите! Местечко у нас отличное, хоть и дальше! – зачастил он, беспокойно поглядывая на мой мундир. – Вы, к примеру, знаете, в какой деревне до сих пор умеют соболиные полушубки шить?

– Э... в Хейверхилле? – предположил я.

– Так и знал, что вы про это слышали! Ярмарка у нас небогатая, но для такой скромной деревеньки неплохая! Расстарались мы в этом году, увидите!

– Скажите, а вам знакомо вот это? – Я остановился и вынул из сумки ларец с булыжниками: вдруг этот пекарь что-то про них знает?

– Камешки какие-то. Не знаю. А чего это?

Лицо у него было простодушное, и я сразу понял, что о камнях он и правда ничего не знает, и с сожалением убрал их в сумку.

– Деревня у нас отличная, – опять затянул Йенс. – Уж такое мирное местечко! Хорошо, что решили к нам заглянуть!

И ярмарка у нас будет просто...

Я вздохнул и перестал слушать.

Было прекрасное тихое утро, снег хрустел под ногами. Йенс рассказывал, какие пироги будут у них на ярмарке и какие развлечения. Лицо у него было безмятежное, румяное, и я подумал: а что, если скриплер решил меня разыграть, обманом выманил шкатулку, и в Хейверхилле ничего странного не будет? Я едва не спал на ходу, убаюканный рассказом Йенса. Самому расспрашивать было рано: если они и правда хранили что-то незаконное, сначала надо осмотреться.

Дома попадались все реже, дорога упрямо карабкалась вверх между двух заснеженных склонов.

– ...У нас там тихо, спокойно. Скучновато, я бы сказал. Такая же деревня, как любая другая, совершенно...

Йенс вдруг насторожился, оборвав себя на полуслове. Я тоже наконец очнулся и заметил: сзади доносится какой-то странный шум, что-то похожее на веселый скрежет. Кто-то нагонял нас, и я замедлил шаг. До этого я слышал такой звук всего однажды, в детстве, но сразу узнал. Губная гармошка – редкий, ценный предмет. Откуда, Странника ради, она могла взяться в такой глуши?

– И кого сюда несет? – со свирепостью, неожиданной для такого радушного человека, пробормотал Йенс и сжал рукоятку ножа, висевшего у него на поясе.

Вскоре из-за поворота выехала скособоченная, запряженная хилой лошадкой повозка. Правил ею некто в истертой куртке с капюшоном. Увидев нас вдалеке, он молниеносным движением оторвал гармошку от губ и спрятал в карман.

– Доброго утречка, господа. – Поравнявшись с нами, он придержал лошадь. – Вам повезло, что в этот славный Зимний день великолепный фокусник решил удостоить визитом именно вашу деревню.

Голос был совсем молодой, лица я почти не видел, но в голове у меня сразу вспыхнуло кое-какое подозрение. Парень сидел, свесив ноги с повозки, но левую держал как-то странно, будто не мог распрямить ее до конца.

– Езжай своей дорогой, оборванец, – грубо сказал Йенс. При виде повозки его дружелюбие растаяло, как масло на солнце.

Я его понимал: тех, у кого мало имущества, нигде не жаловали, а судя по потрепанному виду повозки, лошади и одежде владельца, с имуществом дела у него обстояли так себе. Мои подозрения крепились с каждой минутой.

– Хейверхилл – это ведь сюда? Поеду с вами, в компании всегда веселее.

– Хорошая идея, – быстро сказал я. – Не подвезете меня заодно? Ноги устали.

Пекарь что-то возмущенно забормотал себе под нос. Даже приближаться к беднякам было плохой приметой – можно заразиться их неудачей, – но мне надо было проверить свою догадку.

– Садитесь, если не шутите. – Человек в капюшоне подвинулся, и я залез на хлипкую телегу – та скрипнула и просела.

В столице мы до сих пор берегли крепкие, добротные повозки, изготовленные предками, но эту явно сделали недавно, то есть была она полным хламом.

Я удобно устроился на козлах и, сделав вид, что мне жарко, расстегнул полушубок. Увидев мундир посланника, возница вздрогнул и как-то скособочился, пряча лицо. Но было поздно, я его уже узнал и, пока он не опомнился, дернул руку вперед и стянул с него капюшон. Ярко-рыжие волосы сверкнули под блеклым солнцем.

– Так и есть. Хромой воришка, – тихо сказал я, глядя на пекаря.

Тот шагал в нескольких шагах от повозки, старательно показывая, как он возмущен тем, что я, приличный на вид человек, сел рядом с таким бедняком.

– О, так вот вы как меня называли, – фальшиво бодрым голосом пробормотал рыжий парень. – А я надеялся – может, ловкий сокол, или мастер побегов, или вроде того.

– Я помню твое дело, – спокойно сказал я. – Пятеро молодых людей пытались украсть старинную кружку, вас застали, пособники тебя бросили, потому что ты хромой и не можешь быстро бегать. Тебя приговорили к пяти годам в Цитадели, ты просидел там год, а пару месяцев назад сбежал.

Рыжий парень еле слышно застонал.

– Слушайте, я исправился, честно. Я ничего не краду – год в Цитадели как-то отбил охоту. Я умею показывать фокусы. Езжу по дальним деревням, зарабатываю, не высовываюсь. Кто ж знал, что посланника понесет в такую глушь? Вечно мне везет как утопленнику.

– Я по пальцам могу пересчитать всех, кому удавалось сбежать из Цитадели, и все они – птицы куда покрупнее тебя. Seriously, как ты это сделал? С твоей-то... ногой.

– Ну, если я вам скажу, как я смогу опять провернуть этот трюк, когда туда вернусь? – Рыжий положил поводья на колени и, сведя запястья, протянул руки в мою сторону. – Давайте уже, не тяните. Я знаю правила. Вы меня задержали, отвезете назад и получите за это что-нибудь. Что там получают посланники за поимку беглецов?

– Тебе сколько, шестнадцать? Родители где?

Он в ответ только пожал плечами, и я продолжил:

– Зачем ты вообще украл ту кружку? У нас в королевстве надо быть безумным, чтобы взять чужую вещь.

Он снова дернул плечом.

– Слушайте, с каких пор посланники беседуют с арестованными? Наручники у вас в левом кармане, надевайте уж побыстрее.

Еще пару дней назад я бы так и поступил, но странная радость от вчерашнего разговора со скриплером все еще никуда не делась и сейчас так и подбивала меня сделать глупость.

– Поводья возьми, твоя лошадь в сугроб уже заворачивает, – сказал я.

Парень посмотрел на меня так, будто у меня выросла вторая голова, но послушался.

– Законы нашего королевства против воров разумны, – негромко сказал я, потягиваясь. – У нас слишком мало имущества, чтобы спускать такое. Но я считаю, что пяти лет многовато за кражу кружки. Думаю, для воспитания юных умов вроде тебя года вполне достаточно.

Он вытаращил глаза:

– Вы точно посланник?

– Я работаю в отделе поиска предметов, а не в отделе наказаний. Но имей в виду: узнаю, что ты кого-нибудь обокрал, передумаю. – Я развернулся и приподнял ткань на повозке. Кроме старого одеяла, ведра воды и охапки соломы, там ничего не было, и я удовлетворенно кивнул. – Кстати, насчет краденого – на чем ты играл, когда ехал сюда?

– Ни на чем, – быстро ответил он, по-прежнему глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Ага, конечно. Давай сюда. – Я вытянул ладонь, и он, глубоко вздохнув, положил на нее губную гармошку. Я бережно повертел ее в руках. – Ее ты явно украл, – пробормотал я. – Такие редкие предметы даже мне нечасто удается достать.

– Не украл. Она моя, – запальчиво сказал он, и что-то такое было в его голосе, что я почему-то сразу ему поверил. – Всегда в нашей семье по наследству передавалась. Я ее спрятал, прежде чем в ту кражу ввязаться.

– Продай ее мне. Заплачу два золотых, цена хорошая.

– Я бы скорее бабушку продал, чем ее. Но бабушки у меня нет, так что можете за нее не беспокоиться, и... – Парень оборвал себя на полуслове, и глаза у него будто потемнели. – А, я понял. За свободу же надо чем-то расплатиться.

– У каждого есть предметы, которые не продают. – Я потерял свой медальон, а потом протянул рыжему гармошку.

Тот недоверчиво посмотрел на меня и вдруг фыркнул и улыбнулся. Улыбка у него была на редкость хорошая, она будто заново перерисовывала его бесцветное, худое лицо.

– Вот это денек, – тихо сказал он.

– У вас все в порядке? – неожиданно подал голос пекарь, по-прежнему держась на расстоянии. – Держите карманы крепче, господин посланник, такой оборванец может и вором оказаться.

– Полный порядок, господин старейшина, – жизнерадостно сказал рыжий, пряча гармошку.

– Откуда знаешь, что я старейшина? – подозрительно спросил Йенс.

– Сразу видно! Внушительность, величие, царственная фигура, мощный голос.

Я был уверен, что такой грубой лестью никого не купишь, но Йенс приосанился и гордо выпятил подбородок.

– Устрою в вашей деревне просто грандиозное представление, многоуважаемый господин старейшина. Могу ли я за него рассчитывать на три медяка?

– Посмотрим, – важно сказал пекарь. – Если хорошо нас развлечешь, получишь что-нибудь. Хотя с такого, как ты, довольно и двух. Господин посланник, может, слезете оттуда? Я бы вам про нашу деревню еще порассказал.

– Если хотите, я подвинусь, вы тоже сядете, место есть, – с готовностью сказал рыжий. Йенс гневно отвернулся и зашагал быстрее.

– Откуда знаешь, что я уже устал его слушать? – весело пробормотал я.

– Если б я не видел дальше собственного носа, сидел бы еще в Цитадели, – фыркнул он. –

Желаете послушать музыку?

– Не возражаю, – кивнул я. – Хотя, думаю, мастера древности играли получше.

– Это уж само собой. Но мастеров нет и уже не будет, а плохо – всегда лучше, чем никак.

Думаю, об этом же думал тот, кто сделал эту телегу, – сказал он, пнув свое душераздирающе скрипящее средство передвижения, и вытащил из кармана гармошку.

* * *

Мы ехали уже долго, а вокруг ничего не менялось. Вдоль дороги не попадалось ни единого дома, только сосны да ели, крепко одетые инеем. Я понял, что Хейверхилл уже близко, когда в небе начали загораться разноцветные огни – их запускают в Зимний день в каждом городе и деревне, от Лютого Севера до Персикового Юга. Запасы этих огней и трубки для их запуска – единственное, что после предков осталось в изобилии. Запасов было столько, что в каждом городе и деревне до сих пор в Зимний день могли запускать огни. Для многих это были самые счастливые минуты. Люди собирались и, затаив дыхание, смотрели, как взмывают в небо огни, – самая яркая и красивая вещь, какую они увидят за год.

Огни вспыхивали в низком небе и тут же таяли, как сахар в горячей воде, скрипела телега, звенела гармошка, лошадиные копыта с хрустом вдавливались в снег, и почему-то настроение у меня было просто отличное.

А затем – алые огни как раз сменились зелеными – я заметил кое-что странное. Вдоль одной стороны дороги – той, что шла почти отвесно вверх, в гору, – на стволах всех деревьев была выжженная полоса, будто кто-то провел факелом на одной высоте, на уровне моего плеча.

– Что это такое? – поинтересовался я.

– А? – вскинулся Йенс. – Где? Метки? Да это пожар лесной у нас был.

– Какой-то странный пожар.

Йенс дернул плечами, беспокойно поглядывая на гору. Я посмотрел туда же и увидел: высоко на склоне среди деревьев пробирались люди в белых охотничьих полушубках, человек десять. Один из них замахал Йенсу рукой. Тот сделал вид, что не заметил.

– Никто и никогда не охотится в Зимний день, – насторожился я. – Что они там делают?

– Да я не знаю, кто это.

– Они вам помахали.

– А, ну, значит, наши парни из деревни решили пойти ловушки проверить. А может, и дичь подстрелить. Там уже, наверное, ярмарка началась, – изо всех пытаюсь казаться спокойным, выдавил Йенс.

Но я видел, как он напуган: от его самоуверенности не осталось и следа. Он больше не снимал руку с ножа.

Мы шли все дальше, я тревожно вглядывался в лес. Вокруг было тихо и пусто, снег искрился, как глазурь на торте. Потом вдалеке я заметил неясное движение. Кто-то вскрикнул. В этом лесу явно что-то творилось. Я сделал рыжему знак придержать лошадь, спрыгнул с повозки, нагнал Йенса и схватил его за рукав. А вдруг скриплер меня все же не обманул?

– Если вы сейчас же не скажете мне, в чем дело и почему кто-то охотится здесь в праздник, я вызову других посланников. И отдел поиска, и отдел наказаний. И все вместе мы выясним правду. Как вам такой план?

Йенс задышал тяжело, как бык, и я выложил лучшую свою карту.

– До меня дошли слухи, что вы здесь кое-что скрываете. Уверен, вам не хочется, чтобы об этом узнал отдел наказаний.

Или нет?

– Это Седриг проговорился, да? – сдавленно забормotal Йенс. – Старый пень! Так и знал, что нельзя ему рассказывать! Мы ни в чем не виноваты, у нас хорошая деревня! Я потому вас и провожаю, из Барнаби по-другому не добраться. Седриг мне ночью послал с птицей весть, что вы к нам идете. Сегодня день охоты, и я боялся: вдруг кто-нибудь из наших в вас попадет или этот нелюдь сам на вас бросится, вот и решил проводить, чтобы...

– Нелюдь? – переспросил я.

Йенс тревожно оглянулся на застывший лес.

– Нам пора, господин Прайд. Seriously пора. Давайте мы лучше у меня дома поговорим, я на стол соберу, обед хороший устрою, а заодно мы...

– Слушайте, Йенс, – я положил руку ему на плечо, хотел, чтобы получилось дружелюбно, но сжал с такой силой, что он поморщился, – пока не объясните, я с места не сдвинуся.

– Помните сказку про Великого Сиварда и Сердце волшебства? – выпалил Йенс, и у меня по спине пополз холодок. – Помните, у Сиварда был враг, разрушитель? А что он делать мог, помните?

– У него был дар уничтожать все, к чему он прикоснется, – медленно начал я.

– В этом лесу живут парнишка и его отец, – будто через силу выталкивая слова, сказал Йенс. – И у парня – дар. Странником клянусь, такой же, как у разрушителя.

Я замер, приоткрыв рот.

– Но этого не может быть, – упрямо пробормotal я. Одно дело – слушать болтовню скриплера на ярмарке, а другое – действительно в нее поверить. – После потери Сердца даров не бывает. И даже если бы в королевстве родился кто-то с даром, особенно таким, его держали бы под строгим присмотром. Как такое возможно, чтобы...

– Да мы договорились! – Йенс повысил голос и сбивчиво, перепуганно зачастил: – Отец у него обычный, просто охотник. Они не здешние, пришли лет десять назад, поселились высоко в горах. Это парень оставил метки на деревьях, чтобы мы в их охотничьи угодья не ходили. Мы тут не охотимся и вообще ни ногой, но вдруг дети случайно забредут?

– Я ничего не понимаю, – честно сказал я. Мы так и стояли посреди дороги. Рыжий парень опустил поводья и молча переводил взгляд с меня на Йенса и обратно. Судя по лицу, он не верил в этой истории ни единому слову. – Успокойтесь и говорите медленно, ладно?

Йенс со стоном выдохнул.

– Первые пару лет, как они пришли, вообще тише воды были, только отец спускался иногда в деревню дичь продать, а ребенка мы и не видели ни разу. А потом, лет пять назад, голодная зима была, долгая, страшная, вся дичь ушла, и мальчишка залез к одному нашему крестьянину украсть овцу. – Йенс говорил все быстрее, захлебываясь словами. – Подошел к ней, руку протянул, вот так, только пальцем ее тронул, а она тут же замертво и упала. Да только крестьянин это увидел, шум поднял. А когда на овцу глянули, на ней след жженный остался, там, где он прикоснулся. Все сразу вспомнили – в сказке разрушитель то же самое делал, только тот-то еще людей вот так убивал, тронет – и все. Мы тогда сгоряча сами чуть мальчишку не порешили.

Я недоверчиво фыркнул, хотя на самом деле мне было так жутко, что чуть волосы не шевелились.

– Но если это правда, почему вы не вызвали посланников?

– Да мы хотели, и тут отец мальчишки пришел. И нас уговорил: дескать, его сын тихий, больше никого не тронет, а если еще раз сбежит, тогда делайте что хотите. Вы бы видели его отца – мрачный тип, и взгляд у него... спорить не захочешь. Ну, мы и договорились: пусть в лесу живут, они нам каждый месяц приносят дичь и шкуры, а мы за это помалкиваем. У

нас редко кто бывает. Мы не ходим на их землю, вон парень подпалины на деревьях оставил, чтобы показать границу, и за нее не выходит, даже когда его загоняют. Понимаете, они шкуры уж очень хорошие достают, дельных охотников уже давно не сыскать, а эти...

– Подождите, – перебил я, вытирая лоб. – Кто кого загоняет? Вы сказали, что не ходите туда. Тогда почему сейчас в лесу столько ваших людей? Никто и никогда не охотится в Зимний день.

Йенс насупился и почесал шею. Он был красный как рак.

– Тогда, пять лет назад, в деревне большая ссора вышла. Многие говорили, что надо вызвать посланников и дело с концом, пусть его в Цитадель посадят, у других и вообще руки чесались самим от него избавиться. И тогда папаша парнишки одно условие предложил. Сказал, что мы можем раз в год на парня охоту устраивать. Если наши смогут его убить, отец нам мстить не будет, но если не смогут, мы весь оставшийся год его не трогаем и посланникам не заявляем. Заодно и наши парни тренируются, ну, как в сказках на чудовищ охотились. Молодые они, охота героями себя почувствовать, а где им еще удаль показать? Мы и согласились. Это его отец нас заставил, ясно? Лично я всегда, всегда был за то, чтобы от парня просто избавились, я верный слуга короля! – Он перевел дыхание. – Охота каждый год в разный день, мы случайно выбираем, чтобы парень с отцом подготовиться не успели, просто тыкаем в календарь вслепую, а на этот раз случайно в Зимний день попали.

– И сейчас они пытаются его поймать, – пробормотал я. В это было невозможно поверить, но страх на румянном простом лице Йенса был так отчетливо виден, что невольно передался и мне. – Ваши охотники что, стреляют в человека?

– Да это уже пятая охота, а пока живой. Да он, наверное, вроде как и не человек, раз не такой, как все, верно? Так, задели его пару раз, но чтобы насмерть – не было такого! – залепетал Йенс. – Он быстрый, как белка, от стрел уворачивается, лес хорошо знает. И зачем он вам сдался? Пойдемте отсюда, ярмарка уже точно началась, и мы...

– Забудьте про ярмарку. Нужно поймать его и отвезти во дворец. Если вы говорите правду, человек с подобным даром не может разгуливать на свободе. Его нужно держать в особом месте, где он не причинит никому вреда, и мне очень нужно, чтобы вы мне... – но договорить я не успел.

Кто-то бесшумно выскочил на дорогу прямо перед нами.

* * *

Меня зовут Олдус Прайд. Запомните мое имя, вы его еще услышите: говорю без ложной скромности. Но эта история не обо мне.

Она о том, кто совершил нечто удивительное, и, как всегда бывает в таких случаях, всякий пересказывает историю по-своему. Каких только выдумок мне не приходилось слышать! Но я передам вам чистую правду: то, что поведал мне он сам.

Тем зимним утром я встретил его в первый раз, и с этого, собственно, все и началось.

Глава 1

Охота на охотника

Кабан шумно несся вперед, ломая кусты, проваливаясь в снег, – три стрелы торчали у него в боку, и что толку? Для такого матерого зверя – просто царапины. Чтобы добить, надо попасть в ухо, а для этого надо подобраться ближе, и Генри уже рассчитал, как это сделать, когда его план с треском разбился об одну простую истину: никогда не знаешь, что взбредет в разгоряченную погоней кабанью башку. Зверь, видимо, решил, что бегать ему надоело и пора в честном бою разобраться, кто сильнее. Он резко развернулся и бросился Генри навстречу.

– Ну, блеск, – выдохнул Генри.

Стрелять? Не успеет. Лезть на дерево? Не успеет. Он расправил плечи, поймал злобный взгляд кабана – и стянул перчатки. В голове стало пусто и ясно: звенящая, яркая тишина. Он рванулся в сторону, перекатился по снегу, а кабан с ревом проскочил на пару шагов дальше, и прежде чем зверь успел развернуться, Генри прыгнул ему на спину.

В воздухе запахло паленым, кабан хрюкнул и повалился на бок – Генри едва успел откатиться, чтобы сотня килограммов мяса не рухнула на него сверху.

– Слишком легко, – пробормотал он, натягивая перчатки. Руки тряслись. Когда ему стало лучше, он засвистел уверенно, громко, чтобы услышал отец.

Через четверть часа отец спустился со склона и посмотрел на кабана.

– Неплохо, да? – хмыкнул Генри. Он сосредоточенно рассматривал подпалину на шее зверя – слишком крепко схватил, испортил шкуру.

– Вот это – неплохо? – угрюмо переспросил отец. – Полтора часа, Генри, ты угробил на погоню за этой свиньей.

– На превосходную, успешную погоню, пап. – Генри вытащил веревку и начал связывать кабану ноги.

– Да неужели? Может, мне еще сказать, какой ты молодец?

– Что такое «молодец»? – нахмурился Генри. Отец часто говорил слова, которых он не знал, – раньше отец жил в мире людей, а у них много непонятных слов.

– Дурацкое слово, которым люди расхваливают друг друга за сделанную работу. А теперь слушай меня. – Отец отрубил от ближайшего куста толстую, длинную ветку и бросил ему. – Медленная, неуклюжая победа – это почти поражение.

– Пап, это же четырехлеток! У него шкура толстая. Да никто из этих деревенских охотников близко бы к такому не подошел!

– О, я даже не сомневаюсь. – По голосу отца Генри сразу понял: сейчас будет нравоучение. – За тобой посылают самых слабых, Генри, чтобы они хоть чему-то научились. Но однажды ты встретишь других людей – опасных, умелых, – и как ты думаешь, чего они захотят? Подружиться с тобой? Может, поболтать? Нет. Люди завидуют тебе и твоему дару, а когда они чему-то завидуют, они хотят это уничтожить. А теперь вернемся к кабану. Когда он вышел к водопою, твоя засада была в полукилометре от него. Вполне можно было попасть в ухо.

Генри закатил глаза и начал привязывать ноги кабана к палке.

– Пап, да эти парни из деревни с такого расстояния и в самого кабана бы не попали. А пока я сильнее их, все в порядке, разве нет? Откуда тут другие люди-то возьмутся?

– Откуда угодно и в самый неподходящий момент. Знаешь, если искусство охотников из Хейверхилла, по-твоему, предел мечтаний, нам пора поговорить о твоём будущем.

– Что, обязательно сейчас? – застонал Генри и, кряхтя, положил один конец палки себе на плечо.

Отец сделал то же самое со вторым концом, и они побрели вверх по склону. Тяжелая туша чуть покачивалась в такт шагам, клыкастая морда рыхлила глубокий снег.

– Люди никогда не оставят тебя в покое, – пыхтел отец, пошатываясь под весом туши. Ничто на свете не могло помешать ему давать наставления. – Чтобы спасти свою жизнь, тебе надо быть не просто сильным. Тебе надо быть лучшим.

– Эй, пап. Но я же молодец, да? – Генри улыбнулся во весь рот и поудобнее уложил палку на плече. – Он. Просто. Огромный.

– Ты самодовольный маленький паршивец, и до добра это тебя не до...

Что-то будто разорвалось в воздухе, Генри дернулся, пригибаясь, и палка сползла с плеча. Кабан провалился в снег, теперь вверх торчали только привязанные к палке ноги.

В небе, над дальними деревьями, загорелись огни. Синие, красные, зеленые... Они взвились вверх, замигали и погасли, а на их месте тут же появились новые. Генри сглотнул. Ничего страшного – просто День Угрозы. Раз в год люди из деревни подбрасывают цветные огни прямо в небо, чтобы показать свою силу и власть. Ну ничего, однажды он им покажет, кто действительно силен.

– Так и будешь стоять или поможешь мне вытащить из сугроба этого хряка? – сердито сказал отец.

Генри повернулся к огням спиной, взялся было за палку – и остановился. Сделал несколько шагов вниз по склону.

На снегу были видны следы какого-то зверя.

– Пап, смотри. Похоже на рысь, но не она – след слишком большой. И пальцы у рыси тоньше, и шаг длиннее, и еще она следы когтей оставляет, а тут их нет.

Генри выпрямился, сделал пару шагов вдоль цепочки следов – и брови у него поползли вверх.

– Откуда зверь вообще тут взялся? – Он ткнул в первый след. – Я сначала подумал, он прыгнул вон с той сосны, но тут шесть с половиной метров, как же он... Неплохой прыгун, да? Не мог же он взять и исчезнуть, – пробормотал он и повернулся к отцу. Тот всматривался в следы тяжелым, неподвижным взглядом.

– Это барс, – выдавил отец.

А огни становились все пышнее, ярче. По лесу прокатился сначала розовый свет, потом оранжевый, и каждый раз снег пропитывался этим светом насквозь, словно кто-то лил на него воду с краской.

– Барс? Никогда про такого зверя не слышал. Но он явно крупный, с отличной шкурой. – Генри страшно устал за утро, но ему хотелось показать отцу, чего он стоит. – Отнесем кабана, а потом я вернусь и выслежу этого барса – от меня не уйдет. Пап, ты что? Что такое?

Отец присел на одно колено и тронул след.

– Поверить не могу, – тихо сказал он.

Но что он имел в виду, Генри так и не успел спросить.

Лес по-прежнему освещали цветные вспышки, они делали его чужим, незнакомым, и, наверное, поэтому Генри слышал свистящий шепот стрелы слишком поздно, но все же успел, дернулся вниз, и стрела врезалась в ствол дерева.

О нет. Только не сегодня.

Генри замер на месте, теряя время, хотя чувствовал: сейчас они выстрелят снова. Отец так и стоял прямо, даже не пытался спрятаться, будто забыл об осторожности. Он всегда ходит в темном полушубке, с Генри его никак не спутаешь, охотники это знают, им незачем стрелять в отца, не он им нужен, но...

– Папа, иди домой, – пробормотал он, тревожно оглядываясь, определяя, где прячутся охотники. Нужно было увести их как можно дальше отсюда. – Не стой тут, бросай тушу и уходи, слышишь?

Отец встряхнул головой и посмотрел на него странным, незнакомым взглядом, хотел что-то сказать, но тут в дерево попала вторая стрела – и Генри сорвался с места.

Он мчался вперед, краем глаза выхватывая из белизны леса полушубки охотников. Свет вокруг по-прежнему был разноцветным, он сбивал Генри с толку, но также он сбивал и прицел охотников. Опасность отдавалась в ушах высоким, пронзительным звоном, он уходил от одного охотника и напарывался на другого, но люди даже не знают, что значит быть хорошим стрелком. Они медленные, неуклюжие, и, пока они натягивали тетиву, он уже уходил с прицела и мчался дальше, не чувствуя больше ни страха, ни усталости, не думая о времени, и слишком поздно понял: они обманули его. Они загнали его туда, где между деревьями была натянута сеть, выкрашенная белой краской, он врезался в нее со всего размаха и едва не застонал – болван, как он мог так попасться?

Генри сорвал с руки перчатку, рванул сеть на себя – и та осыпалась золой. Дар спас его второй раз за день, но время было потеряно, люди нагнали его, он не успел даже дернуться – и стрела насквозь прошла ему плечо. Зато сеть больше не держала, и он поднырнул под следующую стрелу, прополз по снегу и бросился дальше, стараясь не думать о рвущей боли в плече. Охотники кричали что-то, довольные своим обманом, он петлял среди них и деревьев, а потом, резко сменив направление, стремглав бросился к скалам. Там есть замерзшая река, берег нависает так, что под ним можно спрятаться.

С разбегу проехав по льду, Генри соскользнул под откос. Сердце колотилось медленно и тяжело, левый рукав пропитался кровью, но рана не такая уж тяжелая, бывало хуже. Он одним движением вытащил стрелу, на секунду ослепнув от боли, с силой перетянул платком руку над раной, держа один конец зубами. Если кровь будет капать на снег, его и ребенок выследит. Генри вытер мокрый лоб и вжался спиной в обледеневшие камни, пытаясь сквозь сорванное дыхание расслышать, удалось ли ему сбить людей со следа.

Но вместо этого он услышал кое-что другое: тихое звериное фырканье.

Генри повернул голову – и застыл.

Шагах в двадцати от него, ниже по течению замерзшей реки, сидел огромный зверь с серебристо-серой шерстью, и Генри сразу понял: тот самый.

Станным было не то, что барс укрылся здесь от охоты – место удачное, почему бы и нет? Станным было другое: при появлении Генри зверь даже ухом не повел. Стрелять? Такого с одного выстрела не убьешь, особенно с раненым плечом, только разозлишь. Бежать? Просто смешно – догонит за пару секунд.

А потом барс поднялся и неспешно пошел вдоль каменного откоса прямо к нему, и Генри вдруг понял, что drobный, стучащий звук, отдающийся у него в ушах, издают его собственные зубы.

Хуже быть уже не могло, но тут с нависшего над ними скалистого берега раздались осторожные хрустящие человеческие шаги – и страх полоснул Генри, как ножом. Охотники нашли его, сейчас заглянут под откос, и все. Остается только понять, кто убьет его раньше. Лучше бы зверь. Умереть от руки людей – слишком унижительно.

– Вот отличное место, – сказал один охотник. В тишине звук показался оглушительным. – Доставай бутерброды.

Такого слова Генри не знал. Может, это какое-то оружие людей? Он бесшумно перенес вес на одну ногу, приготовился сорваться с места, чтобы не умирать без драки, но ничего не произошло: на берегу было тихо. Потом послышались хруст и чавканье.

– Большой Патрик орал, что подстрелил чудище, так наши теперь по всему лесу разошлись и ищут. Следы потеряли, вот придурки!

Барс остановился и посмотрел наверх, словно тоже прислушивался к разговору. Почему он такой спокойный? Может, больной? Лед на скалах блестел, как стекло, а свет вокруг все время менял оттенок, и под ним все выглядело зыбким, ненадежным. Генри замер, прикусив перчатку, чтобы дышать потише.

– Короче, никто и не заметит, что нас нет. Хоть отдохнем от этой беготни. Если спросят, почему со всеми следы не искали, скажем, что решили проверить тут, у реки, очень внимательно искали, но... – охотник откусил от чего-то и начал шумно жевать, – не нашли. Понял, мордастый?

Генри непонимающе нахмурился. Он не мог вообще не оставить следов, почему они так плохо осмотрели место?

– Слушай, Хью, – сказал второй голос, густой и низкий – так бы, наверное, разговаривали медведи, если бы умели, – а вдруг он правда сюда побежал и сейчас бросится на нас?

– Да ладно, чудище же не совсем тупое! Где ему тут прятаться, не в русло реки же он полезет! Тут скользко, шею можно сломать!

– А если он правда туда залез?

– Ну ты и тупица! Патрик говорит, что руку ему прострелил. Вот если б я взял стрелу и воткнул тебе в руку, ты бы что делал?

– Я бы плакал. И кричал: «Помогите!»

– Вот именно! Любой бы так делал. А тут тихо, так что нету его, можем сидеть спокойно.

Барс еле слышно фыркнул. Генри широко раскрытыми глазами смотрел на него: чего он ждет? Звери не смотрят так долго, прежде чем задрать.

– А если он все-таки выскочит?

– Как же ты меня достал своими дурацкими вопросами! Если выскочит, я натяну свой могучий лук и влеплю ему стрелу промеж глаз. А потом еще одну в сердце, вот прям сюда!

– Хью, а я думал, что сердце слева.

– Потому что ты тупица! Короче, я бы утыкал его стрелами, как ежа иголками, а потом подошел и еще пнул пару раз, чтобы наверняка.

Барс сделал еще несколько шагов в сторону Генри – лапы вминались в тонкий снег без единого звука. Генри сжал зубы и выпрямился. И охотники, и зверь какие-то странные, так что рано сдаваться. Бледно-розовый свет волной прокатился по камням и сменился лиловым, и Генри коротким движением стянул со здоровой руки перчатку. Ему бы только прикоснуться к зверю. Тот, конечно, будет драться, охотники услышат, но вдруг отвлекутся на такую невиданную добычу? Это даст ему хоть пару секунд. Он сбежит. Он успеет. Дар его спасет – в третий раз за день.

– ...В общем, до заката я отсюда ни ногой. Мы сидим в засаде, а остальные пусть носятся по лесу, если им так надо.

– А если папа вечером спросит, почему мы со всеми не бегали?

– Тогда мы вот что расскажем. Надо не так цветисто, как в прошлый раз, а то никто не поверит. Мы выследили чудище, залегли в засаде, и тут он выскочил прямо на нас. Так, что дальше... Он зарычал и бросился прямо на тебя, мордастый.

– А почему на меня?

– Ну, если на такого толстяка бросаться, точно не промахнешься! Словом, он вцепился зубами тебе в плечо, и тут я подскочил сзади и ударил... так, чем я его ударил? Поленом! А он кинулся на меня, и тогда я схватил факел и, размахивая им во все стороны, отогнал нелюдя, и тот заскулил и сбежал.

– Но, Хью, мы же не умеем огонь разжигать.

– Ой, не привязывайся к мелочам!

В той же непонятной, нелепой тишине барс подошел вплотную и уселся в шаге от Генри. Тот замер... Руку надо вытянуть быстрым, коротким движением, чтобы зверь не успел укусить, тянуть нечего, надо прямо сейчас, но что-то останавливало его.

Барс глядел на него таким странным взглядом – ясным, почти человеческим. Смотрел так, будто Генри – потерянный родич из его стаи. Этот взгляд напомнил Генри что-то смутное, хорошее, из самого дальнего угла памяти, что-то, чему он даже не знал названия. Генри смот-

рел в глаза стольким животным, но ни разу не видел ничего подобного. Он моргнул. Безумие какое-то. Стараясь не думать об острых звериных зубах, он медленно вытянул руку вперед, поднес ее так близко к морде, что почувствовал исходящее от шерсти тепло.

Но барс не отводил взгляда, и Генри не мог заставить себя прикоснуться.

– А если папа спросит, где след зубов, раз он меня в плечо укусил? – задумчиво сказал охотник с медвежьим голосом.

– Ладно, сейчас я тебя сам укушу, для достоверности. Подожди, бутерброд прожую. Ага, вот. Только не ори, а то все прибегут.

Над лесом рассыпался целый сноп красных огней, вспыхнул так ярко, что Генри в одно мгновение разглядел все: спокойную морду барса, блестящий лед, две тени охотников, длинные, черные, и Генри, сам не понимая, что с ним такое, медленно опустил руку. Барс еще пару секунд смотрел на него, а потом фыркнул и легко бросился вверх по откосу.

– Хью, да ты сильнее кусай, а то через куртку не чувствуется, – как ни в чем не бывало пробасил охотник – и осекся, словно подавился воздухом.

Генри полоснуло такой яростью, что он сам едва не задохнулся, – идиот, какую добычу упустил! Что с ним вообще такое, с чего он так размяк? Ну уж нет, он – лучший после отца охотник в этом лесу, и он догонит барса, покончит с ним, спрячет тушу под снегом, до заката побегают от охотников, а потом вернется и заберет добычу, и отец будет им доволен. Безумие – вести охоту, когда охотятся на тебя самого, ну и ладно. Да и вообще, нельзя сидеть тут весь день. Это против правил охоты. Людишкам нравится, когда он бежит от них, а не прячется.

И, не думая больше ни о чем, он подтянулся и вылез на берег реки.

Барс, видимо, был совсем не в себе – даже не сбежал. Охотники сидели, уставившись на него, один вцепился зубами другому в рукав и от страха, кажется, позабыл их разжать.

Потом они перевели взгляд на Генри и завопили так, что он едва не оглох, а барс наконец бросился по горе вниз, и Генри понесся за ним. Вдалеке пять или шесть голосов закричали: «Вот он, держите, ну!», вокруг посыпались стрелы – значит, другие охотники были уже недалеко.

Он уворачивался от стрел, по свисту определяя направление полета и ни на секунду не выпуская барса из виду. Сердце у Генри билось так, будто пыталось выломать ему ребра, лес переливался разными цветами, пугающий, незнакомый, они бежали из зеленого цвета в золотой, из золотого в лиловый. В голове мерзко звенело, Генри спотыкался на каждом шагу, с трудом различая барса среди цветных вспышек, он уже сам не понимал, чего хочет больше: догнать зверя или самому уйти от погони. Они мчались так, что охотники остались далеко позади. Генри внезапно понял, что их давно уже не слышно.

Барс выбрал неудачное, опасное место, Генри никогда не зашел бы сюда сам, – зверь бежал в сторону дороги, ведущей в деревню людей. Надо бы остановиться и выстрелить, но барс слишком быстрый, одна заминка – и он его упустит, надо ждать подходящего момента. Склон шел резко вниз, Генри проваливался в глубокий снег, но вставал и бесшумно мчался дальше, все быстрее, быстрее, ноги не слушались, он бы уже не смог остановиться, даже если бы захотел. Барс вдруг оказался совсем близко, потом резко прыгнул вправо, а Генри пробежал еще несколько шагов вперед. Деревья закончились, под ногами оказалась ровная земля.

Он обернулся, задыхаясь. Барса не было. Следы обрывались на снегу. Просто обрывались. Огни рассыпались в воздухе немыслимыми цветами, сразу всеми на свете, – и погасли.

А потом Генри медленно повернулся и понял, что стоит на дороге, а прямо перед ним стоят люди.

В любой другой день Генри сбежал бы, прежде чем они успели понять, что действительно видели его, но сейчас даже с места не мог сдвинуться: голова кружилась, колени будто стали мягкими, как глина, – он ослабел от раны и усталости сильнее, чем думал. У одного из людей в руке был нож, и, не успев даже подумать, Генри вытащил стрелу, кое-как натянул тетиву,

стараясь не морщиться от боли в плече, и так замер – просто чтобы напугать. Отец говорил: «Нет в природе крепче сбитого стада, чем люди. Если ранишь одного, хоть царапину на нем оставишь, за тобой придет сотня». Барс заманил его сюда – зачем? Чтобы его убили на дороге, а не в лесу? И куда делся он сам? Нет, нельзя сейчас об этом думать.

Двое стояли близко к Генри: один толстый и с ножом, второй кудрявый и высокий. Третий – человек с яркими, как лисья шкура, волосами – сидел на большом деревянном ящике с колесами, отец говорил, это называется повозка. Люди так обмотаны одеждой, что под ней можно спрятать сколько угодно ножей. А в повозке, наверное, топоры, лук, стрелы. Так, есть еще животное. Генри глянул повнимательнее и понял: это животное он когда-то видел, называется лошадь, не опасно, используется для перевозок. Но и его нельзя упускать из виду: вдруг люди тренируют этих самых лошадей нападать на врагов?

Все это он обдумал за то мгновение, пока натягивал тетиву, и все это время люди молчали. А потом толстяк с ножом вдруг издал высокий, пронзительный вопль. Генри никогда бы не поверил, что он исходит из такого могучего тела.

– Ого. Это что, и есть ваше чудище? Ладно, судя по крику господина старейшины, можно было и не спрашивать, – сказал человек с рыжими волосами, и Генри немедленно перевел стрелу на него. – Э, э, парень, давай без этого. Дыры в груди не было в списке моих планов на вечер.

Рыжий человек поднял ладони вверх. Отец говорил, это жест подчинения, так делают люди, чтобы показать, что не собираются нападать, и Генри опять повернулся к толстяку. Ничего, скоро отдохнет и сможет бежать. Умчится отсюда быстрее, чем стрела, но ему нужна еще пара минут.

– Я сразу был за то, чтобы от него избавились, я знал, что однажды он на людей решит напасть! – взревел толстяк и замахал ножом во все стороны. – Господин посланник, давайте убейте его, иначе он нас всех порешит!

– А с чего вы взяли, что парень хочет вас убить? – спросил рыжий человек. Он по-прежнему держал руки поднятыми. – Может, он в вас целится, потому что вы орете и ножом в его сторону тыкаете? Вы посмотрите, он сам перепуган до смерти. Готов поспорить на свою гармошку, он тут случайно оказался.

– Захлопни рот, оборванец, никто тебя не спрашивал! – заорал толстяк, сильнее стиснув нож. – Господин посланник, что вы стоите! У вас хоть оружие есть? Да что вы за посланник такой!

Генри натянул тетиву сильнее, беспомощно переводя взгляд с одного человека на другого. Он почти не различал ни лиц, ни слов, только следил за их руками, в голове тяжело стучало: опасность, опасность, опасность.

– Слушайте, у меня есть план, – сказал рыжий. – Господин старейшина опускает нож, ты, парень, опускаешь лук, и мы все мирно расходимся. Мне уже представление пора начинать, ярмарка-то идет.

– Ни за что я нож не опущу, он же, как зверюга дикая, сразу бросится! А ты, трусливое отродье, чем на своей повозке сидеть, помог бы его схватить!

– Так это про вас говорил Пал, – подал голос кудрявый. – Вы и есть секрет, который тут хранят. Молодой человек, послушайте. Мне надо у вас кое-что спросить.

– Да он же не говорящий! – Вопль толстяка перешел в низкий, утробный стон. – Вы бы еще у дерева спросили!

– Я кое-что покажу, а вы скажете, знаком ли вам этот предмет, хорошо?

Кудрявый медленно, раскрытой ладонью потянулся к сумке. Если внутри оружие...

Но кудрявый достал ящик из темного дерева, открыл его и замер. Внутри лежали какие-то серые камни, каждый размером с утиное яйцо.

– Вы знаете, что это такое? Вы видели это раньше?

Генри крепче сжал лук.

– Я ж говорю вам: он языка человеческого не понимает. Слушайте, вы его хоть арестуйте сначала, а потом уж разговаривайте, коли охота! – простонал толстяк. – Он же только и ждет, когда мы спиной повернемся, тут же вцепится!

– Знаете, если б мне в лицо тыкали ножом, я бы тоже на вопросы не отвечал, – пробормотал рыжий. – Господин посланник, хотите совет? Отнимите у господина старейшины нож и бросьте на землю. Не вздумайте доставать наручники. За что его арестовывать? Он с вами поговорит, просто не пугайте его, и все. Не собирается он ни на кого бросаться.

– А вот мой совет, – процедил толстяк. – Хватайте его. Он раненый, мы его возьмем. Таких, как он, надо сначала в клетку сажать, а потом уж допрашивать. И вообще, кого вы будете слушать? Этого оборванца или уважаемого человека?

Какое-то время никто не двигался. Потом кудрявый достал из кармана что-то похожее на железную веревку с петлями на концах, и сигнал опасности в голове у Генри взревел громче. Он сразу понял, зачем эта веревка: чтобы связать ему руки. Значит, все еще хуже, чем он думал. Они хотят не убить его, а взять в плен. Ну уж нет. Пусть даже не мечтают.

– Именем короля вы арестованы до выяснения дальнейших обстоятельств вашего дела. Положите лук на землю и медленно поднимите руки. – Кудрявый словно только сейчас вспомнил, что второй рукой по-прежнему прижимает к груди открытый ящик, захлопнул его и хотел убрать обратно в свою холщовую сумку, но ящик не лез, углы цеплялись за края сумки, и кудрявый протянул ларец толстяку: – Подержите и не мешайте.

Он шагнул в сторону Генри, сжимая в руке серебристую веревку.

– Вот, другое дело! Давайте, вы слева заходите, а я справа! – крикнул толстяк и, тыкая перед собой ножом, засеменил вперед.

– Я же вам сказал – не меша...

Две секунды спустя у обоих в правой руке торчало по стреле. Пекарь издал знакомый вопль и выронил и нож, и ларец с камнями. Кудрявый ахнул, схватился за плечо и согнулся пополам. У него было такое потрясенное лицо, будто его ранили впервые в жизни. А тем временем толстяк, спотыкаясь, бросился к повозке, с неожиданным проворством влез на нее, столкнул рыжего в снег и со всей силы дернул ремни, привязанные к морде лошади. Животное всхрапнуло и потрусило вперед.

– Давай, кляча! Быстрей, господин посланник, он же нас прикончит! – Толстяк рывком втащил кудрявого на повозку, сильнее потянул за ремни, и лошадь побежала. – А ты, зверюга, еще поплатишься!

– Эй, не грубите моей лошадке! – крикнул рыжий из сугроба у обочины. Потом выбрался из снега и нетвердо встал на ноги. Повозка, подрагивая так, будто сейчас развалится, все быстрее катила в сторону деревни. – А хорошо ведь начинался денек. Да убери ты лук, я что, выгляжу как человек, который хочет тебя убить?

Он развел руками, и Генри, следя за ним внимательно, как за зверем, молниеносно убрал лук за плечо и вытащил нож. Этот человек был совсем странный – он не пытался ни напасть, ни сбежать.

– Ну, уже лучше, – с сомнением глядя на нож, протянул рыжий. – Кстати, хочешь совет? Вали из этой деревни. Они про тебя такую историю выдумали, ты бы слышал. Якобы ты прикосновением убиваешь, как тот тип из сказки. Ха! Придумают же! И за что они на тебя так взъелись? Украл что-нибудь? Не с той девчонкой встречался? – Рыжий шагнул ближе, и Генри с силой сжал нож. – Да ты просто душа компании, приятель.

Генри перевел взгляд на камни, раскатившиеся по дороге.

– Ну уж нет, я их брать не буду, – хмыкнул рыжий, будто отвечая на его мысли. – Еще скажут, что украл, а мне это надо? Захотят – вернутся, хотя выглядят эти штуки как обычные

булыжники. Ладно, ярмарка уже началась, а мне еще надо свою повозку найти. Удачи, приятель. Если за тобой придут – не попадайся.

И с этими словами он развернулся и побрел в сторону деревни, даже не оглядываясь, будто не боялся, что Генри может бросить нож или выстрелить ему вслед. Шел он как-то странно, будто левая нога у него не шевелится. Потом достал что-то из кармана, поднес ко рту, и послышались жизнерадостные дробные звуки, как если бы кто-то решил подражать пению птиц, дуя в железную трубу.

Генри со смутным беспокойством смотрел ему вслед. Странно как-то... Отец всегда говорил, что люди опаснее любого зверя: свирепые, тупые, жестокие, одержимые жаждой убивать всех, кто, вроде Генри, отличается от них в лучшую сторону. Генри потряс головой, чтобы не думать. Далеко же он забрался, если охотники еще не нашли его. Но теперь надо возвращаться и бегать от них до заката, а то скажут, что он нарушает уговор.

Тут взгляд его снова упал на камни, раскатившиеся по дороге, – почему-то его к ним так и тянуло. Он присел на колено рядом с одним из них, осторожно взял, и ему вдруг так захотелось тронуть его голой рукой, это желание вспыхнуло в голове ярко, как молния, и он зубами стянул перчатку. Отец говорил, его дар зачахнет, если его не тренировать, и Генри часто уничтожал камни, деревяшки, кости животных – что под руку попадается, – но никогда еще этого не хотелось так нестерпимо. Он сжал на камне пальцы. Тот начал нагреваться, почернел и рассыпался в пепел, все как обычно, с любой вещью это происходило в его руках, а потом...

Генри вскочил и, больше не глядя на камни, повернул в лес, сбивчиво убеждая себя, что ничего странного не видел.

* * *

Когда он разжал руку, пепел упал на снег и вдруг сложился в четкий, яркий контур оскаленной волчьей пасти – и исчез, будто впитался. Генри поворошил снег – ничего. Пепел пропал без следа.

* * *

Еле передвигая ноги, Генри брел вверх по склону, вдоль следов барса и своих собственных. Он озирался на каждом шагу, вслушивался в лес, но нигде не было ни движения. Охота идет до заката. Это правило, которое никогда не нарушали ни он, ни те, кто приходил за ним. На дороге сильно шумели, да и он оставил следы, охотники давно должны были его найти. Генри уже почти дошел до того, чтобы крикнуть: «Эй, я здесь, куда вы запропастились?» – но потом придумал кое-что получше. Осторожно, короткими перебежками, он вернулся туда, где все началось, – к каменистому берегу, под которым прятался. Там, где кончались голые камни и начинался снег, было месиво следов, и Генри долго стоял, разглядывая их. К тем двоим охотникам прибежали остальные, следы много раз перекрывали друг друга, они все долго топтались рядом, а потом... Потом куда-то пошли. Это было уж совсем странно. Генри шел вдоль их следов, пока не понял: они ведут в сторону деревни.

Значит, после того как он выскочил из укрытия и погнался за барсом, охотники собрались все вместе и ушли. Не пошли вдоль следов, чтобы найти его или барса. Просто ушли. И что ему теперь делать?

Генри прислонился к стволу сосны, зажимая рану. Ну и денек. Рука, которой он уничтожил камень, до сих пор казалась горячей, будто он обжегся, – такого никогда не бывало раньше. Охотники сами ушли – такого тоже не бывало. Не говоря уже про барса, который просто взял и...

– Так и знал, что опоздаю, – сказал у него за спиной незнакомый голос, и Генри подскокил, хватая лук и стрелу. Под соседним деревом стоял растрепанный старик с клочковатой бородой. Следов вокруг не было, как будто старик просто появился на этом самом месте.

Да уж, действительно – ну и денек.

– Привет, Генри! – Старик приветственно раскинул руки. – Перейду сразу к делу: то, чего все ждали, сбылось! Сивард сказал: «Эта игра однажды продолжится», и день настал! Барс выбрал тебя, а значит, ты – наследник Сиварда и отправляешься в поход за Сердцем, поздравляю! – Голос у него становился все громче, будто он пытался перебудить все зверье в лесу. – Пойдем к твоим родителям, я все им объясню, ты возьмешь вещи и можешь выходить прямо сейчас. А я, Тис, буду твоим помощником в приключениях!

Старик сделал шаг вперед – и в ветку дерева у него над головой врезалась стрела.

– Что ты такое творишь? – возмутился старик и, запрокинув голову, посмотрел на стрелу. – Я рассчитывал на: «Ух ты, Тис, привет, выдвигаемся немедленно!» Ну и молодежь пошла...

– Не подходите ко мне. Убирайтесь. Это мой лес, – пересохшими губами пробормотал Генри. От потрясения он даже забыл, что обещал себе никогда не говорить с людьми.

Старик задумчиво подергал себя за бороду.

– Знаешь, я тебя как-то по-другому представлял. В этом лесу точно нет еще одного Генри? Впрочем, надеюсь, мы... Да что ты делаешь! – завопил он так, что где-то в верхушках сосен всполошились птицы.

Вторая стрела дрожала в стволе дерева в паре сантиметров от его плеча. Генри собирался выстрелить еще разок, для убедительности, но не смог – рана в руке вспыхнула такой болью, что он едва устоял на ногах. Люди явно решили добраться до него, но он им не дастся ни за что, он им не...

– А, я понял, – как ни в чем не бывало продолжал старик. – Если бы у меня вся рука была в крови, я бы тоже, наверное, начал кидаться на всех подряд. Подожди минутку, никуда не уходи.

И с этими словами старик пропал. Просто взял и исчез.

Генри взлетел вверх по склону быстрее, чем косуля, он никогда в жизни так не бегал, даже на охоте, десять секунд – и он уже был на середине откоса, теперь старик его точно не...

В следующее мгновение Генри со всего размаха влетел прямо в него.

– Ты куда? – искренне удивился старик, потирая живот. – Я же сказал: не уходи. И чего ты так на меня смотришь? У меня что, крошки на лице? Так, ну-ка вытяни руку. Лунный камень тебя мигом вылечит. Или это Пушистик? Вечно их путаю.

На этот раз в руках у старика было животное, похожее на рысь, но размером едва ли больше белки. Старик держал его за шкурку, а животное как будто не возражало – висело тихо и сонно, как дохлое, но с открытыми глазами. Генри вжался спиной в ствол ближайшей сосны. Он был храбрым с кабанами, медведями, волками, охотниками, но вот это было уже слишком.

– Стой, куда ты пятишься! Я знаю, дети всегда боятся лечиться, но для этого ведь и нужен волшебник с лечебными кошками! Стой, я тебе сказал. Такой большой мальчик, а боится. Вот, возьми-ка конфету, пожуй пока. – Он вытащил из кармана что-то блестящее и протянул Генри, но тот думал только о том, что лучше: отбиваться ножом или принять свою судьбу. Рука с животным неумолимо приближалась к нему. – А, не берешь конфеты у незнакомых волшебников? Тоже молодец. Ну же, что ты смотришь на меня, как скриплер на костер? Это что, из-за бороды? Зря я ее отращил. Просто лень было бриться, все равно никуда не хожу. Но ты прав: волшебник с бородой – это странно, вид сразу какой-то дикий. Вытяни руку, последний раз говорю.

Пятиться больше было некуда – Генри уперся спиной в очередное дерево, и тут старик ловким движением посадил зверя ему на рукав. Генри сжался, приготовился, что животное

начнет драть его руку, – какие все-таки у людей странные способы убивать, – но зверь сонно улегся животом прямо на рану, пристроив голову ему на плечо. Толстые задние лапы перебрали полушубок около локтя, а потом зверь зажмурился и начал раскатисто, тихо урчать. Генри все ждал боли, укуса, удара, но все было наоборот: боль уходила, будто растворялась в тепле. Потом зверь открыл глаза, извернулся и перепрыгнул на плечо Тиса. Генри уставился на свою руку. Развязал платок. Ощупал плечо.

Раны не было. Исчезла даже кровь, которой был пропитан весь рукав, осталась только едва заметная дырка от стрелы. Генри передернуло. Он даже не сразу понял, что Тиса рядом нет, а когда тот, секунду спустя, появился, животного у него на плече уже не было.

– Я отнес Лунного камня домой, после лечения им надо долго спать, – весело пояснил старик. – А теперь давай представим, что мы только что встретились, и начнем сначала: всегда надо давать людям еще один шанс. – И с этими словами он исчез, появился, раскинул руки и громко сказал: – Привет, Генри! Извини, я немного опоздал. Барс велел появиться, когда он устроит тебе на дороге встречу с людьми, но я так давно не пользовался магией перемещения в большом мире, что забыл, как она работает, а пока вспоминал – опоздал. Ну и ладно, таких новостей можно и подождать, верно? – Он посмотрел на Генри так, будто ждал ответа. – Эй, я же тебе сказал: ты теперь надежда всего королевства. Ну, и где «ура»? Где «всю жизнь об этом мечтал»? – Он раздраженно фыркнул. – Да уж, раньше с героями таких проблем не было. Ладно, начну издалека. Мальчик, что ты делаешь один посреди леса с дырой в руке? Ты спасаешь принцессу? Ищешь клад? Тебя заколдовала ведьма? Может, у тебя в руке был зуб злого паурага, которого ты победил в долгом бою?

О чем он говорит, Генри не слушал, но голос был таким добрым, будто старик не хотел ему ничего плохого, и Генри вдруг подумал: если бы хотел убить, зачем вылечил его руку?

А старик продолжал смотреть на него с непонятной надеждой, как будто Генри должен был что-то сказать, и они, наверное, стояли бы так еще долго, если бы над лесом опять не вспыхнули сторожевые огни. В День Угрозы люди запускали их дважды в день, – наверное, чтобы он точно усвоил урок и не лез к ним.

– О, так сегодня Зимний день! – воскликнул Тис. – Мой любимый праздник! А почему ты не на ярмарке? Так, нам немедленно надо туда, хочу поздороваться со скриплерами и остальными, сообщить им, что я проснулся. Мы быстренько, а потом уже соберем тебя в поход. Пешком идти неохота – ну и снега тут у вас! Давай мне руку. – Он вытянул ладонь в сторону Генри. Тот замотал головой. – А, ну конечно! Как я мог забыть! Маски! Погоди, сейчас я вам что-нибудь подберу.

На этот раз Генри даже не двинулся. Он наконец все понял. Стрела людей была обмазана каким-то ядом, и он сейчас замерзает где-то в сугробе или уже умер, и это все ему просто кажется, а он даже не успел попрощаться с отцом.

– Я на Зимний день всегда в маске дракона, – неразборчиво сказал старик, появляясь снова. К его лицу теперь был привязан разноцветный кусок картона в виде морды какого-то невиданного зверя, и подозрения Генри только окрепли. – Самих их, бедняг, уже не осталось, но лично я считаю, что надо хоть раз в год почтить их память. Тебе даю маску льва. Лев – символ храбрости, а ты, в конце концов, будущий герой королевства. Надевай.

Генри послушался сразу – что уж теперь. Это, наверное, какой-то обычай мира мертвых. Он приложил яркую маску к лицу и завязал тесемки на затылке.

– А теперь дай мне руку, – сказал Тис. – Вот молодец. И не делай такое мрачное лицо, я даже под маской вижу. Сегодня же праздник! Ну, поехали. Раз, два...

Генри закрыл глаза.

В следующую секунду у него будто вырвали из-под ног землю, а потом подложили обратно, но не ту же самую. Вокруг теснились дома, люди, звуки, запахи, огни, он рванулся назад, натолкнулся на какого-то человека, метнулся в другую сторону и понял, что Тис по-

прежнему держит его за руку, вцепившись так, будто хочет раздробить ему кости. Эта боль была почти приятной, отрезвляющей. Генри замотал головой, он вдруг понял совершенно ясно – он жив, а вокруг него... Он пригнулся, решая, как вести драку, – вот только никто не закричал. Не выстрелил. Люди стояли, запрокинув головы вверх, и смотрели на огни, которые вырывались из круглой жаровни посреди пло...

Генри вздрогнул. Слово «площадь» возникло в голове так, будто он знал его всегда. Что-то шевельнулось глубоко в памяти – и исчезло.

Отец говорил ему: «Никогда и ни за что не лезь туда, где живут люди. Их деревня – страшное место, каких только ужасов там нет! Если они увидят тебя там – сразу убьют, и не мечтай сбежать: люди, от стариков до детей, всегда вооружены до зубов».

Разноцветные огни освещали площадь, высвечивали столы с какой-то пищей, пучки еловых веток, обвязанных цветными лентами, спокойные, расслабленные позы людей, которые крепко прижимали к себе детенышей, и Генри с первого взгляда понял: ни у кого здесь нет оружия. Он всегда чувствовал опасность, но здесь ее не было, и все эти разноцветные наряды, старые дома, еловые ветки и ленты – это было...

– Ого, – еле слышно выдохнул он.

Тут огни погасли, и люди начали смеяться, махать шляпами, обнимать детенышей, хлопать друг друга по спине. Они не дрались, просто слегка касались, потом кто-то повернулся к Генри и сказал: «С Зимним днем!», и голос у него был веселый, а не угрожающий.

– Подавиться мне своей дурацкой бородой, – медленно произнес Тис, и на этот раз Генри слушал каждое слово: пора было уже понять, что происходит. – Ну и убожество. Ты видел эти дома? Они в землю уже вросли. – Тут старик, кажется, понял, что все еще сжимает руку Генри, и разжал пальцы. – Прости. Я теперь понимаю, с чего ты так перепугался. Я думал, что проспал неделю, ну, может, две. Месяц, самое большее. А на самом деле... Благородный господин, подождите секундочку, – позвал он мужчину, который шел мимо них. – Вы не подскажете старику, сколько лет прошло с потери Сердца?

Тот фыркнул.

– Ты у какого прилавка купил такой крепкий сок, дедуля? Мне бы тоже туда.

– Я вынужден настаивать, – пролепетал Тис. – Сколько прошло времени со смерти Сиварда?

– Да я вообще во всю эту ерунду не верю. Но мой дед говорил, что это все взаправду было. Лет триста назад.

– Триста, – повторил Тис и вдруг обхватил свою картонную голову обеими руками.

– Кто вы такой? – спросил Генри, как он надеялся, угрожающе, но получилось, кажется, довольно жалко. Он мелко, неглубоко дышал, никак не мог вдохнуть до конца. Деревня была совсем не такой, как рассказывал отец, но с какой стати отец бы ему соврал?

Тис не ответил. Он раскачивался из стороны в сторону, как заведенный, и мотал своей драконьей головой.

– Триста лет. Я все проспал. Что у меня за судьба – везде опаздывать. Триста лет! – доносилось из-под маски.

Генри хотел было сказать ему, чтобы перестал стонать и объяснил, в чем дело, но тут натолкнулся взглядом на кое-что слишком знакомое: толпу людей в белых полушубках. Оружия при них уже не было, но он их сразу узнал. Почти все на площади были в разноцветном, но эти были одеты как охотники. А рядом с ними стоял толстяк в маске кабана и с перевязанной рукой.

Один из охотников, невысокий и щуплый, в маске медведя, что-то с жаром говорил толстяку, и Генри сделал несколько шагов в их сторону: вдруг узнает, почему они так рано бросили охоту? Тис все равно стоял на месте, по-прежнему бормоча себе под нос.

– ...Пап, да честно, так все и было, вон Сван подтвердит!

Стоявший рядом крупный малый в маске зайца решительно кивнул.

– Так, а теперь послушайте меня, – взбешенным голосом процедил толстяк, обводя взглядом охотников. – И вы все, ребята. Не было никакого барса, вам ясно? Как будто я своих сыновей не знаю. Хью и Сван это выдумали, только чтобы побыстрее от охоты отделаться и на ярмарку идти, пироги есть. А вы и рады! Упустили нелюдя, а он едва не убил и меня, и господина посланника из столицы, и теперь все узнают, что мы эту тварь тут прятали.

– Пап, но как же барс? Мы думали, ты обрадуешься. – Голос у здорового парня в маске зайца задрожал. – Он точно такой был, как в сказке, которую бабушка рассказывала. Огромный и весь сияет.

– Еще раз услышу эту дурацкую историю – без сладкого месяц будешь сидеть, – отрезал толстяк и отошел.

Охотники тут же сгрудились вокруг тех двоих.

– Да ладно, мы ж не злимся, – сказал высокий, худой охотник. – Вы отличную историю выдумали – кому охота в праздник носиться по лесу и стрелять? А вашему папаше так и надо, сам бы давно уже подстрелил нелюдя, а то все время только грозит.

– Точно! Точно! – загалдели остальные.

– Но мы его видели! Барса! – дрожащим голосом сказал здоровяк и вдруг заплакал во весь голос. – Правда! Бабушка рассказывала, что барс однажды вернется и укажет на воина, который Сердце найдет! Вдруг это мы?

Ага. Эти тоже, как и Тис, твердили про какое-то сердце. Но чье? Они что, вырвали у кого-то сердце и спрятали? Жуть какая. Вот это уж точно похоже на папины рассказы.

Что-то холодное вдруг коснулось его затылка, он успел пригнуться в последнюю секунду, и какой-то белый предмет пролетел мимо него, едва задев. Генри обернулся, схватившись за нож, но так его и не вытащил.

Неподалеку от него дети – четырнадцать человек в ярких полушубках и маленьких масках – делали что-то странное. Они зачерпывали с земли снег, сбивали его руками в шары и бросали эти шары друг в друга. Увидев, что он повернулся, пухлый мальчик швырнул в него еще один шар, но на этот раз Генри ушел в сторону заранее, и шар упал на снег.

– Ого! – громко крикнул мальчик. – Как вы так увернулись? Поиграйте с нами, а?

Генри сделал шаг назад, еще один, он пытался все быстрее, но дети обступали его, сходились в кольцо. Кто-то бросил в него шар, и он уклонился, потом снова и снова, дети подпрыгивали, кричали: «Ну пожалуйста, хоть пять минут!» Он замер, не зная, что делать. Снежные шары летели все чаще, и он перестал уклоняться, просто втянул голову в плечи и зажмурился. Охотники стоят совсем близко, если он сделает что-то не так, сразу заметят. Надо просто потерпеть – детеныши, наверное, так учатся охоте, это просто снег, а не камни, так что ему повезло, и...

– Кажется, он не очень хочет с вами играть, детки, – произнес голос Тиса. – Я видел, в том углу площади начали партию в колесо дракона. Думаю, вам стоит пойти и показать, кто из вас самый быстрый.

Галдеж и шаги унеслись прочь, и Генри открыл глаза. Он вдруг понял, что закрывал голову руками.

– Извини, я увлекся своим возмущением и потерял тебя из виду. Ты очень странный парень, Генри, – грустно сказал Тис. – Но тут оказалось, что ты странный парень в странном мире, так что все в порядке. Послушай, ты ведь знаешь сказку о Сердце волшебства? Нет? Да уж, все будет не так просто, как я думал. Но у нас все получится, ясно? А теперь надо приободриться. Будешь конфету? Ладно, сам съем. – Он развернул блестящую бумажку, сунул под маску круглую штуку и начал жевать.

Больше всего Генри хотелось во весь голос заорать: «Что, что тут вообще происходит?» – но это явно был плохой план. Надо как можно скорее попасть домой и выяснить у отца, зачем он так жутко описывал ему людей.

– У меня там, в лесу, туша кабана валяется... – Генри прокашлялся. – Давайте мы туда вернемся, я вам половину отдам, и вы уйдете.

Тис наклонил свою драконью голову набок. Глаза старика в прорезях маски казались очень добрыми, даже отец никогда так на него не смотрел.

– Я бы правда решил, что ошибся и ты не тот, кто мне нужен, но... Ты же видел в лесу огромного сияющего барса?

А, так вот в чем дело...

– Вы за ним тоже охотитесь? Так я вам его поймаю, и тушу тоже пополам поделим, только верните меня обратно. Мясо у него, думаю, так себе, но если он на вкус, как рысь, то есть вполне можно.

Глаза старика будто стали в два раза больше, и Генри поспешил добавить:

– Шкуру тоже себе возьмете. Ну как, договоримся?

Тис пару секунд стоял, вытаращив на него глаза. Потом медленно сказал:

– Давай-ка пройдемся. Я уже понял, что в мире людей все плохо, но хочу уточнить насколько.

– Знаете, а берите его целиком. Я вам его за полдня изловлю.

Тис со свистом втянул воздух.

– Нам надо поговорить. Когда закончим, верну тебя туда, откуда забрал, по рукам?

– По чьим рукам? – насторожился Генри, продолжая оглядываться во все стороны.

– Что, даже язык у людей изменился? В мое время это значило «договорились».

И с этими словами Тис развернулся и нырнул в толпу. Генри оставалось только брести за ним. Сначала он шарахался от прохожих, а потом перестал – никто не бросался на него, а некоторые кивали или приподнимали шляпу. Он сначала думал, что под шляпами они прячут оружие, но там и вовсе ничего не было. Несколько человек закричали: «Эй, парень, отличная маска!» Генри поежился. С ним творилось что-то странное – как будто все, что он знал о людях, вдруг взяло и перестало работать.

– Ты что, с кем-то тут в ссоре? – на ходу повернулся к нему Тис. – Вид такой, будто так и ищешь, кому бы дать по лицу. Разожми кулаки, Генри. Я уже понял, что, пока меня не было, люди стали как-то грубее. Но ты теперь герой, а герои не опускаются до драки, если можно решить дело словами. И кстати, в следующий раз не стреляй в волшебника, прежде чем он успеет открыть рот.

Генри сделал вид, что не слышал.

Вдоль краев площади теснились разноцветные навесы, и под каждым что-то происходило. Под одним стояло косматое животное – овца, вспомнил Генри. Мужчины зачем-то по очереди пытались оторвать ее от земли, а овца невозмутимо что-то жевала.

– Силачи, не проходите мимо! – кричал человек в маске голубя. – «Подними овцу» – любимое развлечение наших дедов! Помните, Джонни Мощный однажды ее даже подбросил?! Ну, молодец, Остин, выше, выше давай! Чтобы на вытянутых руках!

Мужчина под навесом, пыхтя, подтянул овцу повыше – и уронил на землю. Та издала короткий возмущенный звук, подошла к миске и чем-то захрустела.

– Что ж ты, Остин! Мало пирогов, что ли, съел? Иди подкрепись, за такой подъем я тебе приз не отдам! Ну, следующий! Кто затмит славу Джонни?

– Ну и жуть, – пробормотал Тис. – Разве такие развлечения были в мое время на ярмарках?

– А если я подброшу эту овцу, вы меня отпустите? – на всякий случай попытался Генри, но Тис только застонал и пошел дальше.

Под другим навесом двое неуклюже лупили друг друга, а другие люди подбадривали их криками. Потом был не навес, а что-то странное – дети с чудовищным скрипом толкали большой железный круг с разноцветными железными фигурами лошадей, раскручивали его и вскакивали сверху, – и в голове Генри вдруг вспыхнуло слово «карусель». Он же никогда не видел такой вещи, так откуда он мог знать, что это?

И тут Тис издал радостный вопль, ткнув пальцем в сторону железного круга:

– Я помню мастера, который ее сделал! Такой у него был дар – строить карусели. Над ним даже смеялись, потому что это явно не тот дар, о котором всякий мечтает, – лучше всех делать железных лошадок и круги, на которых они крутятся. Но гляди – прошло триста лет, а она все еще работает! Пошли покатаемся. – И он за рукав потянул Генри к железному кругу.

Тот прикосновение стерпел, даже не отбил руку старика, но и к карусели, ясное дело, не подошел: вдруг это все-таки ловушка.

– Ты какой-то пугливый. Если скажешь, что и каруселей боишься, я тебя превращу в лягушку, – веско сказал Тис.

– А вы можете? – уточнил Генри.

– Несомненно. Залезай. Мне нравится вот эта, гнедая. А ну-ка, ребятки, раскрутите нас получше, старичок триста лет не катался!

Генри, холодея от ужаса, протиснулся мимо детей и сел на большую черную лошадь. Краска на ней облупилась и облезла, понять, что это лошадь, можно было только по форме, но сидеть на ней оказалось неожиданно удобно. Дети засмеялись, показывая на них с Тисом, и начали всей толпой толкать железный круг.

– Спасибо, детки! – бодро сказал Тис, вертя головой во все стороны, как будто пытался смотреть сразу на всех. – А в благодарность я расскажу вам историю про Сердце волшебства, хотите?

– Да! Да! – закричали отовсюду.

Отец всегда говорил: детеныши людей еще злее, чем взрослые, но эти казались безобидными, как щенки. Еще одна ложь. Генри нахмурился.

Тис внимательно посмотрел на него и начал мягким, незнакомым голосом, – как будто каждое слово отмывал, чистил до блеска и уж потом красиво выкладывал в воздухе:

– Даже у величайших из нас есть свои причуды – и самый великий волшебник на свете издавна любил путешествовать в виде барса. Однажды он решил создать королевство, где у людей будет все, что только можно пожелать, – прекрасная природа, огромные богатства, существа, которые будут во всем им помогать. Но самое главное: он подарил первому правителю этого королевства предмет невероятной силы, ценнее которого нет ничего на свете, – его называли Сердцем волшебства.

Карусель крутилась все быстрее. Первые секунды Генри чувствовал себя, как в ловушке, но потом стало лучше, почти приятно. Он посмотрел вверх: бледно-серое небо тоже будто кружилось. Было еще рано, но, как всегда зимой, сумерки притаились глубоко в небе, словно ждали удобного момента, чтобы накрыть все вокруг. Дети смеялись и толкали карусель – и сигнал опасности в его голове вдруг взял и оборвался окончательно. Он почти не слушал Тиса, слишком был потрясен ужасной мыслью: ему здесь нравилось.

– Барс верил: люди становятся счастливыми, когда чувствуют себя особенными. Сердце хранилось в королевском дворце, и его сила наделяла каждого новорожденного особым даром, который проявлялся со временем: делать музыкальные инструменты, или оживлять взглядом цветы, или рисовать, или лечить прикосновением – на каждое дело был свой мастер. И все было хорошо, пока на трон не взошел король Освальд. А теперь, детки, расскажите-ка мне, что было дальше?

– Освальд был злой король! – крикнул один мальчик. – И больше всего на свете боялся умереть.

– Он хотел стать бессмертным, – прибавила девочка с длинными волосами и, пыхтя, подтолкнула карусель.

– И тогда один злой волшебник сказал ему: «Если ты Сердце волшебства тронешь, любое желание исполнится, это же самый сильный предмет в королевстве!»

– Король его тронул и загадал желание, и оно сбылось. Он себя даже мечом ткнул, а рана тут же срослась, он ведь теперь бессмертный был!

Лица детей мелькали мимо, сливались, теперь Генри уже не мог различить, кто что говорит, – голоса неслись сразу со всех сторон.

– Но Сердце после этого ослабело и совсем тусклое стало – и дары у людей ослабели.

– Освальд подумал: «Ну и хорошо, так они меня лучше слушаться будут!» И решил еще одно желание загадать, чтобы Сердце совсем погасло и все навечно бездарными стали. Но тут появился Сивард!

Дети сразу загалдели громче, повторяя это имя.

– Он был герой, и он хотел, чтобы Сердце опять для всех светило, и у каждого был дар. Барс ему подсказал, где Сердце можно спрятать, чтобы Освальд его никогда не смог найти. И Сивард пошел в поход.

– Но Освальд разозлился и послал за ним вдогонку своего лучшего воина, разрушителя, – громко сказала девочка с длинными волосами. – И мой папа говорит: чудовище, которое в нашем лесу живет, такое же, как разрушитель из сказки.

Генри показалось, что ему за ворот насыпали снега. К счастью, никто на него не смотрел, дети беспокойно переглядывались между собой. Они перестали крутить карусель, и мир тут же стал вращаться медленнее.

– Вас, наверное, чудовищем пугают, чтобы вы кашу хорошо ели? – с улыбкой спросил Тис.

– Нет, – неловко сказал мальчик в красной шапке, пиная ногой снег. – Оно настоящее. Мой брат говорит, его сегодня ранили, и оно теперь на нас еще год не нападет.

Генри едва не подавился воздухом. Что за ерунда? Он никогда в жизни не собирался на них нападать. Это они завидуют его дару, поэтому хотят его убить, так отец говорил.

Карусель остановилась совсем.

– Ты, наверное, что-то перепутал, малыш, – фыркнул Тис. – А вы толкайте, толкайте карусель, ребята, – дедушка хочет побыстрее кататься. Разрушитель был только один, в сказке про Сердце волшебства. Таких, как он, больше не было и, надеюсь, не будет.

– А что он сделал? – севшим голосом спросил Генри.

– Он был очень злой, – хмуро сказал мальчик в зеленой шапке с острым верхом. – Что ни тронет, оно в золу превращается. Мама говорит, если я не буду мыть руки перед едой, он ночью ко мне заберется и напугает.

Генри сжал зубы. Так люди, получается, выдумали целую историю, только чтобы оправдать свою зависть к его дару! Якобы он такой же, как тот выдуманный тип, и поэтому его надо убить. Очень смешно. Да его дар – мечта любого охотника, он ему жизнь много раз спасал!

– Сивард успел спрятать Сердце, но тут его догнал разрушитель, у них была битва, и они смертельно друг друга ранили, и оба погибли, – неуверенно сказал мальчик в красной шапке и слегка подтолкнул карусель.

– И дары у всех совсем исчезли. Потому что Сердце теперь было так запрятано, что его волшебство до людей не долетало. И все волшебные существа тоже спрятались: и волшебники, и русалки, и Худое Пальтишко, и даже Барс, и никто их больше не видел.

– Зато Освальда прогнали из дворца, и он больше не был королем, – довольным голосом сказал мальчик в маске лосенка.

– Но только Сивард и Барс знали, где Сердце спрятано. Сивард умер, а Барс больше не появлялся. И даров у людей больше никогда не было. Конец, – вздохнула девочка с длинными волосами.

– Нет-нет, не конец! – Тис важно поднял палец. – Помните, детки, что Сивард перед смертью сказал?

– «Однажды эта игра продолжится!» – перекрикивая друг друга, завопили дети, и настроение у них тут же исправилось.

– Точно! – Тис выпрямился во весь рост, потом вспомнил, что он все еще на лошади, слез с нее и выпрямился еще раз. – А теперь я вам открою секрет, хотите? Этот день настал! Барс указал наследника Сиварда, который найдет Сердце, и он – из вашей деревни! Здорово, правда? Ваша деревня прославится как родина героя, так что давайте крикнем: «Ура!» Должен же я это хоть от кого-то сегодня услышать!

Дети нерешительно переглянулись.

– Это же сказка, – наконец сказал мальчик в красной шапке. – Не было на самом деле никакого Сердца.

– Что?! – заорал Тис и стукнул кулаком по ближайшей железной лошади. – Сказка? Да я сам там был!

– Дед, ты что детей пугаешь? – уныло сказал какой-то мужчина, подходя к карусели. – А ну-ка иди отсюда.

– Пугаю? Да я волшебник! Моя работа – веселить детей! Не верите? Я вам сейчас покажу, смотрите...

Но прежде чем он успел закончить, мужчина толкнул его с такой силой, что Тис отлетел на пару шагов и сел в снег. Генри подскочил к нему и зачем-то поднял – старик с головой дракона выглядел нелепо, сидя на снегу, он будто поверить не мог, что его толкнули. А мужчина уже повернулся к детям.

– Пошли отсюда! – рявкнул он. – Покатались, и хватит, эта штука уже старая, а имущество беречь надо.

– Я, наверное, разучился с детьми разговаривать, – глухо пробормотал Тис из-под маски. – Хорошо хоть, они мою дурацкую бороду не видели. – Он медленно повернулся к Генри, и тот увидел, что глаза старика в прорезях маски как-то странно, влажно блестят. – Можешь себе представить? Они думают, это сказка.

Генри был уже почти готов сказать, что обо всем этом думает он сам, когда неподалеку раздались громкие крики. Он напрягся, хватаясь одной рукой за лук, а второй за нож – по ходу драки решит, как лучше отбиваться, – но вдруг понял, что крики радостные, а не злобные.

Люди смеялись. Этот звук был таким веселым, от него словно воздух звенел, и Генри пошел туда. Он спиной чувствовал, что Тис идет за ним, продолжая ворчать. Еще час назад он скорее воткнул бы нож в самого себя, чем повернулся спиной к человеку, но приходилось признать: если б Тис хотел его убить, давно бы уже это сделал. Эта мысль была такой странной, угловатой, будто не помещалась в голове, и Генри решил, что пока лучше вообще ни о чем не думать. Успеет.

* * *

В том углу площади, куда они пришли, стояла покосившаяся повозка с привязанной к ней и тоже словно бы покосившейся лошадью, а на повозке, тоже слегка накренившись, стоял человек в маске лиса. Над маской торчали рыжие волосы.

– А теперь мне нужен один доброволец из толпы. Идите сюда, красавица.

Он протянул руку, и девушка в маске цапли, уцепившись за нее, поднялась на повозку, едва не уронив рыжего парня, – она весила раза в три больше его. Люди опять засмеялись.

– Милая леди, расстегните шубу и покажите, какое у вас под ней платье. – Девушка-цапля застенчиво расстегнула верхнюю пуговицу шубы и вытянула наружу уголок чего-то серого. – Не очень праздничное, но мы это исправим! Сейчас я попрошу вас всех, драгоценные зрители, хлопать в ладоши и считать вместе со мной до пяти. Уверю вас: через пять ваших хлопков на этой дивной леди по волшебству окажется ослепительное платье! Вы готовы? Сейчас я закрою ее волшебной ширмой превращений! Раз, два...

И он с головой накрыл девушку чем-то похожим на каркас из проволоки, обтянутый тканью.

– Три, четыре, пять! – досчитали все вокруг, хлопая в ладоши, и рыжий человек поднял ширму.

Девушка была по-прежнему в маске, но теперь на ней было обтрепанное ярко-красное платье. Генри сдавленно выдохнул. Даже после всех приключений сегодняшнего дня это показалось ему невероятным.

– Благодарю, благодарю, господа! Волшебство все еще с нами! – бодро закричал рыжий, раскланиваясь во все стороны. У него был такой задорный, веселый голос, будто созданный, чтобы заставлять людей смеяться.

Тис застонал, вцепившись в торчащий из-под маски край бороды.

– Волшебство? Да они в сговоре, и на ней уже было платье, под этой серой тряпкой! И вот это волшебство? Да триста лет назад этого прохвоста бы гнилыми сливами закидали! А они ему хлопают! Я вот могу сделать так, чтобы прекрасное платье появилось на всех, кто тут есть, за одну секунду. Раз!

Тис щелкнул пальцами, и над толпой пронесся нестройный, перепуганный вопль. Все, кто стоял вокруг повозки, теперь были в платьях: мужчины, женщины, дети, рыжий человек с головой лиса и даже лошадь. Люди вокруг так смешно вопили, сталкивались и хватали друг друга за плечи, что Генри почувствовал: у него тоже что-то непонятное начинает происходить с лицом.

– О, вот ты и улыбнулся, по глазам вижу! Для этого и нужно настоящее волшебство. Ладно, не буду портить их убогий праздник. – Тис щелкнул пальцами еще раз, и одежда на всех стала, какой была. – Вообще-то щелкать не обязательно. Это так, для красоты жеста. На самом деле я просто мысленно призываю вещи из собственного хранилища.

– Да, да, это мой новый волшебный трюк! Готов поспорить, такого волшебства вы еще не видели! – крикнул рыжий человек, крепко вцепившись в собственную куртку, будто боялся, что она опять исчезнет. – А теперь еще немного волшебных превращений и появлений! Кстати, господин в первом ряду, что это у вас торчит из кармана? Это, случайно, не чучело голубя?

Человек в первом ряду и правда достал из кармана чучело голубя и замахал им в воздухе, крича: «И откуда оно тут взялось?» Все вокруг засмеялись, а Тис поморщился:

– Скучно. К тому же этот мальчишка злоупотребляет словом «волшебный». Пошли отсюда.

Генри бы не отказался посмотреть еще, но Тис уже несся вдоль прилавков, расталкивая людей. Генри едва его догнал.

– Давайте кое-что выясним, ладно? – на ходу начал он. – Что вам от меня нужно?

– Я же сказал, Генри. Чтобы ты вернул людям Сердце.

– Да, это я уже понял. Что вам на самом деле надо?

– Слушай. – Тис вдруг развернулся и взял его за плечи. Генри стерпел. – В тот раз никто не выиграл, можешь это понять? Когда Сивард умер, дела в этом королевстве пошли совсем плохо, и все волшебники и волшебные существа попрятались. Лично я лег спать, а сегодня утром мне явился Барс. Он сказал, что Освальд уже выбрал своего воина и есть только один человек, который способен победить его и вернуть людям Сердце. И сказал, где его искать.

– Так, может, вам уже пора за ним, а мне домой?

Но Тис продолжал смотреть на него, и до Генри дошло.

– Хотите сказать, что это я и есть? Слушайте, что за глупость? Вы серьезно мне хотите сказать, что увидели во сне говорящего зверя, а я из-за этого должен куда-то там идти?

– Наконец ты уловил суть! Ну как, готов к приключениям?

Кажется, по взгляду Генри старик понял, что именно он обо всем этом думает, потому что махнул рукой и опять помчался вдоль прилавков, ловко огибая прохожих.

– Тогда, думаю, надо перекусить. Переговоры всегда лучше идут после хорошего чаепития. Куда делись все скриплеры? Они же всегда разливали чай на ярмарках Зимнего дня! Ладно, попробуем, на что способны люди. Какие пироги ты любишь?

– Что такое «пироги»?

– Ну ты и шутник. Так, мне нужна монета. Люди после потери Сердца стали такими жадными, раньше на ярмарках все раздавали бесплатно, а теперь требуют монеты, можешь себе представить! Денег у меня с собой нет, но...

Он достал нечто блестящее и круглое прямо из воздуха, и у Генри опять что-то произошло с губами, они будто растягивались в стороны против его воли.

Тис засмеялся:

– Стой тут, сейчас приду. Я уже понял, толкотню ты не любишь.

Генри послушно застыл у стены кривого, почерневшего от времени дома, размышляя, что лучше: сбежать или дальше уговаривать старика вернуть его на место, и тут почувствовал, что кто-то смотрит ему прямо в затылок. Он обернулся и успел заметить человека, который тут же спрятался за чьей-то спиной. Странно было то, что его маска, единственная на всей ярмарке, не была звериной: она была железная, с прорезями для глаз.

– А вот и я. Взял разных – с вишней, марципаном и яблочным джемом. Пошли, вон скамейка. И возьми свой земляничный чай, пока я его не пролил. Кружка просто ужасная. Разве из таких пили раньше! А в залог, что я ее верну, с меня еще одну монету взяли! Куда катится мир!

Они сели на скамейку у входа в один из домов.

– Пироги – ерунда, – мрачно сказал Тис, подсовывая куски под маску. – То ли дело раньше! А ты почему не ешь? Перед походом надо подкрепиться!

Генри пожал плечами. Чтобы он прикоснулся к еде людей? Нет, это уж слишком. Вдруг в этом и состоит их план: отравить его, а старик просто отвлекал внимание. Станный план, конечно, но...

– Ладно, как хочешь, – вздохнул Тис. – Сам доем.

Он быстро закинул остатки в рот, зевнул и прислонился головой к стене дома.

– Сивард на своем пути прошел семь испытаний, – опять затянул старик. – Барс хочет, чтобы ты сделал то же самое. Он передал тебе подсказку, как найти место первого испытания. Все просто: пройдешь все семь и узнаешь, где спрятано Сердце. Достанешь его из тайника, и оно снова будет светить для всех. Вот подсказка, запоминай: «Дом тебе укажет путь. Чтобы поиск продолжать, надо головой рискнуть: здесь ее легко сломать».

– Чего?

Тис пожал плечами и зевнул.

– Такие вещи только люди умели отгадывать, а я просто волшебник. Но я уверен, ты справишься.

Генри поставил свою кружку на скамейку и встал с чувством странного, незнакомого сожаления. Пора было со всем этим заканчивать. Старик, кажется, принимал всю эту историю слишком близко к сердцу и оставлять его в покое не собирался.

– Слушайте, вы сказали, что вернете меня назад, когда мы поговорим. Я вас послушал, а теперь хочу обратно в лес.

– Подожди, я же тебе все объяснил! Ты будешь новым Сивардом, Генри. Это огромная честь, и, раз Барс тебя выбрал, ты должен идти.

– С чего? Это все как-то глупо.

– Спасти свою землю от убожества и разрушения – глупо? Что ты за парень такой! – Тис ударил себя по коленям. – Да любой в твоём возрасте мечтает совершить подвиг, тебе этот подвиг на блюдечке приносят, и ты отказываешься? Отличного героя Барс выбрал! Я начинаю думать: может, он тоже за эти триста лет с ума сошел? А ну стой, куда пошел? Сядь обратно. Сам знаешь – от меня не сбежишь.

Генри крепче сжал на плече лук и наклонил вперед голову, как лоси перед атакой, но Тис вдруг засмеялся:

– Тебе кажется, что у тебя угрожающий вид? Позволь разочаровать, дитя мое, – ты один из наименее страшных людей, каких я встречал за свою долгую жизнь. И знаешь что? – Тис шагнул ближе. – В глубине души ты не хочешь отсюда уходить. Я все уже понял: с тобой случилось что-то плохое, и после этого ты боишься людей. Но все дело в том, что на самом деле они тебе нравятся.

– Неправда.

– Правда, Генри. А теперь сядь на эту уродливую, криво сколоченную скамейку. Вот раньше были скамейки! – Тис зевнул, голос его стал совсем смазанным, сонным. – Мы будем тут сидеть, пока ты не согласишься идти в поход.

– Я не соглашусь, – огрызнулся Генри, но Тис посмотрел на него так, что он сел.

– Люди в среднем живут по семьдесят лет, а волшебники дотягивают и до тысячи. Кажется, я знаю, кто сдастся первым.

Генри отвернулся от старика и уставился на беспокойную, ни на секунду не останавливающуюся толпу. Хуже всего было то, что старик был прав: ему тут нравилось. Но почему тот никак не может объяснить, чего ему на самом деле надо? Генри повернулся, чтобы спросить еще раз, и понял, что старик спит, прислонившись затылком к стене.

Может, разбудить и послушать его странную историю еще раз? Но скоро закат, отец будет ждать его с охоты. Если он успеет уйти достаточно далеко, старик, может, его и не найдет. На секунду Генри почувствовал острую, непонятную грусть и, чтобы не думать о ней, встал и, засунув руки в карманы, пошел прочь.

Глава 2

Человек с железным лицом

Пять минут спустя Генри стоял посреди площади, вертя головой, как сова, высматривающая мышь. Оказалось, сюда ведет далеко не одна улица, их много – и по какой ему идти, чтобы попасть домой? Все одинаковые. Люди толкали его на ходу, и он никак не мог сосредоточиться, к тому же ему по-прежнему казалось, что за ним наблюдают, но, сколько он ни оглядывался, человека в железной маске больше не видел.

– ...Не нужны нам тут посланники! Пожалуйста, мистер Прайд, как доброго человека вас прошу – не надо вызывать! – сказал один прохожий другому.

Генри замер: у обоих прохожих правая рука была на перевязи.

– Я же отличное решение предлагаю! – продолжал толстяк в маске кабана. – Мы просто всей деревней соберемся и убьем его, а вы уедете отсюда и сделаете вид, что не приезжали. Если посланников вызовете, вы подумайте, какой удар для доброго имени нашей деревни! Нас на все королевство ославят!

Генри пошел за ними, стараясь держаться у толстяка за плечом. Это как на охоте: когда видишь дичь, больше ни на что отвлекаться нельзя.

– Никто никого убивать не будет, – сердито сказал кудрявый человек в маске оленя. – Его надо отвезти во дворец. Как вы не понимаете – даже если он и есть тот самый, нельзя же убивать только за это! Он ведь никому зла не сделал, к тому же он единственный человек в королевстве, у которого, по непонятной пока причине, есть дар – пусть плохой, но...

– Да он же взбесился! Он нас чуть не убил!

– О нет. Слушайте, я уже говорил: раны чистые, аккуратные, даже крови было мало. Стрела не попала ни в мышцы, ни в кость, вошла неглубоко. И главное: у нас обоих раны совершенно одинаковые. Вы понимаете, что это значит?

– Что он бешеная зверюга, которая за три секунды чуть не прикончила сразу двоих?

– Нет. То, что он отличный стрелок. Если б он хотел нас убить, он бы убил. Я мог поговорить с ним, все выяснить по-человечески, а повел себя, как последний болван, и упустил шанс. Надо было слушать Джетта.

Толстяк беспокойно, натянуто рассмеялся:

– Это кто? Грязное, хромое отродье, которое требует с меня три медяка за ущерб, нанесенный его полудохлой кляче?

– Слушайте. – Кудрявый остановился так резко, что Генри едва не влетел в него, но вовремя сделал вид, что разглядывает какой-то прилавок. Оказалось, спрятаться в толпе куда легче, чем он думал. – Я знаю, что вы попрытали почтовых птиц со всей деревни.

– Не нужны нам тут посланники, – вкрадчивым, будто размякшим голосом сказал толстяк. – Вы чего, не понимаете? Мы десять лет от королевского совета скрывали, что этот нелюдь тут обитает. Они наверняка меня за это с поста старейшины сместят. Давайте так сделаем: я вам дам пять фунтов лучшей оленины, а вы уедете и забудете про нас.

– Да вы что?

– Десять фунтов.

– Как вам такое в голову пришло?

– Понимаю. Пятнадцать.

– Послушайте, Йенс, я не отступлюсь.

– Ясно. Простите. Двадцать пять фунтов и шапку из северной лисы.

– Да наплевать мне на вашу оленину! – рявкнул кудрявый так, что люди вокруг начали оборачиваться. – Мне надо найти юношу и камни! Где, кстати, ваш племянник, которого вы послали за ларцом с камнями?

– Господин посланник, малец говорит, пока он прибежал, там уже не было никакого ларца. Точно вам говорю: ваш ящичек или рыжий калека к рукам прибрал, или нелюдь.

Кудрявый еле слышно застонал:

– Говорил же он мне – держать камни крепче! Какой же я идиот. Так, я в последний раз спрашиваю: вы мне дадите почтовых птиц, чтобы вызвать отряд?

– Нет, господин посланник. И лучше б вам согласиться на оленину, честное слово. – Теперь толстяк говорил совсем тихо, Генри едва различал слова. – Вы ведь далеко на севере, и совсем один, а нас – целая деревня. Нам надо, чтобы все шито-крыто было, понимаете? Мы все вместе соберемся завтра утром и прикончим нелюдя, и папаша его ничего нам не сделает! Парень сам нарушил условия сделки, напал на людей. Сейчас зима, тело мы спрячем, и даже если вы потом вызовете своих, никто в вашу историю не поверит. А до этого, мой вам совет: веселитесь, наслаждайтесь праздником и не думайте об этой истории.

– Вы мне что, угрожаете?

– Я дружески предупреждаю. Вы ведь такой молодой. Вам надо домой, к семье, живым и невредимым. А оленина хорошая. – Толстяк наклонился ближе к его уху: – Пожалее, если не возьмете.

Кудрявый собирался что-то ответить и вдруг вскинул голову, как зверь, который почуял добычу. Генри уже приготовился прятаться, но кудрявый повернулся совсем в другую сторону.

– Что это за звук?

– А, это, – с облегчением махнул рукой толстяк. – Это у нас старинный предмет на ярмарке разыгрывают. Хотите посмотреть?

Кудрявый тут же рванул в ту сторону, толстяк не отставал ни на шаг, и Генри заспешил за ними. Он все решит. Подберется ближе и дослушает, что они хотят сделать, все будет хорошо, он все сделает, все будет...

Генри сглотнул. Толпа перед прилавком, куда они пришли, на добрую половину состояла из охотников в белых полушубках.

– Итак, напоминаю для тех, кто только что подошел. Главный конкурс нашей ярмарки, – говорил человек в маске ястреба. – Вы все знаете: три дня назад скончалась старая госпожа Торвальдсон, мир ее праху. Она всю жизнь хранила старинный предмет. Для чего он нужен, никто уже понятия не имеет, но вещь на вид дорогушая. Детей у старушки не было, и она завещала разыграть предмет на нашей ярмарке – он достанется лучшему стрелку. Она верила, что чудовище, живущее в наших лесах, надо не просто пугать раз в год, его надо убить, пока оно не убило нас. Кто согласен со старушкой?

Мужчины в толпе заорали, вскидывая вверх кулаки. Генри поежился.

– Уверен, однажды это кому-то удастся. А пока что покажите свое искусство здесь! Кто попадет стрелой вон в тот флюгер на крыше, получит приз!

В воздухе стоял странный звон чего-то тонкого и стеклянного, и этот звук добрался до сознания Генри даже сквозь страх. Он на секунду перестал следить за кудрявым и посмотрел туда, куда глядели все. На столе стояло небольшое стеклянное дерево со стеклянными же цветами. Генри в жизни не думал, что бывают предметы такой красоты. От ветра цветы постукивали друг о друга и звенели на разные голоса. Потом Генри понял, что ветра не было.

Охотники в белых полушубках со смехом толкали друг друга в бока, потом один взял со стола лук и выстрелил в сторону здания, на котором зачем-то торчал железный петушок. Стрела перелетела через крышу. Генри бесшумно фыркнул и расправил плечи. Если они так стреляют, неудивительно, что он все еще жив. Он выкарабкается из этой истории, вернется в лес, отец ему все объяснит, и все будет хорошо, как раньше. Все будет в порядке.

Он как раз успел повторить это себе раза четыре, когда услышал за гомоном и криками мужчин странный для такого места звук: тихий плач – так скулят детеныши животных, когда хотят есть. Генри завертел головой и увидел: неподалеку на крыльце дома сидела девочка, еще

маленькая, ростом едва ли ему по пояс. Остальные дети были в масках, а у этой на лице просто были нарисованы углем усы и крапинки, что-то похожее на морду маленькой рыси. Точнее, можно было догадаться, что раньше так и было: девочка вытирала кулаком слезы, размазывая их по лицу вместе с углем.

Как-то это странно... Генри убедился, что кудрявый и толстяк по-прежнему на месте, и протолкнулся через толпу к крыльцу. Он любил издали наблюдать за животными и знал: если детеныш скулит, а взрослые особи поблизости, они начинают его утешать, облизывать, искать ему еду. Но что-то было непохоже, чтобы этого детеныша кто-то собирался кормить. Судя по тому, что от слез промок даже воротник куртки, девочка сидела так уже довольно долго.

Генри подошел ближе и остановился перед ней. Пошел снег – первые легкие хлопья замельтешили в воздухе.

– Твои родители ушли за добычей и скоро вернутся? – спросил он, стараясь не слушать голос отца, который орал ему в ухо: «Что, что ты делаешь?»

Они вечно из-за этого ссорились. Если Генри находил звериных детенышей, у которых умерли родители – от его стрелы или от драки с собственными врагами, – он начинал подбрасывать им еду: вдруг выживут. Отец говорил: если они такие слабые, что сдохнут, то туда им и дорога, но Генри думал: они же маленькие, а драка должна быть равной. Когда они вырастут, он с ними сразится, вот тогда это будет честно.

Девочка посмотрела на него опухшими глазами и покачала головой.

– Ты хочешь есть? – уточнил Генри. Та опять покачала головой. – А что тогда?

Она ткнула пальцем в сторону прилавка, вокруг которого охотники свистели, подбадривали друг друга и сыпали стрелами в сторону железного петушка.

– Я просила папу его выиграть. Он хорошо стреляет, даже два раза чудовище ранил. А он сказал, что приз не для таких бедняков, как мы, и что господин старейшина все равно отнимет. – Она всхлинула, сильнее размазывая уголь по лицу.

– Ты хочешь эту стеклянную штуку? – переспросил Генри. – И из-за этого плачешь?

Лицо у девочки скривилось, и она заревела с новой силой. Генри беспомощно огляделся. Да где ее родичи? Но никто не подходил.

Генри посмотрел на охотников. Они в петушка так и не попали, это их явно злило, и он вдруг почувствовал, как по лицу расползается улыбка. В конце концов, он же всю жизнь мечтал показать людям, что сильнее их. Это ведь займет всего минуту. Отец вечно твердил, что опасно приближаться к людям, но оказалось, отец врал, так что не страшно. Генри снял с плеча лук, вытащил стрелу – и в следующую секунду железный петушок свалился с крыши со стрелой в гребне.

На секунду стало очень тихо – и тишина была угрожающей. Все повернулись к Генри, и он только успел подумать, что, кажется, сделал ужасную, чудовищную глупость, но тут все засвистели, захлопали руками, и Генри понял: они не сердятся.

– Э, парень-то не промах! Вот ловкач! Зак, это ты, что ли? Не узнал тебя! – закричали отовсюду. – Молодец, Зак! Ну, ты даешь!

Генри ухмыльнулся. Его распирала такая самодовольная радость, какой он в жизни не чувствовал, даже когда ловил самых крупных зверей.

– Ого! – присвистнул Ястреб, бережно поднял стеклянное дерево и протянул ему. – Держи приз, заслужил. И желаю тебе в наступающем году убить чудовище! Джонни, это ты, что ли? Не узнал.

Генри на всякий случай кивнул, взял деревце – от его движения цветы загорелись ярче, зазвенели мягко и странно – и протянул девочке: та шла за ним как привязанная.

– И вытри снегом лицо, оно все грязное, – посоветовал он.

Девочка посмотрела на него так, будто он только что на ее глазах убил самого огромного кабана в лесу и принес ей тушу.

– Спасибо, – охрипшим от слез голосом сказала она, одной рукой прижала дерево к себе, а второй вдруг обняла его за колено.

Генри улыбнулся, выискивая взглядом кудрявого. Хватит развлекаться, пора переходить к делу.

– Ты что, парень, совсем дурной? – К ним протолкнулся хмурый мужчина в маске ворона. – Зачем приз такой дорожный моей грязноте отдал? Ну ладно, если отдал, и прав на него не будешь предъявлять, то и спасибо. Где там этот посланник? Они ж за такие штуки кучу денег отваливают! Эй! Идите сюда! – Он вырвал деревце из рук у девочки и потряс им над головой. – Сколько дадите?

Девочка опять начала издавать грустные звуки, и Генри аккуратно выдернул дерево из рук мужчины, дал ей и хотел было отойти, но тут хмурый схватил его за плечо, второй рукой опять выхватывая дерево.

– Ты чего расправляешься? Сам сказал – не будешь права предъявлять, вот и вали отсюда.

Генри медленно обернулся. Вот этот человек был похож на тех, которых описывал отец.

– Верни ей эту штуку. Она скулит.

– Тебе какое дело? Сэм, это ты, что ли? – Хмурый дернул рукой в сторону Генри, пытаясь снять маску, но тот, конечно, успел отклониться в сторону. Голос осторожности твердил ему: «Замолчи и скрывайся». Но что-то другое, похожее на охотничий азарт, кричало: «Давай, давай, покажи им, если надо – подерись, ты ведь ничем не хуже их, так пусть они это знают».

Узнать, какой из голосов победит, Генри не успел: кудрявый, который все это время стоял неподалеку, подошел к ним.

– Наконец-то явились! – проворчал хмурый. – Сколько дадите за эту штуку?

– Нисколько. Юноша прав – он отдал приз ей, а не вам. – Кудрявый кивнул Генри и опять повернулся к хмурому.

А толпа тем временем, поняв, что развлечение теперь здесь, собралась вокруг них. Голос осторожности в голове Генри застонал.

– У каждого должен быть хоть один предмет, который не продается. – Кудрявый вытащил из руки хмурого дерево и протянул девочке: – Береги подарок, детка. Отнимут – вызывай меня.

Все вокруг застыли, и по их позам Генри понял: они чем-то поражены, хотя чем, он понятия не имел.

– Сумасшедший посланник, – прошептали рядом.

– Не такой уж и сумасшедший, – громко сказал кудрявый и выпрямился. – А теперь прошу всех вернуться к развлечениям и поздравляю с Зимним днем. Желаю вам в наступающем году выбрать себе другого старейшину. Ваш грозился убить меня, а это, как вы понимаете, преступление, и я доложу о нем в столице. Но я уверен: эта идея принадлежала только ему, а вы все не имеете к ней отношения.

Стало очень тихо, и в этой тишине ясно разнесся стон толстяка:

– Ах ты хитрый мерзавец. Э, да вы чего, ребята! Он же нас опозорить хотел!

Толпа рассерженно зарокотала и повернулась к нему, и Генри понял по их позам, по наклоненным головам – они серьезно разозлились на вожака своей стаи.

– Кстати, я вас сразу узнал и по глазам, и по стрельбе. – Кудрявый посмотрел прямо на Генри, и сердце у того медленно поползло вниз. – Уделите мне пять минут?

Он протянул Генри правую руку со сжатыми пальцами, и тот отшатнулся: вдруг это прием драки? Но кудрявый сразу убрал руку. Издалека доносилась ссора старейшины с людьми, а на них больше никто не обращал внимания. Правда, девочка так и стояла, привалившись головой к его колену – отец, кажется, про нее забыл, – но от нее вряд ли можно ждать вреда.

– Не бойтесь, у меня нет с собой ни оружия, ни наручников. Я просто хочу поговорить. Они ведь не ввали, верно? Вы можете уничтожить предметы прикосновением.

Генри настороженно смотрел на него. Глаза у кудрявого были добрые. И он отдал девочке дерево. И пока не нападал. Генри мельком оглядел его полушубок: кажется, карманы и правда были пусты.

– Но знаете, чего я не понимаю? Наследник разрушителя должен быть абсолютным злом, ну, так я всегда представлял. Но вы нас не убили и отдали ребенка свой приз.

Кудрявый вдруг стянул маску и запустил руку в волосы. У него было бледное, взволнованное лицо.

– Понимаете, что-то странное творится, – сказал он. Он говорил с Генри так спокойно, будто они давно знакомы. Так же говорил рыжий человек на дороге. – Два парня из этой деревни утверждают, что видели Барса, но что-то не похожи они на избранных воинов. – Он с сомнением посмотрел туда, откуда доносились крики: «Пап! Чего все на тебя сердятся?»

– Так он правда не просто зверь? Слушайте, я с ним ничего не делал. Мы с ним просто прятались в одном и том же месте. Я в него не стрелял, – торопливо объяснил Генри. Не хватало еще, чтобы они сказали, что он и тут виноват.

Кудрявый повернулся к нему так медленно, будто у него все кости примерзли друг к другу.

– Что? Повторите, что вы сказали?

– Я его хотел догнать, побежал за ним, но даже выстрелить не успел – он куда-то исчез, а я из-за него на вас напоролся.

Кудрявый тяжело сглотнул.

– В сказках Барс всегда приводил героя к тем, кто может ему помочь, – сдавленно пробормотал он, во все глаза глядя на Генри. – Провалиться мне сквозь землю.

Кудрявый продолжал на него странно смотреть, как будто ждал, что Генри сейчас закричит что-то вроде: «О, не может быть, теперь-то я все понял!», но Генри только терпеливо спросил:

– Так в чем проблема-то?

– Да уж, такой сказки у нас еще не было.

Генри застонал и чуть не прижал ладонь к лицу, но вовремя вспомнил про маску.

– Слушайте, да объясните мне, наконец, в чем дело!

И в эту минуту, словно в ответ на его вопрос, над площадью разнесся голос, такой громкий, глухой и странный, что все обернулись.

– Господа и дамы! Прошу минутку внимания.

На повозку, где выступал рыжий фокусник, залез человек в темно-лиловом плаще с капюшоном. Лицо его было закрыто железной маской.

– Эй, приятель, это моя повозка, если ты не заметил! – Рыжий фокусник стянул с головы маску лиса. Вид у него был рассерженный. – Хочешь свои фокусы показывать – ищи другое место.

– Слезь отсюда, – сказал человек с железным лицом.

И что-то такое было в его голосе, что у Генри волосы на затылке встали дыбом. Он знал это чувство. Угроза. Опасность.

Рыжий, кажется, это чувство тоже знал.

– Да, приятель, добро пожаловать на мою повозку. А я пойду поем, хорошего тебе представления, – быстро сказал он и торопливо, приволакивая ногу, слез на землю.

Теперь на повозке с надписью: «Лучший фокус, какой вы видели» стоял только человек в плаще. Но тут над площадью разнесся возмущенный вопль, и в следующую секунду на повозке было уже два человека. Все на площади, кроме Генри, потрясенно ахнули и забили ладонями: Генри уже понял, что у людей это знак одобрения.

– Ах ты подлец! – рявкнул Тис и сорвал с себя маску. Генри даже не представлял, что старик может быть в такой ярости. – Думаешь, я не знаю, почему ты здесь? Избранный под моей защитой, Освальд. Ты ему ничего не сделаешь. А вы прекратите хлопать, все серьезно!

Люди захлопали сильнее, и Тис побагровел так, будто в горле у него застряла рыбная кость.

– Ну что ты, в твоём возрасте не стоит так волноваться, – спокойно сказал человек с железным лицом. – Меня не волнует, кого там выбрал Барс. Я про них уже слышал, и знаешь, с такими героями вы далеко не уйдёте. Я пришел за своим новым воином – имею полное право, разве нет? Его хорошо спрятали, но глупо было думать, что я не найду того, кто унаследовал силу разрушителя.

– Что ж раньше не нашел? – перебил Тис.

– Сам знаешь, на детей магия поиска не действует. Но вчера ему исполнилось шестнадцать, так что...

Тис растерянно нахмурился и потерял бороду.

– Уверен, что не ошибся? Не могут оба быть из одной деревни.

– Ему покорился огненный камень. – Человек с железным лицом, которого Тис назвал Освальдом, пожал плечами и ткнул пальцем прямо в сторону Генри. – Он стоит вон там. Юноша в белом полушубке и маске льва.

Вот тогда и надо было бежать. Надо было хоть что-то сделать, но Генри не сдвинулся с места, потому что поймал взгляд Тиса. Тот смотрел на него застывшим, потрясенным взглядом, будто Генри – невиданный зверь, который сейчас разорвет его на клочки, и сердце у Генри так противно сжалось, что он, как последний идиот, пропустил момент: чья-то рука из толпы сорвала с него маску, и в ту же секунду раздался сдавленный, потрясенный крик толстяка:

– Это же... Это он! Нелюдь! Прямо здесь!

Отголоски его крика прошлестели по плотно сбитой толпе, и все маски медленно повернулись к Генри.

– Молчать! – вдруг рявкнул человек с железным лицом, и что-то такое было в его голосе – он остановил бы даже стаю волков.

Все замолчали. Снег шел все чаще и чаще, большие мягкие хлопья подпрыгивали и кружились в воздухе легко, как пепел.

– Так вот оно что, – протянул Освальд и переплел пальцы рук. Даже перчатки у него были обшиты железными пластинами. – Значит, вот что Барс придумал. Решил выбрать моего наследника, чтобы тот сражался на его стороне. По какому же это праву? – Железная маска повернулась прямо к Генри, и Освальд вытянул вперед руку: – Пойдем, Генри. Не слушай старика. Он трус, ничего хорошего от него не жди. Все просто: ты поможешь мне уничтожить Сердце, а я за это дам тебе такую власть, о какой ты и мечтать не мог. Используешь свой дар в полную силу. Я ведь знаю: это доставляет тебе удовольствие. Всех этих людей ты поставишь на колени. Никто тебя больше не тронет, никто не обидит. Пойдем.

Генри не двинулся. Ему не хотелось никого ставить на колени.

– С ума сойти, – вдруг произнес звонкий, громкий голос. Генри покосился в сторону: рыжий парень протиснулся через толпу и встал рядом с ним. – Слушайте, какое представление! Появления из ниоткуда! Костюмы! И тексты такие красивые! Умоляю, возьмите меня к себе в труппу, я на вас бесплатно буду работать. Замолвишь за меня словечко, приятель? – Парень приложил руку к груди, и даже сквозь панику Генри чуть не засмеялся. Тот смотрел на него с той же надеждой, что и девочка, которая по-прежнему стояла рядом.

– Барс хочет перетянуть тебя на свою сторону, потому что боится тебя и твоей силы. – Освальд сухо рассмеялся. – Не обманывайся, ты никогда не станешь героем людей. Им нужен другой герой – безупречный, приторно-добрый. Нельзя изменить то, каким ты родился, так

что выбери свою сторону с умом, Генри. Ты ведь охотник, ты знаешь: сила всегда побеждает. Подойди.

Генри коротко поглядел на всех вокруг. Рыжий парень поймал его взгляд и поднял вверх большой палец – улыбка у него была во все лицо. Девочка по-прежнему прижималась к его колену. Кудрявый смотрел с надеждой, он как будто что-то молча хотел сказать ему. Эти трое почему-то не боялись его, даже зная, кто он такой, – и ему вдруг стало легче. С места он так и не двинулся.

И Освальд опустил руку.

– Ты об этом пожалеешь. – Он хрипло втянул воздух. – Какая милая деревня. И какая жалость, что скоро она сгорит! – Его голос взвился вверх, завораживающий и странный, его невозможно было не слушать, он будто проникал прямо в голову. – Жители Хейверхилла, хватайте его! Он пришел сюда убить вас и ваших детей! Уничтожить ваше имущество! И я говорю вам: избавьтесь от него! Кстати, посланников я тоже вызвал, но думаю, вам захочется разобратся до их приезда.

И в ту же секунду все вокруг будто очнулись.

Снег валил крупными, частыми хлопьями, так что Генри уже не различал лиц – просто что-то разноцветно-белое, беспокойно движущееся на месте. От нескольких ударов он успел уклониться, но тут кто-то бросился на него сзади, и Генри рухнул лицом вниз, сбив пару человек с ног. «Ты трогал мою дочь, тварь, ты убить ее хотел!» – закричали ему в ухо. Генри ударил локтем назад, перекатился и вскочил на ноги, и хмурый бросился на него снова. На этот раз Генри был готов, он ушел от удара и врезал в ответ. Хмурый отшатнулся, но тут же снова бросился в драку яростно и неумело. Вокруг взревели, будто заражаясь его яростью, и Генри вздохнул. Сами напросились.

Он успел отшвырнуть от себя человек пятнадцать, когда его ударили по голове чем-то тяжелым с такой силой, что на секунду все вокруг потемнело, а когда прояснилось, он лежал, вжимаясь виском в снег, его пинали со всех сторон, кричащие маски нависали сверху. Генри почти удалось подняться на колени, когда, расталкивая всех, к нему с ревом пробился толстяк, навалился сверху и занес кулак. Генри вывернулся, сбрасывая его с себя, и кулак врезался в землю. Нельзя, чтобы к нему прикоснулись голой рукой, – он понятия не имеет, что тогда будет, даже отец никогда так не делал. Генри перекатился, наталкиваясь на чьи-то пинки, но его прижали к земле, наступили на руки. Он забился – бесполезно, держали крепко. Снег оседал ему на лицо, короткие, легкие уколы холода. Толстяк снова занес кулак, и в эту секунду Генри наконец так испугался, что кровь за секунду разнесла страх по телу, до кончиков пальцев, он зажмурился, времени ни на что больше не было, оно закончилось, и тут...

Генри обдало жаром, толстяк слетел с него, а толпа рванулась в стороны, расплзлась, как старая ткань. Сразу стало легче дышать, Генри запрокинул голову, пытаясь оторвать ее от земли, и зубы у него стукнули так, что он прикусил себе язык.

Толстяка прижимало к земле странное существо, похожее на волка, – темно-серое, как сгустившаяся тень, а под этой оболочкой, внутри, тлел огонь. Неподалеку прямо из-под снега вылезла птица, рядом – кабан, и Генри наконец понял, из чего сделаны эти существа. Это не тени – это пепел. Они словно откапывали сами себя из-под земли, появлялись там, где только что был ровный снег. Птицы, волки, лисы из пепла, с теплящимся внутри огнем. Но двигались они, как настоящие. Заяц прыгнул на ближайший навес, тот занялся пламенем. Лиса бросилась переворачивать прилавки, заметалась между ними как безумная. Волк стоял над толстяком, прижимая его передними лапами к земле, тот вопил – на нем тлела одежда, – а волк повернулся и уставился на Генри.

Крик разрастался, катился по площади, как огонь по сухой траве. Люди наталкивались друг на друга и кричали, многоголосо, жутко, а существа наступали на них. Раздался жаркий треск: занялось деревянное крыльцо одного из домов, потом на ком-то из людей загорелась

одежда, и Генри вжался спиной в снег, от страха он не мог даже двинуться, кровь из разбитого носа стекала в рот, мешала дышать, а волк все ждал, глядя на него. Генри, спотыкаясь, поднялся на ноги: раз эта тварь хочет драки, пусть получит. Он уже понял: люди куда слабее, чем говорил отец, они не смогут остановить такое существо. А вот он попробует.

Но волк не бросился. Он слез с груди толстяка, – тот с рыданием перекатился набок, вжимаясь в снег ожогом на груди, – и Генри пригнулся. Морда волка была прямо перед его лицом, так похожая на настоящую. Вот только от нее веяло жаром, как от раскаленной головни.

А потом волк попятился и наклонил голову, едва не касаясь носом земли. Остальные твари замерли и сделали то же самое. Генри вдохнул глубже, пытаясь успокоиться, потом еще раз и еще. Пепел, что впитался в снег. Вот откуда они взялись. Он замороженно посмотрел на свою правую руку. Она до сих пор казалась горячей – с той самой секунды, как он сломал тот камень. И Генри вдруг понял – еще одно знание, которое пришло будто из ниоткуда: твари подчиняются ему. Они сделают все, что он скажет. Что угодно. Надо просто выбрать жертву, двинуть рукой – и они бросятся. Генри чувствовал, что сила бьется в нем, как кровь, и огонь внутри тварей горел все ярче.

Он огляделся. Кудрявый сидел на снегу, белый как полотно, с разбитой бровью, – кажется, его тоже побили, хотя его-то за что? Девочка испуганно плакала, прижимая к себе деревце. Рыжий парень, тоже изрядно помятый, восхищенно смотрел на тварей и вытягивал шею, пытаясь разглядеть их с разных сторон, и бормотал: «С ума сойти, вот это трюк, как же это сделано, а?» Тис замер все с тем же испуганным, остекленевшим взглядом. А Освальд... По его позе, по взгляду Генри вдруг понял: ему это нравится.

А потом до него дошло кое-что еще так ясно, будто все в голове залило холодным серебристым светом.

Люди боялись его. Они охотились на него не потому, что завидовали его дару.

Он может приказать этим тварям убить их. Сжечь тут все дотла.

Все, что он знал о людях по рассказам отца – ложь.

Вся эта история про Сердце – правда.

Отец знал, кто он такой, и поэтому спрятал его.

И да, кажется, судя по этим тварям, он и правда наследник какого-то жуткого типа, который жил триста лет назад.

Но Барс выбрал его – и это тоже правда. Барс смотрел на него тем странным взглядом, как будто знал его.

Генри показалось, что вдоль позвоночника ему провели куском льда. Он поднял взгляд. Никто больше не пытался на него броситься, да уж, он бы на их месте тоже не стал: твари окружали его плотным кольцом, отгораживая от всех. Он увидел себя будто со стороны, и ему захотелось дико, до слез расхохотаться от того, во что превратилась его жизнь за последнюю пару часов.

Волк поднял свою раскаленную морду и посмотрел на Генри, ожидая приказа. Освальд, кажется, приподнялся на носках, только бы видеть, что произойдет.

– Проваливайте, – еле шевеля распухшими губами, сказал Генри.

И сжал руку в кулак. В ту же секунду твари погасли и рассыпались в пепел, и пепел сразу впитался в снег.

Освальд разочарованно выдохнул. Генри оглядел толпу. Люди прижимали к себе детей, с ужасом глядя на Генри.

– Его не трогать, – кивнув на кудрявого, пробормотал он. Ему казалось, что он весь набит изнутри стеклянными осколками и они пытаются прорвать кожу.

– Эй, а я? Я тут тоже вообще-то ни при чем! – зажимая разбитый нос, возмутился рыжий. – Отличное представление, но почему меня-то побили?

– Этого тоже не трогать, – прибавил Генри, коротко взглянув на него.

А потом развернулся и бросился по первой попавшейся улице, едва заставляя себя втягивать воздух. Толпа расступилась перед ним, никто не пытался помешать. Улицы были пусты: наверное, все ушли на площадь. И он бежал, сам не зная куда, бежал, пока не свернул за какой-то угол и не врезался в человека.

Генри отлетел назад и замер, тупо глядя в землю. Он знал, что это случится в одном из переулков рано или поздно. Снег шел все гуще, Генри чувствовал, как он попадает в рот, – мягкие, мокрые крупинки.

– И почему ты мне не сказал, кто ты такой? – тяжелым голосом спросил Тис.

– Ты не спрашивал. Я просто... Я же не знал, что... – Он судорожно вдохнул. Легкие горели. – Отец мне всегда говорил, что со мной все в порядке. Что люди злые и жестокие и они просто завидуют моему дару, но на самом деле... – Голос у него мерзко задрожал, будто сейчас сорвется. – На самом деле это они боятся меня. Это не они чудовища. Это я чудовище, верно? – Голос дрожал все сильнее, и Генри замолчал и сгорбился, глядя на свои руки.

– Отдай мне остальные камни, – сказал Тис. Голос у него словно заledenел.

– У меня их нет! Те люди просто их уронили на... на дороге. Я же не знал, что... – Генри втянул воздух и вытер рукавом кровь, только сейчас заметив, что она по-прежнему капает с подбородка на снег. – Я сломал один, сам не знаю зачем, и оставил остальные там.

Тис тяжело вздохнул и обеими руками потер лицо.

– Неудивительно, что тебя к ним потянуло. Камни сделаны так, что сломать их и освободить тварей может только разрушитель. Ты испугался, поэтому они явились. Они могли сжечь дотла всю деревню. Вместе с людьми.

– Но я этого не хотел! Я только хотел выбраться, я не хотел никого убивать, я... – Он задышался. – Слушай, Тис, к отцу я не пойду. Я уже все понял. Он мне врал. Я готов начинать. Прямо сейчас.

– Ты о чем?

– Поход. Ты сказал, если найти Сердце, у всех появятся дары, хорошие, как раньше, верно? И у меня тоже, верно? Верно? Все просто, да? Я найду это Сердце, и у меня появится хороший дар, а не этот. Этого больше не будет. – Он приподнял трясущиеся руки. – И я смогу жить там, с людьми. Ведь да?

Тис выдохнул и потер лоб. Генри вдруг понял, что Тис делает все, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Послушай, Генри. Либо Барс сошел с ума, либо решил подшутить. Ты наследник разрушителя, у тебя его сила, и ты не можешь идти в поход за Сердцем. Не можешь быть избранным Барса.

– Почему?

– Потому что так не бывает. Человек с таким даром, как у тебя, не может стать героем. Если бы ты был обычным, я имею в виду... нормальным. Я бы помог тебе. Но у нас ничего не выйдет. Я знал того разрушителя, Генри. – Тис прерывисто вдохнул. – Ты хороший парень, я вижу это. Но этот дар... – он помотал головой, – разъедает изнутри, как черный огонь, убивает и обладателя, и всех вокруг него. Тебе нельзя находиться рядом с людьми. Я перенесу тебя туда, где мы встретились, и там мы расстанемся. Ты ведь хорошо знаешь лес? Тебе надо спрятаться. Тебя будут искать все – и Освальд, и посланники, и король, и люди из вашей деревни.

Тис замолчал, словно ждал ответа, но Генри не двигался, только смаргивал снег – такой густой и частый, будто кто-то швырял его горстями в лицо.

На этот раз Тис не просил Генри дать ему руку, просто взял его за плечо, и в следующую секунду они стояли посреди заснеженного леса.

– Я тут еще кое-что вспомнил, – по-прежнему не глядя на Генри, сказал Тис. – Барс велел передать тебе вот это. Мою склянку вызова. Если разбить ее голой рукой, я сразу приду. Если тебя найдет Освальд, или посланники, или люди из вашей деревни – зови, помогу.

Он подал Генри маленькую, размером с мизинец, склянку из зеленого стекла, с такой же пробкой. Склянка тускло поблескивала на ладони Тиса, как будто отражала свет, но света вокруг не было, только снегопад. Генри протянул руку и взял.

– В прошлый раз я видел, что случилось с таким, как ты. Не хочу увидеть это еще раз. – Тис переступил с ноги на ногу, глядя в сторону. – У тебя нос разбит. Я сейчас принесу кошку.

– Не надо. Убирайтесь из моего леса, – бесцветно пробормотал Генри, развернулся и, не оглядываясь, побрел через сугробы.

А потом остановился и швырнул склянку в темноту. Та блеснула искрой вдалеке, и снег бесшумно ее проглотил.

* * *

К тому времени, когда Генри дошел до дома, метель начала утихать, снежные хлопья падали все реже. Вокруг было столько снега – дом будто провалился в него, темный и маленький, с едва заметным огоньком в окне.

Когда он открыл дверь, отец сидел у огня, вырезал стрелы и от своего занятия не оторвался. Генри медленно, словно к ногам были привязаны камни, опустился на стул рядом с ним.

– День Угрозы? Старики и дети, вооруженные до зубов? Жуткая, защищенная от врагов деревня? – выдавил он, глядя прямо перед собой. – Пап, зачем?

От огня снег на его полушубке тут же начал таять, вода часто капала на пол. В этом звуке было что-то невыносимое, как весной, когда тает снег и капли падают с крыши на землю, будто твердят с утра до ночи, что одно время кончилось и началось другое, и сердце у Генри грохотало быстро, сбивчиво, будто на нем тоже растаяла ледяная корка.

В глубине души Генри надеялся, что отец скажет: «Что ты несешь?», но тот длинно выдохнул и откинулся на спинку стула.

– Дар у тебя проявился, когда тебе было четыре. – Голос у отца был тяжелый и ровный, будто он отрубал каждое слово топором. – Я сразу понял: ты и есть тот самый ребенок, появление которого было предсказано. Наследник темной силы разрушителя. Я хотел тебя уберечь. Решил спрятать как можно дальше. Думал, никто про тебя не узнает и все обойдется. Не обошлось, верно? Я видел дым над деревней. – Отец в упор посмотрел на него, и по его взгляду Генри понял: отец думает, он сделал что-то ужасное.

И Генри все рассказал ему, сбивчиво, захлебываясь словами. Про охоту, рану, барса, странного старика и его кошек, ярмарку, человека в железной маске, огненных тварей, драку.

Когда он договорил, отец вдруг засмеялся. Он даже улыбался редко, и Генри в жизни не слышал, чтобы он заливался таким хохотом.

– Серьезно? – простонал он. – Барс выбрал тебя? Это же смешно, Генри, давай засмейся! – Он вытер глаза. – Триста лет все ждали, что появятся два новых великих воина, светлый и темный, и сразятся за Сердце волшебства. Два, понимаешь? Кому в голову могло прийти, что обе стороны выберут одного и того же человека? Ох, Генри. Я всегда знал, что ты особенный, но это даже слишком. Я когда увидел следы, думал, Барс пришел убить тебя. Ну, знаешь, устранить противника, а я ничего не смогу сделать. Ну и поворот! А теперь ответь на два вопроса. Почему у тебя такое мрачное лицо и почему ты все еще здесь?

Генри непонимающе заморгал, и отец терпеливо договорил:

– Какой-то старик с кошками отказался помогать тебе. И что? Ты же сказал, он уже дал тебе подсказку? Так давай, найди Сердце. – Отец нагнулся, глядя ему в глаза. – И Барс, и Освальд выбрали тебя, – значит, ты можешь это сделать. А теперь прекрати трястись и хлопать носом и верни обратно моего самодовольного сына, который не боится даже кабанов в два раза больше себя.

Генри вытер нос и надтреснуто, жалко рассмеялся.

– А кстати, что с кабаном стало? – пробормотал он.

Отец махнул рукой.

– Рад, что у тебя нет других вопросов. Бросил в лесу. Небось охотники прихватили, да и ладно.

– Пап, я... я не смогу. Я не знаю, куда идти, я даже подсказку не понял.

– Генри, я уверен, что мы с тобой...

Отец вдруг вскинул голову, распрямился и быстро подошел к окну.

– Как они успели? – каким-то треснувшим голосом пробормотал он.

Отец открыл дверь и уперся обеими руками в края дверного проема. Генри подошел к нему. У подножия горы двигались мигающие огни – факелы.

За всем этим кошмаром Генри совершенно забыл слова Освальда, что тот вызвал посланников. Вот идиот, как он мог забыть?

– Генри, прекрати смотреть на меня, как олень под прицелом, и соберись. Да не вещи, на них времени нет! Возьми только нож, лук и стрелы. Бери мои, я уже вижу, что свои ты потерял.

В метели сквозили рыжие огни факелов, слабые, едва не гаснущие под снегом. Сначала Генри насчитал двадцать, теперь понял – больше, они подбирались со всех сторон.

– Мы на самом севере, дорога тут только одна, и ее наверняка перекроют. Вот что. Иди строго на юг, пока не увидишь большое озеро.

– Озеро? – тупо повторил Генри. Все вокруг, вся его жизнь за два этих проклятых часа взяла и развалилась на куски.

– Большая вода. Как река, но круглая. Дойдешь – сворачивай налево и на перекрестке с большой дорогой увидишь постоянный двор, – торопливо сказал отец. – Там вечно толпится всякий люд, и никто не обращает внимания на незнакомцев. Заночуй там, возьми денег. – Отец вытащил из кармана и сунул ему в руку три плоских золотых круга, вроде тех, что он видел на ярмарке.

Генри хотел было спросить, как этим пользоваться, но отец перебил его:

– Быстрее, Генри. Посланники – это не деревенские охотники-болваны. – Отец шагнул в сторону от двери, уступая Генри дорогу. – Надо, чтобы они думали, что ты еще здесь.

Генри растерянно посмотрел на огни. Потом на отца. Он хотел было сказать, что ни за что не даст отцу это сделать, но тот взял его за плечи и встряхнул так, что Генри чуть не стукнулся затылком о стену.

– Я разберусь. Докажи мне, что я не зря тебя учил. Если ты все сделаешь, никто больше не посмеет тебя травить. Ты найдешь Сердце, чего бы это ни стоило, ты меня понял?

Генри расправил плечи и отрывисто кивнул.

– Вот и молодец. – Отец хлопнул его по спине, он выглядел так же, как всегда, но Генри видел – плечи у него горбились, будто он нес на них тушу волка. – А теперь беги, как ветер.

Генри уже открыл рот, чтобы сказать: «Когда все это закончится, я найду тебя, папа, где угодно тебя найду», – но отец толкнул его за порог с такой силой, что он понял: больше тот не ждет от него никаких слов.

* * *

Не оглядываясь, он помчался вниз, стараясь держаться ближе к скалам, и понял, что снег стал падать куда реже, – теперь он будет виден как на ладони. И тут сзади, от дома, раздался крик и грохот, как будто ломали что-то деревянное.

– Помогите! Сюда! Кто-нибудь! – закричал отец, его голос раскатывался по склону, перекрывая даже вой ветра. – Он хочет меня убить! Сюда! Спасите!

Расположение факелов изменилось – они стянулись теснее, и Генри помчался туда, где между соседними факельщиками появилось свободное место. Их было много, но у него было перед ними преимущество: они, наверное, никогда не носились весь день по лесу, пытаясь уйти от погони. Генри мчался бесшумно, как тень. Отец всегда говорил ему: «Самое главное, что понадобится тебе в жизни, это умение быстро бегать».

Один факел вдруг оказался прямо перед ним, а за факелом – белое, мрачное, будто сделанное из снега лицо. Этот человек не сможет выстрелить из лука – одна рука занята факелом. И Генри понесся прямо на него, сбил на снег и аккуратно двинул локтем в затылок, прежде чем тот успел даже крикнуть, – пусть отдохнет минут десять.

Генри обернулся: огни факелов остались в стороне, теперь все они двигались прямо к дому.

Он в последний раз увидел очертания крыши, а потом пропали и они, как будто дом поглотил снег.

Тьма вокруг стала гуще, а затем снова побледнела, словно кто-то в небе никак не мог решить, день сейчас или ночь. Луна выглянула в щель между тучами, будто провертела в них дыру и решила подглядеть, как идут дела внизу. Снегопад кончился, мир вокруг стал равномерно бледным. Луна появлялась и уходила снова, и от этого свет все время менялся; казалось, по снегу пробегают тени чего-то бесплотного, невидимого глазу.

Генри знал этот лес наизусть и не разрешал себе смотреть по сторонам, чтобы не прощаться. Он бежал, пока не добрался до места, где кончался знакомый лес, до границы, за которую отец запрещал ему заходить. Генри никогда еще не нарушал это правило.

Река была узкой, темной и быстрой, почему-то она никогда не замерзала, даже в самые лютые морозы. В детстве Генри часто ходил сюда и мечтал перебраться на другую сторону. Потом перестал.

Черная вода катилась мимо, голые ветки тянулись к ней с обоих берегов, обвисшие, как руки с переломанными пальцами. На другом берегу были такие же сосны, такие же кусты, но как будто даже снег на ветках щетинился по-другому, опасный, чужой.

Генри разулся, закатал штаны до колена, выдохнул и вошел в ледяную воду, держа сапоги в руке. Он вернется. Станет обычным, нормальным, и они с отцом будут жить вместе с другими людьми, охотиться, им не придется прятаться, и никто его больше не тронет.

На другом берегу он обулся и, не оборачиваясь, потащился вверх по склону.

* * *

Генри не знал, сколько времени прошло, просто шел, даже не глядя по сторонам, пока не понял, что снег стал не таким глубоким, сосны теперь попадались все реже и реже и вдруг закончились совсем.

Здесь скалы обрывались, уходили резко вниз, а то, что начиналось за ними, казалось невыносимо огромным. Как будто мир кончался здесь, и там, внизу, все было по-другому, среди сосен попадались другие деревья, незнакомые, с толстыми узловатыми ветками, такими черными, словно снег на них не держался. А дальше до самого горизонта тянулось что-то влажно блестящее, как река, но круглое. Озеро, вспомнил Генри. Это называется озеро.

Он посмотрел вниз – склон был покрыт старыми корнями, намертво сплетенными друг с другом. По ним можно спуститься. Внизу скалы и голый камень – там он не оставит следов. Его не найдут.

Надо было сначала забраться подальше, но Генри тяжело опустился на камни, свесив ноги вниз. Плотные серые тучи шли широкими прорехами, словно высыпали весь снег и обессилели, стали тонкими и полупрозрачными, как старая тряпка. И в эти полосы между тучами было

видно небо: иссиня-черное, пугающе глубокое. Ветер утих, больше не двигалась вокруг ни одна ветка.

А потом Генри повернул голову влево – и подавился воздухом. На заснеженном пне стояла склянка из зеленого стекла.

Генри огляделся. Но лес вокруг был застывшим и тихим, ни движения. И тогда он положил склянку в карман и начал спускаться вниз, держась за мерзлые корни.

Склон скоро закончился, теперь под ногами были камни, и даже они были не такими, как в горах рядом с домом. Генри вздохнул и быстро пошел вперед. Когда выбираешь дорогу, никогда не надо думать слишком долго – так говорил отец.

С каждым шагом идти становилось все легче.

Глава 3

Братья Кэмпбеллы, вперед!

Генри увидел то, что искал, когда солнце начало клониться к закату, а он сам уже совсем выбился из сил. Он шел всю ночь и весь день: раз отец сказал дойти до озера, значит, с этого и надо начинать. И вот теперь за редкими, незнакомыми деревьями блестело озеро. Перед закатом солнце разгорелось ярче, будто на прощание решило постараться, искры дробились на воде, и Генри, придерживая лук на плече, бегом бросился вперед.

Берег был пологий, с плоскими светлыми камнями, а дальше... Генри выдохнул. Он даже не видел, где заканчивается эта вода. Так много воды, почему она не замерзла? Между озером и кромкой леса шла утоптанная тропинка. Отец сказал, надо идти по ней налево, и там будут люди.

Он отошел подальше от тропинки и сел на поваленное дерево. После вчерашнего перехода босиком через реку его знобило, и он за весь день так и не смог согреться. По веткам носились белки, у Генри рука так и тянулась к луку, но без костра дичь смысла не имеет, а костер разводить нельзя, чтобы посланники его не выследили, и он постарался не думать о голоде и не дрожать. Отдохнет немного и пойдет дальше. Мысли были медленные и сонные, будто голова набита горячей паклей. Он сам не заметил, как задремал от усталости, – непротерпимая, ужасная оплошность, отец был бы в ярости, если бы узнал.

А проснулся оттого, что вдалеке слышались голоса и шаги.

Времени, кажется, прошло совсем немного: солнце по-прежнему клонилось к закату. Генри вскочил и прислушался. По тропинке шли двое. Скорее всего, пройдут мимо. Лучше не бежать – бегущую фигуру заметить легче, – просто спрятаться. Только вот эта дурацкая местность ровная, как доска. Генри привык прятаться в горах, где всегда можно найти укромный угол, но здесь любой выбор будет одинаково плох, так что... Генри присмотрел толстенное, в два обхвата, дерево, и притаился за ним.

А потом люди подошли ближе, и он узнал их голоса.

– Слушай, Хью, а у нас точно получится? – сказал один. – Я как-то не уверен.

– Помолчи и не ной. Когда в нашей семье делили мозги, все достались мне, так что захлопнись и дай подумать, как нам быть.

Это были те самые охотники, от которых он прятался на берегу реки. Те самые, которые пытались на ярмарке убедить толстяка, что видели Барса. Генри едва не застонал: откуда они вообще могли здесь взяться?

– Значит, так, слушай меня, – сказал тот, у которого голос был тоньше. – Будешь делать, что я тебе говорю. У меня есть план, и не один.

– Хью, ну ты и мозговитый!

– Я знаю. Поймаем мы эту белку, просто слушай, что я тебе говорю. Для начала надо зайти поглубже в лес. Я слышал, белки к вечеру прямо гроздьями на ветках висят. Пошли, мордастый.

Голоса оказались совсем рядом. Генри осторожно высунул голову из-за дерева. С берега озера в его сторону шли двое парней. Один был темноволосый и пухлый, лицо у него было круглое, как полная луна. Второй – невысокий и хилый, с бесцветно-белыми волосами. Теперь на них были не охотничьи полушубки, а короткие синие куртки и полосатые шарфы. У каждого на плече болтался большой, плохо сделанный лук и колчан с кривоватыми стрелами.

Они остановились на поляне, где прятался Генри – как будто не могли во всем лесу выбрать другого места, – и он вжался в кору. Его душил кашель, и он со всей силы сжал зубами перчатку.

– Первый пункт в моем плане был: «Схватить первую попавшуюся белку и сбежать, пока остальные не пришли за нее отомстить», – сказал хилый. – Но никаких белок тут нет, так что этот пункт вычеркиваю. Пункт второй: «Позвать белок». Я слышал, надо свистеть.

Хилый свистнул. Получилось не очень.

– Я знаю, знаю, что надо делать! – радостно завопил мордастый. – Я придумал! Гляди!

– Твой план – причмокивать и бить ладонью по колену? Сван, ну ты и тупица! Прекрати!

– А что? Собак же так зовут! А белка – это почти как собака. Только маленькая.

– Да сколько раз повторять – просто слушай меня! Короче, переходим к третьему пункту плана: «Приманивать». Вот что я принес. Белки любят орехи, так?

Генри не выдержал и немного высунул голову из-за дерева. Такой охоты он не видел никогда в жизни. Хилый достал из кармана орех, вытянул ладонь и какое-то время постоял так. Белки, ясное дело, не появились.

– Может, они уже сытые? – неуверенно спросил мордастый, переминаясь с ноги на ногу. – Слушай, а вдруг у нас ничего не выйдет?

– Спокойно! Приступаем к четвертому пункту: «Делаем ловушку». Смотри, я беру свой шнурок, делаю петлю и кладу на снег. А теперь надо спрятаться за деревом и ждать.

– У меня есть мармелад. Может, перекусим пока?

– Нам не до того! Ладно, давай.

Какое-то время раздавалось только сочное, веселое чавканье. Генри ждал. Уйдут же они когда-нибудь. И вообще, зачем им белка, если у них уже есть пища?

– Слушай, белки же на деревьях живут, – наконец сказал мордастый. – Надо петлю на дерево повесить. А под дерево положить мармеладку. Белка ее увидит, побежит по стволу вниз и попадет лапой в петлю.

– Это мог придумать только такой болван, как ты. Ладно, давай попробуем. Подсади меня.

Они, пытаясь, приладили шнурок на дерево.

– Как-то нехорошо выглядит, – сказал мордастый, глядя на болтающуюся на ветке петлю. – На месте белки я бы к такой штуке близко не подошел.

– Тогда переходим к пункту номер пять: «Звать по-хорошему». Мама говорила, все животные понимают человеческий язык, просто притворяются, что нет. У тебя голос, как труба, встань и позови белок.

Мордастый гаркнул так, что Генри сильнее прижался к стволу дерева.

– Достопочтенные белки или любые другие животные! Не могли бы вы нам показаться! Нам надо убить кого-нибудь из вас, чтобы...

– Ты не умеешь вести переговоры, балбес! – завопил хилый. – Все приходится самому делать! Не могли бы вы показаться нам, чтобы... чтобы мы могли поближе познакомиться! Нам очень нужно всего одну белку! Вместо белки сойдет какая-нибудь птица, главное, чтобы ее легко было пой... пообщаться с ней. Спасибо за внимание! Все, теперь будем ждать, пока они придут.

– Хочешь пока сыграть в «Слопай меня, великан»? Я и карточки прихватил, и кубик.

– Сван, ты что, совсем тупой? Охотники не играют в настольные игры в засаде! Они приглядываются к каждой мелочи. – Хилый оглядел лес. – Я вот, например, подмечаю любое движение! Учись! Если кто-нибудь подкрадется, сразу замечу. А ты мне про игры! Тут дело серьезное!

Генри едва не прижал к лицу ладонь. Он двигался то чуть вправо, то влево, чтобы не попасть в их поле зрения, но если бы они как следует осмотрели местность, они бы заметили его еще минут пять назад. Не говоря уже про его следы, которые были, увы, отлично видны в паре метров от них.

– Мы, по-моему, для такого опасного приключения держимся неплохо, – пропыхтел мордастый, когда они отвязали шнурок от ветки.

– А то! И вообще, больно нужна нам эта охота! В походе нам это вообще не понадобится. Возьмем денег и будем покупать еду, как нормальные люди. Не понимаю, с чего папаша вбил себе в голову, что мы должны уметь стрелять, чтобы пойти в поход!

– Мы же будем великими героями, да, Хью?

– Ну, уж я-то точно.

– Великие братья Кэмпбеллы – хорошо звучит, да?

– Тихо ты! Великое у тебя только пузо. Подождем еще. А-а-а! Смотри!!!

Хилый заорал так, что Генри уже решил: все, его заметили, но потом понял, в чем дело. Темно-рыжая белка крупными прыжками пронеслась по веткам.

Мордастый вытащил стрелу, кое-как приладил ее на тетиву и выпустил. Стрела полетела куда-то в сторону. Генри думал, на этом все и кончится, но белка помчалась назад, прыгнула на дерево, за которым прятался Генри, и перескочила на следующее, будто и не думала скрываться. Братья вопили и стреляли во все стороны.

Приближался закат, и белок становилось все больше, они сновали по деревьям, можно вслепую попасть. У братьев тем временем кончились стрелы, и они долго их собирали. При этом, к счастью, ушли подальше от Генри. А белки все выскакивали из своих укрытий. Генри никогда не мог понять, что их так привлекает в закате, но они как будто провожали солнце – то одна, то другая вдруг застывала на задних лапах, глядя на ярко-розовый круг над горизонтом, и мчалась дальше. Свет был уже совсем вечерний, острый и мягкий одновременно. Братья носились вдалеке, плохо стреляли, ругали белок и трясли в их сторону кулаками. Закат коснулся снега последним лучом, и за секунду до того, как свет иссяк окончательно, белки бросились обратно по домам.

– Вы куда, эй! – наперебой закричали братья. Генри чуть не застонал. Если там все охотники были такие, с чего он вообще их боялся? – Мы не закончили! А ну вернитесь!

– Вам что, жалко? – звенящим голосом прибавил мордастый и снова натянул тетиву. – Папа нас в поход за Сердцем без этого не пустит! А нам надо пойти! Иначе мы героями вообще никогда не станем!

Генри едва не подскочил. Так вот в какой поход собираются эти двое. А что, если они откуда-то знают, где Сердце? Он, правда, не понял, какая связь между Сердцем и белками, ну и ладно. Такие олухи приведут его туда, куда нужно, и даже сами не заметят.

Он бесшумно привстал на колено, взял с земли лук, прицелился и выстрелил.

Запоздавшая белка упала с ветки и плюхнулась на снег.

– Попал! – крикнул мордастый. – Ура! Гляди! Вот это выстрел!

Они запрыгали, обнялись и бросились к лежащей на снегу белке.

– Сван, слушай... – начал хилый.

– Ты видел? Я король охотников!

– Сван, это не твоя стрела.

Братья посмотрели друг на друга. Потом мордастый боком подошел к белке поближе.

– Вот это стрела. Ровная какая. Не то что наши. И оперение такое аккуратное. Хью, откуда она тут взялась?

– Значит, тут кто-то есть кроме нас, тупица.

– А-а-а! – завопил мордастый, потом захлопнул рот, и стало очень тихо.

– Эй! Пап, это ты? – крикнул хилый.

Они огляделись. Никого, конечно, не было – Генри уже спрятался за другим деревом, там, где они не могли его разглядеть.

– Не, папа бы нам не стал помогать, – наконец решил хилый. – Он же сказал: если сами хоть одну белку подстрелите, тогда отпущу вас в поход. Зачем ему такое говорить, а потом самому стрелять?

– А я знаю, – тихо сказал мордастый. – Это какой-нибудь добрый дух леса нам помог.

– Да ладно, не будь болваном! Не бывает никаких добрых духов леса! Я уверен, эту стрелу просто... просто принес ветер! Точно!

– А я уверен, что добрый дух! Давай ему за это какой-нибудь подарок оставим! Думаешь, он захочет игру «Слопай меня, великан»?

Мордастый начал копаться в карманах, но хилый хлопнул его по руке.

– Да брось ты! Игра нам самим пригодится – в походе будет чем заняться! Зачем нам задабривать какого-то мелкого духа, когда мы идем навстречу приключениям и в этот лес больше не вернемся? Я сюда ни ногой – охоты с меня на всю жизнь хватило! Запомни: подарки раздавать надо только тем, от кого еще и в будущем помощь потребуется, а так – на всех не надаришься!

– Но он же...

– Бери белку и пошли. Только надо стрелу вытащить, а то папаша догадается, что мы ее не сами прибили.

– Выглядит ужасно. Прямо из белки торчит. Я не смогу. Вытащи сам.

– И не подумаю. Я придумал план, а ты вообще ничего не делал. А ну вытаскивай быстро!

Мордастый, зажмурившись, зачем-то уперся в белку ногой, вытащил стрелу и отшвырнул в сторону.

– А как мы ее донесем? – жалобно спросил он. – Я как-то не уверен. Мы даже мешок не взяли. Мне страшно. Не могу на нее смотреть. Она мертвая. И трогать ее не хочу. Жутко как-то.

– Бери за хвост, – решительно сказал хилый, не глядя на белку. – А то не возьму тебя в поход, ясно?

С этими словами хилый развернулся и пошел в сторону озера. Мордастый застонал и двумя пальцами взял белку за хвост.

– Прости, белка. Никогда больше не буду охотиться. Эй, дух леса! Спасибо! – Он засмеялся и догнал брата. – Слышь, Хью, давай песню придумаем? Я начну, подхватывай.

И он заговорил весело, громко, как будто рубил слова на куски и подбрасывал эти куски вверх.

– В этот славный снежный день...

– Снега и в помине нет, – проворчал Хью.

– Мне охотиться не лень!

– Лень, но это мой секрет.

– Белку метко подстрелил!

– Хоть, по правде, и не я.

– И папашу восхитил!

– Силой своего вранья!

А потом они гаркнули вместе:

– Мы теперь пойдем в поход! Братья Кэмпбеллы, вперед!

Голоса удалялись, а Генри все стоял, прижавшись лбом к дереву. Ему было не по себе: холод пробирал до костей, хотя по подтаявшему, блестящему снегу ясно было: мороз не такой уж сильный. До него вдруг дошло, что дела у него так себе, надо срочно развести костер, пусть это и опасно. Если он не согреется, то заболеет, и толку от него будет мало. Но если эти двое идут в поход, если они знают, куда идти...

Генри выбрался из-за дерева и тихо пошел вслед за братьями.

Шагов через сто Сван обернулся. Генри успел спрятаться за дерево, парень никак не мог его увидеть, но все равно долго стоял, вглядываясь в темноту. Потом замахал рукой, крикнул: «Пока, дух! Спасибо!» – и помчался за братом.

* * *

Большой двухэтажный дом, облепленный со всех сторон постройками поменьше, стоял на пересечении тропинки, что шла вдоль озера, с широкой дорогой. Людей вокруг не было, но окна сияли, а в большом сарае фыркали и переступали копытами какие-то животные – может, олени? Как же люди заставили их стоять так спокойно?

Над входом в большой дом висела надпись: «Кабанье логово», и Генри решил, что явно недооценивал людей, если они как-то удерживают внутри кабанов. Братья потянули дверь на себя – на секунду шум усилился, будто высыпался на улицу, и на землю легла яркая полоса света. Потом дверь закрылась, и снова стало темно. Генри подкрался к окну и заглянул в щель между криво повешенными ставнями.

Кабанов внутри не оказалось, только большая, ярко освещенная очагом комната и много людей. Они сидели, сгрудившись вокруг столов, уставленных глиняными кружками. Пахло едой, и до Генри как-то разом дошло, что последний раз он ел вчера утром, вечность назад – до того, как пошел охотиться на кабана. От этой мысли он помрачнел окончательно.

– Пап! – крикнул Хью, ловко пробираясь между столами. Сван шел за ним, все так же держа белку в вытянутой руке. – Мы ее подстрелили! Вот! Видал?

Они подскочили к большому столу, за которым сидели человек восемь, и Сван гордо положил белку перед одним из них. Тот повернулся – и Генри прирос к месту. Да с какой стати они все сюда явились?

– Точно сами подстрелили? – подозрительно спросил толстяк, который бил его на ярмарке.

– Обижаешь, пап! А кто еще? Эта белка на нас бросилась, зубы оскалила, рычит, и тут я ее – ррраз! Одной левой придушил!

– Подстрелил, – сказал Хью, пихнув Свана локтем в бок. – Он хотел сказать: подстрелил. Пап, ну что, нам уже можно в поход?

– Только мы не знаем, куда идти надо, – прибавил Сван.

Генри крепче прижался лицом к щели между ставнями. Вокруг было столько звуков – хлопали об стол кружки, трещал огонь в камине, все переговаривались. И зачем столько людей набилось в одну комнату?

– А я что, знаю? Коль вы у меня правда избранные, Барс вам подсказку даст, как, по легенде, и положено. Так что валите завтра утром куда хотите. Хоть отдохну от вас, балбесов. – Толстяк похлопал каждого по щеке. Лицо у него было красное, глаза сонные, с нехорошим, водянистым блеском, и говорил он как-то нечетко, словно у него распух язык.

– Не верю я во все эти рассказы, – проворчал бородатый человек за тем же столом. – Барса они видели, еще чего!

Толстяк стукнул кружкой по столу, будто хотел разбить. Из кружки на стол выплеснулось что-то мутное.

– Да ты хоть знаешь, кто я такой! – рявкнул он, и лицо его побагровело еще сильнее. – Я с... старейшина Хевирхела! Тьфу! Хейверхилла! Да вся деревня рыдала, когда нас провожали! Короче, олухи, слушайте. – Он схватил каждого из сыновей за волосы и дернул к себе с такой силой, что они чуть не ткнулись носами в стол. – С утра идете куда глаза глядят, а дальше Барс вам знак какой-нибудь подаст. Как только Сердце найдете – быстро сюда. А я тут поживу, пока в деревне все не утрясется. – Он повернулся к остальным, кто сидел за столом. – Все скорбели,

что мы уезжаем. Половине деревни аж плохо стало. Если я сразу вернусь, они так обрадуются, что и сердце не выдержит у них, ясно?

– Пап, может, тебе полежать? – жалобно сказал Сван.

Толстяк как будто забыл, что все еще прижимает сыновей лицом к столу.

– Будешь отцу указывать, велю Хью тебя с собой не брать, – огрызнулся он и оттолкнул их от себя. – Ишь, советчик! Поумней сначала!

Сван сгорбился, прижав обе ладони к покрасневшей шее, и вдруг резко повернулся к окну. Генри отпрянул и прижался к стене. Все в порядке, Сван не мог его разглядеть – щель между ставнями слишком узкая, но в следующий раз надо быть поосторожее...

И тут дверь открылась изнутри. Генри едва успел спрятаться за углом дома.

– Эй! – тихо сказал Сван, шурясь в темноту. – Кто тут?

– Да тебе показалось, тупица, иди сюда! Нет там никого! – крикнули из дома, и Сван, еще раз оглядевшись, закрыл дверь.

Генри медленно выдохнул и отвел со лба налипшие волосы. Даже если эти двое с чего-то тоже решили искать Сердце, они понятия не имеют, куда идти, – это ясно как день. Зато из-за них в дом теперь соваться нельзя. Отец велел начинать поиски здесь, но откуда ему было знать, что эта семейка тоже сюда явится?

Да еще, как назло, опять снег пошел. В горах Генри бы сразу нашел, где укрыться, но тут только дорога, озеро и незнакомый лес. Там ночевать нельзя, он повадки местных зверей не знает – задерут во сне. Стараясь дышать неглубоко, чтобы не заходиться этим мерзким кашлем, Генри огляделся. В той стене дома, у которой он стоял, окон не было, только тухлявое крыльцо на вкривь и вкось поставленных балках. Поломанные ступени вели к наглухо заколоченной двери. Генри осмотрелся: снег вокруг нетронутый. Вот тут он и пересидит снегопад, делать нечего.

Его собственные следы были глубокими и четкими, предательски заметными отовсюду, но что уж теперь. Он залез на крыльцо, забился в дальний угол и уткнулся носом в колени. Теплее тут не было, но хоть снег не сыпал за шиворот, и такая тишина – можно было забыть, что люди близко. Генри привалился виском к стене, тупо глядя прямо перед собой и пытаясь не дрожать. Он отлично знал: это не поможет, наоборот – только теряешь тепло. Посидит тут немного и пойдет дальше. Главное – не спать, нельзя спать на таком холоде, плохая идея, очень плох... Он даже не успел додумать эту фразу до конца: заснул.

Разбудил его резкий, веселый скрежет. Этот смутно знакомый звук будто трепал по плечу, твердил на одной ноте: просыпайся, проснись – и Генри открыл глаза. Снегопад так и не кончился, ничего вокруг не разглядишь, но сквозь белые хлопья, прыгающие в воздухе, до него доносился все тот же звук, и он сразу вспомнил, где слышал его раньше.

Генри с трудом встал – ветер уже намел сугробы даже здесь, на крыльце, – и бросился вниз по ступеням, от холода почти не чувствуя ног.

К дому приближалась повозка. Возница, съездившийся на козлах, дул во что-то железное. Они что, все решили здесь собраться? Генри замер, выглядывая из-за угла дома. Перед дверью с надписью «Кабанье логово» возница остановился, неуклюже слез с повозки и обеими руками потрепал лошадь по шее. На голове у нее уже намело небольшой сугроб.

– Отличная шляпа, старушка, – хрипло пробормотал он, сметая снег с головы лошади. – Но перед тем как зайти в стойло, ее надо бы снять. Никуда не уходи, я скоро.

И он, едва наступая на левую ногу, зашел в дом.

Генри, не выдержав, снова подобрался к ярко освещенному окну и прижался к щели между ставнями. Любопытство отвлекало от того, что холод как будто проморозил насквозь даже кости.

Парень стянул с головы побелевший от снега капюшон и остановился посреди комнаты.

– Приветствую вас в этот снежный вечер, дамы и господа! – начал он задорным, громким голосом. – Вам повезло, что вместе с вами под этой крышей решил укрыться знаменитый маг и чародей! Позвольте показать вам несколько фокусов, и...

– Ты! – взвизгнул толстяк и встал, обеими руками отодвинув от себя стол. Несколько кружек упали и покатались по полу. – Выслеживал нас, оборванец?

Рыжий стоял спиной к окну, но Генри все равно понял: он рад этой встрече еще меньше, чем толстяк. Впрочем, голос его остался таким же бодрым:

– Да что вы, и не думал! Из вашей деревни одна дорога ведет, и на этой дороге один постоянный двор. Поистине неожиданная встреча. – Рыжий приложил руку к груди и наклонился вперед.

– Вышвырните его отсюда, или я уйду! – взревел толстяк.

С тех пор как Генри последний раз его видел, он побагровел еще больше, глаза опухли, щеки лоснились под светом очага.

К рыжему тут же подошел долговязый человек в белом фартуке.

– Иди отсюда, парень, – тихо сказал он. – Это выгодный постоялец, не хочу его злить.

– Слушайте, мне бы только переночевать, да лошадь в стойло поставить, да немного еды нам обоим. И никаких фокусов, честно, – зашептал рыжий. – Согласен на любой сарай, я там не побеспокою господина старейшину. – Он глубоко запустил руки в карманы. – Вот все, что есть. Четыре медяка. Я вижу, вы добрый, славный человек и не оставите бедняка замерзать на улице в снегопад.

И с чего он это взял? Человек в фартуке добрым и славным совсем не выглядел. Но он долго глядел на монеты, а потом сгреб их с ладони рыжего.

– Ладно, можешь лечь в чулане с работниками. Сходи туда, они тебе дадут сена для лошади и скажут, куда ее поставить. Только не попадайся на глаза этому господину.

Человек в фартуке с опаской оглянулся на толстяка, но тот уже сел, уронив голову на стол.

Генри хотел было отойти – ничего ценного опять не узнал – и вдруг понял, что Сван, обернувшись через плечо, глядит прямо на него. На этот раз Генри не отошел и увидел, что Сван поднялся, сказал что-то Хью и потянул его за рукав к двери. Генри отступил за угол дома. Если они правда видели его, будут здесь через полминуты, а спрятаться нигде: на таком глубоком снегу следы выдадут сразу. Он еще успеет сбежать, все равно куда, они не догонят. Но при мысли о том, чтобы снова бежать от людей, он почувствовал такую беспомощную ярость, что так и не сдвинулся с места.

На снег легла бледная полоса света – открыли главную дверь.

– Да ты тупица, нет здесь никого! Кому охота в такую погоду нос на улицу высовывать!

От двери до угла семь шагов, и они повернули как раз сюда.

– Я прямо чувствовал, как на меня кто-то смотрит! Мурашки вот такущие по спине побежали! Вдруг тот дух за нами от самого леса идет?

– Не бывает никаких духов! Ну ладно, обойдем вокруг дома, если тебе так хо...

Братья приоткрыли рот, дернулись назад и, оступившись, сели в сугроб. Потом Сван переполз за спину Хью. Зачем – непонятно. Сван был в два раза крупнее. К счастью, оба не проронили ни звука.

Генри смотрел на них, мысленно умоляя так же тихо вернуться в дом и больше не показываться ему на глаза, но, кажется, братья поняли его выражение лица по-другому.

– Бросишься – крикнем, – чуть не заикаясь, выдавил Хью. – В доме куча народу.

– Эй, Хью. А если он решит нас убить, прежде чем мы кого-то позовем? – шепотом спросил Сван, выглядывая из-за его плеча.

– Зачем ты ему идею подаешь! – возмущенно прошипел Хью, повернувшись к брату.

Генри хотел было сказать ему, что, если ожидаешь нападения, не отворачивайся, подставляя шею, но промолчал.

– А если он опять страшилищ вызовет? – настаивал Сван.

– Не вызовет, – без большой уверенности ответил Хью.

Повисло тягостное молчание. Генри уже понадеялся, что этим дело и ограничится, но тут Хью облизнул губы и задал вопрос, который Генри ожидал услышать меньше всего:

– Слышь, чудище, ты ведь Барса еще до нас видел. – Голос у него стал неуверенным, почти просящим. – И я вот думаю: а что, если он по ошибке тебе дал подсказку? Ну, хотел нам, а дал тебе.

– Хью, ты такой умный, – громко прошептал Сван.

– Я знаю, – небрежно ответил Хью. – Ну так что? Как насчет взаимовыгодного обмена, чудище? Ты нам скажешь подсказку, мы никого не позовем. А то пожалеешь. Люди сбегутся и палками тебя забьют.

Генри чуть было не сказал, что, если хочешь угрожать, для начала неплохо бы встать, но тут у него появилась идея получше.

– Ладно, вот подсказка, – пожал плечами Генри. – «Дом тебе укажет путь. Чтобы поиск продолжать, надо головой рискнуть: здесь ее легко сломать».

Братья недоуменно переглянулись.

– Кому надо голову сломать? Тебе, что ли? – опасливо спросил Хью.

– Это загадка, – спокойно пояснил Генри. – Ее надо отгадать – тогда поймешь, куда идти.

– Что за ерунда! Еще загадку отгадывать! Мы уже избранные! Зубы нам заговорить решил? – завопил Хью, забыв об осторожности.

– Мы – это я. Вы там случайно оказались. А теперь давайте вместе подумаем, что это значит, тогда я дам вам отсюда уйти. Такой вот взаимовыгодный обмен.

Лица у братьев застыли от ужаса, и Генри сразу увидел, что они загадку тоже не поняли, нечего было и надеяться.

– А ну говори настоящую подсказку, – тонким голосом сказал Хью. – Сейчас позову всех, и тебя на куски разорвут!

Разговор явно зашел в тупик, и Генри как раз думал, как бы их припугнуть, чтобы они ушли и просто оставили его в покое, когда у входа в дом раздались шаги и хруст снега под лошадиными копытами.

Рыжий парень вел лошадь в сторону ближайшего сарая, второй рукой прижимая к себе охапку сена. На углу дома он повернул голову – и брови у него поползли вверх.

– У вас что, слет звезд вчерашнего вечера? – жизнерадостно спросил он.

Братья тут же вскочили, неосмотрительно повернувшись к Генри спиной. Да уж, отличные охотники.

– Катись отсюда, уродец, – огрызнулся Хью и начал отряхиваться от снега. – Только тебя не хватало.

– Вот и я так подумал! – Рыжий отпустил лошадь и заковылял к ним. – Слушайте, ребята, вас там папаша ищет. Размахивает дохлой белкой, повторяет, что вы избранные, и хочет показать вас всем постояльцам, которые еще не имели счастья вас видеть. Может, вам уже пора? А мне надо с этим парнем словечком перемолвиться.

Хью развернулся и ткнул пальцем в его сторону.

– Не смей указывать мне, что делать. Это раз, – процедил он, глядя на рыжего так, будто ждал, что тот сейчас испугается. – Такой голодранец, как ты, должен говорить мне «господин». Это два. А теперь проваливай отсюда. Это три.

Рыжий улыбнулся самой дружелюбной улыбкой, какую Генри только приходилось видеть.

– Не соблаговолите ли вы сами проваливать отсюда. – Парень улыбнулся еще шире. – Господин.

Хью прищурился и подошел к нему. Пару секунд они смотрели друг на друга.

– Пойдем отсюда, Хью, – тихо сказал Сван.

– Только потому, что мне на него смотреть противно. А ты... – Он развернулся к Генри. – Если вздумаешь залезть к нам и прикончить, мы тебя так встретим! У нас оружия два мешка!

С этими словами Хью направился к двери. Сван, оглядываясь на каждом шагу, заспешил за ним.

– Всем пока! – крикнул он, уже скрывшись из виду.

Потом хлопнула дверь, и все стихло.

– Привет, приятель, ты что тут делаешь один? – весело сказал рыжий. – Отстал от трупы? Ну и представление вы вчера закатили! Фокус с огненными зверями – просто нечто! Как ты это делаешь? Прирученные звери, обмазанные пеплом? И главное, все так вопили, как будто не поняли, что это фокус. Жаль, я не видел, чем закончилось. Забрал свою кобылу и сбежал. – Он, продолжая улыбаться, захромал в сторону Генри. Тот попятился. – Все твердили, что сейчас посланники приедут, а мне с ними лучше не встречаться. Слушай, ты куда сейчас? А где остальные? Дед, который исчезал, – прямо мастер! Это ведь фокус с ширмой, да? Отвлекал внимание, а потом быстро выставлял ее перед собой и как бы исчезал, так? Вы это представление еще где-то покажете? Эй, вид у тебя как-то не очень, тебе помощь, случайно, не нужна?

Все, чего Генри хотелось, это забиться обратно в угол крыльца. Он на ногах уже не стоял и понятия не имел, что делать, а тут этот болтун пристает к нему с дурацкими вопросами. От этого человека ему никакого толку, так что и слова на него нечего тратить. И Генри молча сделал самое угрожающее лицо, какое только мог изобразить.

– Да я уже понял, ты тот еще весельчак, – пожал плечами рыжий. Его улыбка даже не дрогнула, будто была приклеена к лицу. – Ладно, я понял, ухожу.

Он заковылял обратно к лошади, отвел ее в большой сарай, вернулся без нее и без сена и ушел в дом. Генри дождался, пока за ним закроется дверь, и побрел на заброшенное крыльцо. Он прижался к стене, поближе подтянул колени к груди и закрыл глаза. На этот раз мысль о том, чтобы поспать, не казалась такой ужасной. Сон всегда как-то приводит все в порядок, и, может, хоть в груди перестанет хрипеть. Он как раз успел провалиться в приятную темноту, когда почувствовал, что его трясут за воротник куртки. Он отбросил от себя человека, перекатился на колени и сжал рукоятку ножа быстрее, чем успел до конца открыть глаза.

Рыжий парень лежал, как его уронили, и смотрел на него – на этот раз, к счастью, без улыбки.

– Знаешь, если у тебя нет друзей, меня это не удивит. – Он неуклюже сел. – Ты что, не в себе? Спать на улице в такую ночь – отличная идея.

– Чего тебе от меня надо? – севшим голосом пробормотал Генри и закашлялся.

– Ну, вряд ли ты раскроешь конкуренту секрет, как делать фокус с огненными тварями, так что ничего, приятель. Я тебе поесть принес.

Он кивнул на полную миску еды, которая стояла рядом на крыльце. От нее поднимался пар, и Генри с трудом отвел взгляд.

– Чего тебе надо? – с нажимом повторил он.

Рыжий терпеливо вздохнул.

– Опыт говорит мне, что, если кто-то ночует на улице в такую ночь, дела у него так себе. И даже если характер у него тоже так себе, это не дело. – Он поднял миску и протянул ему.

Генри вжался в стену. Этот человек был совсем странный.

– Боишься, что я тебя отравлю ради устранения конкурента? – Рыжий сунул ложку еды себе в рот. – М-м-м, ну, – старательно пережевывая, пробормотал он, – курица явно скончалась от старости, окруженная скорбящими правнуками, но морковь ее украшает.

Если бы позавчера кто-то сказал Генри, что он возьмет еду у людей, он бы только рассмеялся. Но он два дня не ел, а то, что было в миске, пахло довольно вкусно. И Генри, все еще ожидая подвоха, медленно протянул руку.

Оказалось и правда неплохо: какая-то незнакомая птица, похожая на утку. Генри совал в рот ложку за ложкой, едва вспоминая, что надо жевать, и не отводя взгляда от рыжего – вдруг все-таки бросится. Когда миска опустела, он выскреб ложкой стенки и поставил миску на снег.

Рыжий рассмеялся и покачал головой:

– Вообще-то я имел в виду, что ты можешь съесть половину. Но тебе явно было нужнее, вид у тебя еще тот.

Генри уставился на него во все глаза. До него дошло.

– Ты что, отдал мне свою еду?

– Ну да. Смело было бы надеяться, что этот веселый трактирщик расщедрит на лишнюю порцию.

– И зачем ты это сделал? – нахмурился Генри. За последние два дня люди на его глазах совершали множество странных поступков, но этот был самым странным из всех.

Рыжий пожал плечами.

– Знаешь, поживи на улице с мое, и сразу научишься узнавать тех, кому хуже, чем тебе. – Он протянул в сторону Генри ладонь со сжатыми пальцами – так же, как кудрявый на ярмарке. – Кстати, я Джетт.

Генри непонимающе посмотрел на его руку. Если это прием драки, то какой-то глупый. Джетт еще подождал, потом убрал руку.

– Тебе никогда не говорили, что ты странный? – Джетт вздохнул и подышал на руки в дырявых вязаных перчатках. – И как ты тут сидишь? Я бы спрятал тебя в чулане, но там жутко тесно, и уже спят трое здоровенных работников. Когда я появился, они посмотрели на меня так, будто хотят мне голову откусить. В конюшне не сильно теплее, чем тут. Хм, так, дай-ка подумать, куда тебя деть. – Лоб у него пошел складками и сразу разгладился снова. – Есть ужасная, но отличная идея. Сможешь забраться по стене на второй этаж? – Он ткнул пальцем куда-то вверх. – Переночуешь в комнате толстяка и его сынков, но они об этом знать не будут. Спрячешься у них под кроватью – я часто так делал, когда нигде было ночевать. Их комната вон та.

– С чего ты взял?

– Умник покосился на то окно, когда говорил, чтобы ты к ним не лез. Значит, так. Я пройду через общий зал – занести миску на кухню, – а потом проскользну на второй этаж, отопру дверь их комнаты и открою тебе окно. Они пока в общем зале, и их папаша еще долго будет хвастаться их воображаемыми подвигами.

Генри подозрительно нахмурился, но при мысли о том, чтобы оказаться в каком-нибудь месте, где тепло и не идет снег, все его возражения – включая то, что это, скорее всего, ловушка, – иссякли. Так что он просто задал самый глупый вопрос из всех возможных:

– А если там заперто?

– О, у меня есть волшебный ключ от всех дверей. – Джетт вытащил что-то из кармана.

– Это проволока. И гвоздь, – присмотревшись, сказал Генри.

– Именно. Жди, скоро буду. – Джетт расплылся в улыбке, встал и заковылял через сугробы.

Окно на втором этаже распахнулось через две минуты, а еще через полминуты Генри был в комнате – забраться по бревенчатой стене было несложно.

– Ого, ну ты ловкач, – присвистнул Джетт, закрывая ставни.

Все пространство в комнате, оставшееся от трех кроватей и шкафа, занимали мешки, сундуки и корзины.

– Они что, все свои вещички прихватили, когда уезжали? – Джетт сел на пол около одной корзины и начал в ней копать. Пальцы у него были худые и бесшумные. – Ну-ка. Ящик, запертый на ключ. Что ж у них там такого ценного? Гляну, просто любопытно. – Генри даже

не успел спросить его, принято ли так делать, как он уже отпер ящик все теми же гвоздем и проволокой. – Ого! Да если бы все эти тайлисы продать, наши друзья кучу денег заработали бы!

В ящике лежали ярко раскрашенные глиняные фигурки. Все они изображали одно и то же: человечка с застенчивым сморщенным лицом и огромными босыми ногами. Одет он был в рваную одежду вроде полушубка, но длиннее и без воротника.

– Кто это? – негромко спросил Генри.

– Худое Пальтишко. Точнее, его тайлисы.

– Что такое тайлисы?

– Ты что, серьезно из леса никогда не выходил? Тайлисы – это фигурки в виде одного из волшебных существ. Их сделали в древние времена, сейчас уже никто такую тонкую работу не потянет, хоть в лепешку разбейся. Говорят, посланники за них отличные деньги платят. А еще всякие суеверные типы верят: если встретишь волшебное существо, а при тебе будет его тайлис, то существо любое твоё желание исполнит – покажет клад, или золотом одарит, или вроде того. А уж судя по коллекции этих ребят, если им темной ночью встретится в лесу Худое Пальтишко, он сразу скажет: «О, да это же мои поклонники номер один, хотите, распишусь вам на фонаре?» Я в детстве тоже верил во всю эту ерунду, вон, выцарапал на гармошке ночных стражей.

Он вытащил из кармана продолговатый железный предмет. На нем были неразборчиво выцарапаны несколько существ, отдаленно похожих на птиц, но со странными голыми крыльями и приплюснутым носом. Таких животных Генри никогда не видел. Он хотел рассмотреть их получше, но Джетт уже забрал предмет у него из рук.

– Только всех этих существ не бывает, зря гармошку поцарапал. – Джетт продолжал аккуратно копаться в корзинах. – О, а вот и то, что нам нужно. Так и знал, что найдутся. Пастилки от кашля из пяти трав – мне мама давала такие. Их пропажу уж точно никто не заметит. Если б у меня было столько добра, я бы вообще не помнил, что у меня есть. Сгрызи две, утром будешь как новенький. – Он вытряхнул из холщового мешочка две круглые зеленые штуки и протянул Генри. – Ладно, спи. Тут, конечно, не королевский дворец, но безопасно, тепло и снег не идет. Я закрою дверь снаружи. Утром наверняка проснешься от топота этой веселой семейки. Подожди, пока они уйдут, а потом откроешь ставни изнутри, спрыгнешь вниз и иди куда хочешь.

– Это какая-то ловушка? – на всякий случай уточнил Генри, хотя в глубине души отлично понимал: никто не станет прямо отвечать на такой вопрос.

– Если б я хотел, чтобы тебя поймали, есть менее причудливые способы. Например, крикнуть: «Эй, он тут, хватайте!» Иногда надо просто доверять людям. Так что или спи здесь, или замерзай на улице, чтобы к утру хозяин нашел твой красиво подмороженный труп. Будет ли лично мне веселее от второго варианта? Нет. Тебе? Вряд ли. Так что остановимся на первом...

Генри зажал ему рот, и Джетт дернулся, вцепился обеими руками в его ладонь и попытался вырваться, но куда там. Генри подошел к двери, таща его за собой, и резко открыл ее. Никого. Только в конце длинного коридора со скрипом закрылась дверь. Выпустив Джетта, Генри бесшумно пошел к ней по коридору. Надавил плечом – заперто. Тихо скрипнули половицы. Кто-то стоял прямо за этой дверью, на которой мелом был написан номер «9».

– Ты что делаешь? Зачем в чужую комнату ломишься? – Джетт доковылял до него и дернул назад. Голос у него был сердитый: он, кажется, разозлился, что ему заткнули рот, – может, у людей так не принято. – Все, остынь.

– Кто-то подслушивал, – одними губами проговорил Генри, не отводя взгляда от двери с номером «9». В голове у него стучало от чувства опасности. Если б это были братья или их отец, они бы просто ворвались и возмутились тем, что кто-то проник к ним в комнату, – на это даже его знаний о людях хватало. Но этот человек просто слушал. Зачем?

– Да комнатой кто-то ошибся, и все. Пошли отсюда. Ну ты и странный, а.

И Генри, поминутно оглядываясь на дверь номер девять, вернулся в комнату братьев.

– Все, спи, – хмуро сказал Джетт. – Мы тут так топали, как бы кто из этой семейки не решил подняться и проверить свое имущество. Удачи, приятель.

И прежде чем Генри успел что-то сказать, он вышел, заперев за собой дверь.

Генри забрался под кровать. От зеленых пастилок в груди потеплело, кашель улегся, дышать стало легче, пальцы ног приятно покалывало. Стена была горячая, – наверное, внизу топили печь. Он прижался к ней и сам не заметил, как задремал.

Проснулся от того, что хлопнула дверь.

– А ну повтори еще раз! – расслабленным, нечетким голосом пробормотал толстяк.

– Мы со Сваном вышли на улицу – просто на снегопад поглядеть – и увидели серебристое сияние, – сказал Хью. – А из него – голос. И голос нам стишок рассказал. Ты же говорил, что Барс нам подаст знак – вот он и подал! Только мы его не поняли, давай, пап, не спи, подумай, что это значит? Еще раз, смотри: дом тебе укажет путь...

Толстяк с размаху упал на ту кровать, под которой лежал Генри – на секунду тот решил, что доски сейчас подломятся и толстяк рухнет прямо на него, – и тут же захрапел.

Хью раздраженно выдохнул:

– Это все рыжее отродье виновато. Если б он не явился, мы бы из чудища выбили, что это значит! Уж оно-то точно знает!

– Выбили – это как? – шепотом спросил Сван.

– Сходили бы за палкой и побили его. Он бы тут же заскулил и все нам выболтал. С такими, как он, так и надо! – Скрипнули другие две кровати. – И я поставил бы ногу ему на грудь, приставил к ней меч и...

– Хью, но у тебя же нет меча.

– Да что ты привязываешься! И сказал бы: «А ну, отвечай Хьюго, избранному, и к тому же старшему сыну старейшины Хейверхилла!»

Он бормотал все тише, потом затих совсем. Скоро все четверо в комнате спали.

Сквозь сон Генри казалось, что сейчас за ним придут, – мучительное, спутанное чувство, как в лесу, когда знаешь, что хищный зверь близко, наблюдает за тобой, и не видишь его. Но когда Генри открыл глаза, он лежал все там же, комнату заливал свет, кашель прошел, и он чувствовал себя отдохнувшим и здоровым. Откуда-то доносились шум, крики, но в комнате было пусто, это он почувствовал сразу.

Осторожно оглядевшись, он выбрался из-под кровати. Шум шел с улицы, и Генри выглянул в щель между ставнями.

Перед сараем, который Джетт вчера назвал конюшней, что-то происходило. Собралось человек двадцать, и из этой толпы неслся крик толстяка – Генри узнал бы его голос где угодно. Он вытянул шею и увидел, что толстяк держал за шиворот Джетта.

– Ах ты подлый воришка! Я таких, как ты, сразу вижу! – вопил толстяк. – Вы полюбуйтесь на него! Утром стал проверять имущество – мало ли что в дороге стрясется, – и двух пастилок от кашля не хватает!

– Вы что, считаете пастилки от кашля? Да что вы за люди такие! – простонал Джетт. Он не делал ни малейшей попытки вырваться. – Это небось скриплер взял!

– Если б скриплер, он бы весь мешочек взял и не стал бы две вытаскивать! – пронзительно крикнул Хью, выглядывая из-за спины отца.

– Молодец, сынок! Вот именно! – Толстяк вдруг пнул Джетта ногой, швырнул на снег и пнул снова.

Генри думал, Джетт сейчас ударит в ответ, но тот только сжался, закрыв руками голову.

– Пап, можно мы сами его проучим? – Хью выскользнул из-за отцовского плеча и со всей силы дернул Джетта за волосы. – Думаешь, ты такой умный? Я говорил тебе: не указывай мне, что делать. Давай, Сван, двинь ему.

– Хью, может, не надо?

– Конечно надо. Таким, как он, это полезно. Каждый должен знать свое место.

– Слушайте, да не брал я ваши пастилки, вы сами их небось слопали!

– Давай, Сван. Он же наглый, врежь ему. Увидишь, тебе понравится.

Сван стоял, опустив голову. Потом подошел и нехотя пнул Джетта в ребра.

Хью рассмеялся:

– Вот и отлично, давай еще. Мы же избранные, а он воришка. Мы должны совершать подвиги. А бороться за свое имущество – разве не подвиг? Давай, пни его посильнее.

Люди вокруг одобрительно рокотали, и Генри прищурился. Он понимал: его на площади били, потому что боялись. Но сейчас все было как-то не так.

– Так, а теперь кулаком. Ты такой здоровый, должен уметь пользоваться силой, а то кто будет меня защищать в походе?

– Эй, парень, брось, не надо, – пробормотал Джетт и наконец попытался отодвинуться.

Сван вытер нос, сгреб Джетта за воротник и решительно занес кулак. Джетт зажмурился и втянул голову в плечи, и отчего-то все это привело Генри в такое мучительное, незнакомое бешенство, что на секунду он перестал соображать, что делает.

Скорость всегда была его сильной стороной, и он рванул на себя ставни, прыгнул вниз, протолкнулся сквозь толпу и успел перехватить запястье Свана, до того как тот опустил кулак.

Тот повернул к Генри мокрое, сморщенное лицо. Пару секунд они смотрели друг на друга, и на лице Свана почему-то был не страх, а облегчение.

Потом толстяк закричал.

Что будет дальше, Генри уже примерно себе представлял и не стал ждать продолжения. Он повернулся к Джетту – тот смотрел на него таким потрясенным взглядом, будто Генри на его глазах гору поднял. Генри схватил рыжего за локоть, рывком поставил на ноги и помчался в сторону дороги, утягивая его за собой.

– Это он, хватайте, вызывайте посланников! – орал толстяк.

Генри даже не оглянулся. По другую сторону дороги начинался лес, и там людям никогда его не поймать. Джетт бежал с трудом, упирался, спотыкался, но веса в нем было немного, а Генри тащил его с такой силой, что вскоре люди остались далеко позади.

В лесу Генри запетлял, подныривая под еловые ветки. Джетт ругался, – видимо, ветки били его по лицу, – но Генри не остановился, пока крики вдалеке не стихли окончательно.

Увидев подходящую прогалину, он уронил туда Джетта и упал рядом. Джетт рухнул на колени, завалился вперед и уперся лбом в руки. Дышал он так, будто сейчас умрет. Странно – они же пробежали совсем недолго. Генри тревожно прислушивался, но погони не было. Оторвались.

– Чтоб ты провалился, – выдавил Джетт. – Ты меня чуть не убил. У меня чуть... чуть башка не лопнула. – Он закашлялся. Волосы налипли ему на лоб, щеки покраснели – неровно, полосами. – Да чтоб ты провалился, – повторил он громче, и Генри приложил палец к губам.

Через минуту Джетт перестал хрипеть и упал на спину, хватая ртом воздух.

– Ты что, рехнулся? – простонал он. – Зачем ты влез?

– Я тебя спас.

Джетт издал короткий, отрывистый звук, отдаленно напоминающий смех.

– Спас? Seriously? Там моя лошадь осталась!

– Лошадь тоже можем спасти.

– Да ты что, совсем чокнутый? Они теперь считают, что мы с тобой заодно! Тебя ищут, что бы ты там ни сделал, а мне нельзя высовываться! – Он выталкивал слова, с трудом шевеля губами. – Зачем ты сунулся?

– Тебя били.

– Ой, да ладно! Меня всегда бьют! Если лежать тихо, всем быстро надоедает!

– Почему ты их не побьешь?

– Я верю в силу слов и убеждения! Ну, и еще я слабак. – Он сел и оттянул воротник куртки. – А знаешь что? Ты мне должен, приятель. Ты мне только что жизнь испортил. Вот что, я иду с тобой. Ты ведь сейчас идешь искать свою трупку, от которой отбился, верно? Представишь им меня, скажешь, что я отличный фокусник. Я хочу в вашу команду.

Генри поднял брови:

– Иди своей дорогой, нет никакой трупки. Я один. И понятия не имею, куда идти.

– Ври больше. Совсем никакого понятия? Что, они тебе даже адресок не оставили? Вы же работаете вместе!

– У меня есть подсказка, но я ее не понимаю: «Дом тебе укажет путь. Чтобы поиск продолжаться, надо головой рискнуть: здесь ее легко сломать». Я не знаю, кому надо сломать голову. И что за дом.

– Ломать голову не обязательно кому-то, хотя, глядя на тебя, я начинаю в этом сомневаться. Так иногда говорят, когда кто-то долго не может что-то решить. Какую-то загадку или... – Рот у него округлился. – Как ты сказал? Там должен быть дом. И загадка. Это Башня загадок. Очередная заброшенная развалюха, в которой якобы когда-то было волшебство.

Брови у Генри поползли вверх.

– Знаешь, где это?

– Ну да. Где-то в Пропастях. Да, да, я отлично знаю, где это. Я буду прекрасным проводником. А ты замолвишь за меня словечко перед своими начальниками – дедом и тем, который под короля Освальда вырядился. Соглашайся.

Генри с сомнением посмотрел на его ногу.

– Ты меня удержишь. Ты калека.

– Спасибо, что напомнил, но иногда лучше добраться медленнее, зато туда, куда надо. А если ты встретишь людей? Не хочу тебя обидеть, приятель, но ты выглядишь чокнутым. Тебя сдадут посланникам первые же встречные. А я скрываюсь от посланников уже два месяца и все еще на свободе!

– У тебя тоже плохой дар?

– Да. Типа того. Я бездарно попался, стащив кружку. Слушай. В сторону Пропастей отсюда есть путь для нормальных людей – по Большой Дороге. Но нормальные – это явно не мы, так что нам туда не надо. – Джетт завертел головой. – Пропasti где-то за этим лесом. Вон там. Или там? Да, я совершенно уверен, что нам туда. – Он вытер лоб и бодро заковылял через лес.

Делать было нечего. Джетт сказал правду – Генри понятия не имел, где искать эту самую Башню. Правда, с чего Джетт взял, что он заодно с Тисом и Освальдом, было непонятно. Ну ничего, он с этим потом разберется.

Генри вздохнул и пошел за рыжим туда, где ели сходились плотнее, будто нарочно цеплялись друг за друга лапами, чтобы не пропускать людей.

Глава 4

Худое Пальтишко

Они шли уже час, и за это время Джетт ни разу не закрыл рот больше чем на полминуты. Первое время Генри слушал и запоминал новые слова, но когда тот начал повторяться, перестал.

– Увидишь, я вам пригожусь! Я показываю отличные фокусы, умею варить похлебку из всего, что попадется, шью, здорово чищу сапоги, а если у кого плохое настроение, можно меня поколотить и полегчает, слушай, я на все готов, только возьмите меня к себе в труппу!

Генри вздохнул. В этом лесу даже снега почти не было – разлапистые ветки не давали ему долететь до земли. Толстая подушка из бледно-рыжих иголок пружинила под ногами. Тут и не заметишь, если к тебе подкрадутся. Как Генри ни вслушивался, он различал только шуршание хвои, шорох веток и собственное хриплое дыхание.

– Ты точно знаешь, куда идти? – в который раз спросил он, беспокояно оглядываясь.

Как же хорошо было в их с отцом лесу – просторном, высоком, где сосны будто подпирали небо. По сравнению с ним этот лес казался унылым и приплюснутым, будто кто-то огромный наступил на него ногой, распластав деревья чуть не до земли.

– Да что ты заладил! Конечно знаю! – Джетт, кажется, нарочно отпустил ветку, чтобы она хлестнула Генри по носу. Тот, конечно, успел ее перехватить.

Генри все ждал, когда деревья вокруг хоть немного поредеют, но ничего подобного так и не произошло, наоборот: чем дальше, тем непролазнее становился лес. Солнце только изредка пробивалось сквозь ветки, высвечивало лоскуток земли, заваленный хвоей, и скрывалось.

Наконец ветки сошлись так плотно, что дальше невозможно было ступить ни шагу, и Джетт обернулся с натянутой улыбкой, которая под взглядом Генри медленно сползла.

– Ты понятия не имеешь, куда идти, верно? – Генри шагнул ближе, и Джетт, подняв руки, прижался к ближайшему стволу.

– Слушай, приятель, я просто не хотел, чтобы ты меня там бросил посреди дороги, без работы и без лошади.

– Ты меня обманул? – уточнил Генри.

Он не угрожал, только пытался понять, как у людей все в голове устроено, но Джетт побледнел и попятился.

– Мы можем все обсудить. Я уверен, тут где-то есть выход. Слушай, я...

Но Генри, с треском раздвигая на пути ветки, уже шел в ту сторону, где деревья были хоть немного пореже.

– Эй! Подожди! Не бросай меня здесь! Я тебе пригожусь, честно!

В обычном лесу такой пронзительный крик уже всполошил бы птиц, но тут по-прежнему стояла мертвая тишина. Генри шагал вперед все быстрее, вертя головой во все стороны. Дома он просто высмотрел бы место повыше, забрался на него и нашел дорогу, но тут земля была ровная, как доска. Он поискал взглядом солнце, но свет сочился сквозь хвою таким слабым проблеском – ничего не поймешь. Есть много способов определить, куда идешь: по звукам, по мху, теням, наклону земли, расположению веток, растениям, следам зверей, но тут не действовал ни один из тех, которые знал Генри, – во все стороны тянулись совершенно одинаковые елки.

Он разогнался так, что не сразу понял: криков Джетта уже давно не слышно. Генри потер лоб. Пора было признать очевидное: он и сам понятия не имеет, куда идти. Лучше всего было бы оставить этого болтуна тут – без него он найдет выход быстрее. Но одного взгляда на Джетта было довольно, чтобы понять: такой из леса вообще никогда не выберется. И ведь говорил же ему отец не связываться с людьми.

– Эй! – крикнул Генри.

Никакого ответа. Тогда он засвистел: так они с отцом звали друг друга на охоте. Вдалеке послышался едва слышный шум, и Генри, тяжело вздохнув, пошел туда.

Джетт нашелся ровно на том же самом месте, где Генри его оставил. Он сидел на земле, откинувшись спиной на разлапистую елку.

– Ты что, даже не попытался найти меня? – нахмурился Генри. – Или дорогу?

– Что толку? Мы не выберемся, – проворчал Джетт, пиная хвою здоровой ногой. – Я устал. Вали, дитя лесов, может, тебе повезет.

Генри сел рядом и уронил руки между колен.

– Вот поэтому тебя все бьют. Ты сразу сдаешься.

– Ох, извини, не всем же быть такими крутыми бегущими стрелками, как некоторые.

Генри пожал плечами:

– Чем ныть, сказал бы, что делают люди, когда заблудятся в лесу.

– Я в такой злобный лес последний раз забирался, когда мне было лет шесть, и с тех пор стал убежденным городским жителем, – хмуро пробормотал Джетт. – Я тогда пошел искать Худое Пальтишко, в сказках он всегда выводит путников, которые потерялись. Ходил по лесу, звал его, и знаешь, что случилось? Ничего. Хорошо, что я с тех пор поумнел и не буду кричать: «Эй, господин Худое Пальтишко, мы заблудились!» Все пропало, мы умрем прямо тут. Мне все говорили, что я плохо кончу, но я не думал, что настолько.

Генри поднялся на ноги и тихо потянул с плеча лук. Джетт продолжал что-то бормотать, а потом осекся. Он тоже увидел.

– Что за... – Он поднялся, как всегда неуклюже, упираясь в землю руками.

Сквозь чащу в их сторону неспешно двигался огонек фонаря. Ветки хрустели все громче, и наконец среди елок показался человек, как две капли воды похожий на фигурки, которые Джетт назвал тайлисами.

Ростом он был Генри повыше колена и в целом похож на обычного человека, за исключением разве что огромных ног: каждая ступня была вполовину его роста. Одет он был так же, как его тайлисы: длинная одежда без воротника, порванная в нескольких местах. Волосы торчали строго вверх, лучистые бледно-зеленые глаза ярко сияли на морщинистом, как грецкий орех, лице.

– Меня кто-то звал? – спросил человек, поднимая фонарь выше.

Джетт тяжело сглотнул и боком подобрался к Генри.

– Он что, тоже из вашей трупы? Костюм у него отличный.

– Я думаю, это и есть Худое Пальтишко, – так же тихо ответил Генри.

Оба не отводили взгляда от коротышки. Тот терпеливо ждал, глядя на них с безмятежной улыбкой, иногда прерываясь на то, чтобы зевнуть.

– Ага, конечно. Слушай, мы же взрослые люди. Предоставь переговоры с этим карликом мне. Привет, приятель! – громко сказал Джетт коротышке. – Отличный денек.

– Истинно так. – Худое Пальтишко так сладко зевнул, что Генри смог подробно разглядеть его рот, полный мелких, неожиданно острых зубов. Потом Пальтишко со стуком хлопнул его, потер кулаком глаз и сказал: – Куда путь держите, юноши?

– Идем в Башню загадок. Сколько возьмешь за то, чтобы нас туда отвести? У нас, правда, денег нет, но мы тебе расписку напишем.

Улыбка Пальтишки стала еще шире, теперь она больше была похожа на оскал.

– Отведу вас с превеликим удовольствием и совершенно без всякой платы. Следуйте за мной, добрые люди. – Коротышка развернулся и зашагал прочь, раздвигая худой ручкой ветки. Иглы цеплялись за его одежду, надрывая ее сильнее, но он даже не замечал этого.

– Даже не думал, что будет так просто, – фыркнул Джетт. Он опять улыбался во весь рот, словно это не он тут пять минут назад стenal и раскачивался, сидя на земле.

– Нельзя за ним идти, – сказал Генри. – Сами выберемся.

– Ты что, совсем с ума сошел? Жизнь налаживается! Какой-то тип появляется посреди леса и предлагает бесплатно нас вывести, а ты упираешься? С чего?

Генри хотел было объяснить ему, что всегда чувствует опасность, она как высокий, стучащий звук в ушах, но так ничего и не сказал: слишком уж это было личное.

– Мой жизненный опыт говорит: если что-то предлагают, не отказывайся, второй раз не предложат, – сказал Джетт. – Пошли. Увидишь, на этот раз я правда знаю, что делаю.

Джетт развернулся и заковылял вслед за Пальтишком. Генри замер. Отец всегда говорил ему: «Люди – как стадо, любят делать все так же, как другие, и это их слабая сторона. Ты должен принимать решения сам, ни на кого не оглядываться, тогда победишь их».

Но сейчас ему хотелось сделать так, как делают люди, – в конце концов, два последних безумных дня были лучшими в его жизни. И, стараясь не слушать голос отца, он пошел за Джеттом, отпихивая с дороги надоедливые еловые лапы.

Елки вокруг становились крупнее и старше, их иссохшие иглы, едва держащиеся на ветках, все сильнее царапали лицо. Лес менялся, но вокруг не было ничего, хоть отдаленно похожего на пропасть или башню.

А потом Джетт остановился.

– Слушай, а где коротышка? Он же только что был тут. Сбежал, что ли?

– Ладно, сами дойдем, – пробормотал Генри, шагнул вперед – и нога у него вдруг провалилась вниз.

От неожиданности он упал вперед. Руки сразу продавили тонкую, рыхлую почву насквозь, а под ней... Под ней была пустота. Генри рванулся обратно, и земля там, где он только что был, осыпалась. Он хватался за край ямы, но земля сползала вниз только сильнее, и он барахтался среди комьев почвы и сухой хвои, проваливаясь все глубже.

Раздался треск: елка, стоявшая рядом, пошатнулась и упала, тоже лишившись опоры. Генри едва успел дернуться в сторону. Его обдало иголками, но не задело, земля вокруг вздрогнула и начала осыпаться быстрее. Деревья, которые ель зацепила на своем пути, зашатались и стали валиться друг на друга. Они падали так легко, словно были посажены в золу, вокруг все трещало, земля ползла в ямы, и Генри, до боли закусив губу, велел себе успокоиться. Толстенная ель неподалеку пока стояла, и он, барахтаясь и увязая в рассыпчатой земле, подобрался ближе и ухватился за корни. Ель заскрипела и начала крениться, Генри вскарабкался на ствол так, чтобы его не придавило, и тут дерево ухнуло вниз.

Все получилось так, как он рассчитал, – дерево было такое большое, что не провалилось в расползающиеся ямы, а упало верхушкой на клочок твердой земли, легло крепко, как мост. Генри полежал пару секунд, прижимаясь лицом к коре – от удара все мысли будто выбило из головы, – и тут ветки рядом с его лицом заходили ходуном, и среди них показалась рыжая голова Джетта. Тот с ошалевшим видом перебрался на ствол, лег, обхватив его руками, и притих.

Ель поблизости закачалась, но не упала, в очередную яму с шорохом сползло немного хвои. Земля вздрогнула и замерла, древесный треск постепенно стихал. Генри осторожно сел, положив ладони на ствол и спустив ноги в пустоту. Лес выглядел так, будто его повалило бурей. С землей в этом месте явно было что-то не так: непрочная, сухая, как пыль.

– Ого, – выдавил он, глядя вниз, на торчащие повсюду вывороченные корни.

– Всё, мы покойники. В списке мест, куда я меньше всего хотел бы попасть, это – в первой тройке, – выдавил Джетт, не отрывая взгляда от уходящей глубоко вниз ямы под ними. – Но есть и хорошая новость – Пропasti близко.

– С чего ты взял? – спросил Генри, озираясь. Он пытался высмотреть вокруг хоть пару клочков твердой, надежной земли.

– Мама мне рассказывала: на окраине лесов, которые выходят к Пропастям, кое-где земля слабая, тонкая, как... как слой глазури на торте, – еле шевеля побелевшими губами, бормотал Джетт, не обращая внимания на то, что Генри вытащил нож и лихорадочно отпиливает ближайшую ветку. – Держится, пока по ней люди не пройдут, а там возьмет и провалится, и тебя засыплет ползущей сверху землей. Мне в детстве даже кошмары про это снились – лечу в яму, вроде неглубокую, но когда начинаешь хвататься за края, они сползают вниз, хвоя забивает рот, и барахтаешься там, пока не задохнешься. Ну все, на этот раз нам точно конец. Отсюда же невозможно выбраться, все опять рухнет, у меня до сих пор во рту иголки, и я... Ты что делаешь?

– Еще раз скажешь, что нам конец, я тебя вниз толкну.

Генри осторожно поставил обе ноги на ствол и выпрямился во весь рост. Взял обеими руками еловую ветку – для равновесия – и сделал шаг в ту сторону, где торчали вывороченные корни ели. Ствол дернулся и чуть просел, но в яму не сполз. Генри выдохнул сквозь сжатые зубы и сделал еще один шаг. И еще. Он перешагивал через ветки, ствол становился все крепче, шире. Если удастся осторожно слезть с дерева на твердую землю, он сможет...

И тут по другую сторону ямы послышалось неприятное, дребезжащее хихиканье:

– Еще не сгнули?

Худое Пальтишко сидел на соседнем дереве. Его сморщенное лицо тряслось от злости, пальтишко сбилась набок, волосы, раньше торчавшие вверх аккуратно, как перья зеленого лука, теперь спутались и топорщились во все стороны.

– Это местечко я берег до прихода каких-нибудь совсем мерзких типов и вот дождался! Подавитесь хвоей, вы, лживые слизни!

Перепрыгивая с ветки на ветку, Пальтишко начал спускаться, крепко упираясь в кору своими розовыми пятками. Он приближался к тому месту, где, ненадежно зарывшись в мягкую землю, лежала верхушка ели. Той самой, с которой Генри как раз собирался слезть.

– По... подожди, приятель, ты чего? Это все какая-то ошибка! У тебя лучший маскарадный костюм, какой я видел! – застонал Джетт.

Генри медленно выдохнул. Он успеет добраться до корней и спрыгнуть, до того как Пальтишко толкнет дерево в яму. Но от этого земля, скорее всего, затрясется только сильнее, да и Джетт провалится. Тот как раз пытался убедить Пальтишко, что с таким талантом ему надо выступать в столице, но Пальтишко уже пнул верхушку ели своей огромной ступней, потом еще раз – та, взрывлив землю, поползла вниз, и Генри перестал думать.

Он с силой швырнул в коротышку ветку, помчался по стволу в обратную сторону, перемахнул через Джетта, пробежал еще пару шагов и прыгнул на Пальтишко, одним броском сбив его на землю. Вокруг ползла в яму хвоя, но пока медленно: дерево выдержало.

Коротышка оказался неожиданно сильным, жилистым, он выворачивался, так и норовил укусь за нос, но все кончилось тем, что Генри надежно прижал его к земле.

– Выведешь нас отсюда, – тихо сказал Генри, – или пожалеешь.

Лицо Пальтишки плаксиво скривилось, и он разом обмяк.

– Грубияны! – забормотал он. – Полгода без Сердца, и уже такие злобные!

Генри чуть ослабил хватку на его костлявых плечах. Он вспомнил Тиса.

– Ты только недавно проснулся, верно? – медленно спросил он. – Ты в курсе, сколько именно ты спал?

Пальтишко задрал голову, посмотрел на уходящие бесконечно вверх ветви елей, и лицо у него вытянулось так, будто он проглотил что-то кислое.

– Я решил переждать трудные времена, лег вздремнуть в молоденьком ельнике. А он, кажется, подрос.

И таким жалким, старым и печальным стало его лицо, что Генри его выпустил. Пальтишко тяжело сел и пощупал ствол ближайшей елки.

– Прошло лет сто, да?

– Триста.

Пальтишко принялся и вдруг взглянул на Генри неожиданно ясным взглядом:

– Не чувствую в воздухе волшебства. Значит, Сердце так и не вернуло.

– Рад, что вы подружились, но я все еще тут лежу, и только врожденная ловкость не дает мне свалиться, – прокрипел Джетт.

Он по-прежнему обнимал ствол, и Генри решил, что ничего с ним пока что не случится.

– Сниму тебя, когда пообещаешь больше мне не врать, – сказал он.

Джетт что-то сердито пробормотал и отвернулся. А Пальтишко тем временем продолжал:

– Я проснулся, сам не знаю отчего. Поставил чайник, и тут кто-то меня позвал. Я же велел людям не звать меня больше. Сказал – раз вы так поступили, я вам не помощник. Вот и разозлился, подумал: заведу их в Полые Земли.

– А чего ты на людей так разозлился?

– Из-за тайлисов. Когда Сердце исчезло, Освальд начал охоту на всех волшебных существ. Убивал русалок, ночных стражей, китти-свечек. И тогда мы все решили спасти наших малышей. Превратили их в глиняные фигурки и отдали людям хранить – они так бережно начали относиться к вещам, когда потеряли Сердце. У нас был уговор: по первой же нашей просьбе они отдадут тайлисы обратно. Но когда пришло время обучать молодняк тайнам лесов – времена опасные, но людей-то выводить надо, – я обратился к людям, а они не отдали малышей обратно. Остальные существа попробовали – им тоже ничего не отдали. Потеряв дары, люди стали жадными. Тогда мы все рассердились и впали в спячку.

Коротышка опять захлопал носом, и Генри поспешно сказал:

– Не реви. Я видел людей, у которых твоих тайлисов целый ящик. Я достану их для тебя. Не знаю как, но достану и отдам. Даю слово.

– Ты хочешь, чтобы я за это показал тебе клады?

– Не нужны мне никакие клады. Это же твои дети, их надо домой вернуть.

Пальтишко всмотрелся в него, и вдруг лицо его смягчилось:

– Мы встречались раньше? Ты очень похож на кого-то, но на кого – не пойму.

Генри заколебался, но потом все же ответил:

– Барс выбрал меня, чтобы найти Сердце. – От этих слов в груди потеплело, как от тех зеленых пастилок. – Мы поэтому идем в Башню загадок – подсказка ведет туда.

– Так вот почему я проснулся. Барс все-таки пришел, – пробормотал Пальтишко. – Ну конечно. Теперь понятно, почему твое лицо мне знакомо. Ты – наследник Сиварда. Вы очень похожи. Ты его родич, да?

– Нет.

– А что, Тис тебе не помогает? – Пальтишко с криком встал. – Опять струсил?

– Что значит «опять»? – нахмурился Генри.

– Можешь снять своего друга с елки, я попросил землю больше не трястись. Идите за мной, я вам покажу дорогу к башне, – важно сказал Пальтишко и ловко перепрыгнул через небольшой провал в земле. На этот раз земля даже не дрогнула.

– Встань на ствол и просто иди сюда, – сказал Генри.

Но Джетт замотал головой и крепче обхватил ель. Он выглядел так, будто перепуган до смерти, хотя что может быть проще, чем встать на поваленное дерево и пройти по нему? Стараясь подавить раздражение – Пальтишко уходил все дальше, – Генри залез на ствол, прошел по нему и протянул руку.

Джетт долго смотрел на его ладонь в черной перчатке, потом неловко схватился за нее, Генри потянул его вверх – и тут ствол ели, кажется, решил, что хватит лежать неподвижно. Верхушка наконец сползла вниз, и они полетели в яму. Хвоя накрыла их с головой, как болото,

и никакого дна под ногами, схватиться не за что, иголки сыпались в рот, на секунду Генри похолодел от ужаса... но тут за его ладонь ухватилась маленькая ручка и с силой дернула вверх.

Секунду спустя он лежал животом на твердой земле, кашляя и отплевываясь от иголок. Неподалеку тем же самым занимался Джетт. Пальтишко гордо стоял рядом, упираясь кулачками в бока, и улыбался во весь свой зубастый рот.

– Мог бы выбрать себе соратника половчее, наследник Сиварда, – весело сказал он. – От такого, как этот, будут одни неприятности, помани мое слово.

Он развернулся и запрыгал с одного островка твердой земли на другой в сложном, непонятном порядке. Генри нетвердо поднялся и заспешил за ним. За спиной у него раздавался надрывный кашель, ругань, бормотание и звуки падений. Генри вздохнул. Если бы их кто-то преследовал, Джетта услышали бы за пару миль.

Провалы в земле становились все мельче и уже, и через полчаса карабканья и прыжков по осыпающейся хвое они оказались в обычном лесу. Тут пахло холодом и снегом, под ногами все чаще попадались камни. У елей были искривленные стволы, обвисшие ветки, будто они разом потеряли силу.

Редкий лес постепенно перешел в равнину, хилые елки остались позади. Теперь до самого горизонта были только голые камни. Кое-где между ними попадались широкие щели, уходящие вниз так глубоко, что не разглядишь дна.

Никогда еще Генри не видел более пустой, безрадостной земли.

– Так вот как выглядят Пропasti. Неуютно, – пробормотал Джетт. – Они вдоль всех границ королевства идут. Говорят, в этом месте земля истончается, как старая бумага, а потом и вовсе кончается.

– Что значит «Тис опять струсил»? – спросил Генри, поворачиваясь к безмятежно улыбающемуся Пальтишке.

Вместо ответа тот наклонился вперед, прижав одну ладонь к животу:

– Прими на прощание совет. Люди – дешевые обманщики, не доверяй им. Но больше всего остерегайся Освальда. – Пальтишко помолчал и продолжил тяжелым, угрюмым голосом: – Когда пропало Сердце, он предложил всем волшебным существам убежище в своем дальнем замке. Говорил, что люди без Сердца стали опасны. Многие поверили – он умеет уговаривать. Он убил всех, кто пошел к нему. А мы даже не сразу поняли, что происходит. Думали, они все в безопасности.

– Но зачем он это сделал?

– Не знаю. Но он ничего не делает без причины, в хитрости ему нет равных. Он попытается тебя остановить. Не дай ему этого сделать. Удачи, наследник Сиварда.

– Ого, сколько у вас в трупpe народу, – подал голос Джетт.

Генри посмотрел туда, куда он указывал. Вдалеке, посреди каменной равнины, высилось какое-то здание, а перед ним двигались огни факелов. Их было не меньше двадцати.

– А ты говорил, нет труппы. Башня уже сотни лет заброшена. Все знают, что там люди часто пропадали, вот никто и не суется. Кому еще там быть, кроме ваших?

– Я не знаю, – пробормотал Генри, обернулся, чтобы спросить, но Пальтишки рядом уже не было, только вдалеке, среди елей, хрустели ветки.

– Ладно, чудик. Разберемся, – бодро сказал Джетт.

– Генри.

– Что?

– Так меня зовут. – Генри вытянул перед собой ладонь со сжатыми пальцами. Так сделал Джетт, когда назвал свое имя. – И нет никакой труппы. Все по-настоящему.

– Ага, конечно. Даже карлик, живущий в лесу, который свихнулся и решил, что он Худое Пальтишко.

– Я понятия не имею, что в этой башне. – Генри мотнул головой, исподлобья глядя на Джетта. – Отец мне говорил, люди не делают ничего в одиночку. А я просто хочу быть, как все.

– Ты чего, боишься туда один идти?

– Вроде того.

– А, ну в моем лице ты обретешь отличного телохранителя.

– Быстрого и смертоносного, как летящий топор.

Джетт фыркнул и приосанился.

– Ладно, чудик. И спасибо, что не прогнал меня. Сам знаю, толку от меня маловато, – неожиданно серьезно сказал он и тут же снова вернул на лицо улыбку. – Но ты же не пойдешь туда прямо на ночь глядя? Эй, стой! А как же перекусить? Отдохнуть? Уверен, поблизости найдется какой-нибудь постоялый двор. – Но Генри уже шел в сторону башни, и Джетт захромал следом, продолжая говорить: – Ладно, я понял. Но каков карлик! Так гладко заливал про Освальда, я сам чуть не поверил. Как же хорошо выбраться из этого проклятущего ельника. – Джетт двумя руками потер расцарапанное иголками лицо. – Чувствую себя так, будто часа два подряд пытался целовать ежа.

– Что такое «целовать»? – рассеянно переспросил Генри.

Джетт засмеялся.

– А ты, я смотрю, и правда долго в лесу просидел. Поверь, в мире есть куча вещей куда лучше лесов и безумных карликов! Если доберемся до нормального города, вот там я буду просто шикарным проводником, и мы...

Генри почти не слушал. Солнце уже явно клонилось к вечеру, и убывающий свет беспокоил его. Он сосредоточенно перешагивал через извилистые, длинные щели в земле, а в голове крутилась, бесконечно повторяясь, одна и та же мысль: «Как он может быть похож на Сиварда, если тот умер триста лет назад?»

Глава 5

Башня загадок

Темное небо сливалось с темной землей, а огни вдалеке проступали все ярче. Что людям ночью делать в таком месте? В воздухе подпрыгивал мелкий снег, слабый отголосок вчерашней метели, а кроме него – ни движения, ни шороха.

– Шагай быстрее, а то раньше полуночи не дойдем, – не выдержал Генри.

– Вот и отлично. Там, как в сказках, в полночь начинается самое интересное... Ай, да сколько их тут! – Джетт споткнулся, попав ногой в очередную трещину, и чуть не уронил туда сапог. Генри медленно повернулся к нему, и Джетт тут же втянул голову в плечи. – Э, э, приятель, ты король угрожающих взглядов, но отрабатывай их на ком-нибудь другом. По собственным меркам, я мчусь сломя голову.

Голос отца в голове Генри сказал, что такие слабые особи в природе вообще выживать не должны, но Генри не стал его слушать. Джетт и правда выглядел так, будто последние два часа не тащился, как улитка, а мчался по горам от стаи волков. Поэтому Генри сделал лучшее, что смог выдумать: сел на ближайший камень и вытянул ноги.

– Серьезно? – Джетт уставился на него. – Я уж думал, ты железный, приятель.

– Что интересного может начинаться в полночь? В это время спать надо. – Генри кивнул на соседний камень, и Джетт послушно сел.

– Мама мне говорила, Башню загадок предки построили, чтобы соревноваться, кто умнее. В полночь на двери появляется загадка. Не отгадаешь ее за четверть часа, она пропадает, отгадаешь – заходи внутрь, а там стены выложены какими-то особенными камнями. – Джетт потыкал носком сапога край ближайшей трещины в земле. – Вынимаешь один камень, пишешь на его месте свое имя, а камень берешь с собой, и следующие сутки он удачу в любом деле приносит. Но, говорят, после потери Сердца башня свихнулась и начала людей есть – кому удавалось внутрь попасть, того больше никто не видел. Но это все, ясное дело, сказка. Наверняка эту башню построили, чтобы зерно хранить или вроде того, а потом там бродяги поселились и выгоняют всех, кто туда лезет. – Джетт подобрал камень и швырнул его в трещину.

– Не надо так делать, – сказал Генри, стараясь не думать о том, что звука падения так и не услышал.

Джетт ухмыльнулся и бросил еще один.

– А то что? Ночные стражи вылезут? Сказки говорят, они тут и живут: охраняют границы королевства. Хотя после лесного карлика не удивлюсь, если кто-то решил посадить в трещины собак с привязанными крыльями, чтобы прохожих пугать.

Генри сглотнул. Из узкой, в кулак шириной, трещины появилось странное плоское существо, похожее на черную летучую мышь ростом с человека. Существо поднялось над щелью легко и бесшумно, будто так и было зажато там с раскинутыми широченными крыльями, и какая-то невидимая сила в нужный момент просто вытолкнула его вверх, и теперь оно неподвижно висело в воздухе. Диковатые маленькие глаза глядели на склоненную голову Джетта. Тот искал на земле, какой бы еще камень бросить в трещину, а потом поднял глаза, и камень выпал из его руки.

Существо повело взглядом влево, потом вправо, прищурилось и быстро заморгало, будто только что осознало, что оно больше не в темноте. Потом высунуло язык, повисело, лоя на него мелкий белесый снег, и с тихим хлюпаньем втянуло язык в пасть, задумчиво, будто хотело распробовать снег на вкус. Генри понять не мог, как оно еще не упало, – оно по-прежнему не складывало крыльев и не вставало на землю. Лап было только две – задние, передними, видимо, служили когти на концах крыльев.

Генри чуть разжал руку на ноже. Отец всегда говорил: охотник должен чувствовать душу зверя. А у этой плоской крылатой собаки душа явно была незлобивая и сонная, и Генри не испытывал страха, только мягкое, щекочущее удивление. На свете, оказывается, были звери, каких он в жизни не видел.

– Ночной страж, – выдавил Джетт.

Зверь наострил уши, повел головой – в шее тихо хрустнуло – и сел на край каменной щели, сложив кожистые крылья. Потом протянул одно вперед и царапнул длинным когтем карман Джетта. Тот медленно запустил руку в этот карман и вытащил оттуда гармошку.

Страж, подслеповато моргая, поднес морду ближе к гармошке и потрогал когтем нацарапанный на ней рисунок. Тихо фыркнул, вразвалку вернулся к щели, раскинул крылья и, сделав маленький прыжок назад, ухнул вниз. Исчез он так же бесшумно, как появился.

– Я не буду об этом думать, – шевельнул губами Джетт и сунул гармошку в карман так, словно она жгла ему руку. – Мне это приснилось.

На этот раз он захромал в сторону башни с такой скоростью, что Генри не сразу его догнал.

Ночь стусилась, из-за туч вышел тонкий, как деревянная стружка, месяц. Теперь Генри хорошо различал и башню (мрачное круглое строение с зубчатым верхом. И как такую громадину сложили из камней?), и людей перед ней: темные, беспокойно движущиеся фигуры. Одни сгрудились вокруг костра, другие расхаживали с факелами перед башней. Генри насчитал тридцать человек.

Плохо.

– Отличное вы место для подготовки придумали: никто не помешает, – бодро сказал Джетт. После встречи с ночным стражем он притих так надолго, что сейчас Генри вздрогнул от неожиданности. – Я все понял, приятель. В Хейверхилле вы просто набивали руку, а теперь хотите устроить роскошное представление в большом городе и хорошенько подзаработать. Но для этого ваша команда должна все отрепетировать, верно?

– А почему тогда я сейчас не с ними? – мрачно спросил Генри, оглядывая пустынную, теряющуюся во тьме равнину.

– Ясное дело – отбилась по дороге. Ты же дурной, – безмятежно сказал Джетт.

Перед стеной сидели и стояли тридцать мужчин в цветных куртках и теплых шарфах. Несколько человек спали у костра, накрыв головы капюшоном, другие толпились около двери в крепостной стене. Оружие было у всех: ножи за поясом и голенищами сапог, лук, стрелы, но Генри приказал себе об этом не думать. Мужчины ведь за оружие не схватились, просто повернулись к ним. Вид у них был настороженный, почти испуганный.

Джетт поклонился.

– Приветствую, господа! – звонко начал он, не разгибаясь. – Я знаю, что сейчас вы все задаете себе вопрос: «Кто это притащился с нашим мастером огненных трюков?», но уверяю вас, я человек надежный, серьезный и смыслу в вашем ремесле. Вот вы, добрый человек, дайте-ка мне мелкую монетку.

Люди переглянулись, потом один протянул Джетту медный кругляш.

– Благодарю. А теперь глядите внимательно. – Он подкинул на ладони монету, поймал, сжал кулак, а когда разжал, монеты там не было. Генри моргнул. – А теперь вот вы, широкоплечий господин, загляните под этот большой камень.

Широкоплечий господин перевернул ближайший валун. Под ним блестела медная монета. Улыбка Джетта расплзлась до ушей.

– Неплохо, да? Поверьте, я для вашей труппы просто находка. Возьмете меня?

– Что вы тут забыли, ребята? – веско спросил широкоплечий мужчина.

– В каком смысле? – Джетт растерянно повернулся к Генри. – Только не говори мне, что это не твоя труппа. О нет. Зачем же я тогда сюда тащился? Вы кто такие?

- Мы из общества любителей памятников старины.
- А такое есть? – озадаченно спросил Джетт.
- Как видишь, – сказал широкоплечий.

Остальные не издавали ни звука, не двигались, и Генри вдруг понял: все, кто здесь был, смотрели только на него. Он, наверное, выглядел чужаком, хотя почему – не мог понять.

– Мы ездим по заброшенным волшебным местам. Изучаем, как они работают. Который день тут ночуем, но дверь пока не открыли – загадки слишком сложные. Вот, ждем полуночи. Вы вовремя, минуты две осталось. Хотите с нами угадывать? – Широкоплечий приглашающе указал на дверь.

Все инстинкты твердили Генри одно: бежать. Предчувствие опасности грохотало в ушах, как горный обвал. Но бежать отсюда было некуда. Он беспомощно взглянул на Джетта. Тот разочарованно тер подбородок и явно мысленно оплакивал свою выдумку про веселую команду фокусников. Толку от него не будет. Генри решил взять дело в свои руки.

- Хотим, – кивнул он.

Широкоплечий двинулся к двери, и все остальные потянулись за ним, все время оглядываясь на Генри, – тот не подходил к ним близко и не поворачивался спиной, только переводил взгляд с одного лица на другое.

– Эй, не беспокойся ты так. У тебя вид сразу делается, как у очень опасного типа, – тихо сказал Джетт. – Они вроде славные ребята, не прогнали нас. Вот если бы они были еще и фокусниками, я бы...

Генри со вздохом перевел взгляд на толстую каменную дверь, пытаясь убедить себя, что отец был неправ и люди совершенно не опасны. А потом произошло такое, что он тут же забыл про все, кроме башни и загадки.

В углах двери проступили четыре квадрата размером с ладонь, из тусклого блестящего стекла, а в центре двери – выпуклое каменное сердце с угловатыми краями. Над сердцем появилась надпись – неотчетливая, словно писали второпях куском крошащегося мела:

Волшебство у тебя в крови, путник, так вот тебе загадка:
Меняться королям, но я – всегда на троне,
Тому, с кем я, и гибель не страшна.
Передо мной колени все преклонят:
Паук, и волк, и полная луна.

Раздался скрежет, и только тут Генри заметил рядом с дверью странный предмет из пыльного стекла: два сосуда, соединенные тонкой перемычкой. Нижний сосуд был полон песка, а теперь предмет перевернулся, и песок посыпался в пустой сосуд.

Все посмотрели друг на друга. Потом на Генри. Потом на дверь.

- Думаю, выражу общее мнение, если скажу, что ничего не понял, – объявил Джетт.

Широкоплечий потер затылок. И он, и его товарищи смотрели на дверь с одинаковым выражением – как будто вообще не представляли, как здесь оказались.

Джетт прокашлялся:

- Можно нам взглянуть поближе?

Генри был уверен, что им откажут. Эта дверь – добыча, и первыми ее нашло это общество любителей, или как их там, – так с чего им уступать? Но широкоплечий сделал знак своим, и те дружно посторонились.

- Давайте глядите, – твердо сказал он. – Я-то уже чувствую, что у нас ничего не выйдет.

Джетт еще раз поклонился и шагнул к двери. Генри встал рядом, но на дверь бросал только короткие взгляды искоса: не мог заставить себя повернуться спиной к вооруженным людям. А Джетт об этом явно не думал. Он тер подбородок и бормотал:

– Так, кто у нас всегда на троне? Хм. Только король. И перед ним все колени преклоняют. И если король на твоей стороне, тебя вроде как не казнят. Король! – громко сказал он. Ничего не произошло. – Хм. Так. Первая часть не сходится. «Меняться королям, но я – всегда на троне». Значит, это кто-то, кто правит всегда, какой-то очень мощный тип. А! Я знаю! Знаю! Бессмертный король Освальд! – повторил он во весь голос. Ничего. – Так, ладно. Еще подумаем. – Он развернулся к Генри и зашептал ему на ухо: – Что ты на них уставился? Эти здоровяки всю жизнь пахали землю или бревна таскали и загадку точно не отгадают. – Он щелкнул пальцами у него перед носом. – Давай, забудь об этих ребятах и присоединяйся. Время идет.

Генри взглянул на загадку, продолжая краем глаза следить за отрядом. Отгадка – это что-то, что правит вечно и обладает огромной властью. Что-то, чего не хватает тем, кто умирает. Он громко втянул воздух.

– Это время, – сказал он. – Оно сильнее любой власти, перед ним все преклоняются, и, если оно у тебя есть, значит, ты еще не умер.

Джетт повернулся к нему и вдруг засмеялся таким взбудораженным, радостным смехом, что Генри едва не рассмеялся вслед за ним – ему вдруг захотелось узнать, что чувствуют люди, когда вот так смеются.

– Приятель, я беру назад все свои слова про то, что ты тупица.

– Ты не говорил, что я тупица.

– Но думал. Так, а почему дверь еще не открылась? Ну-ка, повтори еще разок!

– Время, – проговорил Генри.

По одному из каменных квадратов в левом верхнем углу двери прокатился слабый, будто изнутри льющийся свет – и пропал.

– Так-так-так, – забормотал Джетт. – Эта дверь чего-то от нас хочет. – Он повертел головой и вдруг одобрительно хмыкнул: – Надпись на двери сделана мелом, так? Значит, и от нас хотят того же. А если так – от предыдущего счастливчика, открывшего эту дверь, остался хоть кусочек.

Джетт наклонился, пошарил по камням, нашел среди них один – белый, маленький – и с торжествующим возгласом написал на верхнем левом стекле слово «время».

Надпись тут же впиталась в стекло и исчезла. Джетт толкнул плечом дверь – та не открылась.

– Да скрипpler тебя заberi, – тихо сказал он, стукнув по двери кулаком. – И что делать? Может, надо написать не слово «время», а какую-то цифру? Ну, время же пишут цифрами, а не словами.

– Попробуй двенадцать, – подхватил Генри. На этот раз идея Джетта была не лишена смысла. – Загадка же в полночь появляется.

Джетт молча послушался, и на этот раз надпись не исчезла, наоборот: квадрат засиял, подсвечивая ее изнутри. Джетт коротко хохотнул, а потом улыбка сползла с его лица.

– Дверь-то все равно не открылась, умник, – сказал он осуждающе, как будто Генри виноват. – Думай дальше.

– Тут... – Генри облизнул пересохшие губы. – Тут четыре квадрата.

– И что?

– Значит, надо написать что-то во всех четырех.

Джетт развернулся к остальным:

– А вы что стоите? Помогайте!

– Да не знаю я, – помотал головой широкоплечий, и весь отряд повторил движение за ним. – У вас хорошо получается, вы и давайте.

Джетт махнул рукой:

– Загадка-то одна! И что тогда вписать в остальные стекляшки?

– Значит, остальные загадки спрятаны внутри этой. Скорее всего, это тоже цифры. – Генри перечитал загадку, продолжая краем глаза следить за людьми. – У луны нет коленей.

– И что?

– Она не может преклонить колени. У нее их нет. А у паука... – Он вскинул голову. – У паука их восемь.

– А у волка – четыре. Молодец, чудик, – еле шевельнув губами, сказал Джетт.

Он сжал мелок и по очереди написал в оставшихся трех квадратах цифры: 8, 4, 0. На этот раз надписи не растворились в стекле, они остались на месте, и все три квадрата слабо засветились изнутри.

Но дверь не открылась.

Джетт толкнул ее плечом – та не подалась. Генри покосился на часы: песка оставалось минут на восемь. Он оттеснил Джетта – слишком хилый – и попробовал толкнуть дверь сам. Лук и колчан тут же сползли с плеча, они мешали, и Генри бросил их на землю. Надавил еще раз – дверь чуть дрогнула, просто обозначая, что может открыться. Генри с кряхтением уперся в нее руками, надавил – и тут что-то произошло.

Он видел свои ладони в перчатках, распластанные на двери, а в следующую секунду к нему молниеносным движением кто-то подскочил и набросил на запястья тонкую серебристую цепь. Генри дернулся, но секунду, которую он потерял, думая только о двери, было уже не вернуть. Он развернулся, готовый броситься в драку, и увидел, что на него нацелены тридцать стрел.

– Какой же я debil, – выдохнул Джетт. – Я все думал: что не так? У них же сапоги одинаковые.

Но Генри и без него уже понял. Нет никакого общества любителей. Это посланники.

На лице широкоплечего был страх: застывший, серый. По лицам остальных тоже было ясно, как они перепуганы, но руки на древке стрел не дрожали. Генри на секунду прикрыл глаза. Бежать некуда, догонят. Их слишком много. К тому же тугая, прочная цепь больно впи- валась в запястья. Но самым странным было то, что он все еще не чувствовал страха, только удивление. А люди не такие глупые, как он думал. Они мыслили, как охотники. Прикинуться простыми ребятами, дождаться момента, когда он потеряет бдительность, и связать ему руки – его главное оружие. Как просто.

Тут зашевелились трое, лежавшие у костра, сдернули с головы капюшоны, и Генри сразу узнал всех троих.

– Подтверждаю, это они, – угрюмо, будто через силу, сказал кудрявый посланник. На ярмарке он говорил, что его зовут Олдус Прайд.

– Ха! Попались! – взбудораженно крикнул Хью.

– Привет, – дружелюбно и неловко проговорил Сван.

Генри сразу понял, что произошло. Хозяин постоянного двора вызвал из-за него послан- ников. Братья сообщили, куда Генри собирался идти, – туда, куда указывала подсказка Барса. Кто-то из посланников (может, даже кудрявый) понял, что указывает она на Башню загадок, и они решили устроить засаду, а попали сюда раньше Генри, потому что шли по дороге, а не петляли по лесу. Отличный был план.

Кудрявый выступил вперед. Оружия у него не было, наверное, рука еще не зажила. Он смотрел прямо на Генри внимательно и непонятно, как будто глаза пытались сказать совсем не то, что голос.

– Стойте неподвижно, или мы стреляем, – сухо проговорил он. – Вы арестованы по при- казу короля.

– Послушайте, – Джетт быстро облизнул губы, – вы чего? Я-то да, ладно, я понял, за побег из Цитадели не гладят по головке, но этот-то при чем? Ну, устроил он фокус, сжег пару навесов, так они были даже не старинные, и...

– Джетт, что ты несешь? – устало спросил кудрявый.

Остальные смотрели на него: значит, он был главным.

– Так он сбежал из Цитадели? Я так и знал, что ты преступник, уродец! – пронзительно крикнул Хью.

– Зачем в середине двери сердце? – задумчиво пробормотал Генри.

Джетт выдохнул сквозь сжатые зубы:

– Других вопросов нет?

– У сердца острые края, – негромко сказал Генри, глядя в одну точку.

– Не сопротивляйтесь, и мы доставим вас в Цитадель живыми и невредимыми. – Олдус помолчал. – Мне жаль.

– А нам нет! – подал голос Хью.

– Помолчите! – рявкнул Олдус.

И в ту же секунду Генри молниеносно повернулся к двери, с силой провел запястьем по краю сердца, чувствуя, как рвется кожа, и прижал окровавленный порез к каменному сердцу.

Раздался такой душераздирающий каменный скрип, что подскочили все, – и дверь распахнулась со скоростью, какой не ожидаешь от куска камня такой толщины. От неожиданности Генри рухнул вперед, Джетт тоже, Олдус закричал: «Не стрелять! Велено привезти живыми!», но над ними уже засвистели стрелы, со стуком падая на каменный пол башни. Генри со всей силы рванулся вбок, в темноту. Дверь с тем же жутким звуком захлопнулась, и стало тихо.

Генри сел, неловко держа связанные руки перед собой, втягивая воздух огромными глотками. В ушах перестало звенеть, и он понял, что посланники остались за наглухо закрытой дверью. В нее стучали чем-то тяжелым, слышались неразборчивые голоса. Чтобы выбить дверь такой толщины, им понадобится лет десять. Генри подумал об этом, и дыхание сразу выровнялось.

– Как ты догадался? – сдавленно пробормотал из темноты Джетт.

– На двери было написано: «Волшебство у тебя в крови, путник». Я подумал, кровь – то, что нужно.

Генри неловко поднялся на ноги. Хуже всего было то, что он бросил свой лук у двери. Вот ведь болван!

– Вытащи у меня нож, – скомандовал Генри.

Джетт достал нож у него из-за пояса, покачал его в руке и тут же заметно взбодрился.

– Да, ты прав, с ним мне как-то спокойнее. Спасибо, приятель.

Генри дернул руками в стороны, цепь звякнула и натянулась. Джетт, к счастью, сразу понял, что от него требуется, и начал пилить.

Цепь, конечно, не поддавалась, но скрежет металла о металл разнесся под гулкими каменными сводами так ясно, что Генри едва не зашипел от досады.

– Хватит. Дай мне нож.

– Да ничего, я подержу, у меня хоть руки не связаны, а вот ты...

Но Генри уже пихнул его локтем, отобрал нож и огляделся.

В темноте слабо сияла длинная, узкая полоса света, как от приоткрытой двери. Он сделал шаг в ту сторону, и Джетт схватил его за плечо.

– Слушай, – забормотал он, – не хочу погубить свою репутацию храбреца, но что-то я теперь не доверяю дальним огням во тьме. Первый раз это оказался Пальтишко, второй – посланники, а тут наверняка будет что-нибудь еще похуже. Оттуда таким холодом тянет! В общем, у меня есть план. Посидим тут, пока нас не спасут посланники, – я слышу, они дверь пытаются выбить. По мне, так лучше в Цитадель, чем в лапы каким-нибудь зверям, которые тут поселились. – Джетт нащупал то место, где раньше была входная дверь, и тихо протянул: – Господа посланники! Мы здесь! Эй, стой, куда ты?

Но Генри уже шел туда, где брезжил свет. Это и правда оказалась дверь. Она бесшумно открылась, как только Генри толкнул ее плечом.

– Ха! Я так и знал! – выпалил Джетт у него за спиной. – Я знал, что ваша труппа найдется! Клянусь шляпой Странника, вот это представление!

Посреди зала стоял стол, он начинался у двери и уходил к дальней стене. А за столом на крепких деревянных стульях сидели люди. Головы у них были опущены на грудь, а сверху всех накрывала тонкая серебристая паутина, она слабо переливалась под блеклым светом очага. В очаге висел котелок, в котором булькало что-то серебристое. Генри медленно пошел вдоль стола, сжимая нож обеими руками, пытаясь уловить хоть малейшее движение, но в зале стояла глубокая, неживая тишина, как в лесу посреди зимы.

Людей было не меньше пятидесяти, все одеты по-походному и вооружены: лук за плечом, у одних на поясе ножи, у других – меч. Они выглядели так, будто спали, только лица были слишком бледными, и сколько Генри ни всматривался – не видел следов дыхания: паутина не колыбалась, грудь у всех была неподвижной. Он никогда раньше не видел мертвых людей: может, они всегда так хорошо сохраняются?

– Меня не обманешь! Слишком цветущий у них вид для мертвецов. Эй, приятель! – гаркнул Джетт на ухо здоровенному детине с длинными волосами, перевязанными ярко-зеленой лентой. Не услышав ответа, Джетт ткнул его пальцем и тут же отдернул руку. – Холодный. Как вы это сделали? – Он сунул руки в карманы и пошел спиной вперед, глядя на Генри. Вести себя осторожно в незнакомых местах его явно не учили. – Я ведь не тупой, Генри. Ребята из твоей команды слышали посланников и спрятались в башне. Так начинается ваше представление – неподвижные люди, прямо как в сказках спящие мертвым сном. А потом они один за другим встают и начинают... Что? Петь? Танцевать? Таких крупных представлений никто никогда не делал. Два, три человека выступают вместе – это бывает. Но такого... Да это просто мечта! И я хочу участвовать.

Где-то к середине его речи Генри перестал слушать. Тис сказал, следующая подсказка будет здесь. Но где именно? И как она вообще должна выглядеть?

Стены были выложены округлыми, увесистыми камнями, каждый – размером с утиное яйцо. Во многих местах камни были вынуты, и на освободившихся местах нацарапаны имена. Один из камней, в дальнем углу, горел слабым теплым светом. Джетт подошел к камню и вынул его, тот легко выпал ему в ладонь, будто ни на чем не держался.

– О, надо же. Прямо как в сказке. А теперь надо написать на стене наши имена, – беззаботно оглянулся он. – Гляди, тут везде надписи. Рядом с нами «Влюбленный рыцарь Викторий» и «Саманта Умная». А я, пожалуй, просто напишу: «Генри и Джетт тут были». – Он подобрал с пола кусок угля и нацарапал что-то на стене. – Кстати, можно, я этот камешек себе возьму? Выглядит ценным, хоть пару монет за него выручу.

Генри, не глядя, кивнул. Где же подсказка? На стенах? На столе?

– И кстати, можешь сколько угодно делать вид, что это не твоя труппа и все эти люди просто так тут сидят. Но меня не проведешь. У этого парня костюм точно как у того, с ярмарки, который у вас короля Освальда изображал.

Генри медленно повернулся. Джетт стоял рядом с человеком, который сидел на дальнем конце стола: неподвижная фигура в темно-лиловом плаще с капюшоном, под которым поблескивал край железной маски.

Джетт дернул капюшон назад: оказалось, под ним не маска, а что-то вроде котелка с прорезью для глаз.

– Ого, даже шлем, – как ни в чем не бывало сказал Джетт и дернул тесемки на горле плаща. Плащ сполз на спинку стула, под ним была железная одежда. Человек во главе стола был закован в железо с головы до ног. – Освальд в сказках всегда вот в таких доспехах. Не любил лицо показывать. Наверняка был редкостным уродом. – Джетт похлопал неподвижную

фигуру по плечу. – Не обижайся, друг, ты-то его просто изображаешь. Костюм роскошный, сколько вы за него выложили?

Джетт подождал. Фигура не двигалась. Генри тоже замер: ему было так страшно, что он не мог вздохнуть. Он чувствовал, что сейчас произойдет, знал, что надо вмешаться, но не двинулся с места.

– Ты ведь у них главный, верно? Ну, ты на площади такую внушительную речь закатил. Да ладно, ну хватит, я уже впечатлен, можешь отмереть, давай обсудим сотрудничество. – Джетт сел на край стола и обеими руками взял Освальда за шлем.

В следующую секунду железная рука вскинулась и схватила его за запястье.

Джетт завопил так, что слышали, наверное, даже посланники за дверью.

– Какая неожиданная встреча...

От этого неживого, железного голоса у Генри мороз пробежал по коже. Но он заставил себя сделать несколько шагов вперед.

Джетт засмеялся дробным, неуверенным смехом. Освальд продолжал смотреть на него черной прорезью в шлеме, и смех постепенно смолк. Стало тихо. И в этой тишине Генри наконец услышал, как в дверь башни бьется что-то тяжелое. Звук был далеким, глухим, как раскаты грома высоко в горах.

– Вы ведь фокусники, да? – севшим голосом произнес Джетт, но понятно было: он уже сам в это не верит. – Это все просто фокус.

Освальд разжал пальцы, освобождая руку Джетта, медленно поднялся во весь рост – так легко, словно доспехи вовсе ничего не весили, – и со скрипом сжал руку в кулак. У Джетта было полно времени, чтобы сбежать, залезть под стол, отбиться, но он не двигался. Глаза у него были, как у кролика, который видит, что стрела летит в него, но уже ничего не может сделать. А потом Освальд размахнулся и ударил его железным кулаком по лицу. Джетт рухнул на пол, его пальцы слабо царапнули камни, потом разжались, и Генри почувствовал что-то странное: внутри у него все дернулось, как будто его ударили тоже.

– Пешек съедают первыми, – невозмутимо сказал Освальд так, будто это все объясняло.

А потом нагнулся, достал у Джетта из кармана камень, подошел к очагу и бросил камень в котелок.

– Так и будешь молчать? – невозмутимо спросил Освальд, пальцем помешивая серебряное варево в котелке. Он стоял спиной к Генри, словно и не ждал нападения. – Любой на твоём месте закричал бы: «О, зачем ты убил моего друга?» и прочую чушь. Но смерть для тебя не имеет значения, ты же охотник. Уже думаешь о том, что делать дальше. Можешь не утруждаться. Твой славный поход во имя Барса тут и закончится. – Голос у Освальда был такой снисходительный, будто он не мог решить, стоит ли вообще тратить на Генри слова. – Жаль, что люди забыли, как устроены волшебные постройки. Если пытаешься проникнуть в них силой, они самоуничтожаются, погребая под собой нарушителей.

С потолка и правда то тут, то там сыпались струйки каменной крошки. Генри беспомощно посмотрел вверх.

– Посланники сами роют себе – и тебе – могилу, ломая дверь. Башня скоро рухнет, и я знаю, как отсюда выбраться, а ты – нет. Счастливо оставаться, избранник Барса.

Освальд невозмутимо взял с пола пузатую бутылку и перелил туда вязкое серебряное варево из котелка. Потом вставил в бутылку пробку и пошел в глубь зала, больше не обращая на Генри внимания.

Стены снова вздрогнули, с потолка уже сыпались камни покрупнее – башня и правда трещала по швам. Страх отнимает силы, говорил отец. Генри с силой втянул воздух, голос отца в голове кричал ему: «Успокойся и думай!»

И Генри послушался.

Такое бывает на охоте: если ты предельно сосредоточен, время замедляется, путь к цели будто растягивается, чтобы ты успел дойти.

– Ты знал, что я приду. – Генри слышал себя будто через слой толстой ткани. Сердце билось медленно и ровно. – Ты бы успел уйти еще до того, как мы зашли. Но не захотел.

Освальд развернулся к нему:

– Не лсти себе, мы встретились случайно. Я часто бываю здесь. Башня – одно из редких мест, где даже после потери Сердца осталась своя магия. Думаешь, я не знаю, зачем ты сюда явился? Барс явно отправил тебя играть в его любимую игру – ходить от подсказки к подсказке. Удачи с поисками – это отличный способ потратить последние минуты своей жизни.

– Тебе что-то нужно от меня, – еле разлепив губы, сказал Генри. Мысли были ясными и простыми, как в лучшие моменты охоты.

– Послушай, мальчик. Ты, кажется, не понял. Ты больше меня не интересуешь. Я предложил тебе играть за меня – ты отказался, так прими последствия. Эту партию я выиграю и без тебя, просто по-другому.

– Нет. – Генри все тем же замедленным, тяжелым движением повернул к нему голову. – Ты бы не стоял тут, не болтал, если б не хотел. Взял бы эту бутылку и ушел.

– В сказках злодеи всегда произносят речь, чтобы поглумиться над поверженным героем.

Освальд наклонил голову набок, и Генри по голосу почувствовал, что под шлемом он улыбается.

– Я сказок не читал. И я думаю, ты врешь. Ты тоже не знаешь, как отсюда выбраться, когда башня рухнет. – Генри приподнял связанные руки. – А я могу выйти откуда угодно.

– Но не сейчас. Посланники не совсем идиоты – они надели наручники поверх перчаток, иначе ты бы давно стянул хоть одну зубами. И знаешь, я бы не появлялся тут столько лет, если б не знал, как выйти. Так что ты не угадал. Счастливо оставаться. – Освальд снова развернулся, чтобы уйти.

Генри на секунду прикрыл глаза, вслушиваясь в собственные мысли – отрывистые, четкие. Он понял.

– Люди за столом. Это те, кто пропадал в башне после потери Сердца. Ты сказал: «Я появлялся тут столько лет». Из-за них, да?

Освальд застыл, и Генри подошел ближе. Теперь они стояли прямо друг против друга, разделенные столом, – и Генри первый раз обратил внимание на то, что на этом столе стояло. Перед каждым из людей были одинаковые предметы – кубок и золотая монета. Генри взял один из кубков и задумчиво поглядел внутрь. К стенкам прилипли засохшие остатки чего-то серебристого.

– Они не мертвы, иначе зачем им тут сидеть? У тебя в бутылке то, что они пили. Какая-то усыпляющая трава? Нет, не трава. Ты положил в котелок камень, и он растворился. Камень был волшебный. Может, в этом дело? Но все эти люди вооружены, они не стали бы пить неизвестно что. – Генри поднял взгляд на Освальда. Тот неподвижно смотрел на него черной прорезью в шлеме. – Это место – ловушка. Ты встречал тут тех, кто отгадывал загадку. Давал им монету, чтобы они выпили то, что в кубке, и заснули. Люди любят эти золотые кругляши. Но почему они не могли просто сбежать от тебя?

– Я ведь сказал, никто не помнит, как работают такие места, – сказал Освальд так спокойно, будто они разговаривали в полной безопасности и вокруг не падали камни. – Раньше люди успевали вставить между дверью и стеной полено, чтобы она не закрылась. Это давало время зайти в башню, взять камень и выйти. Но после потери Сердца волшебные места забросили, и люди стали забывать правила.

– Они пытались сбежать и понимали, что дверь захлопнулась. Начинали искать другой выход и не находили, ведь только ты знаешь, где он. Но что было дальше?

Теперь во взгляде черной прорези Генри чудилось любопытство. Чтобы поймать крупную рыбу, надо заинтересовать ее хорошей приманкой, так всегда говорил отец. И Освальд клюнул. Он заговорил.

– Я спрашивал новых гостей: «Видите остальных? Они живы, просто спят. Они выпили со мной напиток обещания, дав клятву служить мне. – Освальд поставил бутылку на стол. – А я за это честно заплатил им по монете. Когда соберу мощную армию, разбужу всех, и вы послужите мне, чтобы отвоевать мой трон. Потом сниму заклятие, и вы с бесценной монетой вернетесь домой. А вон там, у камина, лежат кости тех, кто не согласился. Но я вас не заставляю, напиток сработает, только если это будет добровольное желание». Так я говорил новым гостям. – Освальд развел руками. Эта беседа его, кажется, развлекала. – Людьми управляют только две вещи – жадность и страх смерти. Так что...

– А зачем паутина?

Крупный камень рухнул на пол прямо рядом с Генри, но он даже не дернулся. Охота – постоянная угроза смерти. К этому привыкаешь.

– Напиток не усыпляет. Он скрепляет сделку. Усыпляет как раз паутина, ее называют «узы сна». Старинная вещь и до сих пор отлично работает.

– А ты долго их здесь собирал?

– Триста лет. Распускал слухи, что тут спрятаны сокровища, чтобы люди продолжали приходить.

Генри вскинул голову:

– Вот оно. Вот зачем я тебе нужен. Ты знаешь, как уйти отсюда самому, но не можешь вывести людей, верно? Иначе ты бы уже разбудил их. Тогда как насчет сделки? Ты снимешь с меня перчатки, я уничтожу дверь, и твои люди выйдут. Иначе твоя работа пойдет прахом, их завалит камнями. Вот какой сделки ты хочешь.

Освальд оперся обеими руками на стол и коротко, сухо рассмеялся:

– А щенок-то вырастет крупным хищником. Даже жаль, что мы не на одной стороне.

– Вот только что получу от этой сделки я? – Генри тоже оперся на стол. Чтобы показать зверю, что не боишься, подражай его движениям, так говорил отец.

– Ну, например, тебя не погребет под обвалом. Этого что, мало?

– Мало. Ты снимешь с людей заклятие ипустишь их.

– Как насчет другой награды? Когда мои люди выйдут отсюда, я прикажу им убить посланников – мне свидетели не нужны. Их смерть и будет твоей наградой.

– Зачем она мне?

Освальд наклонился к нему сильнее. Генри теперь видел его совсем близко, видел даже царапины на железе и думал, что увидит его глаза, но даже отсюда в прорези доспехов была только темнота.

– Я знаю, ты не стал бы им мстить за себя. Но вот твой отец... Он ведь дал тебе уйти и задержал посланников, верно?

Генри показалось, что кровь во всем теле превратилась в ледяную воду.

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю. Знания – основа власти. Я же говорил, что следил за твоей судьбой. – Освальд оттолкнулся от стола и выпрямился. – Остальные посланники не такие милые люди, как тот кудрявый господин, который пытался подружиться с тобой на ярмарке. Представь: они поймали твоего отца, а он много лет укрывал самого опасного человека в королевстве. Как думаешь, что они сделали?

Генри бессмысленно смотрел на него. Вокруг было так тихо, неправильно тихо, несмотря на каменный рокот трясущихся стен.

– Что с моим отцом?

– Уверен, что хочешь знать подробности? Теперь ты один, Генри. Посланники – вот кто твои враги. И они за дверью. Сейчас я сниму с тебя одну перчатку, ты разрушишь стену, я выведу свой отряд, и ты увидишь, как он убьет посланников. Другой сделки не будет. И ты примешь эту, потому что хочешь поквитаться с ними за отца, – едва ли не пропел Освальд, и в эту секунду Генри вдруг показалось, что под доспехами никого нет, только голос и пустота.

Генри втянул воздух и оглядел зал. Каменное крошево сыпалось сверху все чаще, путалось в волосах спящих, падало в кубки, оседало на куртке Джетта – тот по-прежнему лежал лицом вниз, без движения, но... Генри судорожно выдохнул и будто очнулся. У Джетта подрагивали пальцы, еле заметно скребли по полу, будто он пытался за что-то уцепиться.

– Согласен, – выдавил Генри.

– Ну наконец-то верное решение.

Освальд потянулся к огромной серебряной паутине, которая накрывала всех за столом, и одним движением сдернул ее. Она взвилась в воздух и растаяла. Люди за столом зашевелились, подняли головы. Они выглядели совершенно живыми, только глядели перед собой слишком спокойно, будто и не замечали оглушительной дрожи стен.

– Привет всем! Я надеялся, что это будет более торжественный момент, но выбирать не приходится, так что буду краток, – звучно сказал Освальд, и голос его казался почти веселым. Все смотрели на него внимательно и равнодушно. – Сейчас откроются двери, и за ними вы увидите своих врагов. Убейте их и ждите следующего приказа.

Люди одновременно встали, взяли со стола монеты, положили их в карманы и пошли к выходу. Освальд, упершись ладонью в стол, неожиданно легко перепрыгнул через него сильным движением. Генри даже не отшатнулся, только вяло протянул к нему связанные руки. Освальд дернул за палец перчатки с такой силой, что она выскочила из-под железной веревки, вдавившейся в запястье. Потом бросил перчатку на стол, взял бутылку и пошел в темный зал у входа в башню. Дверь тряслась так, будто сейчас сорвется с петель, – посланники времени не теряли.

– Знаешь, что самое смешное? – довольным голосом сказал Освальд. – Ты шел в поход, чтобы избавиться от своего дара. Но ведь тебе нравится им пользоваться. Сам это знаешь.

Генри, стараясь не слушать его, приложил к двери голую руку. По камню поползла чернота, он быстро нагревался, и Генри прижал ладонь сильнее. У него чуть ноги не подкосились от удовольствия, оно заглушило даже паническую мысль об отце, на несколько мгновений он забыл про все, остались только он и эта дверь, такая хрупкая, мягкая под его рукой. Генри толкнул ладонь вперед, и остатки обгоревших камней посыпались вниз.

В лицо Генри ударил живой, свежий ночной воздух. Прямо перед ним стояли потрясенные посланники, но смотрели они не на Генри, а ему за спину.

– Откуда они все взялись? – пролепетал Олдус.

Братья пронзительно завопили.

А дальше все происходило очень быстро. Отряд Освальда бросился на посланников. Олдус что-то крикнул своим, и они побежали через равнину, а люди Освальда – за ними. Генри шагнул Освальду за спину, накиннул связанные руки ему на шею и дернул назад. Он давно заметил: между шлемом и доспехами был зазор, узкий, едва заметный. Тонкая цепь идеально прошла в него, Генри почувствовал, как она впивается в живое тело, и сжал голую руку в кулак, чтобы случайно не прикоснуться. Значит, в доспехах все-таки человек, и у этого человека сейчас пресеклось дыхание, он захрипел и ударил локтем назад. Генри увернулся, дернул цепь сильнее, и из руки Освальда выскользнула бутылка с серебристой жидкостью. Осколки разлетелись во все стороны.

– Вот это зря, – прохрипел Освальд и дернул головой, пытаясь ослабить давление на горло.

– Прикажи своим людям остановиться, или я прикоснусь, – отрывисто проговорил Генри.

Освальд закашлялся, будто пытался засмеяться.

– Ты не тронешь человека, – выдавил он.

– Я трону доспехи. Железо оплавится, будет неприятно. Прикажи не убивать посланников. Давай!

– Что, вида крови не выносишь?

– Если в ней нет смысла. Говори, ну!

– Ты такой забавный.

Теперь Освальд смеялся в голос, останавливаясь только, чтобы сипло втянуть воздух. И Генри приложил пальцы к доспехам.

Вот только доспехи остались холодными. Генри прижал пальцы сильнее – ничего. Первый раз в жизни что-то не расплавилось от его прикосновения.

– Сюрприз, да? – просипел Освальд и рухнул назад, придавливая Генри к земле.

От удара Генри чуть не потерял сознание, но только сильнее потянул цепь. Освальд захрипел, снова ударил локтем назад, и на этот раз Генри некуда было увернуться. Он услышал противный хруст кости, но не выпустил добычу, а Освальд бил снова и снова. Генри вцепился крепче, но боль заставляла ослабить хватку, и Освальд вывернулся, сбрасывая с шеи его руки. Генри успел голой рукой перехватить железный кулак, который стремительно приближался к его лицу, резко дернулся влево, перекатился по полу, но Освальд уже успел встать и наступил своим железным сапогом ему на горло.

– Все, лежи тихо, – почти ласково сказал он. Издалека доносились крики: отряд из башни гнался за посланниками. – И не хватайся за мою ногу, бесполезно. Эти доспехи были сделаны, чтобы защищать от такого, как ты.

Генри беспомощно дернулся, но куда там: железо давило на горло с такой силой, что он едва мог вдохнуть.

– А ты не безнадежен, – мягко сказал Освальд, потирая горло. – Давай начнем сначала. Подсказку ты уже все равно не найдешь, башне осталось стоять минут пять, не больше. Забудь про Барса, Тиса и весь этот глупый поход. Сердце уже давно никому не нужно.

Тис... Генри втянул воздух через нос. Он чуть не забыл! Неудобно вывернув руки, юноша сунул их в карман и сжал в голой ладони стеклянный флакон.

– И добрый дар тебе не нужен. Твоя способность великолепна, ты и сам это понимаешь, а я научу тебя ею пользоваться.

Флакон разбился с тонким стеклянным хрустом, почти неслышным из-за грохота осыпающихся камней.

– Я предлагаю тебе вот что: успокойся и иди со мной. Мне наплевать на Сердце, оно и так почти погасло. Я хочу вернуть себе трон. Поможешь мне – и я тебя щедро одарю.

Внутри флакона было что-то вроде воды, ладонь стала мокрой от нее и от крови, осколки впились в ладонь, а потом Генри почувствовал, что эта вода растворяет осколки стекла, стягивает разорванную кожу. Через секунду ладонь была сухой и целой. Флакон исчез.

И ничего не произошло. Тис не пришел.

– Соглашайся. Больше идти тебе некуда, никому ты не нужен. Ты провалил первое же испытание, и Барс тебе этого не простит. Ты разочаровал его. Просто кивни, если пойдешь со мной, и я уберу ногу. Я тебе второй шанс даю, этого никто еще не удостоивался.

Генри не двигался, и нога надавила сильнее.

– Ну я же просил не поздно вечером! Я как раз пил какао перед сном! – раздраженно сказал стариковский голос за спиной у Освальда.

Освальд медленно обернулся. Рядом с ним стоял Тис в длинной белой одежде, видимо, для сна. В одной руке у него была чашка, в другой – что-то вроде круглого сухаря.

– Оу... – Тис огляделся. – Это же Башня загадок! Мне говорили, что волшебные места разваливаются, но я не думал, что настолько. А что тут происходит? Генри, я же велел тебе спрятаться. Если ты решил пойти за Освальдом, зачем меня вызвал?

Генри хотел было спросить: «Очень похоже, что я пошел за Освальдом?», но смог только захрипеть.

И тут Освальд убрал ногу.

– Ну ладно. Нет так нет. Молодец, что сбрил бороду, Тис. С нетерпением жду следующей встречи, Генри, – спокойно сказал он. – А пока мне пора.

Генри перекатился на бок и мучительно закашлялся. Он чувствовал, как края сломанного ребра разрывают что-то внутри, и эта боль утягивала его в вязкую, горячую темноту.

– Так, вот что. Возьми меня за руку, – сказал Тис, но Генри только замотал головой.

Освальда уже и след простыл, посланники и отряд тоже скрылись вдалеке. Вокруг с грохотом падали каменные осколки. Слишком поздно. Он провалил испытание. Освальд был прав: под сказку теперь не найти.

Генри с трудом встал на колени, потом на ноги, стараясь не разгибаться до конца.

– Мне не нужна твоя помощь. Я вызвал тебя, только чтобы он меня не придушил. Уходи. Я ничего не должен ни тебе, ни Барсу, – хрипло выдавил он и пошел обратно в башню, быстро заковылял по залу, опираясь ладонью о стол.

Огонь в очаге уже погас, обломки потолка падали на стол, на опрокинутые стулья, каменная пыль стояла в воздухе так густо, что Генри не сразу нашел, что искал: среди обломков торчал покрытый пылью сапог.

Он, кряхтя, наклонился к Джетту, схватил его за куртку и безуспешно попытался поднять, но от неловкого движения в груди дернуло такой болью, что Генри, не выдержав, согнулся пополам.

– Вставай, идиот, – зло бормотал он, закрывая голову от камней. – Надо убираться.

Джетт не шевелился, и Генри опять вспомнил про отца. Эта мысль будто выбила из него последние силы, и он опустился на пол. До него только сейчас дошло: посланники убили отца из-за него, из-за того, что он ввязался в этот дурацкий поход. Надо было остаться дома. Надо было сбежать с отцом в лес. Надо было не слушать Тиса. Не ходить на ярмарку. Не бежать за Барсом. А теперь все бессмысленно. Он все испортил. Освальд был прав, он – сплошное разочарование.

Осколок камня ударил Генри по спине, и в следующую секунду он почувствовал под щекой каменную пыль – мягкую, теплую.

А потом его плечо сжала чья-то рука, и все вдруг исчезло. Генри показалось, что кто-то огромный схватил его за ноги, размахнулся и швырнул в темноту.

Глава 6

Облачный дом

Еще до того как открыть глаза, Генри понял, что лежит на чем-то мягком, как мешок с птичьим пухом, и что вокруг очень тепло, и ничего не болит, и никогда еще ему так хорошо не спалось. Цепь на запястьях исчезла, обе руки были в перчатках, а на груди лежал какой-то зверь размером с крупную белку. Почему не нападает? Может, ждет, когда он проснется? Генри напрягся, прикинул, где у зверя должна быть голова. Сначала вслепую ударить в бок, потом...

– Не нужно, – сказал кто-то рядом. – Меренга тебя вылечила, так что будь полюбезнее.

Генри открыл глаза. Животное было то самое, которое Тис тогда, в лесу, назвал кошкой, только белое, а не серое. Кошка лежала поперек его груди, прижмурив прозрачно-зеленые, как у рыси, глаза, и нападать явно не собиралась. Генри посмотрел вверх. Потолок над ним был невиданный – волнистый и светло-алый, как снег под рассветным солнцем. Он лежал на большой деревянной кровати, а Тис сидел рядом на чем-то вроде низкого стула с подлокотниками, обитого тканью от спинки до ножек. Окно было завешено большой красивой тряпкой, из-под нее пробивался свет – мягкий, будто разбавленный. Генри повернул голову в другую сторону – Джетт спал на соседней кровати, рука свешивалась на пол. Серая кошка дремала прямо у него на голове.

Генри с усилием заставил себя сесть, и белая кошка скатилась ему на колени, издав короткий урчащий звук. Генри думал, она тут же сбежит, но кошка легла и потерлась об него лбом. Он толкнул ее коленом, и она свалилась на пол, недовольно мяукнула и ушла, вытянув хвост трубой.

– Что ты так? Ты ей понравился, – сказал Тис.

– Люди и звери – враги, – рассеянно ответил Генри. Он разглядывал стены: розовые, расписанные тонким, как морозный рисунок, узором. – Так мир устроен.

Он приложил ладонь к груди, потом недоверчиво надавил сильнее – кости как будто срослись, ни следа от боли не осталось.

– А сколько...

– Времени прошло не так уж много. Мы встретились после полуночи, сейчас шесть утра. – Тис зевнул так, что Генри подумал, как бы он не вывихнул себе челюсть. – Ты у меня дома. Терпеть не могу гостей, но куда вас деть? Вам срочно нужны были кошки.

Генри посмотрел на свои руки. Правая была в незнакомой перчатке, совсем старой, с глубокими заломами.

– Как вы сняли цепь?

– Ну, я все-таки волшебник. Хотя на самом деле распилил пилой для железа. Попросил у скриплеров, у них есть вещи на все случаи жизни.

Даже воздух в этом доме был какой-то вольный, казалось, будто с каждым вдохом набираешься сил. Генри выпутался из одеяла и поставил ноги на пол.

– Мне пора домой. Я должен... должен точно знать. Про отца, – неловко сказал он.

– Генри, подожди. Ты удивил меня. Мало кто рисковал драться с Освальдом. И еще ты спас человека. Я не ожидал этого от...

– От такого, как я. Понимаю. Спасибо, что поставили флакон на обрыв.

– Что?

– Я выбросил его после нашей встречи, а потом нашел на обрыве, далеко от дома.

– Хм... Пожалуйста, но я его туда не ставил. – Тис подошел и сел на край кровати рядом с ним.

Генри недоверчиво покосился на него, но старик, кажется, нападать не собирался, смотрел внимательно и грустно, будто и сам не мог решить, что сказать.

– Я не прошел испытание. – Генри встал, сделал два шага к двери и опять натолкнулся на Тиса.

– Послушай, Генри. Всякий, кто хоть когда-нибудь читал сказки, знает, что каждое испытание проверяет одно качество героя: сообразительность, стойкость, веру в победу, щедрость, умение прощать и так далее. Но не каждый знает, – а я все-таки волшебник, – что первым всегда идет испытание на храбрость. Ведь если герой сразу окажется трусливым, так о чем с ним говорить? А ты, насколько я видел, вел себя храбро, – значит, прошел испытание.

– Я не нашел подсказку.

– Значит, она нашла тебя. Поверь, ты видел ее, только не понял, что это она и была.

Генри дернул плечом, хотел ответить, что его это уже не волнует, что ему нужно возвращаться домой – вдруг Освальд все же соврал, вдруг отец жив, – но тут Джетт шумно вздохнул, завопил и сел, спихнув с головы кошку.

– Брысь отсюда. Бедная моя голова, – простонал он. Потом отнял руки от висков, удивленно моргнул, приложил их обратно, ощупал голову и постучал себя по лбу. – Да нет, вроде не бедная. А что...

Кошка встала ему на колени и ткнулась носом в лицо. Джетт рассеянно похлопал ее по спине и огляделся.

– А, Генри. Привет. Мы вообще где? А впрочем, плевать. Я считаю, героическую страницу моей жизни пора закрыть, зря я во все это ввязался. О, а что это с моей одежкой?

– Ее постирали, – сказал Тис.

– Серьезно? Спасибо. Красота. – Джетт натянул аккуратно сложенную одежду так торопливо, будто за ним гнались, и Генри тоже начал одеваться, он только сейчас понял, что хотел уйти в одних штанах. Рубашка была прохладная и хрустела. – До свидания, дедуля. Пока, чудик. Я пошел. – Джетт побрел к двери, открыл ее и затопал по коридору.

– Кто это вообще такой? – спросил Тис, глядя ему вслед.

Генри пожал плечами. Он понятия не имел, как люди обычно отвечают на этот вопрос. Тис приподнял брови, и тут откуда-то раздался грохот и вопль не то восхищенный, не то испуганный:

– С ума сойти! Чудик, ты это видел?

Генри бросился в коридор, тот вел к распахнутой двери. Он отодвинул Джетта, выглянул наружу – и у него перехватило дыхание.

Дом висел в воздухе. Под ним были только облака – пухлые, подкрашенные теплым расцветом солнцем. Генри на всякий случай высунул ногу за порог и попробовал наступить – вдруг это все ему кажется? Не казалось. Вокруг не было ничего, кроме воздуха.

– Там вообще земля внизу есть? – слабым голосом спросил Джетт.

– Есть, но довольно далеко, так что не высовывайтесь, – сказал Тис, внезапно возникая у них за спиной, отчего Джетт подскочил и чуть не выпал за дверь.

– Это ж вы тот дед, который на ярмарке появлялся и исчезал. Вы что, реально волшебник? – тихо спросил Джетт, во все глаза глядя на Тиса. – Так это все не трюк, да? И тот светящийся камень в стене. И Худое Пальтишко. И ночной страж. И получается... – Он посмотрел на руки Генри и сглотнул. – Я думал, ты все время в перчатках просто для образа. Ну, вроде как «эй, я тот самый фокусник, у которого трюк с огненными тварями». Я не верю тому, что говорю, но ты что, правда убиваешь людей прикосновением?

– Не знаю. Я не пробовал. Но животных – да.

Джетт потер рот ладонью.

– А как ты тогда к людям прикасаешься?

– Никак.

– До него всегда так медленно доходит или только после удара по голове? – спросил Тис.

Джетт нервно рассмеялся, прислонившись к стене, а потом от какой-то новой мысли лицо у него застыло.

– Так это что, был настоящий Освальд? Злобный бессмертный король из сказки?

– Лучше поздно, чем никогда, – вздохнул Тис.

– И раз на ярмарке это все была не шутка, а Барс и Освальд оба тебя выбрали, получается, только от тебя зависит, что будет с Сердцем волшебства?! – Джетт недоверчиво уставился на Генри. – Ну ты даешь! Да если ты вернешь Сердце, тебя король золотом осыплет!

– Дело не в золоте, – встрял Тис. – А в том, что к людям вернутся дары.

– Что, и у меня дар будет?

– Да, конечно. Ты будешь прекрасно выращивать яблоки или рисовать, сочинять поэмы, выстругивать деревянную мебель, лечить. Дар – это как подарок в закрытой коробке. Никогда не знаешь, что там окажется.

– И у него тоже будет подарок в коробке? – кивнув на Генри, спросил Джетт.

Тис замялся.

– Думаю, да. Сердце дает только добрые дары. Уверен, своего спасителя оно тоже не обойдет милостью, и новый, добрый дар вытеснит вот этот, жуткий. Извини, Генри. В моей голове это звучало не так грубо.

– Генри, а почему мы еще здесь? Лично я чувствую себя отлично. Дедуля, спусти нас с этого облака, мы опаздываем. Надо быстро найти Сердце, и дело будет в шляпе, так? Кстати, а как мы вообще тут оказались? Генри, что я пропустил?

– Ничего особенного, – пожал плечами Генри. – Башня начала рушиться, Освальд оживил спящих солдат, я уничтожил дверь, спящие напали на посланников, мы с Освальдом подрались, а потом я вызвал Тиса волшебным флаконом, он перенес нас в свой облачный дом, и его кошки нас вылечили. Все.

– На твоём лице когда-нибудь меняются выражения? – Джетт еще раз выглянул за дверь. – А если я туда что-нибудь брошу, оно долетит до земли?

– Освальд сказал, что посланники убили моего отца, – бесстрастным, будто замороженным голосом сказал Генри.

Джетт медленно повернулся к нему:

– А Освальд – это разве не тот лживый мерзавец, который в сказках врет напрапалую, чтобы добиться своего? Слушай, посланники, конечно, те еще добрячки, но что-то я пока не слышал, чтобы они кого-нибудь убивали.

– Тебе-то откуда знать? – резко спросил Генри, исподлобья глядя на него. Он так хотел поверить, что в груди болело.

– Мне-то? Да я главный знаток! Они меня еще до истории с чашкой четыре раза арестовывали.

– Какой истории?

– Той, после которой меня на год посадили в Цитадель.

– Что такое Цитадель?

– Генри, а другого попутчика для похода ты не мог подобрать?

Тис потер подбородок, и Генри вдруг понял, что в нем изменилось: он сбрил бороду.

– Слушай, Генри. – Джетт шагнул ближе и заглянул ему в лицо. – Я понял. Когда ты сбежал из деревни, посланники пришли к тебе домой, а там был твой папаша, так? Они бы не стали его убивать. Самое худшее – отвезли бы в Цитадель.

– Где эта Цитадель? Мне нужно туда.

– Э, нет-нет, туда тебе точно не нужно. Слушай, может, твой отец до сих пор сидит дома и шьет подушки из шкур или чем вы там занимались в своем лесу. Но если нет, ты ему сейчас не поможешь. А вот если ты достанешь Сердце, тебе отдадут все, что попросишь: полкоролевства,

тысячу золотых, отца, лучшего коня и все такое. Ну а если вдруг король заупрямится, пролезем в Цитадель сами и спасем твоего папашу. В общем, Генри, пошли. Будет весело.

– Я бы не сказал, что «весело» – подходящее слово. И еще, Генри, Освальд дремать не будет. Ты его разозлил, – мрачно сказал Тис.

– Он сказал, Сердце его не интересует.

Тис мягко хмыкнул:

– Это ложь. Он ненавидит проигрывать и сделает все, чтобы поквитаться с Барсом за прошлый раз, когда ему не удалось найти Сердце. Но мы ведь не дадим ему победить, да? Он хитер, этого не отнять, но зато мы вместе, а он один.

– Уже нет, – пробормотал Генри. – Человек пятьдесят у него есть.

Тис вскинулся так, будто его кольнули иголкой.

– Так, вот что. Ты сейчас мне все расскажешь. Ох, ну я и хозяин. Что же мы посреди коридора стоим? Пошли в столовую, вы же наверняка голодные.

Джетт дернул плечами:

– Нам нечем за еду заплатить, дедуля.

– Зачем? – нахмурился Тис, а потом лоб у него разгладился. – Все время забываю, что после потери Сердца не принято давать что-нибудь просто так. Пойдемте, молодые люди. Пора возрождать традиции.

И с этими словами он исчез. Джетт подскочил, но не успел даже рта раскрыть, как Тис появился снова:

– Простите, привычка. Я вас провожу в столовую. Люди вот так все время и переступают ногами? Как же утомительно.

* * *

Генри сидел за столом, накрытым белоснежной тряпкой с бахромой по краям, и уже полчаса пытался выпить то, что ему налили. Тис сказал, что это называется чай, и проглотил уже чашек пять. Больше всего Генри хотелось попросить воды, но вдруг у людей это не принято, и он через силу глотал темный горьковатый настой, стараясь не сжимать чашку: она была такая хрупкая и маленькая, что он боялся ее раскрошить.

Тис улыбался, откинувшись на спинку забавного стула на тонких ножках, и, пока Генри рассказывал про свой поход, улыбка то загоралась ярче, то исчезала совсем, как солнце в облачный день. Джетт явно слушал краем уха – он был занят едой. Генри постоянно оглядывал стол, чтобы лучше запомнить незнакомые слова, которые произносил Тис, когда они зашли в комнату: мятное печенье, пряники, марципан, конфеты, травяное желе, замороженный черничный сок, бутерброды с сыром. Он попробовал по куску всего, и приходилось признать – еда у людей совсем не плохая.

– Дедуля, да это лучшее печенье в мире! – с набитым ртом сказал Джетт, когда Генри договорил про то, как разбил флакон. – Надеюсь, оно не волшебное и не превратит меня в лягушку.

– Вообще-то в окуня. Часа через два.

Джетт перестал жевать, лицо у него вытянулось, и Тис улыбнулся:

– Я шучу. Садись, Лунный камень. – Он хлопнул по колену, и сидевшая на полу кошка легко, как рысь, прыгнула ему на колени. Еще пять прохаживались вокруг стола, иногда бросая на людей задумчивый, незаинтересованный взгляд.

– Звери что, живут прямо у тебя в доме? – спросил Генри.

– Конечно. Это мои друзья. Они родичи Барса, малая часть его магии есть и у них. – Тис вдруг посерьезнел. – И кстати, о магии. Любой волшебный предмет можно переплавить. Это закон сохранения волшебства: оно никогда не исчезает бесследно. Вот зачем Освальд собирал

по всему королевству старинные предметы: чтобы приготовить волшебный напиток обещания и получить армию. – Тис постучал пальцами по столу. – Одна бутылка разбилась, но, боюсь, она была не единственной.

Тис подошел к окну, откинул большую тряпку, висевшую на нем – комнату залило золотистым светом, – и сел на подоконник.

– Ну вот что. Я прямо сегодня отправлюсь в королевский дворец и подскажу королю бросить всех посланников на то, чтобы поймать Освальда и его отряд. Правда, насколько я знаю, посланников в королевстве немного, и большая часть их, видимо, погибла в Пропастях. Я это выясню, а вы идите к следующему испытанию.

– А что там с подсказкой-то? – с набитым ртом пробормотал Джетт.

– Вопрос к тебе, Генри, – сказал Тис, болтая ногами. – Ты, скорее всего, видел ее в самом конце, вернувшись за своим другом в башню, когда она уже рушилась. Это ли не храбрость?

Джетт подавился печеньем.

– И с чего ты это сделал? – спросил он непонятым, сердитым голосом.

Генри пожал плечами. Он же увидел, что Джетт жив, не оставлять же его там. Но Джетт смотрел так недоверчиво, будто чувствовал подвох, будто Генри сделал что-то не так, как сделали бы другие.

– Вспомни все, что видел по дороге, – продолжал Тис. – Барс – величайший волшебник. Он мог спрятать подсказку где угодно.

Генри прикрыл глаза. Вспомнил запах каменной крошки, разбитый стол, лежащие на полу стулья, вспомнил, как падали камни, как он брел, упираясь ладонью в стол. Как опустился на колени, а потом на пол, потому что осколок потолка ударил его по спине, и последнее, что он видел, – этот осколок, тяжело прокатившийся по полу.

Он открыл глаза.

– На том камне, который меня ударил, был рисунок. Как будто гвоздем выцарапали. Такой. – Он обмакнул кусок сухаря в то, что Тис называл вишневым вареньем, и нарисовал на своей тарелке несколько коротких линий, пересекающихся в одной точке, а рядом – вертикальную черту и шесть черточек покороче, растущих из первой и торчащих вверх, как три пары поднятых рук.

Тис неожиданно легко спрыгнул с подоконника и подошел к столу, но еще до того, как он дошел, Джетт сказал:

– А, ну, это снежинка и дерево. Стой, я знаю! – Джетт хлопнул себя по колену, и ближайшая кошка, очевидно, приняв знакомый жест за приглашение, запрыгнула к нему. – Ледяной лес! Сказочное место, где живет королева льда, которая целует заблудившихся путников. И надо сказать, путешествие, в котором будут поцелуи, определенно начинает мне нравиться!

– Я надеюсь, ты не забыл, что поцелуем она замораживает насмерть? – рассеянно спросил Тис, разглядывая рисунок на тарелке. – Неосторожные путники навечно становятся частью ее леса.

– Да ладно, дедуля. Это придумали, просто чтобы детей научить, что нечего в мороз на улице торчать слишком долго, – отмахнулся Джетт, сунул в рот печенье, а потом взглянул на Тиса и перестал жевать. – Что, серьезно? Прямо берет и замораживает?

– Ледяной лес, значит. – Тис побарабанил по подбородку. – Разумно. Он совсем недалеко от Башни загадок, да и первая подсказка должна быть простой, как и первое испытание.

– Если это было простое, то какие же остальные?

– Каждое сложнее предыдущего. Барс всегда считал, что храбрость – далеко не единственное, что требуется от настоящего героя. Генри, возьми-ка вторую, пусть будут одинаковые. – Тис бросил Генри на колени перчатку, старую, серую, как и та, что откуда-то взялась на его правой руке.

– Мои перчатки были особые, мне отец их дал. Обычные я...

– Уничтожаешь. Понимаю. Но одна из твоих осталась в башне, а у меня как раз нашлись особые. Они принадлежали разрушителю. Тому, первому.

Генри передел левую перчатку, сжал кулак – удобно, даже удобней, чем в его собственных.

– Что с ним случилось? – глядя на свои руки, через силу произнес он.

Тис вымученно улыбнулся:

– Как-нибудь в другой раз, хорошо? Вам пора в поход, а мне – к королю. Генри, слушай... Не сердись на меня. Я поступил с тобой, как трусливый, старый осел. Прости. Тому есть причины, но я... не могу пока о них сказать.

– Почему?

– Потому что некоторых вещей лучше не знать, чтобы идти дальше. Хорошо, что ты позвал меня. Я начинаю думать, что Барс в тебе не ошибся. Хочешь еще чаю? Я тебе налью. И попробуй вот этот рулет, он просто отличный.

Генри начал жевать, не чувствуя вкуса.

Полчаса спустя, когда все было съедено и выпито, а что не съедено, рассовано по карманам, Тис проводил их до двери. Кошки терлись о его тапки, путаясь под ногами.

– Не хочу показаться трусом, но разве мы не сломаем себе шею, если сделаем хоть шаг за порог? – сказал Джетт, заглядывая в открытую дверь.

– Просто закройте глаза и шагайте, представив себе место, куда хотите попасть. В вашем случае – Пропасти перед башней.

– А сразу в Ледяной лес нельзя? – с надеждой спросил Джетт, не сводя взгляда с облаков под домом.

– Нет. Вы там никогда не были и не сможете хорошо его вообразить. В общем, как выйдете из тумана, открывайте глаза и идите в ту сторону, куда указывает дверь Башни загадок. А я перед походом к королю, пожалуй, все-таки вздремну: меня вчера слишком резко вызвали, голова болит.

Тис зевнул и приложил к голове кошку, та сразу свернулась клубком. И Генри вдруг беззлобно подумал, что старик, кажется, опять все проспит.

– А как я смогу позвать тебя, если понадобится? – спросил он.

– Боюсь, что никак. Помощи волшебника можно просить только один раз – таковы законы любого похода. Обычно герои тянули с этим до последнего, но ты уже использовал флакон, так что прости. Но мы еще увидимся, не сомневайся. – Тис хлопнул его по плечу с такой силой, что кошка свалилась на пол. – А кстати. Чуть не забыл!

Он исчез и появился, сжимая что-то в кулаке.

– У меня для тебя подарок, – сказал он, ткнув в Джетта.

Тот фыркнул:

– Подарок – это как в сказках, когда кому-то что-то дают за просто так и ничего за это не просят?

– Именно. Я так понял, ты поклонник ночных стражей. Сам их люблю. Славные создания, главное – не злить их. Держи. – И он сунул Джетту в руку маленькую глиняную фигурку.

Тот неверяще уставился на нее.

– Это же тайлис. Слушайте, я не могу его взять, он же кучу денег стоит.

– Бери, от подарков не отказываются. Хорошо, что ты решил идти с Генри, ему понадобится помощь. – Тис обеими руками взял Джетта за лицо и заставил посмотреть на себя. – Ты ведь будешь верен ему до конца, не предашь его и не обманешь, да?

Джетт дернул головой, выворачиваясь:

– Э, э, никому я ничего обещать не буду. Только в сказках кто-то бывает кому-то верен до конца. В жизни каждый сам за себя, дедуля.

– Согласен, – кивнул Генри, не отводя взгляда от неба за порогом. – Спасибо за все, Тис.

Свет был все ярче, огромные тени птиц скользили по облакам, и от этого вида ему становилось как-то легче, мысль об отце притупилась, ушла в глубину. Он найдет Сердце, а потом отца, и все будет просто отлично.

– Ну и странные вы герои, – вздохнул Тис. – Вот раньше...

Старик опять завел свою вечную песню, и Генри, зажмурившись, шагнул за порог. На этот раз нога никуда не провалилась – уперлась во что-то твердое, вроде камней. Он чувствовал лицом туман, влажный и подернутый золотым светом. Шагов через двадцать он рассеялся, и Генри решил приоткрыть один глаз.

Под ногами была знакомая растрескавшаяся равнина, а вдалеке возвышалась груда камней – все, что осталось от Башни загадок.

Глава 7

Королева льда

Полчаса спустя они стояли на развалинах.

– Знаешь, когда он сказал: «Идите в ту сторону, куда указывает дверь», зря я подумал: «Проще не придумаешь». Так что раньше было дверью? – спросил Джетт.

Генри не ответил, он копался среди камней, отбрасывал один за другим, пока не добрался до своего лука и колчана со стрелами. Те были безнадежно переломаны, и Генри хмуро бросил их обратно на камни, оглядывая равнину. К счастью, нигде не было ни тел, ни следов крови. При свете дня Пропasti выглядели такими же безжизненными, как ночью.

– Нам туда, – кивнул он и пошел в том направлении, куда указывала больше не существующая дверь.

Визит к Тису подействовал на Джетта просто отлично: он уже второй час молчал. Правда, по его лицу иногда разливалась такая мечтательная улыбка, что Генри так и подмывало повторить слова отца: «Не придумывай, что сошьешь из шкуры, пока не поймал зверя», но он так ничего и не сказал.

Сначала они шагали по Пропастям, потом вошли в лес: редкий, спокойный, ни одной елки, только незнакомые тонкие деревья, припорошенные снегом. Чем дальше они шли, тем плотнее изморозь покрывала ветки, холод нарастал, будто дышал в лицо, деревья бледнели, закованные в лед от верхушек до корней. Лед теперь был повсюду, ноги разъезжались. Генри посмотрел вверх, пытаясь хотя бы понять, который час, но небо было ровного блекло-серого цвета, ни единой прорехи в облаках. Солнце, которое заливало все в доме Тиса, здесь показываться явно не собиралось.

То тут, то там раздавался ледяной шорох, но как бы быстро Генри ни оборачивался, не успевал заметить ни зверя, ни птицы.

– Чего ты крутишься? – беззаботно пробормотал Джетт, разглядывая толстый лед под ногами. – Нет тут никого. Ну лед на ветках скрипит. Просто тает, и все.

«Ничего не тает, чем дальше мы идем, тем холоднее становится, и если в лесу что-то двигается, значит, кто-то это двигает», – хотел было сказать Генри, опять оборачиваясь, но тут заметил такое, что все слова вылетели у него из головы.

Когда минуту назад они шли мимо обледеневшего куста, его ветки висели, как плети. Теперь они топорщились вверх. Через пару шагов Генри обернулся снова и тяжело сглотнул. На этот раз он был уверен: ветки двух деревьев подтянулись ближе, будто хотели похлопать его по плечу.

– И вообще, что тут может случиться? – продолжал Джетт. – Ну, будет немного прохладно, подумаешь. Вот трехсотлетний злодей в железных доспехах – это первостатейная жуть, а здесь...

На этот раз, оглянувшись, Генри замер на месте.

– Тебе ничего не кажется странным?

– Кроме того, что я видел живого Освальда? Нет.

– Минуту назад этого дерева тут не было.

Идея, которая пришла ему в голову, была настолько странной, что пару минут Генри просто стоял, не решаясь проверить. А потом с хрустом отломил от первого попавшегося дерева кончик ветки.

Никакой древесины подо льдом не было, а вместо обломанной ветки тут же выросла новая. Стволы деревьев, если присмотреться, были прозрачными: замерзшая вода, больше ничего.

И, словно подтверждая его догадку, посреди дороги уже не исподтишка, не скрываясь, вырос ледяной куст. Джетт со свистом втянул воздух, но спросить, не кажется ли это еще более странным, чем живой Освальд, Генри не успел. Откуда-то раздался крик – вполне человеческий, испуганный и громкий, – и Генри, не разбирая дороги, бросился на звук.

Вот только лесу это явно не понравилось: на пути выросли все новые деревья, перетекали одно в другое, цепляли за одежду, сплетались, звякали ветками.

– Ну и подумашь, лес изо льда. Пока никто не пытается меня убить, я потерплю, – бормотал у него за спиной Джетт. Было так скользко, что он схватился за куртку Генри и просто ехал за ним. – О, гляди, это что?

Он разжал руку и, едва не рухнув, наклонился и поднял что-то с земли.

Это была катушка ниток. Настоящая, деревянная. Чуть дальше лежал ярко-зеленый носок. Генри перевел дыхание. Страх отпустил, и лес, будто почувствовав это, тоже успокоился, перестал срастаться ветками, мешая пройти. А через минуту деревья и вовсе расступились.

На поляне, усеянной корзинами, мешками и свертками, выросло огромное ледяное дерево, раза в три больше остальных. Верхние ветки упирались в небо, а на нижних, обхватив скользкий ствол, сидели двое.

Увидев их, Джетт застонал и прижал к лицу руку.

– Помогите! Эй! Кто-нибудь! – хрипло крикнул Хью, а потом повернул голову, увидел их и едва не свалился с ветки.

– Привет, – тихо сказал Сван, обнимая ствол с другой стороны. Второй рукой он держал сосульку и деловито ее грыз.

С минуту все смотрели друг на друга. Даже лес застыл, будто ждал, что будет.

– Я думал, вы погибли, – наконец пролепетал Генри.

– А вот подавись, мы живехоньки, – презрительно фыркнул Хью. – Избранных так просто не возьмешь!

Генри пошел к ним, братья попытались перелезть на ветку повыше... и лес тут же пришел в движение: надвинулся, сжимаясь вокруг поляны.

– Не подходи! – голосил Хью. – Фу! Стоять! А то мы...

– Да-да, продолжайте. Очень интересно, что же вы сделаете? О, смотри-ка, пирожок, – весело сказал Джетт, подобрал что-то с земли и начал жевать.

– А ну брось мой пирожок, уродец! – сипло крикнул Хью и встал на ветке во весь рост. – Да ты знаешь, кто я такой?

– Хм, дай подумать, – неразборчиво ответил Джетт и снова откусил от пирога. – Промерзший балбес, который сидит на дереве и не может слезть?

Хью, до этого бледно-лиловый от холода, побагровел так, что Генри мельком подумал: «Это умение у него, наверное, в отца: тот тоже все время так делал». Он не прислушивался к разговору – слишком занят был тем, что следил за окрестностями. Кто-то наблюдал за ними, Генри точно это чувствовал. И это был не человек.

– Как вы сбежали? – продолжая разглядывать лес, спросил он.

– Хотите, в рифму расскажу? – охотно ответил Сван.

Хью попытался пнуть его по ноге, но не дотянулся.

– Давай, – заинтересованно сказал Джетт.

Сван вынул изо рта сосульку, пару секунд подумал и начал:

*Когда на нас свалилась дверь,
Мы тут же побежали прочь,
И нам никто не мог помочь,
Но обошлись мы без потерь.*

*Вдруг перестали вслед бежать
Те люди и ушли обратно,
И это было нам приятно.
А Олдус Прайд сказал: «Лежать»,
И мы в засаде затаились...*

- Хватит! – рявкнул Хью, и Сван тут же испуганно умолк.
- Пусть продолжает, – кивнул Генри, тревожно прислушиваясь к лесу. Еще минуту назад тот рассерженно шумел и трещал, а теперь замер.
- Не думал, приятель, что ты такой ценитель поэзии, – заметил Джетт.
- Когда он говорит этими парными строчками, лес успокаивается, – ответил Генри.
- Да я его стишки уже полдня слушаю, не могу больше, с ума скоро сойду. – Хью закашлялся, прижимая рукавицу к посиневшим губам.
- Тогда своими словами рассказывай, а то он снимет тебя с дерева и по шее накостыляет, – посоветовал Джетт.
- Хью метнул на Генри злобный взгляд, но послушно заговорил:
- Те люди из башни за нами гнались минут пять, а потом остановились все разом, будто кто им приказал, и ушли через Пропасти, к дороге. Башня рухнула, и мы с посланниками пошли к ней.
- Зачем?
- Они думали, чудище и вора в Башне завалило. Ну, то есть вас. – Хью говорил торопливо, не сводя глаз с Генри, будто боялся, что, если замолчит, тот на него бросится. – Господин Прайд сказал, что, раз ты как-то оттуда исчез, может, ты правда избранный. А раз так, должен был найти подсказку – прямо как Сивард. Никто ему не поверил, все сказали, что не может наследник разрушителя одновременно наследником Сиварда оказаться. И тогда он велел всем рыться в камнях и искать хоть что-нибудь, похожее на подсказку. Если найдут, значит, господин Прайд верно все понял, ты прошел испытание и не надо тебя ловить. Фонари всем дали, и нас тоже заставили в камнях копать. – Тут Хью как-то скособочился, насупился и умолк.
- Стойте, не рассказывайте. Я знаю, что дальше было, – сказал Джетт ядовитым, незнакомым голосом. – Вы были теми счастливчиками, которые наткнулись на камень с рисунком. Но посланникам его не показали. И сказали: «О, нам уже, кажется, пора, всем пока». А посланникам было не до того, чтобы думать, куда именно вы пошли.
- Откуда ты знаешь? – восхищенно спросил Сван.
- Джетт неприятно, зло скривился:
- Поверь, толстяк, я знаю, чего ждать от людей.
- Я не толстяк, – обиделся Сван. – Толстяк – это наш папа. А я просто крупный.
- Сван, не разговаривай с этим поганым воришкой. В общем, посланники обругали господина Прайда и стали думать, где тебя, чудище, искать, чтобы арестовать. А я на рисунок глянул и думаю: «Это же Ледяной лес!»
- Это Хью понял, он умный, – вставил Сван.
- Ну, мы и пошли. Нас папаша в детстве сюда гулять возил, так что я худо-бедно дорогу помнил. Тогда тут просто лес из льда был, и все, ничего не двигалось и никаких тварей. Когда твари на нас бросаться начали, мы вещи побросали и на дерево залезли, оно здоровенное и не меняется. Сван начал стишки рассказывать, и мы поняли, что, пока он рассказывает, они не нападают.
- Хью меня еще никогда так долго не слушал, – доверительно сообщил Сван.
- Какие твари? – нахмурился Генри.
- Сван открыл было рот да так и не закрыл, уставившись куда-то мимо Генри. Генри медленно обернулся.

Дерево у него за спиной сжалось в клубок, и через секунду на его месте стояла ледяная лиса. На мгновение она замерла, глядя на Генри, а потом прыгнула. Генри, пригнувшись, успел вытащить нож и полоснуть ее по горлу, но только царапнул лед, и лиса, приземлившись, снова кинулась в драку.

– Что за дрянь тут творится! – простонал Джетт, безуспешно пытаясь залезть на ближайшее дерево: оно всеми ветками спихивало с себя его руки.

Генри перекатился по земле, уходя в сторону. Он чувствовал: с каждой секундой становится холоднее, будто что-то вытягивает из воздуха тепло. Лиса пыталась придавить его к земле и вцепиться ледяными зубами в горло, и Генри, схватив подвернувшуюся под руку корзину, ударил ее по морде. Из корзины высыпалась куча разноцветных носков, братья завопили, лиса бросилась снова – и Генри всадил нож ей в грудь. Лиса рассыпалась ледяной крошкой, но Генри даже дыхание перевести не успел: ближайший куст превратился в сову, и та бросилась на него, пытаясь когтями расцарапать лицо. Генри схватил ее за крыло, ударил о землю – птица разлетелась на осколки, а осколки снова собрались в лису. Генри подмял ее под себя, не дожидаясь прыжка, и, стянув перчатку, сжал ее горло.

Лиса растаяла, и на несколько секунд все стихло. А потом Генри оглянулся на влажный ледяной хруст и застыл. Несколько деревьев, стянувшись вместе, превратились в медведя – таких огромных он не видел даже в горах. Генри сделал шаг вперед, пытаясь не показать страха и лихорадочно соображая, что же делать. Невозможно убить лед, это не выход, нужно другое решение. Одна мысль не давала ему покоя, и он ухватился за нее: если в этом лесу все может превращаться во все, то что, если...

– Ты и есть королева льда, – сказал он медведю. Слова вырвались, прежде чем он успел подумать, как глупо это звучит.

Медведь замер, а потом начал перетекать во что-то другое, менять форму прямо на глазах, и через секунду на его месте, пригнувшись, как перед прыжком, сидела женщина. Сквозь нее неясно просвечивал лес, ледяное платье облепило ноги, прозрачные волосы висели до земли. Испуганное поскуливание братьев стало громче.

– А ты умен, как твой хозяин. – Голос у нее был низкий, хриловатый, неподходящий для этого тонкого, будто стеклянного, тела. – И такой же наглый, раз посмел сюда явиться.

– Освальд мне не хозяин, – перебил Генри, натягивая перчатку. За последние дни он, кажется, потерял способность удивляться хоть чему-нибудь.

– Глупая ложь. Все знают: когда появится человек с огненным прикосновением, он станет новым воином Освальда. Но я не думала, что ты появишься так скоро.

– Я лучше сразу уточню: с потери Сердца прошло триста лет, – вспомнив Тиса и Пальтишко, сказал Генри. – А проснулись вы, потому что Барс вернулся.

Злоба на ледяном лице сменилась недоумением, и Генри решил закрепить успех:

– Когда Сердце пропало, Освальд и вас тоже пытался убить, верно?

– Он пытался сжечь лес, – процедила она, выпрямляясь во весь рост. – Со всех сторон разложил костры. И после этого ему хватает наглости посылать сюда своего воина. Хорошо, что ты не бессмертный. Отсюда ты живым не выйдешь.

– Меня не он прислал.

– Эй, мы избранники Барса, нам подсказка нужна! – закричал Хью. Он, кажется, уже пришел в себя. – Этих двоих можешь морозить сколько влезет, а нам говори, где подсказку искать!

Королева льда презрительно посмотрела на них:

– Еще одна парочка лжецов. Вы трусили и не приняли бой, он таких не выбирает. Я узнаю избранника Барса, когда он придет. – Королева вдруг оказалась у Генри за спиной. Она не шла, а будто скользила по льду. – Он будет силен, вроде тебя.

– Это я и есть.

Она хрипло засмеялась:

– Думал, я поверю? Есть добрые герои, есть злые. Нельзя быть тем и другим сразу.

– Барс, видимо, так не считает, – вырвалось у Генри, но он сразу об этом пожалел: мороз усилился так, что стало больно дышать.

– Не смей упоминать его имя, грязный лжец. – Королева оказалась прямо перед ним. – Сегодня чудесный морозный день. Приятной прогулки и холодных снов.

И прежде чем Генри успел сказать хоть слово, она рассыпалась на осколки и бесследно растворилась в обледеневшей земле.

– Эй, леди, секундочку! – Джетт взял ближайший куст за ветку и заговорил прямо в нее: – Вы не поняли! Он не врёт!

Куст отвел ветку назад и наотмашь ударил его по лицу.

– Да уж, встречал я холодных девчонок, но не настолько же. – Джетт потер щеку и тоскливо огляделся. – А разве сейчас не должен появиться Барс и сказать: «Он правда избранный, отдайте ему подсказку»?

– Видимо, нет, – протянул Генри, размышляя, в какую сторону лучше пойти. Если из этого леса есть выход, он его найдет.

Но лес будто услышал его мысли. В следующую секунду произошло такое, что Генри похолодел: все деревья сжались, потом распрямились снова, но уже совершенно другие и на других местах. Поляна изменилась до неузнаваемости, будто мир крутанули, как карусель.

– И что это было? – упавшим голосом спросил Джетт, пятясь от ближайших деревьев.

– Она показывает, что не выпустит нас, – медленно произнес Генри. Холод теперь был такой, что воздух обжигал горло. – Нельзя выйти из места, которое все время меняется.

Он вдруг понял, что братья как-то притихли, оглянулся и понял: когда мороз усилился, они, кажется, примерзли к дереву. То по-прежнему стояло посреди поляны, не изменившись ни единой веткой. Братья были уже даже не белые, а синеватые, будто лед начал замораживать их изнутри.

– Мы тут умрем, – начал Джетт, дыша на посиневшие руки. – На этот раз нам точно конец.

– Я все ждал, когда ты это скажешь, – пробормотал Генри. – Ладно, пошли.

– Ты, может, не заметил, но мы теперь даже не знаем, откуда пришли! Куда ты хочешь идти?

– Куда угодно. Когда холодно, надо двигаться, ты сам говорил.

– Тогда мы были под стеной постоянного двора, а не в жутком заколдованном лесу, – сказал Джетт совершенно серьезным голосом.

Генри повернулся к нему:

– Слушай, она сама сказала: ей нравятся сильные и храбрые. Единственный способ убедить ее, что мы ей не враги, – принять ее игру. Идти вперед. Не трусить и пройти через лес.

– Да тут даже дышать больно! Мы замерзнем и помрем...

– Тогда садись и начинай прямо здесь, – резко перебил Генри и тут же приказал себе успокоиться. Он уже понял, что лес откликается на злость и страх. – Эй, вы, – подходя к братьям, сказал он, – пойдете с нами.

Хью с трудом приоткрыл глаза. Ресницы у него побелели и слиплись от инея.

– Ни за что, чудище. Ты нас не заманишь.

– Куда еще дальше заманивать, тупица, ты уже к дереву примерз! Но я с ними тоже не пойду, – стуча зубами, возмутился Джетт. – С чего тебе их спасать? Они на тебя охотились, их папаша тебя поколотил, потом меня, а теперь из-за них посланники не узнают, кто ты такой!

– Ты умеешь успокаивать лес, – кивнув на Свана, сказал Генри.

Сван тут же оживился и заерзал на ветке.

– Я полезный, – просипел он.

– Да не связывайся ты с ними! – Джетт уперся рукой ему в грудь. – Пусть замерзают, какое нам дело!

Но Генри уже схватил обоих за свисающие полы курток, с силой дернул, и братья кубарем скатились с дерева.

– Два варианта на выбор, – объяснил он, глядя на них сверху вниз. – Либо остаетесь тут и замерзаете, либо идете с нами.

Хью свернулся калачиком на льду. Генри пожал плечами и зашагал прочь – некогда уговаривать. Но тут Сван завопил, встал, подобрал пару корзин и трусцой побежал за Генри. Хью нехотя поднялся и тоже начал собирать свое разбросанное имущество.

– Я иду против своей воли, имейте в виду. Меня заставили, и вы за это еще ответите, – процедил он, догоняя Генри. Выглядел он уже не так плохо, – кажется, злость грела его, как печка.

Генри развернулся к братьям, и те отбежали от него на несколько шагов.

– Отстанете – ждать не буду. Дышите глубже. Не болтайте. Старайтесь не трястись, от этого мышцы устают. И вот, – он вытащил из кармана пару пирогов, которые дал ему Тис, и бросил им, – ешьте, это греет. И бросьте свои вещи, без них будет легче идти.

– Ну нет, чудище, – прижимая к себе корзины и свертки, проворчал Хью. – Ты у нас добро не отнимешь.

– А одеяла у вас там, случайно, нет? – поинтересовался Джетт.

– О. Есть. Как я сам не сообразил? – Хью вытащил из корзины два одеяла и завернулся в оба.

– А мне? – жалобно спросил Сван.

– Да ты толстый, тебя жир греет, – отмахнулся Хью, подхватил вещи и, покачиваясь под их весом, зашагал вперед.

– В такой компании путешествовать – просто счастье, – пробормотал Джетт и, спотыкаясь, побрел за Генри. – Скажи, что знаешь, куда мы идем.

– Понятия не имею. Суть в том, чтобы идти. А ты начинай говорить парными строчками, – кивнув на Свана, сказал Генри.

– Это стихи, – гордо пояснил тот. – Про что сочинять?

Генри пожал плечами, откусил от своего пирога и пошел вперед, обгоняя остальных: ему легче было идти, когда он не видел, с каким количеством людей его угораздило связаться.

* * *

Вокруг трещал мороз, и Генри осторожно втягивал морозный воздух через нос, следя за каждым движением в лесу. Отец всегда говорил: везде свои законы. Изучай их, где бы ни оказался, изучай своих врагов, и победишь. Ледяной лес сейчас был врагом куда худшим, чем люди, но Генри все же краем уха слушал их разговоры: вдруг решат напасть.

– И вот по лесу мы идем! Хотя мы раньше шли вдвоем, но нас теперь уже четыре, и очень зябко в этом мире... – тарабанил Сван.

– Слышь, уродец, держись в трех шагах от меня, иди так, чтобы я тебя не видел, – севшим голосом ворчал Хью. – Мне как будто своего недоумка не хватало, а теперь еще ты мне глаза мозолишь.

– Хм, по-моему, из вас двоих недоумок как раз не он. Неплохие стишки.

– Увы, никто нас не спасет, когда в лесу повсюду лед! Нести корзину непосильно, но Хью сердиться будет сильно, если ее я просто брошу, ведь скарб в нее набит хороший. В корзинах наших много книг, соль, нитки, нож, копченый сиг...

Хью застонал.

– Ненавижу это все. Слушай, колченогий, до тебя что, не дошло? Сван же умом обиженный – хорошо соображает, только когда сочиняет свои дурацкие стишки, а в остальном как шестилетний. Мне за двоих приходится думать.

– Получается у тебя, я смотрю, просто блестяще, – пробормотал Джетт.

Послышался звук удара, мороз тут же усилился, и Генри обернулся: Хью пнул Джетта, и тот, оступившись на скользкой земле, упал на лед.

Генри подошел, чтобы помочь ему встать, но Джетт с неожиданной злостью оттолкнул его руку.

– Сам, – пробормотал он, ни на кого не глядя.

– Дай ему сдачи, – посоветовал Генри, глядя, как Джетт пытается подняться.

Хью улыбался:

– Он – мне? Ага, сейчас. Как только выйдем отсюда, посланники вас обоих скрутят, тогда поглядим, как вы попляшете.

– Этот лес чувствует злость и страх. От них мороз усиливается. – Генри взял Джетта за воротник и, не обращая внимания на его протестующий вопль, одним движением поднял на ноги. – Я запрещаю ссориться.

– Запрещаешь? Мне? Да ты хоть знаешь, кто... – начал Хью, но Генри уже повернулся к Свану:

– Почему ты перестал рассказывать стихи?

Сван чихнул.

– Больше не хочу. Устал. И горло болит.

– Если будешь ныть, оставлю тебя тут! – прикрикнул Хью.

– Хью бывает очень злой. Как мне хочется домой! – пробубнил Сван и замолчал.

Генри пошел дальше. Кое-что про лес уже было ясно, осталось только понять, как можно выбраться из места, у которого, очевидно, нет ни начала, ни конца. У него уже голова кружилась: деревья постоянно перетекали друг в друга, не останавливаясь ни на секунду. И еще он чувствовал: она следит за ними. Она и есть душа этого леса. Что же сделать, чтобы она передумала?

– Я не врал. Барс выбрал меня, – тихо сказал Генри, но, кажется, только разозлил ее: ветки начали сходиться вокруг плотнее, тянуть за одежду. – Так, где стихи? – Он повернулся к Свану.

– Замерз. Надоело. Не буду.

– Ты должен, – спокойно ответил Генри.

То же самое сказал бы ему отец – разумные слова, – но Сван испуганно шагнул назад, и лед вокруг сразу громче затрещал от мороза.

– Не буду, – упрямо повторил он, и Генри, посмотрев на всех, наконец понял, почему они молчат и даже не ссорятся: уже посинели от холода. Даже он сам дрожал, а он иногда сутками охотился в зимнем лесу.

Ветки вокруг мерно постукивали, так отец постукивал пальцами по столу, когда сердился: ну, и что ты теперь будешь делать?

– Нужно развести костер и погреться, – сказал Генри.

– Из чего, умник? – хрипло сказал Джетт, проследил за взглядом Генри и потрясенно свистнул.

– Даже не думай, – прошипел Хью, крепче прижимая к себе корзину.

– Она будет хорошо гореть.

– Это наше имущество. Имущество дороже всего на свете. Но куда такому, как ты, понять правила нормальных людей.

Сван закивал.

– Не верю, что говорю это, но они правы, – вставил Джетт. – Корзина еще хорошая, такую сжечь – преступление.

Генри хотел было идти дальше, чтобы не сказать всем этим болванам, что он думает об их правиле. Но все уже и так были слишком напуганы и злы: лес подступал ближе, похрустывал, сходиллся вокруг плотной стеной. Генри толкнул ее, разводя ветки – и на этот раз они не поддались: смерзлись намертво, а деревья росли все выше, стягивались над головой, так что пепельно-серое небо почти пропало из виду.

Сван вдруг разревелся, как ребенок, и уселся прямо на лед.

– Я не могу больше! – рыдал он. – Мне надоело быть избранным!

– А ну прекрати плакать, а то домой отправлю, – как-то неуверенно проговорил Хью и сел рядом.

– Куда домой? – размазывая слезы по лицу, забормотал Сван. – Мы уехали из дома. Папа сказал, нам больше нельзя в нашу деревню. Его выгнали за то, что он посланника убить хотел.

– Вот это поворот, – пробормотал Джетт, неловко усаживаясь на лед подальше от них.

Генри бессильно привалился спиной к дереву, но ветки тут же начали хватать его за одежду, подтягивая ближе, и он отошел, пихнув их локтем.

– Надо идти, – упрямо повторил он. – Нельзя садиться, вы больше встать не сможете.

– Заткнись, чудище! Это из-за тебя мы так влипли!

– Да кто вас вообще просил сюда соваться! – начал Джетт.

Ветки срастались, сжимались плотнее. Теперь вокруг была словно комната из льда, и она становилась все меньше.

– Хватит! Вставайте, ясно? – рявкнул Генри, но сам себя едва услышал: горло опухло и саднило, будто его расцарапало холодным воздухом, он даже самой лютой зимой такого не чувствовал.

Никто не шевельнулся.

Больше всего страха исходило от Свана – он раскачивался, прижимая ладони к лицу, и Генри со вздохом сел рядом с ним.

– Значит, так, Сван, слушай меня, – решительно просипел он. – Сейчас я тебе расскажу одну историю. Ты будешь ее слушать и не думать о холоде, понял?

– Отползи подальше от этого гада, недоумок, – слабо сказал Хью. – То, что он оказался говорящий, еще не значит, что не загрызет.

– Эту историю мне рассказывал отец, – стараясь не злиться, продолжал Генри. – Однажды в лесу, где он охотился, поселился белый волк. Откуда он пришел, неизвестно, но он был сильным, крупным и умнее всех зверей, каких видел отец.

Сван отнял руки от лица.

– Это был волшебный волк, да?

– Нет. Просто матерый, вечно голодный зверь. Никакая добыча от него не уходила: зайцы, птицы, белки, олени. Звери попрятались, охотиться стало тяжело. И тогда отец решил поймать волка. Он выслеживал его, ставил ловушки, но волк был слишком умен, чтобы попасться. И отец отчаялся. Он понял, что не победит этого зверя.

– И ушел в другой лес? – спросил Сван. Он больше не плакал, и лес притих.

– Нет. Он продолжал охоту, даже зная, что это безнадежно. Они с волком охотились друг на друга, изучали друг друга. Если бы хоть один отступил и ушел из леса, второй остался бы победителем. Но никто не сдавался. Это продолжалось всю зиму, а однажды, уже весной, волк вышел к дому отца с перебитой лапой, израненный, – наверное, с медведем подрался.

– И твой отец вылечил его лапу и отпустил его, да?

– Нет. Он убил его и сделал шапку.

Джетт закашлялся, подавившись холодным воздухом.

– Спасибо за веселую сказочку, приятель. Сразу как-то полегчало.

– Это не сказка. Это история про то, что если ты силен, однажды природа покорится тебе. Волк пришел к нему, потому что хотел, чтобы его убил достойный враг. Враг, который шел за ним, не сдаваясь. Это честно. И леса, и звери чувствуют силу. Отец мне говорил: они покоряются не безрассудным храбрецам, а тем, кто не сдается. Так что вставайте. Надо идти дальше.

– Ага. Я немножко полежу, и пойдем, – сонно сказал Сван и улегся на землю.

Хью привалился к нему. Джетт отполз подальше от них и тоже лег.

– Эй, нет, вставайте, нельзя тут спать!

Генри попытался поднять их, но не смог. Ветки спокойно повисли вокруг, теперь они постукивали мягко, усыпляюще. Лед влажно блестел, и на секунду Генри показалось: он будет таким удобным, если лечь, таким теплым, уютным, так приятно будет заснуть здесь, так хорошо, так...

Он распахнул глаза и понял, что стоит на коленях, упираясь рукой в землю. Ветки гладили его по лицу и сразу таяли. Он с силой оттолкнул их и встал. Остальные спали, а ветки тянулись к ним отовсюду, оплетали, как будто хотели обнять, проводили по губам. Тис сказал: «Она целует тебя, и ты становишься частью леса». Так вот, оказывается, как это выглядит.

Генри запрокинул голову, дыша глубоко и ровно. Страх больше не было, и он вдруг подумал: «Какое красивое место». Целое королевство из воды и льда, живое, звенящее, способное принять любую форму. Он закрыл глаза, прислушиваясь. Стук веток был мелодичным, приятным, и что-то в этом стуке не давало Генри покоя. Ветки как будто все время подхватывали и бросали одну и ту же мелодию, бесконечно повторяющуюся, текучую, и он ведь где-то уже слышал ее раньше, совсем недавно, где же он мог ее... Он резко выдохнул и будто очнулся.

Деревце на ярмарке. Оно играло ту же самую мелодию. Оно выглядело точно так же, как деревья в этом лесу.

И если от страха и злости лес злится, то, может быть...

Генри подскочил к Джетту, схватил его за воротник и наотмашь ударил по лицу.

– Да, да, мам, я уже встаю, – пробормотал тот, отворачиваясь, и попытался лечь обратно.

Генри судорожно зашарил по карманам и вытащил одну из трех золотых монет, которые на прощание дал ему отец.

– Гляди, что у меня есть! – гаркнул он Джетту на ухо. Тот сонно приоткрыл один глаз и потянулся за монетой. Генри отвел руку, второй продолжая трясти Джетта за воротник. – Слышишь, как стучат ветки?

– Ты ради этого вопроса меня разбудил? – зачарованно глядя на монету, проворчал Джетт и наконец сел.

– Доставай гармошку. А теперь играй то, что ты слышишь. Там-та-рам-та-ра-ра-рам.

– Ты псих, приятель. Я подозревал это с нашей первой встречи. – Джетт поднес к губам гармошку и издал пару дрожащих, сиплых звуков.

– Еще. И повеселее.

– Может, еще сплясать?

– Для начала встань.

– Не буду, мне тут удобно.

Но Генри подкинул на ладони монету, и Джетт тут же поднялся на ноги, а потом наконец прислушался.

– А и правда. Эти ветки как будто одну и ту же мелодию повторяют. Что-то вроде... – Он заиграл на гармошке. Получилось похоже, и ветки застучали громче. Джетт сыграл побыстрее – ветки тоже застучали быстрее. – А, я понял. Ну-ка, лесок, подхватывай! – И он заиграл громко и весело. Ветки зазвенели друг о друга, деревья закачались, и сразу стало теплее.

Генри подскочил к Свану, попробовал показать ему монету, но тот отвернулся и попытался накрыться ледяными ветками, как одеялом. Тогда Генри вытащил из кармана последний пирог Тиса и сунул ему под нос. Сван принялся и открыл глаза.

– Отдам тебе пирог, если придумаешь веселый стих про зимний лес.

– Хорошо в лесу зимой, пусть и хочется домой, – забормотал Сван, и Генри с усилием поставил его на ноги. Сван огляделся, увидел, как раскачиваются деревья, и восхищенно заорал: – Мы гуляем до утра, холод лучше, чем жара, мы покатаемся на санках, и нам сразу станет жарко! Лед блестит, как карамель, начинается капель...

У Генри даже сердце застучало быстрее. Слова и музыка вместе – вот это изобретение. До него такое небось и в голову никому не пришло.

Он подошел к Хью, взял за воротник и со спокойной совестью треснул его кулаком по лицу.

– Вот его, я считаю, можно оставить, – на секунду оторвав от губ гармошку, сказал Джетт.

– Мы сейчас твое добро себе заберем, – мстительно сказал Генри.

Хью тут же распахнул глаза, увидел над собой лицо Генри, заорал и вскочил сам.

– Бери вот это, – Генри вытянул из его корзины железный половник и котелок, – и бей одним об другое. Только повеселее.

Генри сунул вещи ему в руки, и тот с ошалевшим видом послушно начал стучать.

Вокруг с каждой минутой теплело, мелодия неслась отовсюду громче и громче. Известно откуда взявшееся солнце просвечивало сквозь лед, и вода подо льдом переливалась, бежала куда-то, словно несла музыку дальше, пока весь лес не начал звенеть.

– А теперь пошли вон туда, – наугад ткнул Генри.

Лед таял, сапоги теперь весело и мокро шлепали по лужам. Земля, до этого плоская, как стол, начала забираться вверх, будто они поднимаются по склону.

– Тут морозит круглый год, но подтаивает лед, и весна уже приходит, и из леса нас выводит! – крикнул Сван.

В ту же секунду земля у них под ногами вдруг накренилась в другую сторону, и все четверо упали и покатались вниз с ледяной горы. Они неслись так, что дух захватывало, Генри слышал над ухом дружный смех, перепуганный и веселый одновременно. Потом склон кончился, они еще пару метров проехали по льду и остались лежать, раскинув руки.

– Сразу легче веселиться, если с горки прокатиться! – захлебываясь, хохотал Сван.

– Чистая правда, – сказал женский голос, и они подняли головы.

Над ними стояла королева льда, и на этот раз Генри готов был поспорить, что щеки у нее подернулись прозрачным, розовым румянцем, как будто закатный свет на замерзшей реке.

– Мой лес любит веселье и песни. Как же я давно их не слышала. Раньше, когда Сердце еще сияло для всех, лучшие музыканты приходили сюда, играли и пели, а лес подхватывал. Но с тех пор никто такого не делает. Это была не лучшая песня, что я слышала, но... – Она улыбнулась и протянула Генри руку. Он встал, ухватившись за нее. – Освальд ненавидит музыку, песни, сказки, рисунки – все, что люди создавали своими дарами. Теперь я вижу, что ошиблась. Как странно, что Барс выбрал тебя, с твоим даром огня. – Она откинула с лица ледяные волосы, и они коротко скользнули по его лицу. – Но мне нечем вам помочь. Барс мне не являлся, а Сивард в своем походе не заходил в мой лес, так что я не знаю, какую подсказку должна вам дать.

– О, какой шарик! – сказал Сван.

Все повернулись к нему: он катал туда-сюда ледяной шар размером с кулак.

– Я его не создавала, – нахмурилась королева. – Откуда ты его взял, поэт?

– А он мне просто под ноги выкатился. – Сван весело наподдал по нему ногой, и шар покатился прочь.

Королева поймала его и вдруг фыркнула, оглядываясь.

– Вот теперь я верю, что ты вернулся, – тихо сказала она и улыбнулась шире.

– Да это же просто круглая ледышка, – проворчал Хью, стряхивая с себя воду. – И чего нам с ней делать?

– Разгадывать подсказки Барса не моя забота.

Королева вложила шар в ладонь Генри, а вторую руку протянула к его лицу – он почувствовал тонкие, дышащие холодом пальцы около своей щеки.

– Внутри тебя – огонь, – негромко сказала королева. Она стояла так близко, что Генри скорее угадывал движения ее губ, чем слышал слова. – И однажды он вырвется наружу. Будь осторожен. Освальд не простит, что ты выбрал не его сторону. Он сделает все, чтобы погубить тебя.

Она шагнула назад, так и не прикоснувшись к нему, и с улыбкой сказала:

– Если дары вернуться, напомните всем, что нет лучшего места для музыки, чем зимний лес. Спасибо вам, поэт, музыкант и мальчик, который стучал в котелок.

– Я способен на большее, – оскорбленно пробурчал Хью и начал собирать съехавшие вслед за ним по льду мешки и корзины.

– Хм, леди, ваша компания – большое удовольствие, и этот лес, конечно, теперь выглядит гораздо веселее, но я бы не отказался из него выбраться, – подал голос Джетт. – А где тут выход?

– О, везде, где хотите.

С этими словами королева развернулась – ледяные волосы звякнули друг о друга – и пошла прочь.

Одной рукой сжимая шар с подсказкой, другой рукой Генри раздвинул ветки деревьев и едва не задохнулся от неожиданности. Под ногами была черная, влажная земля. Они стояли на вершине покрытого лужами и грязью холма; одуряюще пахло весной. Генри обернулся – ледяные деревья высились плотной стеной, и с этой стороны стена была почерневшей, изъеденной теплом, с нее текла вода, в нее вмерзли живые ветки, на холме рос редкий, голый, с едва набухающими почками лес.

А под холмом была деревня.

Глава 8

Черные доспехи

Приземистые разноцветные дома выглядели такими ветхими, что издали казалось: надавишь на стену одного, и они начнут валиться, толкая друг друга, пока от деревни не останется груды весело раскрашенных досок.

– Вот это местечко! Таких деревень мало осталось – вся из старинных домов, – одобрительно кивнул Джетт.

– Им потолок на голову не обваливается? – поинтересовался Генри.

Джетт посмотрел на него так, будто он сказал невероятную глупость.

– Раньше строили те, у кого к этому дар был. Их дома уже сотни лет стоят и простоят столько же, не то что новые. Не говоря уж про то, что они глаз радуют.

С этим Генри не мог не согласиться. Чем ближе они подходили, тем яснее он видел резные, словно из потемневшего от времени деревянного кружева ставни, наличники, свесы кровель. Краска на стенах облупилась, но стоящие рядом дома сочетались по цвету, как луговые цветы на одной поляне.

– Мой отец построил новый дом, – пробормотал Генри, с непонятной тоской вспоминая их тесный, темный сруб, будто прилипший к скале.

– Позволь усомниться, что это был образец красоты.

– Даже не вспоминай про Хейверхилл и про свою гадкую семейку, чудище. Из-за тебя нашего отца прогнали, так что ты нам серьезно должен.

– Кстати о долгах. Чего ты сразу не сказал, что у тебя деньги есть? – шепотом спросил Джетт. – И много их у тебя?

– Три монеты, – рассеянно ответил Генри, шурясь на мелкую речушку у подножия холма: та отражала солнце ярко, как бывает только весной.

– И все золотые? Да это целое состояние! – Джетт облизнул губы. – Слушай, я же тебе помогаю, так? Если правда найдем Сердце, отдашь мне одну? Ну, в качестве вознаграждения верному соратнику, и все такое? А то, я вижу, они тебя как-то не очень интересуют. – Он смотрел с такой жадной надеждой, что Генри пожал плечами и кивнул. И на лице Джетта сразу засияла улыбка. – Мне нравится этот поход! Жутко, но весело, а уж если мне еще и заплатят... Поверь, приятель, за золотую монету я на все готов.

У подножия холма деревьев не было, между рекой и деревней тянулась влажная полоса весенней земли. По ней, пощипывая первую травку, бродили кучерявые грязно-белые животные. Овцы, вспомнил Генри.

– Отсюда мы идем своей дорогой, а вы своей.

Генри был уверен, что братья рады отделаться от него не меньше, чем он от них, но Хью скривился:

– Ишь, хитрый. Решил подсказку прикарманить? Мы ее вообще-то все вместе получили, и моя роль в этом не последняя была.

Он потянул руку за шаром, и Генри спрятал его за спину.

– Вам что, приключений не хватило? – поморщился Джетт. – До конца жизни теперь будет что вспомнить.

– Тебя вообще не спрашивали, – огрызнулся Хью. – Чудище и воришка не будут указывать мне, сыну старейшины, куда идти.

– Бывшего старейшины, – не сдержался Джетт.

Хью замахнулся корзиной, но Генри отвел его руку.

– Уходите по-хорошему, – негромко сказал он.

Кажется, получилось довольно угрожающе, потому что Хью сжал губы и попятился. Генри чувствовал: еще пара секунд – и он сдастся. Но тут раздался голос Свана.

– Ой, глядите, – радостно сказал он. – Вас прямо на стенку повесили. Здорово, да?

На стене дома, который стоял ближе всего к реке, висел лист бумаги, а на нем углем было нарисовано лицо Генри: криво, неумело, но вполне узнаваемо. Ниже шла надпись: «Внимание, опасный преступник! Если вы видели этого человека, немедленно сообщите посланнику на главной площади. Награда – десять золотых монет». Рядом висел лист поменьше, с таким же кривым портретом Джетта и подписью: «Сообщник опасного преступника! Особые приметы: рыжий и хромым. За поимку – две серебряные монеты».

– Почему на меня такие цены? Даже обидно, – ухмыльнулся Джетт.

– Откуда они вообще знают, что мы здесь? – нахмурился Генри.

– Не думаю, что знают. Когда ищут преступников, портреты развешивают по всем окрестным деревням, и в каждую отправляют посланника, чтобы было кому докладывать.

– Уж тебе ли не знать? – злобно глядя на него, сказал Хью и вдруг приосанился: – Так, ну вот что. Либо отдасте подсказку нам, либо мы вас сдадим посланнику и получим свои денежки.

Джетт, презрительно фыркнув, сложил на груди руки:

– А вы, случайно, не забыли, что обманули посланников, тайком прихватив подсказку, которую они искали? Знаете, как это называется? Кража, – громко прошептал он, и Хью вздрогнул. – В таких случаях лучше сидеть тихо, мне ли не знать.

Сван, который до этого жевал пирог и к разговору не прислушивался, поднял голову:

– Мы ведь теперь все друзья, да? И будем Сердце вместе искать.

Все трое посмотрели на него так, будто он предложил прыгнуть со скалы.

– Ты не можешь подсказку себе взять, это нечестно, – забормотал притихший Хью. – Давайте так: отгадаем, куда она указывает, и разойдемся. Мы еще посмотрим, кто до места первым доберется.

Генри с Джеттом переглянулись и кивнули: еще минут пять братьев можно было потерпеть.

– Вот и славно, – потирая руки, сказал Джетт. – Лично меня в эту милейшую деревню уже как-то не тянет, так что давайте сядем вон там, погреемся на солнышке и решим, что делать с этой ледышкой.

Они расселись на плоских камнях у воды и устались на прозрачный ледяной шар.

– Думаю, подсказка внутри, и она тоже из льда, – разглядывая его на свет, предположил Генри. – Так что вопрос один: либо ждать, пока шар растает, либо разбить его.

И не успел он договорить, как на шаре проступила надпись, тонкая, едва заметная, будто ее выцарапали иголкой: «Неверно выберете – подсказка исчезнет».

Генри занес руку, чтобы разбить шар о камни, но Хью издал возмущенный вопль:

– Эй, стой! Надо вместе решать!

– Почему? Я и так уверен. Королева два раза повторила, что храбрость нравится и ей, и Барсу.

– Да ты что, тупой? – поморщился Хью. – Если шар разбить, подсказка тоже разобьется! Пусть тает.

– Если люди расходятся во мнениях, вопрос надо решать голосованием, – встрял Джетт.

Генри даже не понял, о чем он, и тогда Джетт, расправив плечи, громко сказал:

– Те, кто за то, чтобы разбить шар, поднимите руку.

– Зачем?

– Слушай, не препирайся. Такая традиция.

Генри пару секунд подозрительно смотрел на него, – может, разыгрывает, не могут же у людей и правда быть такие глупые традиции, – потом нехотя приподнял пальцы одной руки. Джетт сделал то же самое.

– Теперь поднимите руку те, кто за то, чтобы ждать, пока шар растает.

Хью вытянул руку над головой, пнул Свана, и тот сделал то же самое.

– Итак, двое за, двое против. Если мнения делятся поровну, решает случай.

Джетт достал из кармана медную монету, и тут Генри кое-что вспомнил:

– Ты на постоялом дворе говорил мрачному человеку, что за ночлег отдаешь ему все деньги.

Джетт беззаботно пожал плечами:

– Помнишь фокус, который я показал около башни, когда думал, что посланники – это твоя труппа? Они про свой медяк сразу забыли, но не думай, что про него забыл я.

– А ну дай сюда! – Хью выхватил у него монету. – Сам подброшу, такому жулику доверять нельзя. Король или Барс?

– Что? – нахмурился Генри.

– На монетах с одной стороны выбит король, а на другой – Барс, – пояснил Джетт. – Монеты тоже предки сделали: теперь уже никто не знает, как они так тоненько железо ковали, да еще ухитрялись рисунки на нем делать. Если люди хотят поспорить, один выбирает короля, а другой Барса. Потом они подбрасывают монету, и кто угадает, какой стороной вверх монета упадет, тот и прав.

– И люди так решают споры?

– Постоянно.

«В жизни ничего глупее не слышал», – хотел сказать Генри, но вместо этого уронил:

– Барс.

Хью подкинул монету, поймал и разжал руку.

– Ха! Король! Ждем, пока растает.

– Предлагаю передавать шар всем по очереди. У тебя уже все перчатки мокрые, а горячие руки, уж извини, греют лучше, – сказал Джетт.

Генри нехотя протянул ему шар. Джетт подышал на него и передал Свану, тот Хью, а Хью отдавать его никому не хотел, пока Джетт не отнял, проявив при этом внезапную ловкость.

– Если б не дело, я бы рядом с таким, как ты, даже близко не сел, – процедил Хью.

Джетт в ответ улыбнулся злой, неприятной улыбкой, подбросил шар на ладони – и не стал ловить. Шар разбился, упав на камни.

– Ох, какая досада. Извините, господин Хью.

– Лед разбился, как тарелка. На кусочки, мелко-мелко, – вставил Сван.

– Прекрати! – зарычал Хью. – Мы уже вышли из леса, так что если услышу хоть один стих...

Но никто уже не обращал на него внимания.

Шар разлетелся на куски одинаковой формы. Пару мгновений они лежали спокойно, а потом какая-то сила притянула их друг к другу, и они сложились в слова: «Верно. Смелость важнее осторожности».

– А где подсказка-то? – буркнул Хью.

– Сами льдинки, – пробормотал Генри.

Льдинки стремительно таяли, и тут на помощь неожиданно пришел Сван. Он покопался в своем огромном мешке, вытащил оттуда мятый лист бумаги и кусок угля и, закусив губу от усердия, перерисовал форму льдинок.

Все посмотрели на то, что получилось: цифра «8», из центра которой вправо торчали две прямые черточки, словно разинутый птичий клюв.

– Понятия не имею, что это. В жизни такого знака не видел, – признался Джетт. Остальные нехотя кивнули. – Ну, отлично. Подсказку мы получили, но что с ней делать, понятия не имеем.

– Может, мы не зря вышли именно сюда, и знак намекает на какое-то место в деревне? – неохотно предположил Генри. В деревню идти ему совершенно не хотелось.

– Здравая мысль, приятель. Вот только, если ты не заметил, там наши портреты развешаны. Соваться туда нельзя, узнают.

Генри повернулся к Хью:

– Дайте нам свои шарфы и шапки.

– С какой...

– Быстро и молча.

Хью выдохнул с шумом, как разъяренный лось, но сорвал шапку и шарф и бросил ему. Сван, растерянно улыбаясь, сделал то же самое.

– Отличные вещички, ребята, – медовым голосом сказал Джетт, намотал на себя полосатый шарф Хью и, не дожидаясь ответа, захромал в сторону деревни.

* * *

– А они серьезно подошли к делу, – невнятно пробормотал Джетт из-под шарфа: за то время, пока они шли по деревне, портреты с надписью «Опасный преступник» попались им на глаза раз шесть.

Люди в этой деревне были какие-то беспокойные, и Генри быстро понял, что к их приходу это отношения не имеет. Все спешили, сталкивались, возмущенно переговариваясь. За очередным поворотом Генри ударился ногой обо что-то деревянное, посмотрел вниз и едва не вскрикнул.

Мимо него пронеслось что-то похожее на небольшой пень, только явно живое. Пень ловко мчался на коротких ножках из перепутанных корней, руками-ветками обхватив пухлый мешок. Вслед за ним пронеслись еще двое таких же существ. У одного из мешка торчала удочка, у другого – ручка сковороды.

Генри перепуганно обернулся к спутникам, но все трое, кажется, были скорее озадачены, чем напуганы.

– Что это с ними? Скриплеры никогда толпой не ходят и на глаза стараются не попадаться, так, потихоньку таскают с чердаков. А уж днем их вообще редко увидишь.

Джетт проводил взглядом очередного скриплера. Тот ловко забрался на чей-то подоконник, обхватил горшок с цветами и теперь пытался втиснуть его в мешок. Другой был занят тем, что стягивал с веревки белье. Еще один выкопал небольшую елку, что росла у чьего-то крыльца, и тащил ее куда-то, раскачиваясь из стороны в сторону. Людям все это явно не нравилось, они бегали за скриплерами с палками и тряпками, пытались отнять мешки, но куда там: пеньки были ловкие, как белки.

– Хватайте воров, прячьте вещи! – кричали отовсюду. – Имущества лишают! Что ж за бедствие!

– Они все бегут в одном направлении, пошли, – сказал Генри, понижая натягивая шапку.

Скоро они оказались на другой стороне деревни, перелесок подступал здесь прямо к домам. Скриплеры ныряли в щели между корнями, те на секунду раздвигались, чтобы пропустить их, и смыкались снова.

– Ух ты. Так скриплеровы ходы – тоже правда, – протянул Джетт, глядя, как очередной скриплер сначала проталкивает в щель мешок, набитый полотенцами, а потом лезет сам. – В сказках они вечно путешествуют среди корней – они же родственники деревьев, те их пропускают.

Последний скриплер, душераздирающе скрипя, затолкал между корней грабли, свернутый ковер и фонарь, но сам пролезть не смог, застрял: слишком большой был мешок на плече.

Он с истошным скрипом заворочался, и тут из-под корней показались несколько рук-веток, ухватили бедолагу и ловко втянули внутрь. Корни бесшумно сошлись, и все стихло.

– Проваливайте, скатертью дорога, имущество будет сохраннее! – закричали вокруг: поглядеть, куда уходят скриплеры, собралась целая толпа.

Было как-то тягостно, и Генри не сразу понял отчего – пышное бледно-серое облако закрыло солнце. Потом он услышал тихие всхлипы и обернулся. Сван горбился, закрыв руками лицо. Его пальцы были мокрые, слезы просачивались между ними и сползали в рукава куртки.

– Ну что еще? – раздраженно спросил Хью. – Что разнюнился?

– Они... они ушли. Они же единственные существа, которые с людьми остались, когда... – Сван захлебнулся слезами. – Когда Сердце потеряли. Они... свои. Я дома всегда слушал, как они топчут на чердаке по ночам. Что, если они везде уйдут? Я хочу домой. И чтобы все было как раньше. А дома нет, и даже скриплеров нет! – И он зарыдал сильнее.

Хью досадливо поморщился:

– Видали? Мне с этим плаксой каждый день возиться приходится.

– Ладно, толстяк, не переживай так. Может, они не везде ушли. Ну, перестань. – Джетт хлопнул Свана по плечу и ловко увернулся от Хью, который хотел его оттолкнуть. – Нам же надо загадку разгадывать, да? – Он вытер Свану лицо своим рукавом. – Доставай рисунок. Предлагаю упростить наш план и спросить, что это такое, у местных. Ну что, приступим? Эй, милая леди, извините, вы не знаете, что это может быть? Может, какое-то место в вашей прекрасной деревне?

Он показал лист с рисунком, но женщина только качнула головой и ушла. Сван вытер глаза и пошел за ним, не слушая протестующее ворчание Хью.

Полчаса спустя все четверо стояли на другом конце деревни, бессильно привалившись к стене. Они задали вопрос о рисунке раз пятьдесят, но люди только рассеянно пожимали плечами – все, кажется, были так взбудоражены уходом скриплеров, что даже не думали о том, с чего по деревне бродят четверо чужаков, и один из них, как и указано в объявлении, хромает. На улицах знак восьмерки с двумя хвостами тоже не попадался. А тучи все сильнее затягивали небо, стремительно темнели, наливались обещанием дождя, и Генри пытался убедить себя, что чувство опасности, которое не давало ему покоя, просто из-за погоды.

И тут Джетт вскинулся, как суслик от резкого шума.

– Видите вывеску? – звенящим голосом спросил он и ткнул в дом на другой стороне улицы.

Над узкой облупленной дверью висела надпись: «Диваны для старых людей». Ничего похожего на восьмерку там не было, и Генри пожал плечами:

– Мы же не старые люди.

– Начну издалека: посланники из отдела поиска ездят по королевству и скупают старинные вещи. Говорят, после потери Сердца они так спасали предметы от Освальда, но на самом деле всякий знает: в королевском дворце хотят жить красиво и удобно, а для этого нужно все старое. Многие просто из упрямства не хотят продавать свои ценности посланникам из дворца, особенно при нынешнем короле – его не особо любят.

– Да как ты смеешь его величество ругать! – побагровел Хью, но Джетт только отмахнулся и продолжил:

– В общем, мало кто это знает, но есть подпольные местечки, где можно продать или купить почти любой старинный предмет. Если тебе понадобилась пила, или игрушка для ребенка, или ты прямо жить не можешь без фарфоровых чашек – пожалуйста! А если быстро нужны деньги – неси свой подсвечник или книгу и получай монеты.

– Это же незаконно, – выдавил Хью, бледнея прямо на глазах, и Генри опять удивился его способности мгновенно менять цвет лица.

– Ясное дело. Поэтому такие места маскируются под лавки, трактиры, постоянные дворы. Но те, кому надо, знают: из букв в их названии всегда можно сложить имя Сиварда. Он же хотел, чтобы дары были для всех, а тут каждый, если нужно, может найти то, что сделано даровитыми предками. Генри, соображай быстрее. «Диваны для старых людей». Тебе показать, где тут буквы, из которых складывается «Сивард», или сам справишься?

– Я не понимаю, как это нам поможет.

– Места вроде этого обычно держат мощные, суровые типы. Их вечно пытаются ограбить, да еще посланники уже сотни лет вынюхивают, как их найти, так что слабакам и тупицам в таком деле не выжить. Они обычно все на свете знают – столько людей и предметов успевают на своем веку повидать, что всякого порасскажут. Если хоть кто-то в деревеньке знает, что это за восьмерка, он сидит за этой дверью. И кстати, Хью, я прямо мысли твои читаю: вздумаешь выдать посланникам секрет, как искать такие места, – суровые типы где угодно тебя найдут.

И с этими словами он зашагал к двери.

– С кем мы связались, – проворчал Хью, догоняя его.

Дверь была не заперта. Внутри оказалось тесное помещение, заставленное обитыми тканью лежанками, – очевидно, они и назывались диванами. Ставни были закрыты, и в полутьме Генри не сразу разглядел сгорбленную фигуру за столом. Человек в натянутом на голову одеяле ловко затачивал ножом куски угля для письма.

– Добрый день, – Джетт поклонился. – Как поживаете? Мы пришли купить диван. Нам какой-нибудь зелененький, в любимом цвете Сиварда.

Фигура кивнула, покопалась в стопке плотных бумажных табличек на столе и подняла ту, на которой было написано: «Четко изложите запрос».

– Мы у вас в деревне проездом, и нам сказали, что у вас есть отличный постоянный двор. А найти его можно вот по этому знаку.

И Джетт выложил на стол лист бумаги с восьмеркой.

Хозяин лавки заметно вздрогнул.

– Если не объясните, что это за знак, мы расскажем посланникам, что у вас тут за диваны, – спокойно сказал Генри, не отходя от двери, чтобы, если что, было куда бежать.

Джетт возмущенно обернулся:

– Ты просто ужасно ведешь переговоры. Послушайте, – он опять развернулся к столу и согнулся пополам, прижав ладонь к груди, – я знаю, такому, как вы, угрожать не стоит. Но нам правда нужно узнать про знак. Он ведь обозначает какое-то место, верно? Скажете нам, заплатим золотую монету.

Фигура медленно втянула воздух и достала из стопки табличек еще одну: «Уходите».

– Две золотые монеты. Это отличная цена за простой ответ на простой вопрос.

Хозяин лавки сунул табличку «Уходите» Джетту под нос и встал, повернувшись к низкой двери в углу, и тут Генри решил, что с него хватит. У него и так полно неприятностей, а теперь еще какой-то торговец в одеяле, который явно знает ответ на его вопрос, отказывается помочь.

Прежде чем кто-нибудь успел двинуться, он оказался на другом конце комнаты, рывком сдернул с фигуры одеяло и удивленно замер.

Темноволосая худая девушка смотрела на него с бесконечной, убийственной яростью – как медведица на охотника, который целится в ее детенышей. Она схватила со стола подсвечник и замахнулась, но Генри был быстрее, выкрутил ей руку и дернул к себе. Она в ответ больно и явно со знанием дела пнула его в колено, но он уже тащил ее к двери в соседнюю комнату, бездумно отбивая удары. Она явно целилась в нос и в глаза, а он понятия не имел, что будет, если она тронет его голой рукой. Полминуты спустя он отошел – ее руки были надежно привязаны шарфом к ручке двери, а сама дверь подперта диваном, чтобы не открывалась. Девушка рычала и пыталась освободить руки, но куда там – вязать крепкие узлы отец научил его еще в детстве.

– Просто скажи, где находится место с таким знаком, и я развяжу тебя. Потом мы сразу уйдем, – спокойно пояснил Генри, сделав еще шаг назад: чутье подсказывало, что она сейчас размышляет, сумеет ли достать до него ногой.

– Вот это поворот, – выдохнул Джетт. – Слушай, приятель, развяжи ее. С девчонками так не обращаются.

– Почему? Самки животных хитрее и опаснее самцов.

– Меня твои манеры иногда прямо убивают. А если это говорит такой, как я, – повод задуматься. Слушай, красотка, лучше скажи ему, что он хочет, и разойдемся.

Джетт шагнул к девушке, и она, сделав рывок вперед, чуть не откусила ему нос – Генри едва успел дернуть его назад.

– Да она же бешеная! Может, ее по голове чем-нибудь слегка приложить для сговорчивости? – проворчал Хью.

Джетт рассерженно обернулся к нему:

– Тебе обязательно быть таким мерзким?

– А ну повтори, уродец, что ты мне сказал?!

– Хватит! – рявкнул Генри, и все тут же замолчали, даже девушка перестала биться.

Темные глаза смотрели на него остановившимся злобным взглядом, по которому сразу было понятно: ждать от нее уступки все равно что просить лису откусить себе хвост. Может, еще раз предложить ей денег? Или, в самом деле, отвязать и позволить Джетту вести переговоры? Или сидеть и ждать, пока передумает?

От размышлений его оторвал голос: глухой, металлический, он пронесся над всей улицей, и сердце у Генри забило мелко и часто, как у пойманного кролика.

– Дорогие жители деревни! Мы пока не знакомы, но я – ваш друг. Прошу вас собраться на площади для пира. У меня есть особенное предложение, только сегодня и только для вас. Надеюсь, любопытство приведет вас в самое ближайшее время.

– Освальд, – одними губами произнес Генри. У него было такое чувство, будто ему высыпали за шиворот ведро льда.

– Злобный король из сказки? Это что, шутка? – нервно спросил Хью.

– Он нас нашел, да? – Джетт втянул голову в плечи и, кажется, попытался слиться со стеной.

– Надо пойти и узнать, чего он хочет, – громким, нарочито твердым голосом сказал Генри. – А ты пока сиди тут, мы скоро вернемся.

Он понятия не имел, как можно выглядеть угрожающе, будучи привязанным к двери, но девушке это вполне удалось: она проводила его таким взглядом, что он был рад оказаться на улице.

Генри едва мог вспомнить, как они дошли до площади. Там было шумно, жители деревни выглядывали друг у друга из-за спин, тянули шеи, чтобы лучше видеть, как люди в одинаковых черных куртках без рукавов расставляют на столе золотые кубки. Генри сразу узнал этих людей по равнодушным, незаинтересованным взглядам: это были те, кого Освальд разбудил в башне.

– Здравствуйте, друзья, – сказал Освальд в какую-то золотую трубу. Он был одет, как в день ярмарки: железная маска и темно-лиловый плащ с капюшоном.

– Это старинный рог, усиливающий голос, – зачем-то пояснил Джетт. – Их в столице используют герольды, чтобы объявления от короля читать.

– Зимний день уже прошел, маскарад кончился! – весело кричали из толпы. – Да ты похож на Освальда из сказок! Иди отсюда, у нас и своих злодеев хватает!

– Я и есть Освальд.

В толпе засмеялись.

– Понимаю, вы мне не верите, от меня ведь так давно не было вестей. Боюсь, ваше мнение обо мне совершенно неверно. При мне королевство процветало, но я потерял трон из-за

жестокого заговора. Уверяю вас: я правил куда лучше, чем ваш нынешний король. Так что я хочу вернуть отнятый у меня трон, а вы мне в этом поможете.

Смех в толпе стал громче.

– А в залог будущего благоденствия позвольте предложить вам подарок. Каждый, кто согласится вступить в мой отряд, получит прекрасную золотую монету. Вот такую.

Монета ярко блеснула в его руке, и по толпе прокатился вздох.

– Чтобы получить ее, вам нужно лишь выпить из кубка и искренне пообещать служить мне. Если б я хотел обмануть вас, я бы сказал, что монету вы получите потом, но я отдаю ее сразу. Ваша служба будет недолгой и необременительной, а потом я отпущу вас домой с этим сокровищем. – Он поднял монету выше. – Как вам мое предложение?

К столу протолкнулся бородатый мужчина.

– Я старейшина деревни и прошу вас отсюда уйти. Представление у вас какое-то не смешное.

– Вы, может быть, думаете, что монета фальшивая? Извольте проверить. – Освальд с поклоном протянул старейшине золотой кругляш.

Тот попробовал его на зуб, взвесил на ладони – и недовольство на его лице сменилось мечтательным благодушием.

– Надо же, настоящая. Старинная. Я такой и не видел никогда.

– Она теперь ваша. Давайте скрепим сделку. – Освальд сунул кубок в руку старейшины, и тот, не отводя глаз от монеты, отпил.

Генри затаил дыхание. Старейшина на мгновение замер, опустив голову, а потом спрятал монету и взял из рук Освальда черную куртку без рукавов.

– Примите эти прекрасные кожаные доспехи как еще один знак дружбы. Благодарю, вы сделали прекрасный выбор, – мягко сказал Освальд, и Генри вдруг показалось, что Освальд смотрит прямо на него. – Вот видите, друзья, совсем не страшно. Прошу, присоединяйтесь.

Человек пять нерешительно двинулись к столу.

– Монета-то, кажись, настоящая, – простонал Хью и начал проталкиваться сквозь толпу.

Генри поймал его за рукав.

– Даже не думай, – выдавил он. От страха у него перехватило горло. – Все держитесь ближе ко мне, ясно? Кажется, я знаю, что будет дальше.

– Неужели больше никто не хочет монету? – огорченно спросил Освальд. Генри никак не мог привыкнуть к тому, что этот глуховатый железный голос способен быть таким разным. – О, простите, забыл упомянуть кое о чем. Чтобы оградить вас от неверного выбора, я перекрыл выходы из деревни. Никто, кроме моей армии, ее не покинет, а все, кто не примет мое щедрое предложение, умрут. Но это было бы очень обидно, так что подходите! – Он весело поднял кубок. – Разве сложно выбрать между смертью и богатством?

– Да что за чепуха? Эй, братцы, пошли отсюда! – громко сказал рядом с Генри человек в красной куртке и начал проталкиваться к выходу с площади, за ним сразу потянулись человек тридцать.

Освальд вздохнул. Вздох разнесся по площади, многократно усиленный золотым рогом.

– Вот вечно найдется кто-нибудь вроде этого господина и все испортит. Почему нельзя по-хорошему?

И с этими словами он сказал что-то на ухо мужчине с зеленой лентой в длинных волосах. Генри помнил, как тот сидел в башне, уронив голову на грудь. Человек с лентой кивнул, снял с плеча лук, и через пару секунд тот, кто вел людей с площади, вскрикнул и упал со стрелой в плечо, и Генри мельком подумал: «Рана не страшная, значит, Освальд велел не убивать».

Но вокруг завопили так, будто никогда в жизни не видели раненых, а голос Освальда перекрывал их крики:

– Это случится с каждым, кто решит сбежать! Прошу, спасите себя! Будьте благоразумны, идите ко мне! Смотрите, сколько у меня монет!

Толпа пришла в движение: одни проталкивались к Освальду, другие – к улицам, ведущим с площади. Люди налетали друг на друга, и с каждой секундой толпа становилась плотнее, будто людям казалось, что они будут в безопасности, если прижмутся к соседу. На слова времени уже не было, и Генри схватил за куртки Джетта, Хью и Свана – от потрясения все трое застыли, как бараны, – и потащил их к ближайшей улице.

Но он не учел одного: толпа – это поток со своим непонятным течением, она пыталась оторвать их друг от друга, стискивалась вокруг, надвигалась со всех сторон, и Генри почувствовал, что рукава Джетта и Хью выскользнули у него из левой руки, он успел подтянуть к себе только Свана, который стоял ближе всех. Джетт и Хью, наконец очнувшись, рвались к ним, но было бесполезно.

– Встретимся в лавке! – крикнул Генри. – Бегите туда!

Тут Генри впечатался лицом в чью-то спину, а когда она исчезла, снесенная человеческим потоком, ни Хью, ни Джетта больше не было видно.

– Мы выберемся, не паникуй, – сказал он, даже не зная, слушает ли его Сван, а потом глубоко вдохнул, выдохнул, и время замедлилось.

У всех трех выходов с площади стояли воины в черных кожаных доспехах, выставив мечи в сторону тех, кто пытался скрыться. На местных это производило большое впечатление: люди, даже не пытаясь выбить у воинов меч, тут же бросались обратно на площадь.

Генри выбрал того воина, который казался слабее, и, боднув его головой в живот, сбил с ног, затем выпрямился и ударил второго, другой рукой по-прежнему не выпуская Свана. Потом нырнул под меч третьего и врезал ему локтем по шее, а четвертого дернул в сторону так, что его голова встретилась со стеной соседнего дома. Шесть секунд на всех – отец справился бы быстрее. Генри бросился по улице, таща за собой тяжело дышащего Свана, а вслед за ними помчались все, кто пытался уйти через этот выход.

– Друзья, вернитесь, куда же вы? – бодро крикнул Освальд.

Вокруг было столько громких звуков: треск, крики, удары. Генри мчался, стараясь не смотреть по сторонам. Люди в черных доспехах ломали повсюду двери, тащили на площадь тех, кто не шел сам. Он приказал себе не отвлекаться от цели, не думать о худшем. Людей Освальда даже на этой улице было человек пятьдесят, а значит, всего их гораздо больше, и это не первая деревня, где он побывал.

Он не думал, куда бежит, ноги и смутная память сами вывели его к лавке. Дверь была распахнута, когда он влетел внутрь, двое в доспехах уже отвязали девушку и тащили к двери. Тащили, кажется, довольно давно – она упиралась и дергалась так, что они своими отупевшими от волшебного напитка мозгами не могли сообразить, что с ней делать.

Генри схватил обоих за воротники и, резко дернув, с силой толкнул лбами. Потом взял каждого за ногу, вытащил на улицу – пусть лучше там очнутся – и запер дверь.

Как Генри и думал, девушка не стала ждать, пока он отдохнет, попыталась мимо него рвануться к двери. Генри устало поймал ее за локоть.

– На улицу нельзя, если не веришь, в окно погляди.

Девушка метнула на него очередной убийственный взгляд и, кажется, прикинула, не начать ли драться, но потом, не тратя времени, бросилась к окну. Приоткрыла один ставень и какое-то время стояла, глядя на улицу. Оттуда доносилось все то же жуткое месиво звуков.

– Где Хью? – без остановки скулил Сван, который сидел, забившись в угол и подтянув к груди колени. Генри старался его не слушать.

Девушка повернулась к ним и долго смотрела – так, будто ее внезапно осенила какая-то мысль, – а потом подошла к столу, взяла одну из своих табличек и заточенным углем написала: «Вы не с Освальдом?»

Генри покачал головой. То, что она по-прежнему не издала ни звука, его не слишком удивляло: может, женщины вообще разговаривают только в особых случаях. Он еще не говорил ни с одной, королеву льда можно не считать. Девушка тем временем нарисовала знак, который они ей показывали, сунула Генри под нос и пожала плечами. Он понял вопрос: «Зачем тебе это знать?»

Пару секунд Генри колебался, стоит ли говорить, но тут в дверь начали бить чем-то тяжелым, и он решил, что хуже не будет.

– Я ищу Сердце волшебства. Барс выбрал меня, я вроде как наследник Сиварда, а этот знак – подсказка, где искать третье испытание.

Девушка моргнула, рот у нее приоткрылся, и на секунду ему показалось: сейчас она наконец что-то скажет, но вместо этого она вдруг наклонилась вперед, не отрывая от него взгляда. Генри уже понял: у людей, как у волков, это знак уважения при встрече с более сильными членами стаи. Он кивнул, лихорадочно соображая, почему она так резко изменилась. Получается, когда они явились к ней и показали знак, она с чего-то решила, что они работают на Освальда. Но почему?

– Ты тоже не с ним? – уточнил он на всякий случай.

Ее выражение лица, секунду назад потрясенно-растерянное, отразило мысль: «Как можно быть таким тупым». Она затрясла головой, подбежала к двери в другую комнату, через которую вначале пыталась сбежать, и ткнула в нее.

– Выведешь нас отсюда? – сообразил Генри. – Мне надо кое-кого подождать.

Дверь содрогнулась. Долго не выдержит. Сван заскулил громче.

– У тебя еда какая-нибудь есть? – спросил Генри, и девушка с готовностью вытащила из шкафа яблоко и бросила ему. Генри поймал яблоко и протянул Свану: – Держи, съешь пока. Они скоро придут.

Сван молча отвернулся. На этот раз он, как ни странно, не плакал, хотя вот сейчас было самое время. В дверь ударили снова. Девушка потянула его за рукав, но Генри не двинулся с места.

– Я знаю, что надо уходить, – натянуто сказал он. – Подождем еще немного.

Никогда еще, приняв решение, он не медлил с тем, чтобы его исполнить, – до этой минуты.

* * *

Когда с улицы раздался знакомый вопль, от облегчения у Генри чуть ноги не подкосились. Он даже не думал, что можно так беспокоиться за кого-то, кроме отца.

– Руки прочь от моего добра! – вопил Хью.

Подскочив к окну, Генри увидел: он несется по улице, отбиваясь от троих людей в черных доспехах корзинами и мешками, которые по-прежнему держал в обеих руках.

Увидев знакомый дом, Хью бросился к нему, засветив самому резвому преследователю корзиной в нос. Генри открыл дверь и врезал тем, кто уже пару минут пытался ее выбить. Теперь путь был свободен, но Хью со своим скарбом застрял в дверях, как скрипpler между корней, и Генри рывком втащил его внутрь.

– Не хватай меня! – проревел Хью, бросил вещи на пол и раскинул руки в стороны.

Сван с радостным воплем бросился к нему, и они обхватили друг друга, как медведи во время драки.

– Все, все, мордастый, хватит, ты мне всю куртку заслюнявишь. Пора сматываться! – завопил Хью. – А девку с собой прихватим, раз уж она знает, куда нам идти!

Генри сжал кулаки, не отводя взгляда от окна. Еще минута, и надо будет уходить. Люди в черных доспехах проверяли каждый дом, чтобы никто не смог спрятаться, и единственная целая дверь на всей улице явно их заинтересует.

И тут он увидел Джетта.

* * *

Сказать, что тот бежал, было бы преувеличением – он ковылял, останавливаясь рядом с каждым домом, будто пытался вспомнить, не сюда ли ему надо зайти. Люди в черных доспехах проносились мимо него, словно не замечали, и когда Генри понял почему, на секунду ему стало не по себе. Джетт тоже был в черных доспехах. Но лицо у него было вполне осмысленное, бледное и до смерти перепуганное.

Генри втащил его в дверь, и Джетт торопливо стянул кожаные доспехи и бросил в угол. Остальные посмотрели на них довольно растерянно, но Генри даже не стал спрашивать, он и так понял: отличный план. Жалко, не ему это в голову пришло. У людей из отряда Освальда явно был приказ тащить на площадь всех, кто не в доспехах, так что Джетт просто снял доспехи с кого-то, кого Генри вырубил на своем пути, и спокойно пошел искать нужный дом.

А девушка уже рванулась в соседнюю комнату, и Генри бросился за ней, с облегчением прислушиваясь к тому, как у него за спиной Хью ворчал, Сван смеялся, а Джетт, ругаясь, спотыкался о каждый диван. Девушка бегом провела их через несколько темных, уставленных ящиками комнат, потом вниз по лестнице, а дальше – три поворота, длинный коридор, вверх по лестнице и опять вниз – не жилище, а муравейник. И когда Генри уже начал думать, что все это ловушка, девушка распахнула маленькую, в половину человеческого роста, дверь и выскочила в тесный проход между двумя домами, а оттуда – на незнакомую улицу.

Девушка проворно меняла направление, выбирая самые пустые улицы, и Генри окончательно убедился, что в этом люди похожи на животных, – женщины силой и ловкостью уж точно не уступают мужчинам. Куда они бегут, он не спрашивал: пусть сама решает, она знает деревню лучше, и он просто мчался за ней, на ходу раскидывая с дороги людей в черных доспехах. Умелых воинов Освальд расставил на площади, а здесь явно были те, кого он набрал в деревнях, – пестрый люд, который и с оружием-то обращаться не умеет. Тех, кто действительно мешал пройти, Генри просто сносил с дороги ударом в челюсть – на минуту хватит, за это время как раз успеют пробежать Джетт и братья.

В конце концов они выскочили на окраину деревни и понеслись через поле с черной, повесенному разбухшей землей. Девушка вбежала в рощу незнакомых деревьев с белой корой и тонкими обвисшими ветками и остановилась, вытирая лоб. Волосы у нее были сплетены во что-то похожее на толстую веревку, и сейчас эта веревка растрепалась, волосы налипли на щеки.

– Что... вообще... творится? – прохрипел Хью и рухнул на поваленное дерево.

Сван и Джетт все еще бежали через поле, и, надо сказать, гонку не выигрывал никто: Джетт оступался через каждые несколько шагов, Сван колыхался на бегу, как травяное желе в доме Тиса, по-прежнему не выпуская из рук две корзины.

– Быстрее, что вы тащитесь! – кричал Хью. – Без вас уйдем!

А из деревни спокойной, молчаливой толпой выходили люди Освальда, и Генри шумно выдохнул: теперь их было больше двухсот. Некоторые несли на руках ревущих детенышей.

К счастью, направлялись они не в сторону рощи, а на север, туда, где поле тянулось до самого горизонта. Несколько десятков людей в черных доспехах бродили вокруг деревни, и когда Генри понял, что они делают, у него упало сердце.

В руках у них были охапки факелов, они зажигали их и бросали в дома.

Девушка издала сдавленный, потрясенный звук и шагнула вперед, но Генри ее удержал. Сван и Джетт наконец добрались до рощи и, обернувшись, тоже увидели, что творится.

– Он же сжигает их имущество. Это же... преступление, – пролепетал Хью, отряхивая Свана от грязи.

Тот смотрел на деревню огромными, широко распахнутыми глазами. Джетт, с тех пор как выбрался с площади, и так выглядел мрачнее некуда, но теперь лицо у него вообще как-то помертвело. Он смотрел на горящую деревню так, будто ничего хуже в жизни не видел.

– Он всем обещал, что потом отпустит их домой с монетой, – продолжал Хью. – А как же теперь...

Генри вздохнул. Отец всегда говорил ему, что люди – лжецы, но последнее время ему казалось, что он разбирается во лжи куда лучше их.

– Освальд их обманул, он никогда их не отпустит. Но им теперь все равно.

– Но зачем он сжигает дома? – отчаянным, непохожим на собственный голосом спросил Хью.

– Тис говорил, Освальд делает напиток обещания из старинных предметов. Дома тоже сойдут.

Генри сказал это только для Джетта, некогда было объяснять остальным, о чем речь, но девушка вдруг закивала.

– Что, ты тоже знаешь про напиток? Откуда? Этого даже Тис до вчерашнего дня не знал.

Девушка не ответила, и Джетт устало сказал ей:

– Слушай, красотка, я как-то пропустил момент, когда ты стала нашим другом, но, может, скажешь хоть что-нибудь? Или поговорить с нами ниже твоего королевского достоинства? Ты же не немая, в конце концов.

Она мрачно посмотрела на него, и Джетт нахмурился:

– Что, немая? Вроде как рыба? Seriously?

Еще один кивок.

– То есть ты, даже если бы хотела, не смогла бы рассказать, что это? – пробормотал Генри, вытаскивая у Джетта из кармана листок с восьмеркой.

Девушка с выражением мрачного, снисходительного терпения взяла у него листок и показала всем, только держала она его так, что восьмерка теперь не стояла, а лежала, и две торчащие из нее черточки смотрели вниз. Какое-то время девушка словно ждала, что сейчас кто-то крикнет: «О, вот теперь я понял, что это!»

Никто не двинулся. Девушка закатила глаза, подобрала с земли ветку и написала на земле одно слово:

«Бант».

– Так ты и писать умеешь? – пробормотал Джетт.

Она посмотрела на него так, будто предполагала, что он-то не только писать не умеет, но и ложку держать не способен.

– Да я просто имел в виду, что для девчонки это странно. Думал, вы все только шить умеете да еду готовить.

Девушка вытащила из кармана платья пачку табличек, – кажется, это было единственное, что она успела прихватить с собой, – и показала всем табличку с надписью: «Это старинный предмет».

Потом достала кусок угля и быстро написала на обратной стороне таблички: «Предки перевязывали бантом подарки».

– Что это за ерунда такая, подарки? – проворчал Хью, но понятно было, что он растерян и злится скорее по привычке.

Он старательно пытался сесть так, чтобы не видеть пожар вдалеке, но отсветы ложились на землю даже здесь, и белая кора деревьев казалась теперь розовой.

– А вот я знаю, – неожиданно теплым голосом сказал Джетт. – Это когда тебе дают что-то просто так и ничего взамен не просят.

– Кто такую глупость сделает?

– Подсказка должна вести в какое-то место, – перебил Генри. – Ладно, мы поняли, этот знак обозначает подарок, но что это за место?

Девушка пожалала плечами, будто это очевидно, и написала: «Дом всех вещей».

Все переглянулись, и Генри сразу понял: о таком месте не слышал никто.

– Знаешь, где это?

Она кивнула.

– Далеко отсюда?

«3 часа 25 минут пути».

Тут раздался жаркий треск: в деревне рухнул дом. Сложился внутрь. Все вздрогнули, как от удара.

– Почему никто не бежит? – тихо спросил Сван.

– Некому бежать. Освальд всех забрал с собой. Не думаю, что нашелся хоть кто-то, кто не принял его предложение. А когда дома сгорят, его люди сгребут пепел, и из этого пепла он приготовит напиток. Он будет ходить от деревни к деревне, пока не соберет армию и не вернет себе трон. Я не понимаю одного: как он узнал, что я здесь?

– Да не знал он! – злым, перепуганным голосом сказал Джетт. – Просто идет по всем деревням подряд.

– Он смотрел на меня. Он хотел, чтобы я увидел, как он силен.

– А знаешь что, чудище? Меня пугает, как хорошо ты понимаешь этого урода с железным ведром на голове, – огрызнулся Хью. – Но что уж тут непонятного: говорят, рыбак рыбака издали видит.

Генри посмотрел на Хью – и под этим взглядом тот втянул голову в плечи.

– Не смотри на меня так, будто хочешь мне в горло вцепиться.

Генри моргнул и отвел взгляд. Он не с Освальдом, он сам отказался с ним идти. И какой недостаток в том, что он хорошо понимает ход его мыслей? Освальд тоже хороший охотник, вот в чем дело.

– Мы договорились, что разойдемся, когда получим подсказку, – ровным голосом сказал Генри, глядя, как разгорается пламя, перекидывается с одного дома на другой. Старая древесина хорошо горит. – Я вас не задерживаю.

– Ну нет, чудище, и не мечтай. Вместе пойдем. Девчонка-то одна, которая дорогу знает!

– Это чудище твою шкуру два раза спасло, неблагодарная ты скотина, – проговорил Джетт тихим, но таким взбешенным голосом, что все обернулись. – У него имя есть, кстати. Если уж вы за нами тащитесь, хоть ведите себя как нормальные люди.

И пока Хью, пытаясь от возмущения, думал, что на это ответить, девушка написала на табличке: «Агата».

А, ну конечно, у людей принято называть свои имена.

– Генри, – нехотя сказал он. – Это Джетт, Сван и Хью.

Тут Сван подошел к нему и вдруг обхватил одной рукой. Генри дернулся, но Сван не пытался его повалить, только стоял, упираясь лицом в его плечо. Потом отошел.

– Мы друзья, да? – жалобно сказал он. – И мы всех-всех спасем.

Генри моргнул. Все смотрели на него, как будто он должен был что-то сказать, но он понятия не имел что.

– Надо идти, – пробормотал он наконец, глядя на деревню. Черные остовы домов теперь были едва заметны сквозь пламя. – Все, кто хочет, могут идти со мной. Агата, показывай дорогу.

Чем глубже они заходили в рощу белых деревьев, тем слабее становился привкус гари в воздухе. Скоро вокруг пахло только талым снегом и слежавшимися прошлогодними листьями.

– Эй, чудик. – Джетт подошел к нему и, бледно улыбнувшись, ткнул его локтем в бок. Генри проследил за его движением, но в ответ не ударил. Это, кажется, не был жест нападения, люди вообще все время хлопали и тыкали друг друга, хотя зачем, он понять не мог. – У тебя теперь вроде как тоже отряд, да?

– Это плохо? – уточнил Генри.

– Ну, у тебя команда худших неудачников в истории, а так – отлично.

– Сивард был один. И стал героем.

– Ты и так станешь героем.

Генри нахмурился.

– С чего ты взял? У меня же... – Он коротко дернул руками.

Джетт долго смотрел на него, открывая и закрывая рот, будто раздумывал, отвечать или нет, и наконец сказал:

– Да плевать на это. Знаешь, приятель, ты лучший человек из всех, кого я встречал. Ну, после моей мамы, ясное дело. – Он коротко хлопнул Генри по плечу и отошел. – Эй, толстяк! Чего ты опять ревешь-то? Seriously, как в тебе столько слез помещается?

Джетт пошел к Свану, а Генри на секунду остановился. Он чувствовал что-то странное, незнакомое, похожее на торжество от удачной охоты, но такой силы, будто сейчас разорвет изнутри. Он зашагал дальше и запоздало почувствовал, что улыбается.

Глава 9

Дом всех вещей

Иногда люди ведут себя непонятно – это Генри уже давно понял.

– Ты небось замерзла? – в который раз начал Джетт. – Хочешь мою куртку взять? Нет? Ладно. Будешь пирог, у меня как раз один остался? Тоже нет? Да что такое!

Агата ускорила шаг, но Джетт каким-то удивительным образом опять ее догнал. Этот странный ритуал Генри наблюдал второй час.

– А расскажи, с чего тебе вообще пришло в голову держать такую лавку? Странное занятие для девчонки! Слушай, да ладно, не молчи, хоть таблички поднимай! Эй, да не иди ты так быстро! Хочешь, я тебе на гармошке поиграю?

Увидев гармошку, Агата издала бессвязный радостный вопль, вырвала ее и взбудораженно начала рассматривать, но потом будто вспомнила про то, что Джетт все еще идет рядом, и хмуро сунула гармошку ему в руку.

– Можно мне подудеть? – догоняя их, спросил Сван.

– Я никому не разрешаю слюнявить мою гармошку. Но ты, красотка, играй сколько хочешь! Уф, и как ты не устала так мчаться?

Она на ходу нацарапала что-то на табличке, сунула ее Джетту, и все вытянули шеи, чтобы тоже прочесть: «Держись от меня подальше. Подойдешь ближе чем на три шага, ударю. Я серьезно».

– Зачем быть такой грубой? – растерялся Джетт. – Я же по-дружески!

– У, замарашка тебя отшила, – пропел Хью. – Слушай, милочка, если захочешь кавалера побогаче и не уродца, я, так и быть, готов.

Агата тихо застонала и пошла дальше.

– Не то чтобы мне была нужна такая замызганная девчонка, но поверь, рыжий, чтобы посмотреть, как у тебя лицо вытянется, я готов. Ты в зеркало-то давно на себя смотрел?

– А знаешь что? Мне надоело, – сказал Джетт и сделал то, что, по мнению Генри, стоило сделать уже давно: вцепившись в Хью, повалил его на землю и начал колотить.

Хью завопил и дал сдачи, и они покатались по грязной земле. Преимуществ ни у кого не было: драться не умели оба. Джетт был слабее, но зато наконец разозлился по-настоящему.

Генри прислонился к дереву, ожидая, пока они закончат. Сван, к счастью, лезть не стал: следил издали и иногда дергался вперед, будто хотел поучаствовать, но не решался. Агата, издав гортанный протестующий звук, подскочила к Генри, нацарапала что-то на табличке и сунула ему под нос: «Разними их».

– Зачем? – не понял Генри. – У любых зверей драка – честный способ выяснить, кто сильнее. Они для тебя дерутся. Ты же выберешь того, кто победит, так?

Агата уставилась на него таким взглядом, что он на секунду растерялся.

– Что, у людей разве не так?

Она помотала головой, будто ушам своим не могла поверить. Потом на секунду прижала ко лбу руку и опять начала писать на табличке: «Тебе можно быть странным. Но зачем ты набрал этих идиотов?»

Генри пожал плечами. Драка, кажется, грозила затянуться, и он со вздохом подошел, схватил обоих за шкирку и поставил на ноги.

– Потом закончите, нам идти пора.

...В следующую пару часов Генри узнал важную вещь: когда ты один, молчание – это естественно, но тишина в большой компании тут же становится тягостной. Хью и Джетт бросали друг на друга такие взгляды, что Генри все ждал, когда они сцепятся снова, но нет, пока

держались. Агата шла от них так далеко, как только возможно. Сван просто брел, устало глядя в землю.

И когда Генри уже думал, что это все никогда не кончится, Агата остановилась.

– Пришли, что ли? Да тут же ничего нет! – проворчал Хью.

В густом лесу это было не сразу заметно, но слева кусты сплетались в такую плотную стену, что даже палец между ветками не просунешь. На эту стену Агата и показывала.

Тут несколько веток зашевелились, и в прорехе между ними показалась голова скриплера. Он оглядел всех по очереди, задумчиво моргая, потом втянул голову обратно, и щель между ветками тут же стянулась, будто ее и не было.

Агата растерянно глянула на Генри и застрочила по табличке: «Думала, они тебя пустят».

– Это что, дом скриплеров? – догадался Генри.

– Стойте, я понял, – медленно произнес Джетт. – Дом всех вещей – это же... Ну конечно. Я слышал, скриплеры тащат все, что найдут, в одно место. Это оно и есть?

Агата кивнула, и Джетт присвистнул:

– Да это же самое охраняемое хранилище в королевстве! Туда пролезть невозможно, это любой во... то есть любой человек знает.

– Ты там бывала? – спросил Генри.

Агата покачала головой и написала: «Приносила им старинные вещи и оставляла здесь. Они никого не пускают».

– Ты что, без всякой платы отдавала им вещи? Вот ведь дура, – покачал головой Хью.

Генри попытался влезть на стену, но та будто отталкивала его руки – стоило зацепиться за удобную выемку, пальцы тут же соскальзывали. Стена была не выше человеческого роста, но залезть на нее было невозможно. Хью подошел и с чувством пнул стену. Та тут же пнула его в ответ толстой веткой.

– О, смотрите. Похоже на дверь, – сказал Джетт.

И правда, среди ветвей оказалось что-то вроде двери с замочной скважиной и ручкой. Генри без большой надежды подергал – ручка ущипнула его за палец и исчезла. Заглянув в замочную скважину, Генри увидел глаз. Тот пару раз моргнул и пропал.

– Они за нами наблюдают. Давайте спросим у них, что нам сделать, чтобы попасть внутрь. Хью фыркнул и уселся на свой мешок.

– С ума сошел? Они только в сказках говорящие. А так – вороватые тупые деревяшки.

– Не такие уж и тупые, – покачал головой Генри. – Они откуда-то знали, что придет Освальд, и вынесли из деревни все, что могли.

Все переглянулись: об этом явно никто не подумал.

– Джетт, ты на постоялом дворе говорил, что у тебя есть волшебный ключ от всех дверей. Ну, гвоздь и проволока, ты ими открыл комнату бра... – Джетт отчаянно замахал руками, и Генри не договорил. И правда, вряд ли братьям стоило знать, что он ночевал под их кроватью. – Может, попробуешь и эту дверь открыть?

Сверху раздалось такое многоголосое скрипучее хихиканье, что все подскочили. Над стеной длинным, ровным рядом торчали головы скриплеров, их темные глаза поблескивали от любопытства.

– А ну открывайте, деревяшки! – крикнул Хью. – Вы обязаны, нас подсказка привела!

– Нет, надо вежливо, – сказал Сван. – Откройте, пожалуйста!

Хихиканье стало громче.

– Если бы эту стену можно было преодолеть, отсюда давно все растащили бы, – вдруг сказал один скриплер. – Избраннику Барса надо быть посмекалистее.

– Он говорящий! Мама! – хором заверещали братья.

– Сюда может пригласить только тот, кто уже внутри. А приглашение надо заслужить, – прибавил скриплер.

Потом все деревянные головы нырнули вниз, раздался топот – и все стихло.

– Другими словами, надо сделать что-то такое, чтобы они пустили нас сами. – Генри обвел всех взглядом: братья жались друг к другу, у Джетта глаза были размером с тарелку, и только Агата спокойно кивнула. – Чем бы их задобрить?

«Старинные предметы», – написала Агата, и Генри кивнул.

– Хью, у тебя из корзины торчит ящик с тайлисами Худого Пальтишки. Думаю, они достаточно старые.

– А ты откуда знаешь, что в ящике? – подозрительно нахмурился Хью. Джетт сделал вид, что внимательно разглядывает стену. – И не подумаем ничего отдавать, это наше имущество!

– Джетт, Тис подарил тебе тайлис ночного стража. Давай его сюда.

– Какой тайлис? – притворно удивился Джетт. – Не знаю, о чем ты.

– Он у тебя в левом кармане.

Джетт покопался в кармане, потом вывернул его – там было пусто.

– Если не отдадите хоть что-то сами, я отниму, – сдержанно сказал Генри.

– Это незаконно! Избранные так не поступают!

– Вот именно! – закивал Джетт, впервые на памяти Генри хоть в чем-то соглашаясь с Хью.

Генри вздохнул:

– Ладно. Вдруг на предметы они и не клюнут, у них и так всякого добра полно. Что еще может им понравиться?

– Ну... чай, – неуверенно протянул Джетт. – В сказках они всегда держали чайные. Путники там отдыхали и рассказывали скриплерам всякие истории.

Генри задумался. Он надеялся, что все остальные – тоже, но они смотрели на него так, будто думать здесь должен только он.

– Королева льда говорила, что с тех пор, как люди потеряли Сердце, они разучились создавать музыку, – наконец сказал он. – Может, они и истории разучились сочинять?

– Ну да, само собой, – пожал плечами Джетт. – Все сказки еще до потери Сердца придуманы. Говорят, предков этому даже в детстве учили – выдумывать то, чего не бывает, а потом про это говорить красивыми словами и на разные голоса. У нас так не выйдет.

– А я иногда представляю в своей голове сказки, – робко вставил Сван. – Только в стихах. И будто их люди показывают, но при этом наряжены, как волшебные герои.

Генри сделал вдох:

– Джетт, помнишь, когда ты считал, что на площади все было розыгрышем, а Освальд и Тис не настоящие, а просто, ну, как сказать...

– Изображают сказочных героев, – договорил Джетт, и лицо у него просветлело. – Слушайте, вы оба просто гении. Знаешь, толстяк, у меня эта мысль тоже который год в голове вертится: что, если собрать людей, которые будут рассказывать истории в лицах?

– Ну и дурацкая идея, – поморщился Хью. – В жизни о таком не слышал.

– Вот поэтому и может сработать! Хорошее представление – вот что взбудоражит кого угодно, будь он хоть пнем с глазами! Только нужна история.

– Про Сердце волшебства! – выпалил Сван.

– Ты совсем свихнулся? – хмыкнул Хью. – Там не было ни женщин, ни хромых, ни толстяков. И вообще, эту историю они и так знают.

– А мы ее слегка поменяем. Так, Генри, ты будешь Сивардом.

– Вот уж дудки, Сивардом буду я! – заявил Хью. – Ты, чудище, будешь разрушителем, а я буду тебя побеждать.

– Ладно, – пожал плечами Генри. Ему было все равно, только бы поскорее попасть за стену.

– Так, кто нам еще нужен... – Джетт побарабанил пальцами по губам. – Ты, толстяк, будешь Освальдом.

– С чего это я? – обиделся Сван.

– Потому что я буду рассказчиком, с этим никто из вас не справится. А девчонка вообще не участвует: в той сказке женщин не было, это героическая легенда о подвигах, а не какая-то дурацкая любовная песенка.

Агата возмущенно нахмурилась и сложила руки на груди. Вид у нее был такой же сердитый, как раньше, но Генри чувствовал – она пытается скрыть любопытство.

– А что говорить-то надо? – пробурчал Хью.

– Все, что хотите. Просто представьте, что вы и есть эти герои, ясно? Будем... ну, сочинять на ходу. Придется научиться, если не хотим застрять тут до ночи.

– Можно я за Освальда буду в стихах говорить? – с надеждой спросил Сван.

– Ну нет, – покачал головой Джетт. – Представление в стихах – это уж ни в какие ворота не лезет!

– Ладно, – вздохнул Сван. – А можно мне хотя бы ведро на голову надеть?

– Только не говори, что среди вашего скарба есть еще и ведро.

– Конечно есть, – сказал Сван, покопался в самом большом мешке, достал ведро и нацепил себе на голову.

– Господа скриплеры! Только сегодня и только для вас – увлекательное зрелище, новейшая и непредсказуемая история! – торжественно начал Джетт и прислушался. За стеной было тихо, и он заговорил громче: – Итак, жил да был великий и ужасный разрушитель, наводивший страх и трепет на всех вокруг! Он жил в лесу, не зная человеческого языка, – ведь вокруг бродили только дикие звери. Обычно он с утра до вечера охотился. Покажи, как ты охотился, – шепнул он Генри.

– Но тут нет зверей.

– А ты представь, что есть.

Генри моргнул. Он понятия не имел, чего от него хотят и как можно охотиться на то, чего нет.

Джетт прокашлялся:

– Но чаще всего он просто сидел и подражал голосам животных!

Это было проще, и Генри, чувствуя себя ужасно глупо, заухал, как сова.

– Да-да, отлично. Так он и жил у себя в лесу, предаваясь этому незамысловатому развлечению, пока однажды...

– А в своем замке жил храбрый Сивард! – Хью выпятил грудь. – Он был умен, красив, ростом выше всех, а уж какой храбрый – вообще не описать! И он пошел в поход, чтобы спрятать Сердце.

– Слушай, ты как-то не с начала начинаешь, – повернулся к нему Джетт. – А где Освальд?

– Я Освальд! – радостно поднял руку Сван и пошел в сторону Хью, но ударился ведром о первое же дерево и сел. – Я Освальд, я вас зарублю мечом, но не отдам я Сердце никому.

– Сван...

– Ой, простите. Больше не буду. – Сван встал, держась за ветки, и ведро у него на голове закачалось. – В общем, Сивард, ты лучше беги, пока я тебя не убил. А кстати, где у нас Сердце волшебства?

– Мы его еще не нашли, – сказал Генри, решив, что сову больше можно не изображать.

– А вот, мне яблоко дали, – сказал Сван, доставая его из кармана. – Пойдет?

Он поднял руку с яблоком и завыл. Голос, отражаясь от железных стенок ведра, звучал так похоже на голос Освальда, что Генри вздрогнул.

– Я никому не отдам Сердце! Оно мое! Буду загадывать желания, пока оно не ослабеет и не погаснет!

Тут Хью подошел и пнул его в коленку. Сван завопил и схватился за ногу, выронив яблоко.

– Не уверен, что все было именно так, – сказал Генри.

– Теперь оно мое! – гаркнул Хью. – И я его спрячу. Вон под тем деревом.

Он уже направился к высокому, раскидистому дереву, когда на его пути возникло неожиданное препятствие. Агата подошла и, гордо выпрямив спину, села на пень.

– А ну уйди с дороги, замарашка, и пропусти героя! – приказал Хью.

– Нет! Это красавица, она жила как раз по пути, – заворуженно глядя на нее, сказал Сван. – Она ни с кем не разговаривала, потому что злая ведьма рассердилась на нее и наложила заклятие, что она будет немой, пока не... не... не знаю.

Лицо Агаты сейчас казалось почти детским. Она смотрела на Свана так, будто он вдруг сказал что-то невероятно умное. Потом она отвела взгляд, развязала свою веревку из волос и торопливо начала их расчесывать неизвестно откуда взявшимся гребнем.

– А поскольку красавица не могла говорить, у нее была старая няня, которая говорила за нее! – взбудораженно крикнул Джетт, вытянул из корзины Хью одеяло, накинул на голову и заговорил старческим, дребезжащим голосом: – И жили они в том же лесу, что и разрушитель! Поэтому няня не выпускала красавицу из замка.

– Какого замка? – спросил Генри. – Она сидит на пне.

– А ты представь, что тут есть замок! – зашамкала сторбленная фигура в одеяле, пытаясь устроиться на пне рядом с Агатой. – Так вот, красавица была та еще гордячка! Она мечтала сама побеждать врагов и не ждать, когда ее спасет какой-нибудь рыцарь!

Тут Агата пихнула Джетта локтем в бок так, что он свалился на землю, но говорить не перестал:

– Характер у красавицы был ужасный, и она все время била свою бедную старую няню!

– Слушайте, это вообще-то история про Сиварда и разрушителя, – возмутился Хью. – Мне уже можно Сердце прятать?

– Няня решила проучить гордую девчонку и отдать ее разрушителю, – сладким голосом договорила поддельная няня. – Тот, как известно, ел злых девчонок на завтрак, обед и ужин. А ты, Хью, в смысле Сивард, решил ее спасти.

– Своим верным мечом, – уточнил Хью, подбирая с земли палку.

Джетт схватил Агату под руку и, согнувшись и шаркая ногами, повел ее к тому месту, где, прислонившись к дереву, стоял Генри. Агата хмурилась, но шла.

– Няня отвела ее ночью в лес и оставила, трясущуюся, как осиновый лист. Ночь была бурная, выл ветер, шатались деревья! Сван, забудь пока про Освальда, теперь будешь силами природы.

Сван с готовностью зашумел и зашуршал.

– И вот когда красавица уже готова была умереть от страха, она встретила в лесу прекрасного юношу, еще не зная, кто это такой, и полюбила его всем сердцем, – продолжал Джетт.

Агата подошла к Генри. Она прижимала руки к груди и выглядела так, будто перепугана до смерти и в то же время чему-то рада.

– «Кто ты?» – хотела она спросить, но не могла. Разрушитель тоже был неразговорчивый, он ведь не знал ни слова на человеческом языке, – сказал Джетт из-под одеяла хриплым, жутковатым голосом. – А буря бушевала все сильнее, будто сама природа чувствовала, какую ошибку совершает красавица.

Агата смотрела на Генри каким-то особенным, незнакомым взглядом, а потом протянула руку и коснулась его куртки. В ту же секунду глаза у нее закатились, она попыталась вдохнуть, но не смогла и рухнула на землю как подкошенная. Сван перестал выть, изображая бурю, и прижал руку ко рту. Генри похолодел:

– Так не может быть, через одежду это не действует. Я...

Он опустился на колени, не сводя глаз с Агаты, хотел проверить, есть ли пульс, но так и не решился прикоснуться к ней. Она лежала на спине, бледная и неподвижная, как будто...

– От страха он даже заговорил на человеческом языке, – вставил Джетт. – И тут его настиг Сивард.

– Ах ты тварь! – крикнул Хью, размахивая палкой. – Ты убил красавицу из леса, а я убью тебя!

Хью замахнулся. Генри, даже не успев подумать, что делает, схватился за палку, дернул ее на себя, выворачивая, и Хью, завопив, упал на землю.

– Не по правилам! Он же должен сразу помереть!

Хью отполз подальше, швырнул в Генри мешком и, конечно, не попал. Тут Агата приоткрыла один глаз, поглядела на Генри, быстро мигнула, и он от облегчения чуть не сел, едва успев уклониться от летящей в него палки.

– Битва двух силачей шла непредсказуемо, – встрял Джетт. – А няня тем временем в раскаянии бегала по лесу – она уже пожалела, что оставила свою девочку ночью в чаще, – и тут наткнулась на ее бездыханное тело!

Хью начал бросаться камнями, прячась за деревьями, Генри уворачивался, размышляя, стоит ли кинуть чем-нибудь в ответ, Сван продолжал выть, как ветер, а Джетт бросился к Агате и начал трясти ее за плечи.

– Проснись, моя вишенка! На кого ты покинула свою старушку!

– Ах ты мерзкая, хромая карга! – завопил Хью, разом забыв про Генри.

Он бросился на Джетта, но тот был готов: когда Хью добежал до него, боднул его головой в живот с такой силой, что Хью охнул и завалился назад.

– Сивард пал, ему надоело, – прохрипел он и закрыл глаза.

– Исход битвы няни и Сиварда оказался неожиданным! – сообщил Джетт. – Но старушка испытывала такие муки раскаяния от того, что погубила свою девочку, что ее бедное сердце остановилось.

И с этими словами он рухнул рядом с Агатой и застыл. Стало очень тихо. Генри замер: все трое лежали так неподвижно, что на секунду он подумал, будто они и правда не дышат. А потом раздался голос Свана:

– Но зло в сказке победить не может! Поэтому вмешались силы природы, и на разрушителя упало дерево.

В следующую секунду Сван со спины навалился на Генри. Драться он не умел, но веса в нем было много, и Генри от всего этого так растерялся, что повалился на землю, успев только выставить перед собой руки. Он завозился, пытаясь освободиться, но здоровенный Сван мирно лежал, придавив его сверху.

– Дереву пришлось повозиться, но в конце концов разрушитель сдался! – довольным голосом сказал Сван. – А дерево спело песню деревьев, и вот какие в ней были слова: «Отдохни, вставать не надо! Надо лечь и так лежать! Если дерево упало, от него уж не сбежать!»

Генри понял: он перестал дергаться и замер.

– А дерево тоже погибло, потому что упало, – грустно сказал Сван.

– Но последним рывком оно спрятало Сердце, потому что все остальные про него забыли, – громким шепотом напомнил Джетт, не открывая глаз.

– А, да! – Сван слез с Генри, подобрал яблоко, которое выпало у Хью из-за пазухи, бегом отнес его под раскидистое дерево, положил среди корней и рухнул на землю.

Отовсюду раздался деревянный стук, и, подняв голову, Генри увидел, что на стене длинной цепочкой сидят скрипелеры.

– Дерево всех победило! – проскрипел один.

Остальные захихикали, хлопая руками-ветками с удвоенной силой.

Тут Джетт весело завопил: Агата врезала ему локтем, села и начала опять переплетать волосы. Генри оглядел остальных: Сван сиял, и даже на вечно недовольном лице Хью проступило что-то похожее на радость.

А дверь тем временем распахнулась. За ней стояла толпа скриплеров, они покачивались на месте, едва не подпрыгивая.

– Мы такого никогда не видели! – взбудораженно проскрипел один. – Хорошая история, только грустная! А дерево победило и всех спасло! Заходите, заходите!

* * *

Деревья за стеной были другие: с темной, старой корой, без листьев, но все усыпанные бледно-розовыми цветами. За ними виднелся просторный, весь покрытый резьбой дом, и даже отсюда Генри заметил, что над его дверью нарисован тот самый бант из подсказки. Под бантом шла витая надпись: «Невозможно дарить слишком много».

– Дом всех вещей. С ума сойти, – пробормотал Джетт.

Остальные просто замерли, разинув рты.

– Редкие люди побывали здесь, но вы подарили нам то, чего мы так долго не видели: прекрасное развлечение!

Генри никак не мог понять: один и тот же скриплер говорит или все время разные – они перестраивались, менялись местами.

– Такие истории были способны создавать только люди с дарами, и теперь мы точно знаем: Барс не зря вас всех выбрал.

– Ну, строго говоря, он выбрал не нас, а его. – Джетт кивнул на Генри.

Но скриплеры дружно покачали головами.

– Не только его. Вы же не думаете, что Барс случайно позволил вам его увидеть. – Скриплер кивнул братьям. – Или случайно вывел Генри на дорогу, когда ты там проходил, – кивок в сторону Джетта. – Или привел вас на улицу, где была твоя лавка, Агата.

Она поклонилась, глядя на скриплера, и Генри впервые увидел на ее лице бледное подобие улыбки.

– И откуда вы все знаете? – беззлобно проворчал Хью.

– Мы – самые древние среди волшебных существ и знаем многое из того, что неведомо никому другому. И мы рады, что вы пришли, – продолжал скриплер, тот же самый или, возможно, уже другой. – Первые два испытания нужны были для того, чтобы проверить, на что ты способен, Генри, и ты показал себя достойно. Но сейчас нам требуется твоя помощь. И вот каким будет испытание: вы должны победить вьедливого пилильщика, который поселился у нас в доме.

Хью фыркнул:

– Да уж это проще некуда! Пилильщики – это же такие мелкие вредители, которые из пыли собираются и вещи портят. У нас дома папа их вечно гонял. Они же тупорылые, их и волшебными существами-то не считают.

– У людей не так уж много вещей, поэтому пилильщики мелкие. Но у нас... – Скриплер покачал ветками на голове. – До потери Сердца мы иногда звали сюда людей, и они помогали нам избавиться от пилильщиков, а заодно и гостили недолго. Но потом люди стали жадными, и в этот дом им хода больше нет. Последнего пилильщика убил Сивард.

– Он сюда приходил? – не поверил Генри.

– Конечно. Хороший был мальчик, жаль, что умер так рано. После него лет двести нам удавалось избавляться от пилильщиков, пока они были маленькие. Но этот таился по укромным углам и вырос. Мы даже подойти к нему не можем: он любит все деревянное, и несколько наших собратьев уже погибли, сражаясь с ним.

– Подождите. – Генри затряс головой. – Он что, собирается из пыли и становится живым? Что лед и огонь могут быть живыми, я понял. Но пыль...

Скриплер развел руками-ветками.

– Все живое у нас в королевстве – лед, пыль, огонь, поэтому надо ко всему относиться внимательно. Эта злобная тварь притягивает каждую пылинку с вещей, что мы приносим, сколько бы мы их ни мыли. А с тех пор как вернулся Барс, он вообще рассвирепел: чувствует, что скоро за ним придут.

– А следующая подсказка где-то в доме? – уточнил Генри.

– Нет. Подсказку дам я. Если поможете. Можете использовать как оружие любые вещи в доме. А вот свои лучше оставьте здесь, будут только мешать. – Он кивнул на корзины и мешки братьев.

– Э, нет, вы же их утащите!

– Вы уже там, куда мы, как вы выражаетесь, все тащим, – весело ответил скриплер. – Дальше некуда.

– А зачем вы вообще берете вещи? – полюбопытствовал Генри.

– Всякому знанию свое время. Поторопитесь сразиться, пока не село солнце, в темноте с ним вообще сладу нет.

И все скриплеры, разом развернувшись, повели их к дому. Генри посмотрел на пепельно-серое небо – до заката оставалось не так уж много времени.

Скриплеры, встав друг на друга, потянули ручку огромной двери.

– Мы ею не пользуемся, это только для людей, вот и присохла, – пыхтя, пояснил один.

Дверь наконец распахнулась, и скриплеры кувырком скатились с крыльца. Генри вошел первым, остальные нерешительно потянулись за ним.

– Осторожнее, он всегда чувствует, когда его приходят уничтожить, – раздалось им вслед. – Душит пылью, а потом может и на части распилить. Но для начала пытается руки откусить.

И после этих слов дверь захлопнулась. Генри услышал, как снаружи задвинули засов.

– Просто отлично, – пробормотал он, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте.

Спутники молча жались к нему, и Генри зашагал туда, откуда пробивался слабый, бледный свет.

Он толкнул дверь в соседнюю комнату – и все замерли. Перед ними был огромный зал со сводчатыми потолками, с маленькими лесенками, ведущими вверх и вниз. Окна были забраны тонким стеклом, через которое на пол лился мягкий, дымчатый свет неуклонно катящегося к вечеру весеннего дня.

Вдоль стен тянулись полки, заставленные вещами, но полок явно не хватало – вещи лежали и на широченных подоконниках, и на полу. Тут были сотни, тысячи предметов, которых Генри никогда не видел, и остальные, судя по лицам, – тоже.

Постепенно Генри понял, что вещи не просто валяются где попало. Они были рассортированы, но каким-то непонятным способом. Повсюду висели деревянные таблички с надписями: «Круглое», «Опасное», «Для посланников», «Для детей с севера 2–4».

– А это что? – спросил Сван, ткнув палку с пучком железных спиц, на которые была натянута шуршащая ткань.

«Зонтик», – написала Агата, глядя вокруг так, будто у нее что-то болело.

– Он для чего? – прошептал Сван и погладил ткань.

Агата не ответила. Она подошла к одной из полок и взяла с нее чашку из тонкого белого материала – такие же были в доме Тиса. Потом поставила ее на место и пошла вдоль полок, касаясь рукой лежащих там предметов: книг, искусственных цветов, глиняных фигурок, посуды. Дошла до полки, на которой громоздилась груда старой бумаги, и остановилась.

Когда Генри подошел, она перебирала листы с разноцветными рисунками. На них были невиданные животные и существа, нарисованные яркими красками. Над полкой была надпись: «Защитные рисунки».

– А почему защитные?

«Встретишь ночью существо – защитит его портрет, сделанный ребенком», – написала Агата на одной из своих табличек.

– Так вот почему ночной страж не стал нападать. Джетт сказал, что выцарапал его изображение на гармошке, когда был маленьким. Но это все... это же не дети рисовали? Не может быть. Слишком хорошо сделано.

Агата странно взглянула на один рисунок в пачке и повернула его к Генри. Он изображал женщину с рыбьим хвостом, а под ней круглыми буквами было написано: «Агата Джонсон, 7 лет». И прежде чем Генри успел хоть что-нибудь сказать, Агата пошла дальше.

Генри хотел было пойти за ней, но вдруг увидел в куче вещей на полу зверя из тряпок и вытащил его, взяв за лапу. Человек, кажется, пытался сшить медведя, но никогда не видел настоящего. Этот медведь не казался огромным, злобным и хитрым, какими они и бывают на самом деле. У него даже когтей не было, а четыре длинные лапы, набитые тряпками, безобидно торчали в стороны. Генри сжал его сильнее, что-то неуловимое прошло по краю его памяти, всколыхнулось и исчезло без следа. Осталось только смутное чувство, что он уже видел такого медведя раньше, но не мог вспомнить, где и когда.

Услышав звон, он вскинул голову и бросил медведя в кучу других тряпичных животных. Оказалось, это Сван случайно уронил с полки чашку. Генри подошел к нему. Сван трясся и тер глаза, глядя на осколки, и Генри, вспомнив жест Джетта, нерешительно похлопал его по плечу.

– Поверить не могу, что у предков было столько всего, – сказал Джетт, подходя к ним. – Как они не боялись разбить или испортить все эти шикарные штуки?

– Они всегда могли сделать новые, – негромко сказал Генри. До того как увидеть все эти вещи, он даже не понимал, зачем людям дары и почему все так отчаянно хотят их вернуть. – Сван, хватит плакать. Скоро кто-нибудь сможет кучу таких чашек вылепить.

– Я не понимаю, почему такая красивая вещица лежит на полке «Козы и коровы», – буркнул Хью.

В руке он держал ремешок, к которому был привязан шарик из тонкого железа. При каждом движении внутри шарика что-то дребезжало.

Генри еще раз с тоской оглядел полки: большие картины, разноцветная одежда, стеклянные флаконы, – а потом заметил в углу тень. Она скользнула по стене и исчезла.

– Он здесь, – напряженно проговорил Генри.

– Я бы на его месте тоже отсюда не вылезал, – рассеянно бросил Джетт.

– Так и знал, что кто-то это делал еще до меня, – тихо сказал Сван. Он уже забыл про чашку и листал книгу «Сиятельные строки осени». – Вы послушайте: «Амура пожелав воспеть, я стих расставил, словно сеть, а он вскричал: «О нет, клянусь, к поэту в сеть не попадусь!» Я не знаю, кто такой этот амур, зверь какой-то, наверное, но это же... прекрасно. А я бездарность, я... я только сейчас понял. Мы все бездарности.

Генри на секунду перестал высматривать в углах тень, а в кучах вещей – оружие и взглянул на Свана. У того на лице было такое серьезное, потрясенное выражение, что он впервые выглядел на свой возраст, а не на десять лет младше.

Агата погладила Свана по плечу, а Джетт проворчал:

– Я тоже бездарность. Меня, значит, не надо утешить? Но даже если Сердце вернется, боюсь, с моим везением мне достанется дар вроде умения лучше всех чистить сапо...

Серое существо прыгнуло с невероятной скоростью, повалив Джетта на пол. Агата схватила с полки горшок из толстого стекла и треснула пилыльщика по спине, тот зашелкал зубами с такой слепой яростью, что Генри едва успел дернуть Джетта себе за спину. В воздухе запахло пылью, а пилыльщик развернулся к нему.

Он оказался ростом почти с человека – несуразное, отталкивающее чудовище, слепленое из пыли, – без глаз, с круглым ртом, полным острых зубов, вместо передних лап пилы из намертво слежавшейся пыли.

Огненные и ледяные твари были похожи на настоящих зверей, но этот был просто сгустком бессмысленной злобы. Прежде чем он успел прыгнуть снова, Генри метнул в него нож. Любому зверю он задел бы шейную артерию, но сквозь этого нож просто пролетел и упал на пол. Существо молниеносно развернулось к ножу и начало грызть его зубами, пилить лапами. Железо не поддавалось, и пилильщик злобно бросился на Свана. Тот зажмурился, но пилильщик его не тронул; он схватил зубами книгу «Сиятельные строки осени» и мгновенно перемолол ее на куски. Сван вскрикнул и начал хватать с полок вещи и швырять в пилильщика с такой яростью, что тот заметался, пару раз стукнул зубами и скрылся.

Генри вытер лоб. Он много на кого охотился, но никогда еще не чувствовал такого отвращения.

– Удар вазой – это было неплохо, – слабым голосом сказал Джетт. – Я уж думал, ты меня вместе с этим симпатягой хочешь прихлопнуть.

Агата закатила глаза и бережно поставила вазу на место.

– Я за книжку его убью, – сообщил бледный, взмокший Сван. – Только у меня от страха живот болит.

– Бояться нам некогда, – твердо сказал Генри. – Надо подумать, что делать. Кидать в него вещи – не поможет. От оружия тоже проку нет. Как-то ведь таких, как он, победили и Сивард, и те, кто приходил до него.

– Если предки и знали способ, нам не рассказали. – Джетт начал трясущимися руками отряхиваться от пыли. – А может, у кого-то из них просто был дар уборки и борьбы со злобной пылью.

– Вот что. Надо устроить ловушку, – предложил Генри. – Ловушка – это когда ты даешь существу то, что оно хочет, но кладешь туда, где оно попадется и будет обездвижено. Это можно устроить. Но что с ним делать потом?

– Ну, у нас же есть оружие, которое может убить что угодно, – странным голосом сказал Джетт, подходя к Генри и глядя на его руки.

В последние дни Генри так старался не думать об этом, что сейчас самое простое решение ему даже в голову не пришло. Он сжал руки и почувствовал такое мучительное желание снять перчатки, что пересохло во рту. Ему вдруг захотелось сказать: «Нет, не стоит этого делать». Только он уже знал, что другого выхода нет.

– Мне придется снять перчатки заранее, чтобы действовать быстро. И я иногда... повреждаю то, что вокруг, – неловко сказал он.

– Ничего. Сколько бы ты ни сжег, эта тварь уже покровсала больше. Я, кстати, даже не видел ни разу, как ты это делаешь, – сказал Джетт таким тоном, будто дар Генри – обычное дело, хотя Генри отлично знал, что это не так.

Генри зажмурился – солнце вдруг проглянуло из-за туч, ударило в лицо красным закатным лучом. Надо было торопиться, начинало темнеть. Он принялся перебирать вещи на ближайших полках, стараясь ни на что не засматриваться, думать только о деле.

– Что делаешь? – поинтересовался Джетт.

– Нужны деревянные вещи. Скриплеры сказали, что он их любит, так что, думаю, их не хранят на виду.

– Да уж, это все равно что сервировать ему обед из трех блюд. Только зачем ты занимаешься этим сам? – усмехнулся Джетт. – А мы на что?

Генри дернул плечом. Мысль, что кто-то может что-то сделать за него, вдруг странно его успокоила.

Пока все искали деревянные предметы, Генри занялся ловушкой. Выбрал два самых громоздких предмета, какие попались: огромный, на вид золотой, стул и что-то вроде лампы на высокой ноге. Вместо перекладины он положил между ними палку с набалдашником в виде птичьей головы, тревожно оглядываясь на углы – то тут, то там раздавался угрожающий шорох.

Генри нашел длинную ярко-красную ленту – хуже, чем веревка, но сойдет, – закинул на перекладину, привязал к одному концу тяжеленный предмет с полки под названием «Утюги», а на втором конце сделал петлю и разложил на полу. На маскировку времени можно было не тратить – пилильщик слепой, как червь, целится только по звукам.

– Кладите все, что найдете, в центр петли, только сами не наступите, – сказал он, и остальные начали бросать туда деревянные миски, гребни, ложки.

Переломанных стульев в зале было полно, а вот до мелких вещей пилильщик, кажется, еще не добрался. Генри стянул перчатки и убрал в карман. Пошевелил пальцами – как же приятно...

– Держись от нас подальше, а то мне как-то не по себе, – натянуто проговорил Хью.

Сван, кажется, вообще едва понимал, что происходит, он без остановки шевелил губами, глядя в одну точку: повторял строчки из уничтоженной книги.

– Прячемся вон за той штукой. Я вас не трону, можете не бояться, – тихо сказал Генри, указывая на большой, громоздкий ящик из блестящего черного дерева; он стоял на трех ногах, а посередине шел ряд черных и белых полосок, похожих на зубы.

– Даже не хочу знать, что это, и, главное, как они протащили это между корней деревьев, – буркнул Хью и сел так, чтобы между ним и Генри оказался Сван.

Агата с любопытством покосилась на руки Генри, но на первый взгляд они были обычными, и она отвела взгляд. Свет, льющийся через окна, становился все бледнее.

Пилильщик вылез из угла и бесшумно заскользил в сторону ловушки, может, чувствовал, что в одном месте скопилось много деревянных вещей. Он подкрался, повел головой, но не услышал ни звука и начал пилить расписной кусок дерева, который Джетт принес с полки «Гладильные доски».

В следующую секунду петля затянулась, и на пилильщика упал утюг. Тяжеленный кусок железа пролетел сквозь него, и, судя по злобному свисту, пилильщику это не понравилось. Он замахал в воздухе пилами, видимо, решив раскрошить железку на куски, и это хотя бы ненадолго отвлекло его.

Генри вскочил на крышку трехногого ящика и спрыгнул пилильщику на спину. Тот завопил, размахивая пилами во все стороны, но Генри успел обеими руками прижать его к земле. Прорехи в пыли срастались, Генри никак не мог ухватиться за пины, он даже не думал, что они окажутся такими острыми. Солнце давно село, но пилильщику не нужно было зрение, теперь он сливался с наступающей темнотой, она словно придавала ему сил, и он махал пилами все отчаяннее и злее. Генри с трудом расслышал, что Джетт кричит: «Ложку! Дай ему ложку!» Первые пару секунд этот крик казался совершенно бессмысленным, а потом до Генри дошло.

Если сунуть ложку пилильщику в зубы, он отвлечется, пока будет жевать. Вот только Генри не мог этого сделать: если б он коснулся ложки, она бы тут же сгорела. И тогда он рванулся влево, увернувшись от пины, всем телом навалился на пилильщика со спины, и тот ткнулся мордой в груды деревянных вещей.

Генри сразу понял, что все рассчитал верно: пилильщик сжал зубы на обломке стула и начал жевать, будто не мог отказаться от вкусной деревяшки, которая попала ему прямо в рот. И тут Генри схватил его за основания пины, и они отвалились. Пилильщик, беспомощно ворочаясь, попытался спрятаться за груды деревяшек, но Генри бросился на него снова, прижал слепую, клацающую зубами голову к полу – и пилильщик дернулся, издал высокий, тонкий вопль и рассыпался в пепел. Генри отряхнул руки, надел перчатки и обернулся к остальным.

– Да! – завопил Джетт и затряс в воздухе кулаком.

Братья засмеялись и начали хлопать друг друга по плечам. Агата сидела с таким видом, словно не понимала – она страшно испугана или страшно обрадована.

Раздался оглушительный многоголосый скрип. Сначала Генри даже не понял, откуда он доносится, а потом сообразил: стены в этом доме из гладких, плотно сплетенных веток. Теперь

они раздвинулись, и в каждой щели торчало по скриплеру. Они смотрели на Генри и издавали невнятные, но очень довольные звуки. Ветки на их головах, до этого по-зимнему голые, сейчас были покрыты набухшими зелеными почками. Генри нетвердо поднялся на ноги, и скриплеры исчезли – щели в стенах тут же срослись, – а через секунду дверь в зал распахнулась.

– Это было мощно! – взбудораженно крикнул Джетт и потащил Генри к двери. Остальные потянулись следом. – Пошли отсюда. С меня старых вещей надолго хватит.

Миновав коридор между залом и входной дверью, они вышли на крыльцо – и в них тут же что-то полетело. Генри рванулся назад, но потом понял, что опасности нет, – скриплеры, столпившиеся во дворе, зачем-то бросали в них розовыми, сорванными с деревьев цветами.

Скриплеров было столько, что Генри не знал, куда шагнуть, чтобы на кого-нибудь не наступить, и остановился на крыльце.

– Благодарю вас, Генри и его друзья! – важно сказал один из скриплеров.

И Генри наконец решился задать вопрос:

– Вы все по очереди говорите или все время один и тот же?

– Говорил с вами только я. Но я понимаю: первое время нас трудно различить. – Скриплер протянул руку в сторону, другие засуетились, передавая ему что-то, и он надел на голову зубчатый ободок из желтой бумаги. – Думаю, так будет легче. Я Пал, король скриплеров.

– Остальные не умеют говорить, да? – нерешительно спросил Хью.

– Умеют, просто не любят. Но сейчас я попрошу их постараться. Итак, все вместе, друзья.

Пал качнул в воздухе руками, и все скриплеры неразборчивыми голосами протянули:

– Спасибо!

– После потери Сердца люди изменились, и мой народ отказался с ними общаться. – Пал качнул головой, и все скриплеры разбежались так проворно, что Генри даже понять не успел, куда они делись. – Но я верил в людей и рад, что не ошибся. Я понял, что предсказанное скоро сбудется, когда накануне ярмарки встретил Олдуса Прайда.

– Кудрявого посланника, который мечтает нас посадить? – уточнил Джетт. – Слушайте, а можно еще вопрос? Мне он прямо покоя не дает. Как Сивард победил пилильщика?

– Секрет. Но, думаю, однажды вы его узнаете. – Скрип Пала сделался тоньше, и Генри понял: он посмеивается. – И кстати, о секретах, Генри. У меня есть для тебя три подарка. Вот первый из них.

И с этими словами он протянул Генри маленький деревянный ящик. Он достал его так быстро, что Генри даже не понял откуда.

– Это шкатулка секретов. Перед смертью Сивард спрятал в нее кое-что для тебя. Она устроена так, что, кроме наследника Сиварда, никто не сможет ее открыть.

Генри взял шкатулку. Она была из какой-то невесомой древесины, такая маленькая, что легко помещалась в кармане. Генри потянул крышку вверх, но шкатулка не открылась.

– Ха! Так я и думал! – проворчал Хью. – Ну-ка, дай я попробую.

Он взял шкатулку и с торжествующей улыбкой попытался открыть.

Ничего.

Потом попробовали Джетт, Сван и Агата. Шкатулка по-прежнему была наглухо закрыта.

– Может, присохла? – растерянно спросил Хью.

Но Пал только покачал головой. Почки у него на ветках росли с каждой минутой, за время разговора половина уже превратилась в зеленые листья.

– Если она не открывается, значит, еще не время. Сохрани ее, Генри. Она тебя еще выручит. А теперь возьми второй подарок. Он и есть подсказка.

Пал достал – опять словно бы из ниоткуда – большой лист старой бумаги. Генри не сразу понял, что это, но четверо у него за спиной застонали от восторга.

– Карта! Настоящая старинная карта королевства, я такую один раз видел у посланников! – выдохнул Джетт.

И Генри наконец сообразил – на старом подробном рисунке тонкими черными линиями были изображены поля, горы, реки, написаны названия городов и деревень.

– Прикоснись к ней голой рукой, – велел Пал. – Не бойся: она не сгорит.

Генри стянул перчатку и нерешительно тронул край карты.

В ту же секунду на ней загорелись три огонька: первый рядом с изображением башни загадок, второй – посреди леса, обведенного снежинками, а третий – над тщательно прорисованным домом, напоминающим тот, на крыльце которого они сейчас стояли. Потом рядом с каждым из огоньков проступило по одному слову: «Храбрость», «Стойкость» и «Смекалка» – и Генри понял.

– Огни – это те испытания, которые мы уже прошли, – пробормотал он, разглядывая карту.

Больше всего поразило его то, что все три огонька теснились на небольшой части карты, в левом верхнем углу, а под ними тянулось огромное королевство – сотни незнакомых названий и мест.

– Именно так. А еще они указывают, какое из качеств в этих испытаниях проверялось, – сказал Пал. Судя по голосу, он был доволен тем, какое впечатление произвел его подарок. – А теперь посмотри ниже.

Четвертый огонек – совсем бледный и без подписи – горел к юго-востоку от Дома всех вещей, совсем недалеко, наверное, меньше дня пути. Рисунка там не было, огонек был просто окружен волнистой линией, будто находился посреди грозовой тучи.

– Первые три испытания нужно искать, к остальным можно просто идти по карте – вы и так уже доказали свою способность не заблудиться на пути к цели. Шестой огонек укажет место, где спрятано Сердце. Седьмое испытание будет в том же самом месте. А вот мой третий подарок. Генри, ты знаешь, что это?

В руке у Пала была фигурка из светлого дерева, похожая на башню. На верхушке у нее был зубчатый ободок, вроде того, что красовался сейчас на голове у Пала.

Генри хотел было покачать головой, но Агата сунула ему под нос табличку, на которой было написано одно слово: «Ферзь».

– Агата права, – кивнул Пал. – Ваши предки очень любили эту игру, она называется шахматы. Фигурки черного и белого цвета – непримиримые враги, и самая сильная из них – вот эта. Триста лет все верили, что однажды появится наследник Сиварда. – Пал ловко подбросил фигурку. – И наследник разрушителя, который станет правой рукой Освальда.

Пал вытащил вторую фигурку, такую же, но из черного дерева. А потом достал маленькую пилу, похожую на лапу пилильщика, разрезал фигурку вдоль, намазал половинку каждой чем-то прозрачным, слепил вместе и протянул Генри то, что получилось.

У нового ферзя одна половина была черная, другая – белая.

– Барс мудр, – сказал Пал. – Когда пришло время продолжить игру, Барс выбрал своим воином юношу с темным даром, так необходимым Освальду. Теперь этот герой сам может выбирать, за какую сторону играть.

Пал повертел ферзя в руках – фигурка теперь казалась то белой, то черной – и отдал Генри.

– Я ведь уже выбрал, – пробормотал Генри, убирая ферзя в карман.

Пал грустно улыбнулся и качнул головой: листья тихо зашумели.

– Никто не может просто взять и перестать быть тем, кто он есть. Но ты всегда можешь выбрать, что с этим делать.

Пару секунд было так тихо, что Генри казалось: он слышит, как растут и лопаются все новые и новые почки на голове у Пала. А потом скриплер улыбнулся и раскинул руки в стороны.

– Ну а теперь можно переходить к чаепитию! Пойдемте. Вы устали, проголодались, а кто напоит чаем лучше, чем скриплеры?

И с этими словами он заспешил куда-то в глубину сада.

Там, куда он их привел, между деревьями был натянут большой кусок полосатой ткани, а под ним стоял стол. Скриплеры ловко сновали между кружками и чайниками, разливая чай, выкладывая на тарелки еду и зачем-то складывая квадраты тонкой вышитой ткани в замысловатые фигуры.

– Жила когда-то одна девушка, и у нее был дар красиво складывать салфетки. Она нас и научила, – хвастливо сказал Пал. – Смотрите, вот эта в виде кролика. Похоже, да?

Генри кивнул, глядя на маленькие разноцветные огни, которые парили вокруг. Когда один пролетел совсем близко, Генри понял: это жуки, внутри которых горит ровный, яркий свет.

– Разноцветные светляки – умные насекомые, – весело проскрипел Пал. – Раньше они были повсюду, но после потери Сердца те, которые выжили, спрятались здесь. Люди их начали ловить для освещения домов, как будто разом забыли, что они ни за что не будут светить, если не хотят. Давно не видел, чтобы они загорались все разом: сегодня добрый день. А теперь прошу, садитесь.

Все завертели головами: ничего похожего на стулья тут не было. Скриплеры схватили их за одежду, потянули к деревьям, и Генри понял: все деревья здесь были раскидистые, с удобными развилками. Забравшись в одну из них, Генри хотел спросить, как же они будут есть, если стол остался в трех шагах от них, но тут ближайшая ветка потянулась к столу, взялась за чайник и аккуратно налила чаю. А потом вручила чашку ему. Спутники Генри тоже сидели с... полными чашками в руках, а ветки деловито брали со стола тарелки с едой и протягивали всем по очереди.

– Они наши родичи, – похлопав дерево по коре, сказал Пал. Генри даже не заметил, когда он успел сесть на ветку. – И тоже любят гостей. Возьми шоколадное печенье, а то она уже пять минут ждет.

Пал кивнул на ветку, которая держала у Генри под носом тарелку с круглыми темными хлебцами, и тот нерешительно взял один. Ветка тут же поставила тарелку обратно на стол.

– Слушай, Генри, – сказал Сван с набитым ртом. Он сидел в соседней развилке, и лицо у него было такое серьезное, будто он не печенье жевал, а решал сложную задачу. – Извини, что мы за тобой гонялись. Ну, в Хейверхилле. Папа сказал: «Если кто-то родился плохим, надо, чтобы он знал свое место, и...» Но ты вроде такой же, как мы, только в перчатках. – Сван повернулся к Джетту: – А ты прости, что я тебя побил. Тогда, на постоялом дворе.

Хью пробормотал что-то неразборчивое и сделал вид, что очень занят выбором печенья, которое протягивала ему ветка. Генри растерянно кивнул ему и Свану. Синее вечернее небо было высоким и спокойным, в саду благоухало весной – влажностью, древесными почками, освободившейся землей.

– Он меня не совсем побил, – объяснил Джетт, повернувшись к Агате. Та болтала ногами, одной рукой поглаживая дерево по коре. – Строго говоря, это была честная драка, и я почти выиграл.

Агата фыркнула и покачала головой, а Джетт в ответ что-то сказал, но что, Генри уже не слышал.

У него зазвенело в ушах с такой силой, что он едва не упал с дерева. Он знал это чувство. Опасность.

Генри на секунду зажмурился, а потом поднял голову, хотел что-то сказать Палу, но тот вдруг замер, ветки на нем встопорщились, и он кубарем скатился с дерева. В следующее мгновение скриплеры побросали чайники, чашки и салфетки и бросились врассыпную.

– Что это с ними? – пробормотал Хью.

– Бегите. – Генри вдруг понял, что голос у него сел, и крикнул громче: – Бегите!

Он спрыгнул с дерева, еще не понимая, в чем дело, просто чутье, которое столько лет не давало ему погибнуть, велело бежать и прятаться. Но он не успел.

Дверь в стене, огораживающей владения скриплеров, распахнулась, и внутрь толпой повалили люди в черных доспехах.

Генри заметался, пытаясь решить, как лучше поступить. Но он думал слишком долго – пятеро людей Освальда уже бросились на него, и он сразу понял: это не деревенские жители, а умелые воины из башни. Не прошло и трех секунд, как он лежал на земле лицом вниз, чье-то колено упиралось ему в спину, а еще четверо просто сели ему на ноги и на руки – не вырвешься.

Он неудобно повернул голову, пытаясь вдохнуть сквозь забитый землей нос, и увидел, что остальных так же бросили на землю, сбегать успели только скриплеры. Светляки погасли, сад теперь казался безжизненным и темным.

В ушах так звенело от паники, что Генри не сразу понял: кто-то тихонько дергает его за воротник. Он повернул голову в другую сторону: из-под корней дерева выглядывала голова Пала. Генри даже не думал, что кто-то может выглядеть таким несчастным.

– Это ведь не ты? – тихо спросил Пал. Генри непонимающе нахмурился, и Пал развернул перед ним лист бумаги. – Кто-то из вас сунул вот это под дверь в сад, уже когда был внутри, иначе бы не сработало. Что же нам теперь делать?

Генри прочел – и ему показалось, что сердце у него застыло, будто королева льда сжала его своей холодной рукой.

На листе было написано: «Приглашение для Освальда и его армии».

Глава 10

Крах

Звуки долетали до него, как сквозь толстое одеяло, – треск факелов, которые теперь заливали поляну ярким злым светом, чьи-то всхлипы и бормотание вдалеке. Генри лежал, не замечая тяжести навалившихся на него людей, и приподнял голову, только когда услышал тяжелые, слишком хорошо знакомые шаги.

Освальд был одет так же, как утром в деревне. Капюшон чуть колыбался от ночного ветра, железная маска отражала огни факелов. Он подошел к столу, уставленному чашками и тарелками, и вдруг одним движением снес их на землю, ударил носком сапога чашку, она отлетела и разбилась о ствол дерева. Никто из его людей даже не вздрогнул. Их становилось все больше, они заполнили весь сад и теперь бродили, не зная, чем себя занять.

– Всем стоять, – приказал Освальд.

Воины замерли – каждый в той позе, в какой был. Дышать вдруг стало легче, и Генри понял: встали и те, кто прижимал его к земле.

– Кроме тех, кто держит пленников, – торопливо исправил себя Освальд, и те сели обратно.

Генри за две секунды свободы даже не пошевелился, он был слишком поглощен мыслью: кто-то пустил Освальда в сад, кто-то из тех, с кем он пришел сюда, с кем убежал из деревни, устроил представление, победил пилыщика. Один из них – предатель.

Обитые железными пластинами сапоги, вдавливая в землю раскрошенные куски печенья, направились к нему. Освальд негромко приказал что-то, и Генри вздернули на колени. Пятеро воинов надавили ему на плечи и на ноги, чтобы не смог встать, хотя он даже не пытался.

Теперь лицо Освальда было прямо напротив него: капюшон, маска и черная прорезь для глаз. Какое-то время Освальд стоял на одном колене, разглядывая Генри, потом вытащил у него оба ножа – безошибочными движениями, словно точно знал, где они, – и бросил в темноту. Застыл ненадолго, будто ждал возражений, – Генри и сам не знал, почему так ясно понимает выражение этого неподвижного, железного лица, – а потом выгреб у Генри из карманов все, что там было: три монеты, карту, шкатулку секретов и черно-белую фигурку.

Деньги Освальд положил обратно в карман, фигурку и карту повертел в руках, фыркнул и отбросил, а вот на шкатулку смотрел долго.

– Ее я, пожалуй, возьму, – задумчиво сказал он и убрал шкатулку в холщовую сумку, висевшую у него под плащом.

Генри поразил его спокойный голос: почему-то он уверен был, что Освальд будет насмехаться над тем, как глупо он попался.

– Знаю, о чем ты думаешь, – все тем же мягким, полным терпения голосом сказал Освальд, в упор глядя на него. – Насмехаться можно над сильным врагом, которого поверг. А над вами неинтересно. Несколько неудачников решили, что будут спасителями королевства. Это не смешно, это просто глупо. Ты наивно поверил, что они твои друзья. Но один из них – или одна, не будем недооценивать женщин, – подставил тебя. Я умею давать людям то, что им нужно, в обмен на небольшие услуги. И кстати, об услугах – мне нужна от тебя одна.

Он выпрямился – железные пластины, идеально подогнанные друг к другу, даже не скрипнули, – и запустил руку в свою сумку.

Когда он вытащил ящик из темного дерева и открыл его, сердце у Генри противно заныло. Внутри лежали семь камней, углубление для восьмого пустовало.

– Я ведь сказал, что следил за тобой в тот день. Был даже разочарован, когда ты бросил такую вещь на дороге, – сказал Освальд, и голос его снова прозвучал так, будто он и вправду хотел научить Генри себя вести. – Такая драгоценность досталась мне слишком просто.

– Я все думал, зачем ты пришел на ярмарку. Почему не нашел меня, когда я был один, – глухо уронил Генри, и Освальд сразу повернулся к нему, внимательно прислушиваясь. – Ты хотел натравить на меня людей. Напугать. Проверить, правда ли твари придут защитить меня.

Освальд медленно кивнул, и по одному этому движению Генри понял: Освальд доволен тем, что до него дошло.

– Так и было. Но силу первого камня ты бездарно потратил: уничтожил своих защитников, чтобы они не тронули милых, славных людей. К счастью, права на управление камнями ты можешь передавать, это проверено на прошлом разрушителе. И я хочу, чтобы ты сломал еще один камень и передал мне права на его содержимое. Это очень просто. Надо сказать тварям: «Служите Освальду» – и все.

Он произнес это так буднично, будто думал, что Генри скажет: «Да, конечно, почему бы нет». Генри криво усмехнулся. Он все пытался разозлиться, ярость – это хорошо, она помогает бороться и искать выход, – но безнадежная усталость забивала голову, как туман.

– Ты, конечно, скажешь, что не будешь этого делать, – спокойно продолжал Освальд, доставая один камень. Ящик он захлопнул и убрал в сумку. – Так что перейду сразу к убеждению. Посадите их, но держите крепко. – Он кивнул тем, кто держал пленных, и те сделали, как велено.

Генри скользнул взглядом по грязным, покрытым землей лицам. Агата мычала и пыталась освободиться, Хью трясся, Сван втянул голову в плечи, Джетт смотрел на Освальда с тем же застывшим ужасом, что и в башне.

– Ну-ну, что вы такие перекошенные, – довольно сказал Освальд. – Такая хорошая компания: немая замарашка, нищий калека и два деревенских дурачка. На что такие, как вы, рассчитывали, ввязавшись в этот поход? Придется немного потерпеть. Сколько именно – зависит от вашего друга. – И он вытащил из сумки еще один ящик: небольшой, белый и с округлой крышкой. – Знаешь, ваши предки говорили, что боль – раскаленный огненный шар. Они не ради красивых слов так говорили. – Он погладил большим пальцем крышку ящика. – Это существо водится здесь с тех времен, когда королевство было совсем юным, а люди только пришли в наши земли. Когда кто-то чувствует боль, существо собирает и поглощает ее, а потом и само начинает причинять боль, то есть производить себе пищу. Оно обожало забираться в дома людей по ночам, но те, к сожалению, были еще с дарами, то есть умны и изобретательны, и быстро переловили большую часть этих шаров. Темным волшебникам удалось сохранить всего несколько, и один шар они любезно подарили мне.

Он открыл крышку, перевернул ящик – и на траву выкатился светящийся белый шар. Полежал на траве, а потом дернулся к Агате и вкатился на ее ногу между ботинком и подолом платья. Агата глухо вскрикнула, а шар засветился ярче. Она попыталась отодвинуться, задержала ногой – шар упал на траву и покатился дальше, к Хью.

– Не надо, пожалуйста, не надо, – заскулил Хью, его пятки проскребли по земле, но шар уже устроился у него на колене, и Хью завопил.

Освальд досадливо выдохнул:

– Вы же вроде считали себя героями, так терпите молча. Ненавижу скулеж. Ну что, Генри, вот мое условие. – Он протянул Генри серый камень. – Как только сломаешь его и передашь мне, я уберу шар. Шар питается болью и с каждой секундой становится сильнее. Минут через пять у кого-нибудь из твоих друзей – да, среди них есть и предатель, но остальные невинны, как овечки, – от боли остановится сердце.

Шар перекатился к Джетту, и тот закусил губу, глаза у него казались черными, как сажа, кожа влажно блестела. Генри видел, как дрожит его прикушенная губа, видел, что зубы впиваются в нее все сильнее.

Услышав крик Свана, Генри отвернулся. Шар беспокойно метался от одного к другому, прокатывался по ногам, будто никак не мог решить, на ком остановиться.

За деревьями темной глыбой высился дом. Сейчас он казался Генри пустым и заброшенным, и Освальд, проследив за его взглядом, негромко рассмеялся:

– Думаешь, скрипелеры придут вам на помощь? Волшебные существа всегда сами за себя. Они не покажутся, даже если вы будете их умолять. Ну же, решайся. Что такое один камень? Я ведь мог бы попросить тебя сломать все, и в конце концов ты бы согласился, мы оба это знаем. Но я разумный человек, одного мне пока хватит. Так что лучше не тяни, с твоей стороны это жестоко.

Хью истошно завопил, и Генри зажмурился.

– Хорошего вы нашли себе друга, правда? Он мог давно остановить меня. Разве родители не учили вас не связываться с теми, кто отличается от всех? Но я тебя понимаю. – Освальд подошел так близко, что Генри почувствовал, каким холодом веет от его железных доспехов. – Думаешь, того, кто пропустил меня сюда, я мучить не буду? Не надейся. Тот, кто это сделал, вытерпит любую боль, чтобы не раскрыть себя. Ты ведь не простишь, а они тебя боятся – жаль, что ты про это забыл.

Агата заплакала. Звук был жалкий, непохожий на нее.

– Хватит.

Генри едва шевельнул губами, но Освальд услышал и подошел к нему, держа на вытянутой руке камень.

– Вот, давно бы так. Посмотри на камень и скажи: «Служите королю Освальду».

– Ты не король.

– Я это исправлю.

И Генри вяло повторил то, что велели. Ему показалось, под серой поверхностью камня что-то полыхнуло – и сразу погасло.

– Теперь освободите ему одну руку. А, узнаю эти перчатки, – проговорил Освальд, стягивая одну с руки Генри. – Подарочек от Тиса? Знал бы ты, что творил тот, кто носил их, не взял бы. – И с этими словами Освальд вложил камень в ладонь Генри.

Камень сразу нагрелся и рассыпался в пепел, а пепел впитался в землю. И прежде чем Генри успел попросить его об этом, Освальд поймал огненно-белый, набухший шар. Шар как раз пытался взобраться Свану на грудь, тот скулил и трясся, давясь слезами. Когда Освальд убрал шар в круглый ящик и захлопнул крышку, Сван недоверчиво поднял глаза, и по его взгляду Генри понял: толстяк уже потерял надежду, решил, что это никогда не закончится и он умрет прямо здесь, на поляне.

Генри сжал зубы и отвернулся. Руку без перчатки он неловко держал на весу, чтобы ни к чему не прикоснуться.

В прошлый раз твари появились только через пару часов, и Генри смутно надеялся, что сейчас будет так же, а он пока успеет что-нибудь придумать. Но те сразу начали откапываться из-под земли, и Освальд покачал головой:

– Раз они пришли сразу, значит, ты не просто напуган, ты в ужасе. Какая похвальная сдержанность. Я даже не заметил. Терпеть не могу криков, слез и прочего шума. Моя армия в этом смысле – образец порядка.

Генри хмуро оглядел лица людей в черных доспехах. Они толпились вокруг, равнодушно глядя перед собой. С тех пор как они зашли сюда, у них не дернулся ни один мускул на лице.

Твари замерли: семь огненных животных, впереди – волк. И Генри каким-то смутным чутьем понял, что Освальд улыбается.

– Сожгите вон тот дом дотла, – сказал он.

Генри будто очнулся.

– Нет! Стоять! – выдавил он, впервые попытавшись дернуться. Но его крепко держали.

Твари развернулись и бросились к дому.

– Больше ты им не хозяин, – мягко сказал Освальд.

Отсюда Генри видел только крышу дома, и вокруг этой крыши вверх потянулся дым: черный, густой, заметный даже в ночном небе. Минуту спустя крыша уже горела, а потом провалилась под напором огня. Рокот и треск становились все громче, и дом рухнул с таким грохотом, что вздрогнула земля.

Генри показалось, что горло у него забито глиной, и он не может дышать.

– Пепел от старых домов приходится много раз просеивать, чтобы осталась чистая магия древних вещей, – спокойно объяснил Освальд, глядя на зарево. – Но это волшебный дом, набитый бесценной стариной. Можно будет сделать столько напитка, что хватит на все королевство. Обычный пожар сжигает не все, но в этих зверях – тот же огонь, что внутри тебя. Он уничтожает все на своем пути – металл, дерево, ткань, кость. Я мечтал сжечь Дом всех вещей триста лет. Спасибо, что помог.

Пока он говорил, шум стих, пламя потухло – оно проглотило дом меньше чем за пять минут. Твари вернулись – теперь они горели ярче – и склонили головы перед Освальдом.

– Ну, вот и все, больше мне ничего не нужно. Кроме одного. – Освальд подошел и, отгеснив своего человека, вдруг сдернул с Генри вторую перчатку, а потом отошел и повернулся к тварям: – Окружите этих людей. Попробуют ускользнуть – сожгите.

Твари расселись кольцом вокруг Генри и его стражников.

– Теперь вы, – обратился к ним Освальд. – Отпустите его и встаньте.

Генри поднялся и мельком взглянул на тех, кто окружал его: судя по бородам и полуистлевшей одежде, все они были из башни, а не из сожженных деревень. Одного Генри даже узнал – огромный детина с зеленой лентой в волосах. Потом снова раздался голос невидимого теперь Освальда – твари горели так ярко, что все за пределами круга терялось в темноте.

– А теперь убейте человека без доспехов.

И все пятеро повернулись к Генри.

До него только через секунду дошло, насколько все плохо. Он не мог сбежать: твари сидели вокруг плотным кольцом, круг был не шире пяти шагов. Все воины были вооружены, а у него не было даже ножа. Только голые руки.

Все пятеро разом бросились на него, и Генри ушел в сторону, рванулся к огненному волку и коснулся его. Пальцы обожгло болью, а волк щелкнул зубами рядом с его ухом, и Генри бросился назад. Значит, теперь огонь тварей действует и на него тоже. Он пытался сосредоточиться, дышать глубже, видеть ясно, но паника оглушала его. В голове было пусто, словно он разом забыл, как надо драться, и Генри неуклюже отбивался, перекачивался. Слишком много времени уходило на то, чтобы рассчитывать удары и бить только по тем местам, что защищены одеждой. Он уже чувствовал: против пятерых у него нет шансов.

Отец говорил ему, что все на свете существа похожи: люди, кролики, лисы. Все живут, чтобы выжить, нет цели выше, чем эта. И даже сейчас, когда в голове все было словно разодрано на клочки, инстинкт вел его, помогал вовремя уклоняться от ударов, спасти свою жизнь. Но долго так не могло продолжаться: двое схватили его за руки, третий ударил по ногам, чтобы он потерял равновесие, и человек с лентой занес дубинку. Он целился в голову, и Генри даже подумать не успел: выкрутил из захвата руки, едва не выбив себе суставы, нырнул под дубинку, бросился на здоровяка, толкнул в грудь и повалил на землю. Тот перекатился, подминая Генри под себя, и инстинкт сработал быстрее, чем мысли.

Его будто окатило огнем, огонь проник в каждую кость, каждую каплю крови с такой силой, что потемнело в глазах, а когда прояснилось, он понял, что с рычанием держит воина за шею, и его руки касаются голой кожи.

Воин дернулся всем телом, секунду на Генри смотрел ясный, испуганный взгляд, потом глаза закатились, пульс под руками бился все медленнее, и Генри заставил себя оторвать от человека руки, откатиться назад и вскочил, чтобы обезвредить остальных. Те даже расположение еще не сменили, значит, прошло не больше пары секунд. В голове было ясно и пусто, огонь

пел внутри его, повторял, что его теперь не остановить, – и Генри неторопливо коснулся голой шеи второго воина, просто чтобы проверить. Тот сразу осел на землю, и Генри прикоснулся к третьему, неспешно увернулся от ножа четвертого, ударил пятого ногой в живот и одновременно коснулся обоих.

Он выпрямился, глядя на пять тел у своих ног. Все они дышали – он видел, как вздымается у них грудь, как двигаются глаза под веками, – вот только лица были белые как снег. На шее у каждого краснел ожог. Генри оторвал от них взгляд, услышав мерные, позвякивающие хлопки – и понял, что огненные твари уже не окружают его. Перед ним стоял Освальд и неспешно бил ладонью о ладонь.

– Прекрасно, – тихо проговорил он. Твари покорно сидели за его спиной, сбившись вместе. – Я подумал было, что погорячился и пяти человек многовато, но теперь понимаю, что можно было выставить против тебя и десять.

Генри медленно перевел взгляд на остальных пленных: те смотрели на него так же, как люди на ярмарке, когда с него сорвали маску.

Как на зверя.

Но он не мог заставить себя подумать об этом как следует, его затапливало такое наслаждение, будто каждый клочок кожи пел, и внутри была бесконечность. Он не чувствовал себя лучше никогда в жизни.

– Думал, сможешь жить, просто забыв про свой дар? – негромко спросил Освальд. – Посмотрим, как это тебе удастся теперь. Ты вступил в силу. А вы, детки, в глубине души всегда знали, кто он такой. Он вам не друг. Он создан, чтобы уничтожать все на своем пути, так что будьте осторожны. Играть с волком – плохая идея. Впрочем, они тебе тоже не друзья, зря ты им доверял. Надеюсь, больше не повторишь такой ошибки.

По лицам всех четверых Генри видел: они думают, что Освальд сейчас убьет их, но Генри знал, что этого не будет.

– Ну, удачного вам похода, – подтверждая его догадки, сказал Освальд. – Не буду мешать. Думаю, мои люди уже закончили собирать пепел, так что мне пора. И Генри... – Освальд подошел к нему, и голос его стал почти ласковым: – Это не наказание, это подарок. Ты ведь хотел вернуть Сердце, чтобы у каждого был дар, верно? Так прими свой. И знай: другие отвернутся от тебя, но я всегда тебе рад. А теперь – все за мной! И заберите этих пятерых.

Он неспешно пошел к двери, ведущей из сада в лес. Люди в черных доспехах потянулись за ним, тех, кто лежал на земле, подняли и унесли. Огненные твари шли следом. Там, где они проходили, на земле оставался широкий пепельный след.

Первым поднялся Джетт. Он шатнулся, но устоял на ногах, хотя ноги эти – и больная, и здоровая, – заметно дрожали. Вслед за ним начали вставать остальные. Генри все ждал, что предатель выдаст себя хоть движением, но все выглядели одинаково испуганными и бледными, бродили по поляне, сами, кажется, не понимая зачем. Сван держался рядом с Хью, едва не путаясь у него под ногами, Хью еле слышно огрызался, Агата бесконечно терла ладони друг о друга, будто замерзла, Джетт пинал носком сапога осколки посуды с таким видом, словно это невероятно важное занятие.

Генри, двигаясь медленно, будто под водой, отыскивал свои перчатки и долго смотрел на них, так долго, что не заметил, когда перчатки упали обратно на землю. Он стоял, уставившись на собственные руки, – на вид такие же, как обычно, только под кожей теперь горел оглушительный, искрящийся, до дрожи приятный жар.

Тут перчатки снова оказались перед ним, и Генри увидел, что Агата стоит, сжимая их в руке. Он взял их, Агата тут же отошла, но в ту секунду, пока она стояла рядом, Генри с трудом подавил желание схватить ее за голое запястье и сжать. Вместо этого он, глядя прямо перед собой и пытаясь не думать про невыносимый зуд в руках, натянул перчатки. Краски вокруг казались какими-то размазанными, нечеткими, будто оплывали.

Он дышал глубоко и медленно и все ждал, когда придет спокойствие, но вместо него пришла удушающая ярость, она нахлынула из ниоткуда, окатила его и исчезла, а очнувшись, он понял, что стоит посреди усыпанной осколками поляны один. Догадаться, где остальные, было нетрудно, и он отправился за ними. Ноги мягко вдавливались во что-то воздушно-розовое, и, присмотревшись, Генри понял, что это лепестки. Все цветы с деревьев опали – теперь небо подпирали безжизненные, черные ветки.

Потом он наступил на что-то твердое. Под лепестками он не сразу разглядел: фигурка ферзя, слепленная из двух половинок, вдавилась в землю черной стороной вверх.

Генри хотел оставить ее там, где лежала, но почему-то не смог и спрятал в карман.

Там, где раньше стоял дом, теперь был только обгорелый пол из сплетенных ветвей, серый от остатков аккуратно собранного пепла. Скриплеры сидели вокруг так неподвижно, что если б Генри не знал, что они живые, принял бы их за пни. Они будто не замечали людей, стоящих рядом. Листья на головах пожухли, ветки обвисли.

– Кто это сделал? – негромко спросил Генри.

Воздух здесь был таким раскаленным, что он едва мог дышать. Все вздрогнули, будто не ждали, что он еще способен говорить. Когда Агата начала писать на табличке, Генри уже решил, что это признание. Но вот она подняла табличку, и он разочарованно прочел: «Надо идти дальше».

– Тебя не спросили, замарашка! – взъярился Хью. – Это же ты Освальду дверь открыла? Агата качнула головой и ткнула в сторону Хью.

– Я? – взвился тот. – Да ты не в себе! Зачем мне это надо?

«Ты завидовал ему», – кивнув на Генри, написала Агата.

– Чудищу? – Хью дробно, неуверенно рассмеялся. – Да ты хоть знаешь, кто я такой? Я сын старейшины Хейверхилла, с чего мне ему завидовать?

Агата не отводила от Хью тяжелого взгляда, но тот сдаваться не собирался:

– Тогда это ты, жулик. Чего еще от тебя ждать?

Джетт равнодушно пожал плечами:

– У меня в жизни не было лучшей недели. Думаешь, я бы стал после этого прислуживать железному уроду?

– Сван? – подозрительно спросил Хью.

Тот мелко замотал головой.

– Не хочется этого говорить, но я согласен с Хью. – Джетт устало повернулся к Агате. – Ты сказала, что оставляла предметы для скриплеров под стеной и никогда не бывала внутри. Тогда откуда ты знала, что у них над входом нарисован бант?

Агата рассерженно открыла рот и шевельнула губами, будто забыла, что не может говорить. Потом вспомнила, достала табличку и занесла над ней уголь с таким видом, будто хотела написать длинную речь, но потом быстро нацарапала с такой силой, что чуть не продавila табличку насквозь: «Это не я. Один из вас».

Все четверо посмотрели друг на друга так, словно им разом пришла в голову одна и та же мысль. Озвучил ее Хью.

– А что, если это ты сам сделал? – Он повернулся к Генри, храбро встретил его взгляд и тут же, не выдержав, отвел глаза. – Мало ли чего от тебя ждать можно...

– Слушайте, мы ничего не добьемся, если будем стоять и тыкать друг в друга пальцем, – перебил Джетт. – Пора найти карту и выбираться отсюда.

Агата снова подняла табличку: «Надо идти дальше», а потом достала из кармана платяа карту, – видимо, подобрала с земли. Когда Хью потянулся к ней, Агата проворно спрятала ее за спину.

– Отдай карту Генри, – ровным голосом сказал Джетт.

Хью рассмеялся:

– Ему? Ты что, не видел, что он сделал? Он только тронул их, и пять человек повалились как подкошенные. А до этого? Этот железный гад издевался над нами, а он сидел и смотрел.

– Он нам жизнь спас.

– Ага, конечно. Я думал, у меня голова от боли взорвется, я вот сейчас вспомнил – и взмок весь! В общем, так: если идем дальше, главным буду я. Дай карту.

Агата покачала головой, и Хью подошел ближе.

– Как бы ты ни строила из себя важную персону и ни глядела на меня как на жука, ты – всего лишь девчонка, а нас четверо, и главный – я. Быстро давай мне карту, или пожалеешь.

Ее взгляд полыхнул такой злостью, что Хью попятился, но тут Агата протянула ему карту.

– А теперь пошли. Эти гады затоптали все мои вещи, – напряженно пробормотал Хью и бросился собирать перевернутые корзины. – Такое одеяло загубили! Одни лохмотья остались.

Он запихнул остатки одеяла в корзину и, подхватив свое, местами обугленное имущество, двинулся к выходу. Сван бросился за ним, остальные тоже, а Генри все стоял, глядя на скриплеров.

– Пал, ты здесь? – негромко спросил он.

Все скриплеры тоскливо повернулись к нему, но никто не ответил. Они казались совершенно одинаковыми, зубчатого ободка ни на ком не было, и Генри, не оглядываясь, пошел к выходу.

* * *

Одно стало ясно сразу: картой Хью пользоваться не умел. Генри безжизненно подумал, что им надо на юго-восток, а они сейчас явно идут на север, и Агата наконец это поняла. Она вырвала у Хью карту и повела всех в другую сторону. Хью скривился, но не возразил – полчаса в темном лесу, кажется, отбили у него охоту спорить.

Впрочем, Агата тоже скоро потеряла направление: ночь была темная, месяц светил едва заметно. Генри шел сзади, шагах в десяти от остальных – его так старались избегать, что он решил упростить им задачу. Он вдруг подумал, что, оказывается, настоящее одиночество – это когда ты рядом с людьми, которые даже смотреть на тебя не хотят. Впрочем, мысль была вялой, она едва пробивалась сквозь жар. На смену восторгу от собственной силы пришла тяжелая, болезненная усталость. Руки горели, лоб пылал, язык словно распух и заполнил весь рот.

– Вы не туда идете, – глухо сказал Генри, когда ему надоело тащиться не в ту сторону, едва не валясь с ног.

Все подскочили так, будто забыли о его присутствии.

– Давайте утром разберемся, – притворно бодрым голосом сказал Джетт, когда молчание стало невыносимым. – А сейчас – привал. Костер будем разводить?

– С меня огня на сегодня хватило, – проворчал Хью и растянулся под деревом, укрывшись сразу двумя одеялами.

Генри сел шагах в пяти от остальных, плотнее вжался спиной в дерево, чувствуя, как изгибы толстой коры давят на кожу – маленькая, почти приятная отвлекающая боль. Он закрыл глаза, чтобы не видеть голые остоны деревьев, блеклый лунный свет, мелкие, острые звезды – ничего больше не видеть и не слышать, – а очнулся от того, что на лоб ему шлепнулось что-то мокрое и холодное. Генри скинул это с себя и открыл глаза.

Джетт подобрал с земли полотенце – теперь на него налипли комья земли и мелкие ветки, – отряхнул и протянул снова.

– Положи на лоб, помогает, – сказал он. – У тебя жар. Ты во сне дергаешься как ненормальный. – Он помолчал и зачем-то прибавил: – Мы ручей нашли.

Генри долго глядел на полотенце, потом взял и с силой вытер лицо, прижал к губам, высасывая воду, – нестерпимо хотелось пить, но просить он не хотел, а встать не мог. Потом бросил полотенце на землю и отвернулся, привалившись виском к стволу.

– Тебе ведь уже лучше, да? – спросил Джетт. Голос доносился издалека, будто ветер разметал его на сотни частей.

– Мне не будет лучше. – Собственные слова тоже звучали как-то неправильно, как будто их произносили чужие губы на его лице.

Он не слышал, как Джетт ушел, потому что снова уснул. А проснулся от голоса – уже другого, бодрого и взволнованного, и слышать его здесь было так странно, что Генри открыл глаза. Веки двигались тяжело, как чугунные.

– Как вас много! Я смотрю, ты обзавелся друзьями, Генри. Еле тебя нашел, птицы помогли, – сказал Тис. Его лицо Генри видел ясно: ночь уже почти кончилась, приближался рассвет. – У меня две новости, плохая и хорошая. С какой начать?

Он подождал ответа, но Генри не произнес ни слова; огонь словно давил ему на язык, твердил: «Тебе не надо больше разговаривать, слова для тех, кто слаб, для обычных людей, ты не такой, совсем не такой».

– Пожалуй, начну с хорошей, – продолжил Тис. – Отряд посланников не погиб.

Генри закрыл глаза. Огонь внутри сказал, что его это не интересует.

– ...Освальд отозвал своих людей, так что все пятьдесят посланников из отряда поиска живы и здоровы. Генри, я хоть когда-нибудь услышу от тебя «ура»? Ты же сам за них волновался! Ладно, раз ты так, перехожу к плохой новости. Я говорил с королем. Сначала он не поверил, что я волшебник, а когда я показал ему, на что способен, перепугался так, будто он король не волшебной страны, а какой-то другой. Я объяснил упрямцу, что все силы надо направить на борьбу с Освальдом, но эта бездарность вбила себе в голову, что Генри – худшая угроза, и теперь все пятьдесят посланников ищут его. Я выяснил, что есть и другие посланники – отряд наказаний, – и просил отправить их на борьбу с Освальдом, но король отказался отпустить их из столицы. Сказал, что ему спокойнее, когда они поблизости. Вот болван!

– Мне надоело тебя слушать, – выдавил Генри. – Уходи.

Слова неудобно перекатывались во рту, будто огонь, все так же мучительно ярко сияющий внутри, выталкивал их из него, будто у огня теперь было свое право голоса.

– Да что с тобой сегодня, дружок? – Тис подошел ближе.

Генри чувствовал его присутствие даже с закрытыми глазами.

Тис опустился на колени, взял его за плечи, встряхнул, и Генри едва сдержался, чтобы не оттолкнуть его. Огонь внутри говорил ему схватить старика за шею. В нем много сил, и огонь насытится, разгорится сильнее.

И тут руки Тиса разжались сами.

– Скажите мне, что он этого не делал, – глухим, незнакомым голосом произнес он.

Повисло тяжелое молчание. Потом Генри услышал голос Джетта:

– Вы ведь волшебник, вы же можете привести его в чувство, да?

– Нет. Если бы это было заклятие, я мог бы его снять. Но это – часть его природы. Внутри разрушителя, пока он растет, дар огня хранится, как в стеклянном сосуде, – обладатель дара чувствует только его отголоски. Но если он тронет человека, сосуд разобьется, и его нельзя собрать назад. Прости, Генри, я ничего не могу сделать. То же самое было с... с другим разрушителем. Я знал, знал, что выбор Барса несовершенен. Ты не можешь идти дальше. Я заберу тебя с собой, помещу в безопасное место, где ты не сможешь навредить себе и другим.

Генри почувствовал, как к нему приближается рука, – движение тепла в воздухе – и рванулся в сторону, распахивая глаза. Бледный предутренний свет ударил по ним так, что он едва не зажмурился. Ему хотелось сказать: «Один из них меня предал», и «Дом всех вещей разрушен», и «Я не знаю, что мне делать», и жалкое, детское «Помоги мне».

– Не подходи ко мне, старик, – глухо произнес он, чувствуя, как неловко двигаются губы.

Заботливое старое лицо Тиса казалось таким расстроенным, что на секунду Генри почти поверил: тот хочет помочь. Но огонь знал: его хотят заключить в клетку, и дело тут не в Генри, он – просто оболочка, он не имеет никакого значения, а вот огонь должен остаться на свободе.

Генри отодвинулся дальше.

– Впрочем, это не поможет, – рассеянно уронил Тис, во все глаза глядя на него. Остальные толпились у старика за спиной. – Он вступил в силу, и его теперь не удержат ни стены, ни цепи. То, что внутри его, жаждет стать сильнее, а силу ему может дать только прикосновение к людям.

– И что нам делать? – звенящим голосом спросил Джетт.

– Я не знаю. – Сейчас Тис казался усталым, сгорбленным старцем. – Все повторяется, я слишком стар для такого. Мне нечем вас утешить.

– Вы нам что, не поможете? – неверяще переспросил Джетт.

На лице Тиса проступила грустная, безнадежная улыбка.

– Сейчас не спасут ни кошки, ни конфеты. Простите, я переволновался. Мне надо немного отдохнуть.

В следующую секунду он исчез, и на поляне будто стало холоднее.

Генри медленно втянул воздух. Было уже почти утро, птицы пели, шелкали в блеклом небе – навязчивый, раздражающий звук. Генри повернулся к людям – те сгрудились плотно, как испуганная стая. Сван жался к плечу Хью, как несмышленный детеныш к матери. Агата смотрела на Генри тяжелым, строгим взглядом. Джетт привалился к дереву в какой-то сломанной, неуклюжей позе. Генри скользнул взглядом по лицам и равнодушно отметил: все бледные, с запавшими глазами. Они не спали. Не спали, потому что боялись его.

– Мы все обсудили и проголосовали, – негромко сказал Хью, глядя себе под ноги. – Сердце надо найти. Но без тебя. Ты опасен, а мы не можем вечно тебя сторожить. Ты бы на себя посмотрел – даже волшебник от тебя отказался. А мы должны держаться вместе.

Генри сглотнул. Он хотел сказать: «Это же из-за вас я сломал камень», но голос огня шептал ему, что это уже не важно, что они, все четверо, больше не имеют значения.

– Как хотите. Но вы не дойдете без меня, – сказал огонь его губами.

– Это с тобой мы не дойдем, – ответил Хью. – У нас есть карта. Пройдем испытание, а там будет новая подсказка.

– Мы долго спорили, – еле слышно прибавил Сван. – Хью прав.

Генри поднялся во весь рост, и все отпрянули, хотя он стоял в пяти шагах от них.

– Вы жалкие неудачники. Вы бы ни одного испытания не прошли без меня. Я пройду остальные сам. Карту можете оставить себе, я ее запомнил, – сказал огонь. – В следующий раз, когда встретимся, вы будете мне врагами, так что держитесь подальше. Это я – избранный. Такие, как вы, не побеждают.

Он развернулся и пошел вперед, отпихивая с дороги ветки. Усталости больше не было, тело казалось легким, будто налилось силой, и он шагал, даже не чувствуя собственного веса. Когда кто-то назвал его по имени, он не обернулся, как будто оно больше ему не принадлежало, но имя повторяли снова и снова, и он нехотя остановился.

Джетт стоял, упираясь в колени руками. Лоб у него был мокрый, кажется, он мчался за ним довольно долго.

– Я голосовал против. Но их трое, их больше. Пусть катятся куда хотят, я пойду с тобой. Только погоди, не лети так.

– А что, если это ты открыл Освальду дверь? – произнес Генри, и Джетт, нахмурившись, шагнул ближе.

– Я же просто хочу помочь. Один ты не справишься.

Генри приподнял брови.

– Я не справлюсь один? – спросил огонь. Ему было смешно. – Следи за языком, калека. И убирайся, откуда пришел.

Джетт безрадостно усмехнулся:

– Паршиво все кончается, да? Слушай, я кое-что украл у Освальда. Он, перед тем как уйти, так близко стоял, и я не удержался.

Он вытащил из кармана шкатулку секретов и бросил Генри. Тот проследил за тем, как она летит, не сделав ни одного движения.

– Не знаю, чем все кончится, но это – твое. Береги себя, приятель, – негромко сказал Джетт и побрел прочь, спотыкаясь о ветки.

На секунду Генри захотелось остановить его, но огонь сказал, что это бессмысленно: зачем тащить за собой того, из-за кого придется медленно идти. Напрасно потраченное время.

Генри поднял шкатулку. Она была невесомой, приятно холодной. Он положил ее в карман – и на секунду огонь словно отступил, но вернулся снова, стоило Генри разжать пальцы. Он пошел дальше не разбирая дороги, туда, где поднималось красное рассветное солнце. Дышалось легко, и он прекрасно себя чувствовал, но что-то смутно беспокоило его. Потом он понял, в чем дело: ткань неприятно давила на ладони.

Генри снял перчатки и положил в карман. Огонь сказал, что они больше не нужны.

Глава 11

Чувство бури

Это было прекрасное утро: солнечный свет, до боли резавший глаза на восходе, растворился в тяжелых, низких облаках, и все вокруг стало приятно-серым. Генри спокойно шагал вперед. Ноги будто сами знали, куда идти, и никогда еще он не чувствовал себя в такой безопасности. Больше нечего бояться, никто больше не причинит ему вреда. Он дойдет до четвертого испытания быстрее этих жалких слабаков – где им тягаться с ним. А когда Сердце будет найдено, можно будет подумать и о том, как наказать предателя, да и всех остальных тоже – как они посмели выгнать его? Генри снова и снова перекачивал в голове имена. Он умен, он разберется, кто из них оставил под дверью записку, надо просто подумать.

Хью? Жадный, грубый, он завидовал ему, его силе. Или Сван? Что, если он не такой уж наивный? А может, они вместе? Сначала невесть откуда оказались на постоялом дворе, потом у стен башни и в Ледяном лесу. Слишком умно для дурачков. Что, если Освальд помогал им?

Или Агата. Почему она так испугалась, когда они пришли к ней, а потом сразу взялась им помогать? Что, если она хотела попасть в Дом всех вещей, но не могла сделать это одна? Да он даже не знает точно, немая ли она! Вдруг это просто притворство, чтобы не отвечать на неудобные вопросы? И еще, Джетт был прав: откуда она могла знать про бант?

Джетт. Об этом думать не хотелось, но что, если он тоже не случайно оказался на постоялом дворе? Лживый, трусливый тип, мало ли чего от него ждать.

Мысли были безболезненные, спокойные, они приятно попадали в ритм шагов, но что-то Генри тревожило, и постепенно он понял: небо. Темно-серые тучи нависали все тяжелее, и мысль о дожде почему-то выводила его из себя.

Потом деревья расступились, и за ними оказалась незнакомая деревня. Генри нахмурился, странная мысль проступила в голове – с трудом, будто пробиваясь сквозь туман, – он не знал, с чего решил идти именно сюда. Он попытался вспомнить карту и вдруг понял, что не помнит ее вообще, она изгладилась из памяти, будто ее никогда там не было. Пару секунд это серьезно его беспокоило, но потом по телу прокатилось тепло, и голос огня мягко зашептал: «Я выведу тебя, я знаю, куда тебе нужно. Но перед походом хорошо бы немного подкрепиться, просто дай мне кое-что найти».

* * *

Когда Генри очнулся, он стоял, прижимаясь к ставням хлипкого дома, и через щель глядел внутрь. Он был на пустой улице в незнакомом месте; это напугало его, но тепло внутри, бесконечное, убаюкивающее тепло, говорило: все хорошо, в доме люди, окна и двери заперты, но тебе ведь не нужны двери. Генри почувствовал, что прижимает ладонь к стене, вокруг нее расплзался жар, прожигая в стене дыру, и в памяти вспыхнула Башня загадок – непрошеное, болезненное воспоминание. Генри отшатнулся, сжал кулак – кожа была влажная, ледяная, и этот холод разбудил в его памяти что-то еще. Королева льда, ее рука около его лица... Королева сказала: «Однажды этот огонь вырвется наружу. Освальд сделает все, чтобы погубить тебя». Слова эти прозвучали так ясно, будто она говорила ему в самое ухо. Как он вообще здесь оказался? Надо искать Сердце, надо идти к четвертому испытанию.

А небо давило на землю все сильнее, так тяжело, будто выталкивало своим весом воздух. Генри помотал головой и заставил себя отойти от окна, изо всех сил держась за мысль о карте. Он снова попытался вспомнить ее, но огонь злился, утягивал его в жаркое, душное забытие.

Когда Генри снова пришел в себя, он был в лесу, и на секунду его пронзила ужасная мысль: что, если он все же залез к людям и не помнит этого? Но огонь по-прежнему был недоумен, он твердил: «Дай мне то, что я хочу, почему ты не слушаешься?»

Неподалеку журчал ручей. Генри пошел к нему, опустился на колени и протянул к воде трясущиеся руки, но так и не донес. При одной мысли о воде его окатило непонятным страхом, и он отполз подальше, свернулся на земле. Горло свело судорогой, он не смог бы сглотнуть, даже если бы воду поднесли прямо к губам. Надо просто отдохнуть, и он все решит. На этот раз огонь был согласен, погладил его теплом: «Отдохни, ты молодец, я все устрою» – и Генри послушно закрыл глаза.

* * *

Он очнулся и понял, что в десяти шагах от него через лес пробираются люди: двое взрослых, увешанных мешками и корзинами, и детеныш лет четырех. Генри следовал за ними, бесшумно перебегая от дерева к дереву. Зачем люди повсюду таскают за собой вещи? Огонь снова надавил ему на веки, сказал: «Спи, я справлюсь».

В следующий раз Генри пришел в себя от пронзительного вопля. Он поднял голову и увидел: кричала женщина. Она прижимала к себе детеныша, а он сам, придавив к земле мужчину, пытался схватить его за шею, тот отбивался – он был крупный и сильный, – а Генри слишком странно себя чувствовал, чтобы драться как следует. Он дернулся назад, выпуская мужчину, отполз, уперся спиной в дерево и не сразу разобрал, что женщина говорит с ним:

– ...Хочешь, возьми наши вещи? Все вещи...

Генри бессмысленно уставился на нее. Зачем ему вещи? Он вцепился в землю обеими руками, но даже она не терпела его прикосновений, проходила сквозь пальцы, превращаясь в пепел.

– ...знаем, кто ты. Твой хозяин шел в нашу деревню, мы успели сбежать, а другие сами вышли сдаваться. Все напуганы. В ближайшем отсюда городе устроили штаб посланников. Они ищут тебя, так что не ходи туда, видишь, мы предупредили, мы хотим помочь, только не трогай нас, мы не скажем посланникам, что видели тебя, клянусь, мы не скажем.

Голос ее то приближался, то удалялся. Огонь услышал: посланники близко, они захотят посадить его в клетку. В город путь закрыт, надо будет обойти его как можно дальше. Женщина продолжала что-то говорить, мужчина молчал, остановившимся от ужаса взглядом уставившись на Генри. Ребенок напуганным не выглядел. Мать держала его за ворот, а он тянулся к лежавшей на земле шишке.

Генри встал, держась за дерево, и побрел прочь. Что-то внутри его хотело, чтобы люди набросились на него со спины, но те даже не двинулись, он чувствовал, как их тепло удаляется от него, остается позади. А тучи давили все тяжелее, набухали обещанием воды, от которой никуда не скрыться. Генри опустился на землю: ноги сводило, будто он решил зимой искупаться в горной реке. Ветер выл, трепал деревья, где-то птицы хлопали крыльями. Генри зажал уши, чтобы не слышать всего этого, ему хотелось убить птиц, уничтожить деревья, разодрать в клочки эту уродливую тучу на небе, чтобы было темно, тепло и тихо. Но вместо этого он скорчился на земле, вдавливая ногти в ладони. Нужно найти Сердце, немедленно, он должен идти, это все наверняка закончится, если он найдет Сердце. «Это не закончится, – сказал огонь. – Теперь я – это ты».

Генри сжал зубы и сел. Надо поесть, вот что. Просто нормально поесть, поймать зверя, развести костер. Оружия нет, но оно больше не нужно. «Ладно, – сказал огонь. – Если хочешь, поешь, вдруг станешь разумным, станешь сговорчивым. Успокойся, я не обману тебя – мы ведь не враги друг другу. Просто отдохни, я все сделаю».

Какое-то время спустя Генри сидел у костра, который не помнил, как развел, и жадно ел зажаренного зайца, которого не помнил, как поймал. А огонь повторял: «Видишь, я забочусь о тебе, я накормил тебя, теперь твоя очередь. Мне нужно туда, где люди». Генри покачал головой и начал затаптывать костер. Угрожающее, налитое водой небо словно навалилось ему на спину.

Генри сунул руки в карманы, чтобы согреться, и пальцы левой натолкнулись на что-то прохладное. Он отдернул руку, но шкатулка даже не нагрелась, и он осторожно вытащил ее, сжал сильнее – и в голове вдруг прояснилось окончательно, впервые за день. Генри ошалело огляделся. Вокруг были усыпанные мелкими почками деревья с серебристо-серой корой, и его вдруг охватила необъяснимая уверенность: он был здесь раньше.

Он нетвердо пошел вперед, сам не зная куда, что-то непонятное вело его – не огонь и не память. Деревья редели, и среди них Генри увидел нечто странное. Посреди поляны возвышалась глыба темного камня, а на ней стояла человеческая фигура, тоже каменная. Она была вырезана неумело, наспех: мужчина с грубыми чертами лица стоял, сжимая что-то в поднятой вверх руке. Потом Генри разглядел у его ног силуэт второго человека – сгорбленного, едва выступающего из камня. А внизу шла надпись: «Здесь была деревня, которую разрушитель уничтожил вместе с людьми – и с моей семьей».

На секунду Генри решил, что высокий каменный человек и есть разрушитель, но потом понял: нет, это Сивард, и в правой руке у него – Сердце. Разрушитель был безликой побежденной фигурой у его ног.

«Везде этот Сивард, – прошептал огонь. Генри все еще держал шкатулку, но она больше не заглушала голос огня. – Сиварду все так легко давалось. Если б он знал, каково тебе. Он даже понятия не имел. Высокомерный прекрасный герой, совершенство, все его любили. Разве трудно такому побеждать? Родись он таким, как его враг, – что бы он тогда запел? Легко быть хорошим. Легко быть любимым. Вот бы его на твое место».

Генри долго стоял, глядя на каменное лицо Сиварда, и наконец ему подумалось: «Что, если шкатулка откроется здесь?» Он попытался открыть ее, но она была все так же наглухо запечатана. Генри ударил ее о памятник, потом еще раз и еще, надеясь, что крышка отлетит, бил снова и снова, а потом отшвырнул и обхватил каменный кулак, сжимающий Сердце.

Он смотрел, как зола ползет по Сиварду. Она проглотила лицо, надпись, сгорбленную фигуру у подножия. Генри держал руку, пока каменные люди не осыпались ему под ноги кучей пепла. Раньше он всегда чувствовал облегчение, уничтожая хоть что-то – камень, кусок дерева. Но не теперь. Этого было мало. Нужно было немедленно отыскать людей.

– Тис, – с трудом разжимая челюсти, пробормотал он, – помоги мне. Мне надо поговорить. Помоги мне.

«Наверняка он тебя слышит, – услужливо подсказал огонь. – Просто никто не хочет помогать такому, как ты».

Генри пнул ближайшее дерево с такой силой, что оно вздрогнуло.

– Ты должен мне помочь! – заорал он. От ярости у него потемнело в глазах, и он ударил по дереву еще раз. Ногой, потом кулаком, бил его, пока оно не упало. – Ты меня втянул! Ты и твой Барс! Вы обязаны мне помочь!

«Никто не придет, – напевал огонь. – Ты никому не нужен такой, как теперь. Только мне».

* * *

Он проснулся, сел рывком – и понял сразу две вещи. Первое: наступила ночь. И второе: прямо перед ним – чье-то лицо.

Лицо было маленькое, а место – незнакомое. Генри дико огляделся и понял, что сидит под раскидистой елью на вершине холма, припав к земле и вытянув вперед руку, и эта рука замерла в воздухе напротив круглого детского лица. Под елью был потухший костер, рядом

спали мужчина и женщина – те самые, которых он едва не поймал в лесу. «Надо быть идиотами, чтобы после такого устроиться на ночлег, не оставив часового», – устало подумал Генри. И мысль была его собственная.

Огонь досадливо шипел: «Я был почти у цели, зачем ты очнулся именно сейчас?» Ребенок, приоткрыв рот от любопытства, смотрел на руку Генри, застывшую, как лапа совы, готовая схватить добычу. А потом вдруг рассмеялся, встал на четвереньки и точно так же протянул правую руку в сторону Генри. Теперь их пальцы почти соприкасались. Ребенок замер, вопросительно глядя на него, будто ждал, когда ему объяснят правила игры более подробно. Генри моргнул и резко отдернул руку. Ребенок сделал то же самое и опять засмеялся, и Генри тяжело опустил на землю, а ребенок в той же позе уселся напротив него, ожидая продолжения.

Генри чувствовал себя так, будто упал с утеса, переломал себе все кости, и теперь обломки этих костей пытаются прорвать кожу. Его трясло, он все пытался вдохнуть, но ничего не получалось, и он вдруг понял, что заплакал бы, если бы в теле осталось хоть немного воды. Ребенок, кажется, тоже так подумал. Он долго смотрел на него, уже без улыбки, а потом засунул руку в карман так глубоко, словно у него там был безразмерный мешок, в котором могло оказаться что угодно. Генри напрягся – вдруг у ребенка есть оружие, – но мальчик достал сложенный вчетверо платок в красную клетку и протянул ему. Генри бездумно взял, но, как только коснулся, по платку проползла огненная кромка, и секунду спустя он осыпался пеплом.

Генри был уверен, что ребенок сейчас закричит, но тот задумчиво поглядел на кучку пепла, порылся в другом кармане и достал второй платок – на этот раз в зеленую клетку.

Генри вытащил перчатки, надел, поморщившись от боли, – огонь будто пытался изнутри прогрызть ему ребра, – и взял платок. Ребенок, кажется, был даже разочарован тем, что его имущество не сгорело второй раз. Генри собирался уже вернуть платок. Он и сам не понимал, зачем взял его, но мальчик только помотал головой, глядя на платок так, что сразу становилось ясно: это далеко не самый любимый его предмет.

– Город? – тихо спросил Генри, указывая пальцем на огни далеко под холмом.

Мальчик кивнул.

Тут женщина пошевелилась, во сне зашарила рукой по земле, и Генри поднялся, отступая в лес. Ребенок помахал ему рукой, как будто ничего странного не произошло, вернулся к матери, забрался под ее руку и, кажется, немедленно уснул.

Генри, шатаясь, побрел в лес. Перчатки невыносимо давили на ладони, огонь визжал: «Сними!», и, чтобы отвлечься, Генри снова попытался вспомнить карту. И не смог. «Я ее забрал, – утомленно сказал огонь. – Накорми меня, тогда, может быть, верну». Генри зажмурился, пытаясь заставить себя сосредоточиться, – ничего. Память больше ему не подчинялась.

С неба упала холодная капля, коснулась его лба, и он вскрикнул, отдергиваясь. Вода – это мерзкий, холодный ужас. Генри заметался, пытаясь найти укрытие. Капли падали все чаще, огонь кричал: «Прячься, спасайся!» – и он забрался под вывороченные корни дерева, там было что-то похожее на заброшенную медвежью берлогу. Генри сжался, раскачиваясь из стороны в сторону. Ему казалось, что там, где его коснулась вода, до сих пор горит кожа.

А потом ему пришла мысль такой ясности, что он вскинул голову.

Если бы огонь полностью им управлял, он бы уже вытянул у кого-нибудь силы. Но они связаны: огонь зависит от Генри так же, как Генри теперь зависит от него. Огонь – враг, а чтобы победить врага, надо изучить его – так говорил отец. За день Генри дважды чувствовал, что огонь испуган: когда начался дождь и когда женщина упомянула посланников.

Он боится воды и клетки.

Генри не чувствовал ни рук, ни ног, судороги прокатывались по всему телу, моргать было трудно, дышать трудно, огонь вопил: «Ты – просто жалкая оболочка, не смей, я убью тебя, если сделаешь это!»

– Не убьешь, – выдавил Генри, едва шевеля онемевшими губами. – Ты – это я.

Он поднялся на ноги, как избитый старик с переломанными костями, и выбрался из берлоги.

Вода обрушилась сразу отовсюду, и это было невыносимо, но он все равно запрокинул лицо, ловя ртом воду и давясь ею – глотать он по-прежнему не мог.

Даже сейчас, в темноте и под проливным дождем, он не потерял умения находить дорогу в лесу. Постепенно он понял, что идет правильно, – земля клонилась вниз, он спускался с холма, тяжело переставляя ноги. Огонь тянул его назад, но все слабее с каждым шагом; он будто ушел в глубину, прячась от воды.

Спустившись с холма, Генри замер. Шкатулка. Он идиот – оставил ее на той поляне. Генри безнадежно сунул руку в карман, и пальцы привычно натолкнулись на прохладное дерево. Что-то ведь заставило его в беспамятстве подобрать ее. Это точно был не огонь, огню эта вещь ненавистна, а значит, его ведет и что-то еще, кроме огня.

К середине ночи Генри вошел в город – темный, будто съезжившийся под дождем, – и постарался не думать о том, что за этими закрытыми ставнями спят люди, полные сил, которые так легко, так приятно забрать.

Он нашел то, что искал, на третьей от окраины улице: лист бумаги, прилепленный к стене дома. Его собственное лицо было едва различимо, уголь размазался от воды. Генри с трудом прочел: «...идели, обраща... площа». Это было все, что он хотел знать: «Если кто-то видел этого человека, обращайтесь к посланникам на главной площади».

Генри выбрал окно, за которым горел свет, и нетвердо постучал. Пальцы немели, подрагивали, он с трудом мог их сжать. Из-за ставен выглянула старая женщина, и по ее разом помертвевшему взгляду Генри понял: узнала. Она видела его портреты, еще когда они были сухими и невредимыми.

– Как пройти на площадь? – хрипло, едва узнавая собственный голос, спросил Генри.

Ткнув пальцем куда-то влево, она торопливо захлопнула ставни, и Генри пошел туда, куда она велела. Постепенно дома становились выше, и, побродив по улицам, он наткнулся на большую площадь. Над входом одного из домов висел лист бумаги, такой огромный, что надпись на нем еще не размылась до конца: «Временный штаб посланников».

Руки больше не слушались. Генри постучал в дверь головой и привалился к стене, ожидая, когда ему откроют.

Наконец послышались шаркающие, неторопливые шаги, и на крыльцо вышел заспанный мужчина в зеленой куртке с двумя рядами золотых пуговиц. На ярмарке Олдус Прайд был одет так же – значит, это особая одежда посланников.

Мужчина задумчиво уставился на гостя, явно пытаясь вспомнить, где видел его лицо, и Генри вздохнул. Если все посланники настолько же сообразительны, неудивительно, что он еще на свободе.

– Или пустите меня, – внятно сказал он, – или я уничтожу дверь и зайду сам.

Эти слова, кажется, вернули посланнику память – глаза у него расширились, рот сложился в букву «О», и в следующую секунду дверь захлопнулась у Генри перед носом. Он утомленно постучал снова.

На этот раз ответа пришлось ждать долго. Когда дверь наконец распахнулась, из дома выскочила целая толпа людей в зеленых куртках, все вооруженные до зубов. Одни принялись торопливо натягивать тетиву луков, другие – окружать Генри, все это выглядело так заполошно и беспорядочно, что Генри успел бы сбежать раз десять, если бы захотел.

– Стоять! – запоздало крикнул один из посланников и ткнул в сторону Генри чем-то вроде копья. – Именем короля вы арестованы!

Пока в голове было относительно ясно, Генри решил дать полезный совет:

– Не тяните, долго я не продержусь. Для начала свяжите мне руки и лучше за спиной. Ноги тоже надо связать, а то вырвусь.

На лицах посланников проступило такое выражение, будто заяц посреди леса начал объяснять им, как лучше его приготовить.

– Вы до утра так будете стоять? – терпеливо спросил Генри.

И кто-то наконец бросился на него сзади. Генри не учел одного: тело у него всегда отвечало на угрозу, прежде чем он успевал подумать. Он скинул посланника со спины, сам не понимая, что делает, потом ударил кого-то в живот, огонь внутри разгорался сильнее, забивал голову, как тлеющая пакля, знакомый голос крикнул: «Руки, болваны! Свяжите руки, он же сказал!» И наконец кто-то стянул ему запястья железной веревкой. Огонь яростно взвыл, забыв о воде, по-прежнему льющейся с неба, и Генри, ногой сбивая с дороги очередного врага, подумал: жалкие неумехи, он с ними справится, даже если в этот дом набились все пятьдесят посланников королевства.

Когда Генри пришел в себя, он сидел в большом зале с обшарпанными лиловыми стенами, а вокруг стояла толпа: мужчины разного возраста, все в зеленых куртках. Было их как раз человек пятьдесят, и все, кроме одного, направляли в лицо Генри оружие – стрелы, копья, ножи. Впереди всех, сложив на груди руки, стоял Олдус Прайд. Волосы у него потемнели и выпрямились от воды, и без шапки светлых кудрей он казался старше раза в два.

Генри на пробу дернулся – и одобрительно подумал, что хоть привязывать-то они умеют. Железо сковывало и ноги, и руки, но посланники, к счастью, этим не ограничились и примотали его к стулу веревкой так тщательно, что со стороны он был, кажется, похож на гусеницу. Олдус казался подозрительно спокойным, у остальных выражение лиц было где-то между решимостью и ужасом, говорить явно никто не собирался, и Генри решил начать сам. Слова слетали с губ на удивление легко, он уже и забыл, как это приятно – быть хозяином собственному языку.

– Вам же велено меня задержать, так? А что там по плану дальше? Убить меня? Посадить в клетку? Так приступайте.

Посланники недоуменно переглянулись. Олдус коротко потер рот и сказал то, что Генри ожидал услышать меньше всего:

– Вы ведь не с Освальдом, верно?

По комнате пронесся неодобрительный шепот. Генри вскинул брови.

– Он должен вас на руках носить, – пожал плечами Олдус. – А вы сидите тут, привязанный к стулу. Когда мне доложили, что вы пришли, я думал, вы нас всех убьете. Но вы тут не для этого, верно?

Один из людей прокашлялся:

– Господин Прайд, может, пора выезжать? Лучше бы его в Цитадель поскорее, пока не выкинул что-нибудь.

– Оставьте нас наедине, – медленно произнес Олдус.

Посланники зарокотали:

– Вы его взгляд видели? Он же бросится! Нельзя без охраны! Лучше в Цитадели его допросим!

– Будьте добры выйти и не беспокоить меня, сколько бы ни продолжался этот разговор, – отрезал Олдус.

Люди нерешительно потянулись к выходу, дверь закрылась, но шагов в коридоре не прозвучало, и Олдус, кажется, тоже это заметил. Он подошел к двери и распахнул ее так резко, что посланники чуть не ввалились обратно в комнату.

– Идите спать, господа. Если мне понадобится помощь, я позову, – вежливым, подчеркнуто дружелюбным голосом сказал Олдус.

Когда все разошлись, он плотно прикрыл дверь, взял с дивана шерстяное одеяло и набросил его Генри на плечи. Генри недоуменно поморщился – и вдруг понял, что одеяло пришлось кстати: его трясло, мокрая одежда липла к телу, а от ткани шло приятное тепло: наконец-то сна-

ружи, а не изнутри. Олдус отошел к столу и задумчиво оглядел разложенные на нем предметы. Вытянув шею, Генри увидел монеты, платок в зеленую клетку, шкатулку секретов и черно-белую фигурку. Олдус поднял ферзя и обернулся к Генри:

– Это у вас от Пала, верно? И шкатулка тоже. Смогли открыть?

Генри покачал головой. Олдус смотрел на него явно не так, как положено смотреть на чудовище, и это беспокоило его больше, чем то, что он не может даже пальцем шевельнуть.

– Отвезите меня в эту вашу Цитадель. – Генри пожал было плечами, но почувствовал, что они тоже примотаны к спинке стула. – Только перчатки не снимайте. Когда довезете – тоже. И вообще, руки лучше не развязывать.

Олдус еле слышно вздохнул.

– Хотите воды, Генри? Вид у вас так себе.

– А я-то думал, с чего люди как-то странно на меня смотрят, – безучастно пробормотал Генри.

Олдус хмыкнул – все так же до странности дружелюбно, – налил из кувшина воды и поднес кружку к губам Генри. Тот мотнул головой, но кружка надавила сильнее, он попытался отпить – и тут же захрипел, отплевываясь. Олдус глотнул из той же кружки и пожал плечами.

– Никакого яда там нет, не бойтесь. Обычная вода. Попробуйте еще раз.

На этот раз Генри заставил себя проглотить – вкус был отвратительный. Но с каждым глотком становилось легче, он пил так жадно, что зубы стучали о край кружки, и как только вода закончилась, Олдус без всяких вопросов налил ему еще.

Когда кувшин опустел, Олдус в очередной раз подтвердил свое умение говорить то, чего не ждешь:

– Простите меня. Если бы в тот день я вел себя поумнее... Я все испортил. Упустил ларец с камнями да и вам помочь не смог.

Генри вытаращил глаза. Тот день слился в его памяти в безобразный ком, он даже не сразу вспомнил, что это ему надо бы извиниться за то, что прострелил Олдусу руку – тот по-прежнему держал ее неподвижно.

Олдус проследил за его взглядом:

– Скоро пройдет. Я сам виноват, что напугал вас. А теперь давайте-ка поговорим о вашем даре. Как именно он работает?

– Я не знаю, – растерянно пробормотал Генри. – Вещи просто сгорают. Слушайте, чего вам надо? Везите меня в Цитадель.

– А может, разные предметы сгорают по-разному? Вы не пробовали это изучить? Уверен, не все так просто. Ладно, Генри, я понял: вы сейчас не в том состоянии, чтобы ясно мыслить. Так что просто расскажите мне обо всем, что с вами было, а я подумаю, что могу сделать.

– Отвезти меня в Цитадель.

– Да что вы заладили! Первый раз в жизни вижу, чтобы кто-то так туда рвался. Послушайте, Генри, вы ведь пришли, потому что вам нужна помощь, верно?

– Вот и помогите. Быстрее поедem, быстрее приедем. – Голос у Генри едва не сорвался.

Он думал, все закончится, когда он дойдет сюда, а его зачем-то донимают вопросами. Лучше бы ударили по голове, и очнулся бы он только в этой Цитадели.

Генри думал, что Олдус наконец рассердится, начнет кричать, но тот молча сел, сцепил на колене пальцы и долго глядел на них.

– А как же Сердце? – наконец спросил он.

– Другие найдут, – огрызнулся Генри. – Меня надо немедленно отправить в...

Олдус приподнял ладонь, и Генри замолчал.

– Никто, кроме вас, его не найдет. А теперь возьмите себя в руки и рассказывайте. Иначе никакой Цитадели не будет.

Голос его стал таким жестким, что Генри послушался.

– С чего начинать? – нехотя пробормотал он.

– С самого начала.

– Это долго.

– Ночь длинная. Хотите еще воды? Или, может быть, чаю?

Генри качнул головой и, не отводя взгляда от бледного лица Олдуса, заговорил.

* * *

В комнате пахло отсыревшим деревом, влажной шерстью – домашний, странно успокаивающий запах. Олдус слушал так внимательно, как Генри еще никто никогда не слушал: кивал, улыбался, хмурился, и Генри говорил все быстрее, сбиваясь, захлебываясь, словно вдруг испугался, что не успеет. Когда он закончил, темнота за окном уже побледнела. Олдус растерянно, будто только сейчас понял, что уже утро, подошел к окну и замер, уставившись в одну точку. Рот у него сжался в резкую, некрасивую линию, и сердце у Генри упало. Олдус явно не знал, что сказать, и не двигался так долго, что Генри решил: он готов стоять так сколько угодно, только бы не поворачиваться к нему.

– Я все рассказал, как вы просили, – срывающимся, жалким голосом сказал он. – А теперь поехали в Цитадель, мне туда очень...

Олдус подошел к Генри, взялся за спинку стула и потащил к окну так решительно, будто собирался его выбросить. Но нет, он просто поставил стул у окна.

– Видите? – произнес он, едва разжимая зубы, словно боялся закричать.

Над горизонтом, за тесно сгрудившимися городскими домами поднимался густой черный дым.

– Окраина уже горит. – На этот раз голос Олдуса звучал почти спокойно: он взял себя в руки. – Скоро он будет здесь. Думаю, на этот раз станет обращать людей квартал за кварталом – город слишком большой.

– Значит, нам тем более пора ехать, – дрогнувшим голосом ответил Генри, глядя на черный дым.

Олдус наконец повернулся к нему. Лицо у него было такое, что Генри испугался.

– Никогда не думал, что такой, как вы, станет трусливо отсиживаться в Цитадели.

– Хотели сказать – такое чудовище, как я? – с вызовом спросил Генри. – Так и сказали бы, я и сам понимаю.

Олдус вдруг сделал что-то странное – провел затянутой в перчатку рукой по его голове, взъерошив волосы.

– Нет, Генри. Я имел в виду не это. – Он опустил руку и замолчал. – Мне доложили, что люди со страху выстраиваются в очередь, чтобы выпить с Освальдом. Он говорит, что иначе убьет их, хотя, как я понял, никого еще не убил. Он забирает даже детей и стариков. Понимаете? Все разучились бороться – им достаточно простой угрозы, чтобы сдаться. Но вы не такой. – Олдус перевел дыхание. – То, что он делает – хуже смерти, и я бы лучше умер, чем...

– Ничего нет хуже смерти.

Олдус коротко, невесело рассмеялся:

– Он же этого и добивался: чтобы вы отступили. Знаете почему? Вы единственный, кого он боится. Мы для него – никто. Кстати, все пятьдесят посланников здесь – так уж распорядился король, – и когда Освальд захватит город, королевство некому будет защищать. Думаю, оно покорится ему за пару недель.

Олдус махнул рукой, будто разговор разом потерял смысл, а потом опустился на колени и начал развязывать веревку, которой Генри был привязан к стулу.

– Не смейте! – Генри задергался, раскачивая стул, его окатило такой паникой, что перехватило дыхание. – Не смейте этого делать!

– Я бы все равно вас отпустил, даже если б это стоило мне работы. А уж теперь нам и вовсе терять нечего: он скоро будет здесь. Еще раз заикнетесь про Цитадель, я вас ударю, ясно? Надо торопиться, скоро кто-нибудь заметит дым и придет доложить.

Остатки веревок он разрезал ножом, как-то расстегнул железные браслеты на руках и ногах, и, как только они упали, огонь внутри шевельнулся, почуяв свободу.

– А если я еще хуже, чем он? – отчаянно начал Генри. – Если я не смогу удержаться и начну убивать?

– Значит, я в вас ошибался. Идите и найдите Сердце, Генри. – Олдус поднял на него взгляд. – Другой надежды у нас нет.

Генри открыл рот, чтобы ответить, но только тяжело сглотнул и повернулся к окну. Дым валил в небо все гуще. Теперь Освальду не надо тратить время и бросать факелы в каждый дом. Твари сожгут все дотла по одному его слову.

– Как Сивард победил разрушителя? – глухо спросил он.

– Никто не знает. Нигде нет описаний их битвы, но после смерти Сиварда новых пожаров не было, так что все решили, что он успел убить своего врага.

Генри с силой втянул воздух, пытаясь успокоиться, – и вдруг получилось.

– Если они узнают, что вы меня отпустили, перестанут вам подчиняться. Вы можете позвать на помощь? Потом я вас ударю, как будто сбежал. Вот только... Они же не поверят, что я сам освободился от веревок.

Олдус усмехнулся краем губ:

– Они вас так боятся, что, если б я сказал им, что вы взлетели, пробив потолок, они бы и то поверили. Заберите свои вещи, Генри. Нам с вами пора спасать королевство.

Генри встал, едва разгибая затекшие ноги, сгреб со стола свои вещи – и замер.

– Освальд сказал, вы убили моего отца.

Олдус хмыкнул:

– Когда мы окружали ваш дом, ваш отец кричал, что вы пытаетесь его убить, но потом крики оборвались, и к тому времени, как мы ворвались внутрь, там было пусто. Следы вашего отца вели в лес, но никто за ним не пошел – надо было искать вас. Отыщете его, когда все закончится. Можно мне тоже вопрос? Пал говорил, у вас в деревне хранилось два секрета. Один – это вы. А вот второй... Пал сказал, жители и сами не имеют о нем представления. Вы знаете второй секрет?

– Я даже не знаю, о чем вы.

– Ладно. Пора нам повторить выдумку вашего отца. – Олдус прерывисто вздохнул, набрал в легкие побольше воздуха и закричал так, что Генри едва не зажал уши: – О нет! Помогите! Он меня убьет!

Генри сжал кулак и двинул ему в челюсть – Олдус отлетел, а Генри распахнул окно, перепрыгнул через подоконник и бросился по улице. После дождя дышалось легко, воздух был прохладный и свежий, и огонь говорил ему: «Ну вот, мы снова вместе, только ты и я».

Глава 12

Олень и роза

Дым надвигался с севера, заволакивал небо, горьким привкусом оседал на губах. Люди выбегали из домов с охапками вещей, сталкивались, пытались что-то сказать друг другу и мчались дальше, обрывая себя на полуслове. В глазах у всех было одно и то же: мертвый, безнадежный страх, как у раненого зверя, который знает, что его добьют.

На Генри не обращали внимания – бегущий сломя голову человек никого сейчас не удивлял, – и он метался по бесконечному переплетению улиц и площадей: должен же этот город когда-нибудь кончиться. Но за каждым поворотом возникала новая улица, дома сжимались вокруг все плотнее, и наконец Генри споткнулся о булыжник, растянулся во весь рост да так и остался лежать. Он не мог встать, огонь вытягивал силы, будто пытался выгнать его из собственного тела, забрать это тело себе раз и навсегда.

Когда раздался голос, Генри даже не двинулся, продолжая тупо смотреть на истертые камни мостовой.

– Выйдите из домов, поднимите руки вверх и ждите своей очереди. Когда к вам подойдут, выпейте предложенный напиток и скажите: «Клянусь добровольно служить Освальду» – или умрете.

На этот раз в голосе Освальда не было фальшивой мягкости – он не уговаривал, он приказывал. Слова раскатились по улицам, многократно усиленные, наверное, тем самым волшебным рогом, но их почти заглушил грохот, и, вяло повернув голову, Генри увидел: все вокруг замерло и подняли руки, выронив все, что прижимали к себе. Генри закрыл глаза – чья-то нога стояла слишком близко, и все, чего ему хотелось, – сорвать перчатку и вцепиться в эту ногу. Если Олдус думал, что с этим можно бороться, он просто глупец.

Но ведь он говорил еще что-то, полезное, что-то такое, о чем Генри собирался подумать позже. Он зажмурился, вспоминая, и на этот раз память не подвела. «Вы не пробовали изучить свой дар? Может, вы разные предметы уничтожаете по-разному?» Думать об этом, бесильно лежа на мостовой, было не самой удачной идеей, но Генри ухватился за нее, заморгал быстрее, отгоняя пляшущие перед глазами сполохи. Земля вокруг была усыпана мусором и оброненными кем-то вещами, и он приподнялся на локтях. Плохой план лучше никакого, да и что ему терять?

Генри снял одну перчатку и бережно, сдерживаясь, накрыл рукой камень. Тот привычно рассыпался в пепел, и Генри прополз пару шагов вперед и прикоснулся к лежавшему на мостовой цветку. Ничего нового: цветок мгновенно обуглился. Генри двинулся дальше, накрывая ладонью все, что попадалось на пути. Кусок смятой бумаги. Еще один камень. Огрызок груши. Сухой лист. Лоскут ткани. От любой вещи после встречи с его рукой оставалось одно: горстка пепла, но Генри упрямо продолжал искать, огибая ноги застывших на месте людей. А им, наверное, казалось, что ползти по земле в такое утро – вполне нормально.

Потом ползти стало некуда: перед ним было каменное заграждение высотой по колено. Генри забрался на него, морщась от слабости, и посмотрел вверх. Эта низкая стена огораживала что-то странное: дерево из светлого камня, усыпанное каменными же цветами, каждый – с отверстием посередине. Сооружение отличалось такой тонкой работой, а камень был такой блеклый и растрескавшийся, что сразу становилось ясно: дерево создано еще до потери Сердца. В тесном, приземистом и явно небогатом городе это была первая красивая вещь, какая попала на глаза.

Он огляделся и понял: дерево стояло посреди небольшой площади, и сейчас по ближайшей улице сюда двигались люди в черных доспехах. Они подходили к каждому застывшему посреди улицы человеку, тот бормотал что-то, ему предлагали выпить из фляжки и выдавали

кожаные доспехи – их вез на тележке один из воинов Освальда. Генри вяло подумал, что теперь уже обходятся без кубков, речей и монет: все и так сразу сдаются, все и так слышали, что случилось в других деревнях. Теперь горел уже не один квартал – столбы дыма тянулись с разных сторон, сталкивались в воздухе. До Генри никому на площади дела не было, он опять повернулся к дереву – и заметил крупную надпись, выбитую на ограждении. Было в ней что-то смутно знакомое.

«Фонтан «Древо жизни». Поставлен мастером Дж. Р. под окнами своей любимой М. А.».

И Генри вспомнил: он уже видел такие буквы странной формы, с наклоном влево, на памятнике Сиварду, совсем недалеко от этого города. А значит, два изваяния наверняка сделал один и тот же человек. Генри заставил себя сосредоточиться на этой бесполезной новости, она помогала отвлечься от того, что солдаты все ближе, а бежать нет сил. Наверное, тот человек родился с даром вырезать вещи из камня. Вот только фонтан, что бы это слово ни значило, был прекрасным, а памятник в лесу – грубым, почти отталкивающим.

Генри бездумно вытянул голую руку, коснулся каменного цветка – и на этот раз что-то пошло по-другому.

Цветок побледнел, будто утратил краски, а через секунду привычно рассыпался, но в эту секунду Генри успел почувствовать что-то странное: будто цветок щекотал ему пальцы. Генри взбудораженно тронул другой цветок – то же самое. Но если памятник и фонтан сделаны одним человеком, почему он ничего не почувствовал, уничтожая памятник?

Рядом раздался чей-то прерывистый вздох, и Генри обернулся. Женщина, стоявшая неподалеку, смотрела на него перепуганным, остановившимся взглядом, и, не успев даже подумать, что делает, Генри дернулся в ее сторону и схватил рукой без перчатки за голое запястье.

Женщина побледнела и осела на землю, а он торопливо отдернул руку. Но силы уже вернулись, будто он разом проснулся, и, сжав зубы, Генри перепрыгнул через обод фонтана и понесся по свободной от людей Освальда улице, на ходу натягивая перчатку. Надо было проверить одну идею, но дома вокруг были приземистые и уродливые, явно новые, такие не подойдут. И Генри бросился туда, откуда гарью тянуло сильнее, – там ему никто не мешает.

Из этого квартала людей уже увели, мостовые были усыпаны вещами, но среди них ничего подходящего не попалось, и Генри охватило бессильное, угрюмое бешенство от того, что Освальд сжигает этот город, где даже нет старинных домов, – сжигает просто потому, что ему это нравится.

На одной из улиц он резко остановился – огонь приказал ему, потянул вправо, и по его нарастающему голоду Генри понял: где-то там – человек. Эта мысль уже не так пугала – прикосновение к женщине на площади вернуло ему силы, и ему так нестерпимо хотелось еще, что ноги сами понесли его в переулок, заставили шагнуть в тесный угол, за кучу гниющих овощных очистков.

Там сидел ребенок и бесшумно кривился от плача, рукавом размазывая слезы по лицу. Наверное, он забился сюда, и его не заметили, когда уводили людей. Огонь ликующе взвился – в ребенке сил меньше, чем во взрослом, но сойдет и он. Генри сонно приблизился, рука уже тянулась вперед, ребенок поднял голову – и Генри остановился.

Это был тот самый мальчик, который дал ему платок в зеленую клетку. Его родители ведь сказали: они идут в город, потому что там безопасно. Их, наверное, забрали, а ребенок успел спрятаться. Огонь твердил: «Квартал уже пуст, дома скоро сожгут, ребенок все равно не жилец, просто прикоснись».

Генри стиснул зубы, одеревеневшей рукой вытащил из кармана платок и протянул мальчику. Тот громко высморкался, двумя руками прижав платок к лицу. Генри взял его за край рукава, аккуратно, чтобы не касаться кожи, и потащил на улицу.

– Нельзя прятаться. Надо бежать, – произнес он, едва слыша сам себя, и торопливо сцепил руки за спиной. – Выберись из города. Ясно?

Ребенок кивнул и потянул его за куртку. Генри качнул головой, глубже вдавливая ногти в ладонь:

– Нет, я не могу пойти с тобой. Я здесь не закончил.

На лице мальчика проступил такой животный ужас, что на секунду Генри испугался, что прикоснулся к нему, сам не заметив. Но мальчик смотрел куда-то ему за спину, и Генри обернулся.

Выход из переуллка загорался огненным волк. Генри прищурился и показал в другую сторону:

– Беги туда. Беги, как ветер.

Мальчик без звука развернулся и помчался туда, где выход еще не был перекрыт, а Генри перевел дыхание, расцепил руки и пошел к волку. Сейчас ему было смешно, что еще вчера эти твари его так пугали: за последние сутки он много нового узнал о страхе. Генри остановился в шаге от волка, тот припал к земле, готовясь к прыжку, и Генри навис над ним, глядя прямо в глаза.

– Уйди с дороги, – тихо, внятно произнес он.

Секунду Генри думал, что это не подействовало, а потом волк попятился, будто почуяв более сильного зверя, поджал хвост и огненным сполохом влетел в ближайший дом. В стене осталась обугленная дыра.

Генри выпрямился и улыбнулся торжествующей, злой улыбкой. Она растягивала губы против воли, неправильная, чужая, ему захотелось ударить самого себя по лицу, чтобы стереть ее, но вместо этого он бросился по улице в противоположную от волка сторону.

Он влетел в самый богатый на вид дом, промчался по комнатам, вертя головой, – все простое, неловкое, уродливое. Генри застонал от разочарования. А потом в одной из комнат нашел то, что искал.

На полке стоял предмет невероятной красоты, явно старый, вроде тех, что были в Доме всех вещей: круг с двумя железными палочками, и на круге мелкими блестящими камнями выложены цифры от одного до двенадцати. Зачем эта штука нужна, Генри понятия не имел, да это было и не важно. Он облизнул пересохшие губы, осторожно прижал пальцы к предмету – и тихо засмеялся. Олдус был прав: он не просто сжигает все подряд. Предмет побледнел, будто рука Генри вытянула из него краски, а уже потом сгорел, оставив на пальцах приятное щекочущее чувство.

В предметах, сделанных людьми с даром, всегда есть волшебство – так сказал Тис.

Памятник Сиварду тот мастер сделал, уже потеряв дар, – волшебства в нем не было ни капли.

Прикасаясь к вещам, сделанным до потери Сердца, Генри сначала забирает их волшебство, а уже потом уничтожает. И значит, он может...

Додумать до конца Генри не успел: крыша провалилась, и обугленные доски посыпались вниз. Он успел метнуться к двери, вылетел на улицу и понял: слишком поздно. Огненные звери носились по крышам ближайших домов, огонь был повсюду. Генри наугад бросился в один из переулков, но там было уже не пройти. Помчался в другой – то же самое.

Испугаться по-настоящему Генри не успел: решение вспыхнуло в голове, как свет.

– Огонь в этих тварях – такой же, как во мне. Я смогу его обойти, – пробормотал он, обращаясь к теплу, распиравшему грудь. – Выведешь меня из города – обсудим то, что ты хочешь.

И он закрыл глаза.

* * *

Когда Генри пришел в себя, он сидел на высоком, покрытом редкими деревьями холме, – целый и невредимый, только одежда кое-где обуглилась. У подножия холма полыхал город, а вокруг этого озера пламени шевелилось что-то, сверху похожее на колонию муравьев. Люди в черных доспехах шли на юг, заполняли долину. Их было так много, что у Генри внутри все сжалось.

– Я кое-что понял, – тускло проговорил он, сгорбившись и уронив руки между колен. – Тот звон в ушах, который я всю жизнь чувствовал за пару секунд до того, как появится опасность. Это был ты. Ты спасал меня.

Огонь мягко заворочался в груди. Он не спорил, да Генри и так знал, что прав.

– Мы не враги. Ты такая же часть меня, как руки или ноги. И никто мне не поможет, кроме тебя. Но то, что сегодня было с этой женщиной... Я так не хочу. Я не смогу закончить поход, шарахаясь от каждого человека. – Генри с силой прикусил губу, не отводя взгляда от полыхающего города, чтобы не передумать. – Давай заключим сделку. Если ты дашь мне вспомнить карту, если не будешь мешать мне, пока поход не закончится... Когда я верну Сердце, сделаю все, что ты хочешь. Все что угодно.

Огонь приятно окатил его теплом: он был согласен, и в голове вдруг стало свободно и спокойно впервые за два дня. Генри попытался вспомнить карту – она возникла в памяти ясно, подробно, будто он только что смотрел на нее. Отсюда ему нужно строго на юг. Войска Освальда шли туда же, перекрывая ему путь, но если он поторопится, то сможет обойти их по дуге через холмы. Генри выпрямился во весь рост и начал спускаться в прогалину между холмами, стараясь не думать о том, что он только что сделал. Если он и вправду достанет Сердце, свою часть сделки исполнять не придется. Огонь и так исчезнет, а у него появится хороший дар, как у всех.

А пока что надо просто довести дело до конца.

Сквозь редкие прорехи в тучах виднелось блекло-голубое небо, воздух будто оживал после зимы, хотелось просто стоять и дышать, но Генри не останавливался ни на минуту, мчался с холма на холм, четко держа направление на юг. Постепенно влажная от стаявшего снега почва сменилась каменистой, твердой землей. Холмы превращались в ущелья, лес редел, потом вокруг и вовсе перестали попадаться деревья – только колючий, рвущий одежду кустарник с красными ягодами. Увидев впереди дым, Генри подумал было, что войска Освальда как-то опередили его, но тут же сообразил: дым светлый, обычный, от каминов и очагов.

Впереди, в просторной, защищенной от ветров расселине, была деревня.

Генри взобрался на скалистый выступ и поглядел вниз: войска уже вошли в предгорья и направлялись прямо сюда. Как Генри ни мчался, сильно оторваться не удалось. Но теперь они хотя бы были позади него, а не впереди, да и деревня ненадолго их задержит – наверняка они не упустят возможность пополнить ряды.

Он помнил эту деревню по карте, там даже было название – Броуди. Отсюда уже совсем недалеко до места, где горел огонек четвертого испытания, и быстрее всего он туда доберется, если пройдет деревню насквозь, вместо того чтобы обходить по скалам. Генри легко сбежал вниз и быстрым шагом вошел в деревню. Наверняка жители уже сбежали: трудно было не почувствовать запах дыма, который нес ветер с севера, от сожженного города. На улицах и правда было пустынно, никто не носился, теряя вещи, но откуда-то несли смутный гул множества голосов, и Генри, стараясь не думать о том, как мало у него времени, помчался туда.

К счастью, в такой маленькой деревушке дорогу найти было легко. Люди предсказуемо оказались на площади – они теснились там, гудя, как пчелиный рой, а посередине, забравшись

на что-то вроде широкого деревянного ящика, стоял человек с густыми бровями и красным шарфом на шее.

– ...И как только они войдут, сразу поднимайте руки, ясно? – бодро говорил он, потряхивая в воздухе кулаком. – Уверен, нас потом отпустят. Это все какое-то недоразумение, и оно быстро разрешится. А пока что я как старейшина велю всем не прятаться и жизнью не рисковать. Ничего страшного не происходит, уверяю вас. Ведь если бы происходило, король, наверное, прислал бы кого-нибудь спасти нас! А раз не присылает, значит, все в порядке, и это просто...

Тут Генри не выдержал. Речь человека привела его в такую ярость, что в глазах потемнело, и это была не ярость огня – его собственная. Растолкав всех на своем пути, он вскочил на ящик и угрожающе ткнул пальцем в сторону человека с густыми бровями.

– Слезай отсюда, теперь я скажу.

– Молодой человек! – возмутился тот. – Вы кто, собственно, такой? И как вы смеее подниматься на сцену без разрешения старей...

Препираться с ним было некогда, и Генри просто спихнул его на землю. Человек завопил, но его тут же подхватили и поставили на ноги.

Портретов Генри в этой деревне не было, – значит, тут не знают, кто он.

Ну, сейчас узнают.

– Эй, жители Броуди! Вы про меня наверняка слышали. Я – разрушитель, тот самый, ужасный и... и безжалостный, – самым жутким голосом, на какой был способен, проговорил Генри. – Не верите? Глядите сюда.

Он сорвал перчатку, спрыгнул с деревянного сооружения, которое бровастый назвал сценой, и прижал руку к настилу.

Кажется, от злости огонь горел сильнее – чернота расползлась с такой скоростью, что от деревяшки тут же ничего не осталось. По площади прокатился предсказуемый вопль.

– Я вижу, вы тут собрались сдать Осуальду. Но я куда страшнее его, так что слушайте мой приказ, – хриплым, подвывающим голосом сказал Генри. Надо было нагнать на них страху. – Всем бежать из деревни на запад. У вас там глубокие ущелья. Спрячьтесь. Никаких вещей не брать. И если через пять минут в этой деревне останется хоть один человек, я... – Он протянул руку в сторону мужчины, который стоял ближе всего, и тот, расталкивая всех, помчался прочь.

Его пример подействовал на слушателей ободряюще – люди с криками бросились врассыпную, и вскоре Генри увидел, что по западной скале, нависшей над деревней, ловко, как горные козы, мчатся самые быстрые члены местной общины. Все остальные неслись за ними.

Генри удовлетворенно хмыкнул и побежал к восточной окраине деревни. На улицах стояла приятная тишина, солнце впервые за день прорвалось сквозь тучи, и настроение у Генри вдруг исправилось, как будто теперь все будет хорошо и нечего больше бояться.

Краем глаза он заметил движение и резко повернулся к распахнутой двустворчатой двери. Над ней красовалась странная надпись: «Олень и роза», а внутри оказалась большая комната, полная круглых столов и опрокинутых в спешке стульев. Столы тщательно протирал дряхлый старик. Одно его запястье было привязано длинной веревкой к ножке стола.

Генри остановился в дверях.

– Вон из деревни, – резко сказал он. – Вы что, не слышали? Осуальд скоро будет здесь.

Старик спокойно поднял на него взгляд и улыбнулся:

– Я слышал. Зайдите, молодой человек. Все так умчались, а у меня остались отличные бутерброды с домашним сыром. Хотите, заверну вам с собой?

Генри шагнул вперед:

– Вы не поняли? Он заставит вас ему служить и сожжет ваш дом.

Старик покачал головой и выжал тряпку в ведро.

– Не заставит. Я знаю много сказок и помню те, где на людей накладывали заклятие подчинения. Под ним люди становятся тупыми, неспособными принимать решения. Они даже не сообразят, что веревку на руке можно развязать, и, если не смогут меня увести, просто уйдут.

– Вы что... вы сами себя привязали? – нахмурился Генри. Было очень тихо, солнечные полосы лежали на узорчатом каменном полу, пылинки кружились в лучах света.

– Конечно.

– Зачем?

– Хозяевами этого места были все мои предки со времен Сердца. Оглянитесь – вы в одном из лучших старинных трактиров королевства, говорю без ложной скромности. К нам гости отовсюду съезжались.

Генри мрачно оглядел комнату. Тут и правда было красиво: картины на стенах, расписные цветочные горшки на полках, тонконогие стулья, очаг, выложенный блестящими плитками. Хорошее, уютное место, но все же...

– Я не понимаю людей. Почему вещи вам дороже жизни? – Пора было уходить, но этот вопрос мучил его с самого дня ярмарки. – Что вы так носитесь с этим старьем? Да, оно красивое, но без него можно обойтись, а вас сейчас убьют, вы что, не поняли?

– Смотрите, вот из этой чашки пила моя бабушка, а до этого – ее бабушка. Вон тот новый и не слишком красивый рисунок сделал мой отец, когда был еще мальчиком. А вон те игрушки на полке переходят от одного поколения к другому уже сотни лет. Каждая вещь – это воспоминание. Мы ценим не саму вещь, а нашу память. В этом доме – память всей моей семьи. – Старик невозмутимо отложил тряпку, взял метлу и начал подметать пол. – Я не хочу служить чудовищу. Будет куда хуже, если я умру от старости в армии Освальда, окруженный людьми, забывшими, кто они такие. Лучше уж здесь – в своем уме и среди всего, что мне дорого.

– Вы можете сбежать, я вас выведу, я...

– Мне девяносто два года. Я и до соседей дохожу еле-еле.

– Я вас потащу. – Генри подошел и начал развязывать веревку, но старик крепче вцепился в свою метлу, и по его взгляду Генри понял: бесполезно. – Здесь же все сгорит, – безнадежно повторил он, выпуская веревку. – Нельзя... нельзя знать, что умрешь, и ничего не делать.

– Есть вещи хуже смерти. Вы еще очень молоды, потом поймете, – ласково глядя на него, сказал старик, а потом втянул носом воздух и мягко прибавил: – Вот и все. Спасайтесь, юноша. У вас получится, я знаю. А мне тут надо еще прибрать. Этот зал содержали в порядке триста лет, и я не хочу, чтобы он погиб с разбросанными стульями.

Генри вскинулся и понял: пахнет гарью, но не сдвинулся с места, будто ноги приросли к полу. У него что-то дрожало внутри, и он старался дышать глубже, чтобы не показать этого. Каждое живое существо стремится к одному – выжить. Так всегда говорил отец. И он сам ведь не трус, но до безумия, до помрачения рассудка боится умереть, это нормально, но почему тогда...

Старик улыбнулся и подтолкнул его к двери. Солнечный свет разливался по полу, освещал картины и рисунки, отражался в стекле и меди, ветер покачивал цветы в разноцветных горшках.

– Не грустите. Посмотрите, какое прекрасное место, чтобы умереть.

Генри не стал смотреть. Он захлопнул за собой дверь и, тяжело дыша, остановился на пороге. От потрясения он даже не сразу понял, что опоздал.

Войска Освальда уже вошли в деревню, расползлись по улицам. Генри видел, как огненные твари вдалеке прыгают с крыши на крышу. В прозрачном весеннем воздухе вились хлопья пепла, с соседней улицы сюда уже сворачивал отряд. И наконец, очнувшись от оцепенения, Генри метнулся обратно в трактир и прижался к окну. Старик коротко взглянул на него и вер-

нулся к подметанию пола – так спокойно, будто под окнами у него не маршировали люди в черных доспехах. Генри остановившимся взглядом глядел на них: дома они не обыскивали, просто шли сквозь деревню, – значит, Освальд уже понял, что никого нет, и решил не тратить времени на поиски людей.

И тут Генри увидел: у одного человека доспехи были натянуты поверх зеленой куртки с золотыми пуговицами.

Он подождал, когда посланник дойдет до двери, распахнул ее и с силой втянул его внутрь так быстро, что остальные, кажется, не обратили внимания. Незнакомый черноволосый посланник бездумно забился, он даже ударить не пытался, только рвался вслед за остальными, и Генри прижал его к стене. А что, если...

Если он может забирать волшебство из предметов – что, если он может делать то же самое с людьми? Пятеро воинов, которых натравил на него Освальд, пару секунд глядели вполне осмысленно, прежде чем упасть, а он тогда даже не понял почему.

Генри медленно выдохнул, решаясь, и притронулся пальцем к шее посланника. Тот дернулся, но ничего не произошло, и Генри аккуратно прижал к его шее всю ладонь, надавил – и тот вскрикнул. Когда Генри отнял руку, на шее был ожог, посланник смотрел на него перепуганным, но вполне ясным взглядом, а огонь внутри молчал, хотя, кажется, из последних сил, и Генри едва не сказал ему вслух спасибо.

– Что... где... – надтреснутым голосом пробормотал посланник. – Это же вы! Вы арестованы!

– Так, успокойтесь, – пробормотал Генри, натягивая перчатку. – Где остальные посланники?

– Он... он заставил нас всех это выпить. Мы не хотели умирать. – Лицо у посланника сморщилось, будто он собрался заплакать, и Генри тряхнул его за воротник.

– А Олдус Прайд?

– Тоже.

– Помните, что было с тех пор, как... – начал Генри, но посланник сразу замотал головой, прижимая руку к ожогу.

– Только помню, как выпил эту дрянь, а потом – пусто. Я даже не знаю, где я. И как сюда попал. И... – Он вдруг коротко, со стоном всхлипнул.

Старик напевал что-то себе под нос, солнце слепило глаза, метла уютно шаркала об пол. И Генри вдруг успокоился. Он вспомнил, что сделал Джетт в той деревне, и понял, как ему быть.

– Не убивайте меня, делайте что хотите, только не убивайте. Что... что это на мне такое? – Посланник начал стягивать с себя доспехи. – Я не хочу умирать, я хочу домой, я...

– Дайте мне это. – Генри выхватил у него доспехи и натянул их на себя. – И слушайте мой приказ. Снимите куртку: вряд ли Освальд помнит вас в лицо. Когда выйдете отсюда, сделайте вид, что вы из этой деревни и пришли сдаваться. Освальд спросит, где остальные жители. Скажите, что все сбежали на восток. Вы поняли? На восток.

– Но он же... – выдавил посланник. У него стучали зубы. – Он же заставит меня еще раз это выпить!

– И выпейте. Тогда вас не убьют.

– Но вы же... Вас надо арестовать, а я... – начал посланник и замолчал, глядя на Генри так, будто только что его увидел.

– Прощайте. – Генри распахнул дверь и толкнул его на улицу, прямо на одного из людей в доспехах.

Тот сразу потянул посланника за собой, он еще помнил приказ вести к Освальду всех, на ком нет доспехов. Посланник поднял руки и громко закричал: «Я сдаюсь! Я простой крестьянин!»

«Молодец», – пробормотал Генри, обернулся к старику, коротко поклонился ему и выскочил на улицу.

Никто не обращал на него внимания, и он бросился к восточной окраине деревни, сквозь бесконечные ряды мужчин и женщин в одинаковых доспехах. Все они молчали, кроме детей. Тех везли на телегах, набив туда целыми десятками. Они плакали, звали матерей, пытались перелезть через высокие деревянные борта, но ничего не получалось. Малышей не заставили выпить напиток просто потому, что они еще не могли произнести: «Клянусь служить королю Освальду». Те, кто был чуть постарше, маршировали, глядя вперед, и лица у них были такие же равнодушные, как у взрослых.

Генри заставил себя не смотреть на все это. Он мчался вверх по склону, сердце грохотало, перед глазами стояла та залитая солнцем комната, и он не мог заставить себя обернуться, он и так все знал: ветер нес в его сторону невыносимый запах гари. Генри продолжал нестись вперед, даже когда людей вокруг не осталось, бежал, пока черные отряды не оказались позади.

Скалы вокруг становились все круче, и он карабкался по ним, пока совсем не выдохся. Усталость была даже приятной – обычная усталость человека, который давно не спал, а не та, от которой падаешь на месте, чтобы потом очнуться, жадно заглядывая в чье-то окно. Он вытер лоб, глядя вниз, и понял, что люди Освальда лезут туда же, куда и он. Они явно не пытались его поймать, нет, просто так уж пролегал их путь, и Генри впервые задал себе вопрос: почему последние несколько часов их пути все время пересекаются?

Ответ был только один, и он ему не понравился вовсе.

Если четверо его попутчиков – он теперь называл их про себя этим аккуратным, безличным словом, чтобы не произносить имен и не чувствовать удушающей боли от предательства, – если они не погибли, не попали в плен, не сломали себе шеи в ущельях, то прошли здесь несколько часов назад. У них-то была карта, они не петляли по окрестностям. И если войска движутся прямо сюда, значит, предатель как-то оповестил Освальда о том, куда идти.

Освальд врал, когда говорил, что Сердце его не интересует. На самом деле он идет туда же, куда и Генри. Он хочет найти Сердце и уничтожить, как и думал Тис. И один из четверых собирается ему в этом помочь.

Эта мысль так поразила Генри, что он едва не сорвался с очередного скалистого уступа, но потом полез вверх с удвоенной силой. Он обязан дойти первым, он не допустит, чтобы Сердце уничтожили; не теперь, когда столько вещей превратилось в пепел, когда детей набили в телеги и везли вслед за армией, когда старик остался подметать «Оленя и розу» в деревне, которой больше не существует.

Генри подтянулся и оказался на гладком, как тарелка, горном плато. Лезть больше было некуда: он, сам не заметив, забрался так высоко, что теперь вокруг был только туман. Глянув вниз, он увидел движущиеся черные точки: люди Освальда не отставали.

– Ну давайте попробуйте. – Он криво усмехнулся и, не удержавшись, спихнул вниз мелкий камешек. Тот весело застучал по скалам, но Генри не стал ждать, пока он щелкнет кого-нибудь по носу. Куда идти, думать не требовалось: с трех сторон плато кончалось обрывом. А вот к юго-западу явно было что-то еще.

И Генри пошел туда, где туман становился гуще, мягко клубился в воздухе. Шагов через десять уже и земли под ногами было не видно. Здесь стоило бы идти помедленнее, в горах осторожность никогда не повредит, но Генри даже не сбавил шага. Слишком мало было времени. Он знал: скоро его догонят.

Глава 13

Красные ягоды

Место было отвратительное: удушающе пахло сыростью, воздух насквозь пропитался влагой. Потом нога вдруг провалилась в воду, и Генри дернулся назад так резко, что едва не упал. Он надеялся, что после сделки с огнем мучительный страх перед водой хоть ненадолго исчезнет, но сейчас при первом же прикосновении стало ясно: зря надеялся. Генри свернул в другую сторону, прошел пять шагов, и ноги снова оказались в воде; опять сменил направление – то же самое.

Подумать о том, как такое могло случиться, Генри не успел. Сквозь туман вдруг прорвался звук, такой размытый и искаженный, что Генри не сразу понял: это топот. Он завертел головой, но определить, откуда доносился звук, было невозможно, и Генри, сжав зубы, заставил себя шагнуть в воду – не стоять же тут, поджидая воинов Освальда.

Он вздрогнул, когда ноги коснулось скользкое рыбье тело, но упрямо пошел вперед, пытаясь не трястись. Получалось плохо: дно стремительно уходило вниз, через несколько шагов он был уже по пояс в неподвижной, густой воде. Мимо опять проплыла рыба: склизкий холод прополз вдоль ноги, по коленям хлопнул широкий хвост, и от отвращения Генри дернулся в сторону, оступился, неуклюже взмахнул руками – и вода сомкнулась у него над головой. Он попытался встать, но дна больше не было, что-то тянуло его вниз, он же утонет тут, он понятия не имеет, где берег, вокруг только туман, и Генри глотал воду, пока не понял: дышать больше нечем.

Много лет назад отец научил его плавать, и Генри думал, что у него отлично получается. Он сказал об этом отцу, а на следующий день они переходили по бревну горную реку, и отец столкнул его вниз. Генри тогда запаниковал, разом забыв все уроки. Вода тянула его за ноги, он захлебывался ею, слезами и криками, дергался все меньше, а потом и вовсе перестал бороться. Отец вытащил его и, когда он отплевался от воды, ударил по лицу. Он никогда в жизни не бил Генри, и от потрясения тот разом перестал плакать. Отец был в ярости, он сказал: «Никогда не смей сдаваться, природа не терпит слабых, каждый зверь до последнего вздоха пытается выжить». И сейчас эти слова зазвенели у Генри в ушах, будто отец по-прежнему был рядом, был с ним, чтобы вытащить его, если придется. И Генри открыл глаза и рванулся вверх, – это же просто вода, он должен выбраться. Рыбы окружали его, одна ущипнула за руку беззубым ртом, и Генри отпихнул ее, одновременно сдирая с себя доспехи: они отяжелели от воды и тянули вниз. Когда голова оказалась над водой, он судорожно вдохнул и поплыл наугад: должен же туман когда-нибудь рассеяться, да и вода не может быть бесконечной.

И как только он подумал об этом, ладонь мазнула по камням. Он ухватился за них, подтянулся и дрожащими руками начал ощупывать землю вокруг. Это был не тот жалкий каменный островок, что раньше, здесь уже можно было встать и идти. Вот только звуки шагов стали громче – и, оглядевшись, Генри сухо сглотнул. Туман теперь не был ровно-серым, он тускло сиял, подсвечивая фигуры людей. Отовсюду надвигались сотни неясных очертаний, и Генри бросился прочь, помчался так, что, когда земля оборвалась, он успел остановиться только в последнюю секунду.

Он стоял на краю обрыва, а далеко внизу была вода – тускло блестящая, до самого горизонта. Генри беспомощно оглянулся – фигуры приближались сквозь туман, окружали его, он мельком удивился, куда же делась река, но думать было некогда. С одной стороны – воины Освальда. С другой – обрыв, под которым нет ничего, кроме ужасного, смертельного количества воды.

Генри зажмурился. Отец в тот день сказал: «Мы с тобой из тех, кто побеждает, Генри, и ты выживешь, кто бы за тобой ни гнался. Только не давай воли страху и никогда, никогда не сдавайся».

И он пошел навстречу воинам Освальда – пять шагов, десять. Через двадцать шагов Генри повернул к обрыву, разбежался и прыгнул вниз.

Полет был коротким и полным такого мучительного ужаса, что Генри даже подумать ни о чем не успел, а вода уже сомкнулась над его головой. На этот раз, даже оглушенный ударом, он не стал терять времени и сразу рванулся вверх, с хрипом втянул воздух и поплыл, сам не зная куда. Ничего, выберется, бывало и хуже.

И тут ноги задели дно. Туман сгустился так, что ничего не разглядишь, и Генри просто пошел вперед. Вода становилась все мельче – по пояс, потом по колено. Оказавшись на твердой земле, он прошел несколько шагов и опустился на землю: на таких трясущихся ногах далеко не уйдешь.

А туман внезапно начал рассеиваться, таять, и скоро Генри увидел: вокруг нет воды, только скалы, заросшие чахлыми, искривленными соснами. Прямо перед ним был вход в извилистое ущелье, полное густого тумана, а на скале перед этим ущельем огромными буквами выбито: «Опасное место. Не ходить».

Здесь пахло хвоей, солнце бледно просвечивало сквозь серую дымку. Генри медленно опустил взгляд – и понял, что одежда на нем сухая. Он велел себе не думать об этом – надо было понять, куда идти. И тут до него дошло. Скриплер сказал: «Дальше испытание искать не надо, просто идите по карте». Вот только карта теперь была не у него.

Генри без сил привалился к скале. Все зря, можно сколько угодно бродить по этим ущельям, но так и не узнать, куда идти. Вокруг – голые камни, и даже если остальные прошли здесь до него, следы оставить было не на чем: ни клочка мягкой земли, ни травинки, которую можно было примять на ходу, только какие-то ягоды валяются на камнях, а больше – ничего.

Генри посмотрел на ягоды еще раз. Потом наверх. Никаких кустов вокруг не было, из деревьев – только сосны. Тогда откуда...

А он ведь уже где-то видел такие ягоды... прямо сегодня... Где же это было? Ну конечно, все кусты на тех холмах, по которым он шел из города, огибая войска, были усыпаны точно такими же.

Ягоды лежали неровной линией, и Генри пошел вдоль нее, стараясь не надеяться заранее. Может, это случайность, может, они просто высыпались у кого-нибудь из кармана? Но ягоды лежали на равном расстоянии друг от друга, и Генри пошел быстрее, петляя между скалами.

Вскоре он услышал негромкие голоса и замедлил шаг, стараясь двигаться бесшумно. Подобрался ближе, выглянул из-за утеса – и тут же спрятался обратно. Сердце у него застучало: видеть этих четверых было так странно, будто с их последней встречи прошло два года, а не два дня.

В его сторону никто не смотрел – они были слишком заняты ссорой. Все выглядели уставшими, какими-то повзрослевшими и изрядно потрепанными – одежда порвана и в пыли, волосы спутаны. Вещей у братьев поубавилось – видимо, половину растеряли по дороге.

– ...Да потому что я не могу уже! – размахивая картой, шипел Хью. – Я так есть хочу, что у меня живот к спине прилип! Судя по этой бумажке, нам еще тащиться и тащиться. У кого-нибудь из вас наверняка припрятано что-нибудь поесть, и сейчас вы мне это отдадите.

– С какой это стати? – с вызовом спросил Джетт.

– С той, что я главный, а главный должен получать лучшее, так папа всегда говорил. Отдадите сами или заставить? Сван, обыщи их карманы.

– Не хочу, – опустив голову, пробормотал Сван.

– Ах ты жирный, бесполезный тупица, еще одно слово – и останешься тут!

Сван тяжело побрел к Джетту и зашарил в его карманах. В одном оказались тайлис ночного стража и гармошка, а из второго Сван достал горсть красных ягод.

– Так-то, – довольно проворчал Хью, отнял их у Свана, засунул одну в рот и тут же, скривившись, выплюнул. – Что за дрянь? Они же несъедобные!

– Тогда, может, отдашь? Они мне еще нужны, – спокойно сказал Джетт.

– Нужны – подбирай. – Хью с размаху швырнул горсть ягод о скалу, и те раскатились по земле.

Агата, до этого молча переплетавшая волосы, достала из кармана табличку, на которой было крупно выведено: «Это было некрасиво».

– Как же ты меня достала с этой табличкой! Языком шевелить не можешь, так и помолчала бы. – Хью выхватил у нее табличку и, морщась, разодрал плотную бумагу на клочки. – Еще раз укажешь мне, как себя вести, косу тебе отрежу. Такой уродине, как ты, это уже не повредит. Ясно?

Агата взглянула на Хью так, что на секунду Генри показалось: она сейчас расцарапает ему лицо. Но вместо этого она села на землю, взяла несколько ягод и ссыпала в ладонь Джетту. Тот, неловко наклонившись, подбирал их с камней. Сван сделал движение, будто хотел помочь, но Хью пихнул его на место, и Сван послушно отошел.

Карту Хью по-прежнему держал в руке, и Генри подумал, что надо просто подойти и отнять. Никто ему здесь не соперник. Они боятся его и не посмеют ничего сделать.

Агата и Джетт молча собирали ягоды, Хью, не придумав ничего другого, покрикивал, чтобы собирали быстрее. Джетт уже почти добрался до той скалы, за которой стоял Генри. Скоро заметит. Генри долго смотрел на ягоды, которые укатились ему под ноги, а потом в порыве какого-то странного вдохновения подобрал их и протянул ладонь в сторону Джетта.

– Угу, спасибо, – рассеянно пробормотал тот, забирая их из его руки.

Потом замер, медленно поднял взгляд, и от этого взгляда Генри растерялся. В нем не было страха – только облегчение и что-то умоляющее, почти детское.

Генри отвел глаза и выбрался из-за скалы. Он ждал криков, но никто не проронил ни звука, и он подошел к заметно побледневшему Хью, вытянул у него из рук карту и развернул ее.

Пятый огонек бледно горел к юго-западу от четвертого, а тот теперь светился в полную силу, и под ним шла надпись: «Победа над своим главным страхом». Все огни на карте были на равном расстоянии друг от друга, не больше нескольких часов пути. Пал сказал, что шестое и седьмое испытание будут в одном и том же месте, – значит, он уже совсем близко к цели. Генри убрал карту в карман и пошел в ущелье, которое вело на юго-запад.

И остановился через несколько шагов. Его спутники по-прежнему не произнесли ни слова, но Генри никак не мог выбросить из головы то, что было на их лицах, когда они увидели его. Хью был предсказуемо испуган и зол, но остальные...

Они были рады его видеть. Как будто ждали, что он вернется.

И все вдруг показалось ему таким простым. Предатель никогда не обрадовался бы его возвращению. Он бы знал: Генри все сделает, чтобы не дать ему довести план до конца.

Ну, хоть с этим разобрались. При мысли о том, что больше не надо ломать голову над тем, кто предатель, Генри выдохнул – и как будто сразу стало легче дышать. С Хью он разберется позже, а остальные трое ни в чем не виноваты. Да и куда им теперь идти? Лавку Агаты сожгли, Джетт остался без повозки, Кэмпбелла-старшего выгнали из Хейверхилла. И Генри неожиданно подумал, что все это произошло из-за него.

– Ну, пошли, – сказал он, поворачиваясь.

Агата, Джетт и Сван тут же бросились к нему, будто этого и ждали. Только Хью не двинулся:

– Вы куда? Вы что, с ума сошли? Он же опасен!

Но никто его не слушал.

Генри был бы рад, если бы Хью так и остался на месте, но тот, продолжая ворчать, потащился за остальными. Ну конечно – он же еще не довел Освальда до места. Генри сжал кулаки. Сейчас еще не время. Потом Хью получит все, что заслужил.

– Что с вами было? Там, в этом... заколдованном тумане? – на ходу спросил Генри. – Там ведь каждый видит что-то свое, так?

Все замялись, потом Агата ткнула в сторону Джетта, и тот поклонился, прижав руку к груди.

– Не хочу хвастаться, но я всех спас. Да там и не особо страшно было, а уж теперь точно все будет хорошо, раз ты вернулся. – Джетт пожал плечами. Он тащился последним, еле передвигая ноги, и Генри пошел рядом с ним.

– Ты кидал ягоды, чтобы я вас нашел? – негромко спросил Генри, когда остальные ушли вперед.

– Угу. Я знал, что если ты совсем не свихнешься, то поймешь, что карта у нас, а других подсказок не будет. Дорогу до туманного ущелья ты наверняка запомнил, это все понимали. Хью вопил, что ты нас догонишь и перебеешь, а я просто... – Он перевел дыхание. – Генри, что ты видел в ущелье?

Генри пожал плечами. Отец говорил ему: «Никогда не рассказывай о своих страхах».

– А ты? – наконец спросил он.

Джетт на секунду сжал губы, а потом все же ответил:

– Мы зашли в этот туман, и я почувствовал, что у меня ноги не ходят. В смысле, вторая тоже. Я жутко испугался, упал и тут же потерял всех из виду. Все было так... по-настоящему. Я правда поверил, что не смогу больше ходить. А потом подумал: ладно, руки-то еще есть, надо выбираться. И когда я выполз из ущелья, до меня дошло, что это все просто у меня в голове. Но остальные не выбрались, и я пополз обратно, нашел их и по очереди вытащил. Не знаю уж, что они видели. Катались по земле, отбивались от чего-то, бормотали, но я не стал слушать. У каждого свои секреты. И знаешь, лучше не рассказывай мне, как провел день. У тебя такое лицо было, когда ты уходил... В общем, я сам вижу, что тебе лучше, а больше мне не надо ничего знать, верно?

Генри кивнул.

...Земля становилась все мягче, и, когда скалы расступились, Генри увидел широкую, поросшую шуршащей травой равнину. Тут было тепло, как летом. Вдалеке, за сухой пыльной дымкой, виднелись горы, они обнимали равнину с двух сторон, как огромные руки.

– Нам туда, – кивнул Генри, указывая на западные горы: отвесные склоны из светлого, почти белого камня. Никто ему не ответил, все смотрели в другую сторону, на север. Оттуда через равнину надвигались войска Освальда – черные ряды доспехов, блики солнца на копьях. И конечно, направлялись они тоже к западным горам.

Хуже всего было то, что войска шли довольно быстро, а все пятеро устали, даже Генри уже шел, спотыкаясь о собственные ноги. Генри прикинул скорость. Надо идти напрямую через равнину, спрятаться нигде. Их нагонят не больше чем за час. Эта мысль привела его в такое уныние, что он не сразу почувствовал: Агата тянет его за рукав.

Она указывала на ближайший склон горы. Там раскинулась деревушка, а по равнине неподалеку бродила стая животных, похожих на оленей, но без рогов. Присмотревшись, Генри понял: это лошади.

– И что? – не понял он.

Но прочие, кажется, сообразили быстрее.

– О нет, Агата. Даже не думай, – простонал Джетт.

Но та уже направлялась в сторону стада таким решительным шагом, что Генри подумал: «А что, если она правда придумала что-то дельное?» Из деревни она ведь отлично их вывела. И он пошел за ней. Все тут же потянулись следом, как выводок птенцов.

Генри думал, животные тут же бросятся прочь, но те поглядели на людей и вернулись к поеданию травы. Агата невозмутимо погладила одну из лошадей по морде, а потом встала сбоку, взялась обеими руками за ее шею и вдруг легким сильным движением вскочила ей на спину. Любой олень такого обращения не стерпел бы, тут же сбросил, а лошадь разве что перестала жевать. Остальные на то, что на спине их собрата сидит человек, взглянули так спокойно, будто каждый день такое видели.

Агата подъехала ближе, глядя на Джетта с широкой ухмылкой. Тот стоял и смотрел на нее, глупейшим образом приоткрыв рот.

– А мне еще говорили, что я воришка, – пробормотал он. – Да, да, ты отлично смотришься верхом, но не думай, что я смогу повторить этот трюк. Моя лошадка была старше меня, она бы от такого на части развалилась, ну, и не будем забывать о том, что моя нога...

Агата наклонилась вниз и коротким, аккуратным движением захлопнула ему рот.

– Лошадки, – восхищенно выдавил Сван, и Генри вдруг понял: это первые слова, какие Сван произнес после его возвращения. Он был какой-то растерянный и на Генри почти не смотрел. – Только когда к нам в деревню на лошадях приезжали, у них веревки были к мордам привязаны. А тут таких нет.

– Ты что, хочешь сказать, что эти животные отвезут нас туда, куда нам надо? – наконец дошло до Генри. – С какой стати они это будут делать?

– Нельзя же взять чужую собственность! За это в Цитадель сажают! – возмутился Хью. – Да и вообще, не сяду я на эту скотину! Мне не нравится, как она на меня смотрит.

Лошади уютно хрупали травой, обмахиваясь хвостами, и Генри решил рискнуть. Он подошел к первой попавшейся, та вздрогнула, хлопнула себя по боку хвостом, но сразу успокоилась. Генри уцепился за нее обеими руками и вскочил сверху.

Джетт тем временем сорвал пучок травы и протянул низкорослой лошади с длинной челкой.

– Что ты делаешь? – нахмурился Генри. – Она тебе пальцы откусит.

Но лошадь вытянула шею и аккуратно, одними губами взяла траву с ладони.

– Зачем она берет, если это та же самая трава, что растет у нее под носом? Никогда таких глупых животных не видел, – пробормотал Генри.

Он тянул время, просто чтобы не думать о том, что сидит на спине у животного, которое в любую секунду может сбросить его и затоптать.

– Вовсе они не глупые. – Джетт погладил лошадь по спине и потянулся за новой порцией травы. – Просто им нравится, когда что-то дают с руки. По-моему, для них это как угощение или знак внимания – даже нагибаться не надо. Агата, я не полезу на нее. Я серьезно. Я иду-то еле-еле.

– Смотри и учись, уродец, – фыркнул Хью, схватил лошадь за гриву и навалился на ее бок, пытаясь перекинуть ногу, но лошадь всхрапнула и шарахнулась в сторону.

Хью сердито выдохнул, притащил валявшийся неподалеку булыжник, положил рядом с лошадью и встал на него. На этот раз лошадь даже не стала ждать, пока он попробует забраться: заранее отошла в сторону и начала невозмутимо щипать траву.

– Бери его под руку, – кивнул Генри Агате.

И она поняла: поравнявшись с Генри, подхватила Хью под мышку, Генри взялся с другой стороны, и вместе они почти втащили его на лошадь, но Хью так брыкался, что пришлось поставить его обратно. Они попробовали проделать то же самое со Сваном, но тот был такой тяжелый, что они даже приподнять его не смогли. Джетт просто спрятался за лошадь и сказал, что он еще слишком молод, чтобы так бесславно сломать себе шею.

Генри раздраженно слез с лошади, подошел к Свану, который безуспешно пытался влезть на лошадь сам, и подпихнул его сзади.

– Щекотно! – завопил Сван и сполз на землю.

Генри тяжело вздохнул и повернулся к Джетту.

– Даже не думай, приятель, – попятился тот. – Конные прогулки – это не для меня.

– Тогда помоги мне усадить Свана, – сдержанно сказал Генри, и они вдвоем, пытаясь, начали подталкивать Свана на лошадь, но той это явно надоело, и она неспешно затрусила прочь.

А войска все приближались.

– Агата, ты точно уверена в том, что делаешь? – спросил Генри.

Та кивнула, и Генри это принял: вид у нее был спокойный, и ее спокойствие передалось ему.

– Ладно, тогда сделаем так. Сможем отвести трех лошадей вон к тем скалам?

Агата ухмыльнулась во весь рот.

– ...А теперь залезайте по склону выше. Мы с Агатой подержим лошадей, а вы сядете, – отрывисто проговорил Генри, и по лицам остальных понял: даже Хью уловил, что это приказ, а не просьба. – Ты первый, Хью.

Тот насупился, хотел было огрызнуться, но под взглядом Генри молча вскарабкался по склону, а оттуда спокойно уселся на лошадь, которую Генри крепко держал за холку.

– Чего ты на меня так уставился? – побелевшими губами пробормотал Хью, и Генри только сейчас понял, что и правда почти не спускал с него глаз.

Отвечать он не стал, вместо этого помог залезть на лошадь Свану. Тот был в таком восторге, будто им предстояла веселая прогулка, а не сомнительная попытка обогнать целую армию.

– Слушайте, – выставив перед собой руки, сказал Джетт, – я понимаю, вы все тут очень умные, но вам не кажется, что ехать на лошади без узды и без седла...

Закончить он не успел: со стороны деревни к ним мчался какой-то человек, вопя и размахивая шапкой.

– Воры! Караул! – кричал он. – А ну оставьте лошадок в покое! Я посланников вызову!

Генри поехал ему навстречу. Он уже освоился и понял: лошадь реагирует на любое его движение, будто чувствует, куда он хочет ехать. И правда, не такой уж глупый зверь.

– Посланников больше нет, – негромко сказал Генри, останавливаясь перед крупным краснолицым мужчиной. – Войска скоро будут здесь. Не вздумайте сдаваться, быстро уходите в горы и прячьтесь. Вещей не собирайте, они вас только задержат. Понятно?

Кажется, что-то такое было в его голосе, что мужчина разом перестал возмущаться, кивнул и помчался обратно в деревню.

Когда Генри вернулся к своим, все удивленно посмотрели на него.

– Ого, как он умчался! Что ты ему такого сказал? Запомню эти волшебные слова на всякий случай, – бодро сказал Джетт, когда Генри подъехал к нему.

– Либо ты залезешь сию секунду, либо я возьму тебя за шкуру и посажу сам.

Джетт вздохнул и послушно взгромоздился на лошадь, прижавшись грудью к холке.

– Ну что? – Генри повернулся к Агате. – В чем твой план? Эти сонные звери быстро бегать явно не умеют.

Агата рассмеялась, оглушительно свистнула и пнула лошадь пятками в бока. Та заржала, поднялась на задние ноги – и вдруг сорвалась с места и помчалась вперед: легко, красиво, не хуже оленя. Генри думал, что Агата сейчас свалится, но она держалась отлично. Правда, явно забыла, что остальных тоже надо сдвинуть с места.

– Всем держаться крепче за гриву, – скомандовал Генри.

– У меня все еще есть возражения против вашего плана, – слабым голосом начал Джетт.

Генри подъехал, оглушительно свистнул на ухо его лошади и пнул ее в бок, и та понеслась вперед под такие оглушительные вопли Джетта, что можно было не сомневаться: если войско Освальда не заметило их раньше, то вот сейчас точно заметит.

без факелов: идущие впереди огненные звери светили пугающе ярко, да и белая скала с широченным разломом тут была только одна, не промахнешься.

– Через несколько часов будут здесь, – произнес Генри, изо всех сил делая вид, что эта новость не приводит его в ужас.

Джетт скривился:

– А, ну спасибо, что настроение поднял.

– Надеюсь, что наш план – спрятаться и переждать, пока они пройдут мимо, а потом уже дальше искать, – буркнул Хью.

– Мимо они не пройдут, – отрезал Генри. – Кое-кто оповестил Освальда, что пятое испытание будет здесь.

На этот раз голос едва не подвел: дрогнул на середине фразы, будто переломив ее пополам.

– Слушай. – Джетт повернулся к нему, складка между бровями делала его лет на десять старше. – Чтобы ты знал, мысленно я ору и заламываю руки. Но вслух сдержанно спрошу: что нам делать?

Генри прокашлялся. Все смотрели на него с такой надеждой, будто он должен был изречь какую-то невероятную спасительную истину. Вместо этого он сел у входа в ущелье и удобно привалился спиной к каменной стене, еще не остывшей от дневного тепла.

– Здесь что-то есть, иначе карта нас сюда не привела бы. Просто пока мы этого не видим. Надо подождать – вдруг получим какой-то знак.

– Так, секундочку, – взвинченно начал Хью. – Твой план состоит в том, чтобы сидеть тут и ждать? Знаешь, такие указания и я мог бы раздавать.

– Это как на охоте. Иногда ожидание – лучший способ поймать зверя.

– А, ну конечно. Как будто ты разбираешься хоть в чем-то, кроме убийства бедных зверьков, – огрызнулся Хью, но тут же сник. – Да что с тобой? Ты на меня смотришь, как будто я у тебя фарфоровый сервиз украл. Я, чтобы ты знал, сын старейшины, и никто не имеет права так на меня...

Агата со стоном села на землю рядом с Генри, подперла голову руками и мрачно уставилась на семь движущихся в темноте огней. Джетт тут же уселся рядом с ней. Она от него отодвинулась.

– Я спать хочу, – сообщил Сван, усаживаясь на свой мешок. В мешке что-то затрещало, и Хью с раздраженным ворчанием вытащил его из-под Свана, отряхнул и бережно поставил среди камней. – И есть тоже хочу.

– Спать нельзя, – покачал головой Генри. – Внимательно глядите по сторонам. Представьте, что вы охотники. То есть хорошие охотники, а не такие, как вы.

Хью возмущенно фыркнул, но Генри уже отвернулся.

– Уж что-что, а не давать людям спать я умею. – Джетт провел губами по гармошке, та издала тревожную, дробную трель. – Сам сказал: Освальд и так знает, что мы здесь.

И он заиграл еле слышно, себе под нос.

Ночь была прохладная и тихая, даже ящерицы уgomонились. Только ветер гудел в ущельях да лошади похрустывали скудной, едва пробившейся между камней травой. Тьма вокруг становилась все гуще, ни намек на луну или звезды: мертвенно-бледная скала упиралась в непроглядное, черное небо.

– Не помогло, – наконец сказал Джетт, оглядевшись.

Остальные уже давно спали: Сван привалился к Хью, Агата свернулась темным клубком.

Генри так и подмывало сказать: «Если ты ждал момента, чтобы сказать «Нам скоро конец», то вот он», но отец говорил ему: «Никогда не думай о том, что можешь проиграть, это отпугивает удачу».

– Мы все решим. Все будет отлично, – пробормотал он.

Джетт взглянул на него так, будто сразу раскусил обман, и протянул ему гармошку.

– На, отвлекись. Я, когда мне плохо, всегда играю – помогает. Даже уметь не надо, дуй, и все.

От гармошки пахло железом и старым деревом, губы приятно проезжались по мелким металлическим квадратам, и Генри сам не знал, сколько времени просидел, бездумно водя губами по гармошке. Знака не было. Войска приближались.

Потом он обернулся и понял, что Джетт тоже спит, привалившись головой к камню. Генри вложил гармошку ему в руку, тот, не просыпаясь, заворочался и прижал ее к груди, и в эту секунду Генри охватило странное чувство, то самое, что вывело его к каменному Сиварду: как будто он уже был здесь раньше. Он недоверчиво огляделся – ничего вокруг не изменилось, но тогда с чего вдруг...

Он бесшумно поднялся и пошел по расселине вглубь скал, выверяя каждый шаг, он даже дышать старался через раз, чтобы не спугнуть безумную уверенность, что идет верно, и свернул направо, в ущелье поуже, потом налево. Тропинки петляли среди скал, шли вверх, бледные камни крошились и осыпались под ногами, стоило бы подумать о том, как он будет спускаться обратно, но Генри настрого запретил себе вообще о чем-нибудь думать. Потом вокруг начали появляться разноцветные огни – светляки, – как в доме скриплеров. Они неспешно плыли по воздуху, еле слышный стрекот приятно звенел в ушах.

Когда Генри добрался до вершины скалы, чувство смутного узнавания охватило его с новой силой. Вершина была ровная, поросшая травой. Генри замер, глядя вниз, на равнину, по которой плотной массой двигались едва различимые в темноте войска Освальда. Потом поглядел в другую сторону, но там были только скалы, каждая с таким же зеленым верхом. Ветер тихо гудел, стрекотали светляки, никаких подсказок под ногами не валялось, Барс не прыгал по скалам, но надежда накрывала Генри с головой, обещала ему, что он не зря здесь, что все – не зря, и победа близка, как никогда раньше.

– Понятия не имею, что мне делать, – тихо сказал он в пустоту. – Но я знаю: если ты привел меня сюда, ты мне скажешь.

Страху больше не было, а вот холод – еще какой – после теплого дня пробирал до костей, и Генри сунул руки в карманы. Пальцы привычно сжали гладкое прохладное дерево шкатулки.

Хотя на этот раз не такое уж прохладное.

Генри вытащил из кармана неожиданно теплую шкатулку. На крышке переливчато сияла цифра «5». Пятое испытание. Вот она, подсказка. Он погладил крышку большим пальцем, и надпись изменилась. Теперь это были слова: «Скажи, кто ты».

– Я – наследник Сиварда, – невозможно, хотя голос подрагивал от торжества, сказал Генри. – Откройся.

Он потянул крышку вверх. Ничего не произошло.

Генри это поразило так, что он сел на землю, тупо глядя на шкатулку. Светляки кружили вокруг, услужливо освещая надпись.

– Я же избранный, открывайся! – упрямо повторил он, дергая крышку.

Ничего. Слова «Скажи, кто ты» тоже никуда не исчезли, и Генри вдруг подумал: «А и правда, хороший вопрос».

– Все мне говорят, что я наследник Сиварда, а я понятия не имею, как такое могло получиться. Он же был благородным героем и жил наверняка в большом городе, а не в лесу, – чувствуя себя ужасно глупо от того, что говорит это вслух, произнес Генри. Но шкатулка будто ждала, и в холодном сиянии надписи было что-то почти осуждающее. – Мне иногда так страшно, я боюсь проиграть и разочаровать всех, и еще я... – Он сглотнул, не хотелось говорить вслух, но это было частью его, как бы он ни старался про это забыть. – Я – разрушитель. И огонь внутри становится сильнее, я чувствую. Срок сделки истекает, и, если я до этого не

получу от Сердца добрый дар, мне конец. Барс, наверное, с ума сошел, если выбрал такого, как я. Сивард был героем, он-то наверняка никогда не сомневался, что ему делать, а я...

Генри слышал тихий щелчок и неверяще опустил взгляд. Крышка сама откинулась назад – он к ней даже не прикасался. Внутри лежали исписанные листы бумаги, Генри уже протянул к ним руку и вдруг почувствовал, что карта в кармане нагрелась. Он вытащил ее и развернул: пятый огонек теперь сиял в полную силу, под ним шла надпись: «Принятие себя таким, какой ты есть». Шестой горел к северо-западу, ровно к югу от Башни загадок, в лесу под названием «Эвкалиптовая роща», со всех сторон окруженном Пропастями. Генри кивнул сам себе и не глядя сунул карту в карман. Он был уверен, что в шкатулке окажется какой-то могущественный волшебный предмет, – Пал ведь говорил, что Сивард оставил это для своего наследника, – и Генри рассчитывал на что-то более полезное, чем несколько исписанных мелким почерком листков с неровными чернильными буквами.

Светляки носились вокруг плотным сияющим роем, уютно гудели над ухом, разгоняя тьму. Генри рассеянно, еще не отойдя от разочарования, проглядел первые строчки – и рука у него похолодела так, что он едва не выронил листки.

– Нет. Не может быть, – побелевшими губами пробормотал он, вцепился в листки и начал читать.

Глава 14

Великий Сивард

Если ты читаешь это, значит, все плохо. Я уже давно мертв, Сердце так и не нашли, у тебя тот же дар, что у меня, и ты сейчас на том же самом месте, где я это написал: на вершине меловой скалы с видом на равнину. Я приказал шкатулке, чтобы она открылась только здесь и только тебе.

Уверен: если ты и слышал мою историю, ее приукрасили, сделали доброй и поучительной. Я расскажу тебе, как все было на самом деле. Жил-был король Освальд, и было у него два сына. Старший, Ингвар, был храбрым, добрым, и все его любили. У него был дар лечить прикосновением – отличный дар для будущего короля. И был младший, Сивард. То есть я.

Этот ужасный дар, дар огня, с древних времен появлялся раз в несколько поколений, и тех, кто обладал им, держали взаперти, чтобы они не могли никому навредить. Людям про меня говорили, что принц уродился болезненный и слабый, и никто, кроме отца и брата, – мать умерла, когда я был еще ребенком, – не знал правды о том, почему я никогда не выхожу из своих покоев.

А потом все изменилось. Когда отец загадал себе бессмертие, Сердце потускнело, добрые дары ослабли, теперь Ингвар мог вылечить разве что царапину, а раньше спасал и смертельно раненных. Он рассказал мне, что все королевство в ужасе, а отец доволен: решил, что, если дары исчезнут совсем, все будут подчиняться ему покорно, как рабы. И люди беспомощно ждали, когда он придумает, что бы ему еще загадать. Кто же знал, что последнее желание отец решит потратить на меня.

Тем вечером отец принес мне ларец с Сердцем и сказал: прикоснись к нему и загадай, чтобы твой ужасный дар исчез. И я хотел уже прикоснуться – больше всего на свете я всегда хотел стать нормальным, – но я знал, что тогда дары исчезнут у всех людей раз и навсегда. Так что я выпросил у отца время до утра – подумать. До сих пор не понимаю, почему он согласился. Я позвал Ингвара, и мы вместе решили, что делать: я сбегу из дворца и где-нибудь спрячу Сердце, отец наверняка отправится в погоню, а Ингвар тем временем устроит переворот. Из него выйдет хороший король: он, в отличие от отца, думает не только о собственном величии.

Я тайком выбрался из дома, даже не зная, куда отправиться – я из дворца раньше не выходил, – и тут мне явился волшебник, Тис. Он сказал, что Барс восхищен моей храбростью и укажет мне место, где можно спрятать Сердце так, чтобы отец не нашел. Если люди смогут победить моего отца, Барс выберет того, кто снова отыщет Сердце и вернет людям. А чтобы найти это место, нужно с помощью Тиса пройти семь испытаний.

Тис такому заданию был явно не рад: я видел, как он боится меня. Я кое-как шел от одного испытания к другому, а отец преследовал меня, чтобы отнять Сердце. Он был в ярости из-за моего предательства. От людей я слышал: придворные, посланники и горожане с радостью присягнули на верность моему брату, и отцу больше не было хода во дворец.

И все бы, наверное, закончилось хорошо, если бы не мой дар. Никто, кроме тебя, не поймет, как я ненавижу его. Все бы отдал за то, чтобы его не было.

Я случайно коснулся человека, и после этого ничто уже не было прежним. Тис и так считал, что Барс совершает ошибку, доверяя такому, как я, а теперь и вовсе перестал появляться, как бы я ни звал. Прикоснувшись, забираешь немного сил, но если убиваешь – забираешь себе все, а огонь только этого и жаждет.

Однажды я очнулся на пепелище и понял, что уничтожил деревню. Вместе с людьми. Я бы так хотел забыть это – но не могу.

И знаешь, что хуже всего? Ларец с Сердцем все это время был у меня в сумке. Я знал, что в любую минуту могу просто прикоснуться к нему, загадать желание – и эта ужасная сила пропадет. Но я видел, какими стали люди, когда их дары ослабли. Беспомощными, неуверенными в себе – прямо как я. А я был готов на все, чтобы никто и никогда не чувствовал себя так, как я. Так что я шел дальше, и огонь становился сильнее, и я знаю: даже если выживу, этот кошмар никогда не закончится.

Но я все сделал. Я спрятал Сердце там, где велел Барс.

Времени у меня мало, отец скоро будет здесь, так что перейду к делу: в этих скалах хранится ключ от всех дверей – могущественный древний предмет, который способен открыть все, в чем есть замочная скважина. В его могуществе и беда: в королевстве есть много дверей, которые открывать ни в коем случае нельзя и которые жаждут быть открытыми. Взяв ключ, до конца жизни становишься его хранителем – ключ всегда будет узнавать руку хозяина и подчиняться ему, приводить к закрытым дверям. Таким, как мы с тобой, нельзя брать его ни в коем случае: у этого предмета своя воля, а нам и так есть с чем бороться. Если есть хоть один человек, которому ты доверяешь, будь он хоть на другом конце королевства, вызови его, пусть он возьмет ключ и поможет тебе открыть дверь, за которой хранится Сердце. Я взял ключ сам, и как же я об этом пожалел.

Спрятав Сердце, я вернулся сюда и положил ключ назад. Еле оторвал от него руки: его сила едва не заставила меня сделать кое-что ужасное... Долго рассказывать, а мне уже пора. Я бы так хотел еще раз увидеть Тиса, звал его, пока не охрип. Он не явился, и я его понимаю: такого, как я, можно только ненавидеть.

Но теперь я знаю, что делать. Дар подсказал мне.

Я прошу Барса об одном: чтобы он дал все исправить такому же, как я. Вот что я понял: нет на свете большей храбрости, чем та, что нужна, чтобы победить врага внутри себя. У меня просто не хватило храбрости, но у тебя хватит. Я верю в это и оставляю тебе шкатулку – бедное, жалкое наследство, – просто чтобы ты знал: сколько бы лет ни прошло, кем бы ты ни был – я в тебя верю. Я верю в тебя.

Мне так страшно».

Почерк становился все более путаным, строчки съезжали вниз, последняя обрывалась на середине слова. Генри медленно опустил листы на колени.

Он не знал, сколько просидел так, глядя в одну точку. Когда он очнулся, небо уже посветлело: приближался тяжелый, хмурый рассвет, войска были совсем близко, и он поднялся на ноги.

– Тис, я знаю, ты слышишь. – Ему хотелось кричать, но слова получались едва слышными. – Только посмей не явиться. Я из-под земли тебя достану, ясно?

– Я и его слышал, Генри, – устало сказал за его плечом Тис. Генри обернулся и, тяжело дыша, уставился на него. – Он сидел именно здесь, когда дописал это и закрыл шкатулку. Я пришел к нему. Пытался отговорить от того, что он собрался сделать.

– И что это было? – через силу произнес Генри.

– Он хотел голыми руками убить Освальда. Верил, что его дар сильнее бессмертия отца, – и, увы, оказался прав. Освальд как раз ехал сюда через эту равнину так же, как сейчас, только без армии. Еще не знал, что опоздал и Сердце спрятано. Сивард был уже не в себе. Я пытался ему объяснить: когда разрушитель забирает силу человека, она становится его частью. – Тис говорил, морщась, как от боли. – В Освальде было очень много сил: он вытянул их из Сердца, чтобы стать бессмертным. Но, забрав эту темную силу, Сивард превратился бы в нового Освальда, только гораздо хуже, с его-то даром. Он стал бы бессмертным владыкой такого могущества, что победить его было бы невозможно.

Тис глядел так умоляюще, будто хотел, чтобы Генри сказал: «Да ладно, ничего страшного, что ты не верил в него, что ты бросил его. Я тебя прощаю». Генри прощать не собирался.

– Я решил дать ему шанс, – все тем же оправдывающимся голосом сказал Тис, потирая заросший клочковатой щетиной подбородок. – Как ты знаешь, волшебные предметы можно переплавить. Волшебство, заключенное в них, от огня высвобождается и переходит в ближайший сосуд – в тот, что рядом. Так Освальд делает напиток. А я в тот день собрал все волшебные предметы, что были у меня, расплавил их и в том вареве, которое получилось, закалил меч. Да, Генри, у меня был меч, я не всегда был стариком. Меч напитался такой силой, что теперь смог бы убить кого угодно, даже бессмертного Освальда. И я принес этот меч Сиварду, вот сюда, и сказал: «Хорошо, если хочешь убить отца, убей его этим мечом». И когда он отказался, я понял: это не он, а огонь внутри его хотел забрать силу Освальда. Они встретились у подножия ущелья, там, где сейчас твои друзья. Сивард уже сам не понимал, что делает, он всегда любил отца. Но в тот момент в его глазах была такая убийственная ненависть, что я понял: он победит, и тогда... – Тис захлебнулся воздухом. – Сивард был куда опасней Освальда. Освальд – просто плохой король и хитрец, одержимый жаждой власти и страхом смерти. Но Сердце уже было для него недоступно, трон – тоже, все в столице присягнули Ингвару, какие он мог причинить разрушения? А вот Сивард... Я просто хотел поступить правильно. Уничтожив ту деревню, он получил столько силы, что его было уже не убить обычным мечом.

– Что ты сделал? – онемевшими губами проговорил Генри.

– Я отдал меч Освальду.

Генри судорожно дернул губами, пытаясь вдохнуть. Получилось только с третьей попытки.

– И когда Сивард увидел это... Он даже не боролся. Я его предал, понимаешь? И Освальд, в ярости от того, что лишился власти, подошел и вогнал меч ему в грудь. – Тис сипло вдохнул. – Но когда он умирал, дар оставил его. И мы с Освальдом, мы оба, стояли и смотрели на это. Сиварду было семнадцать. Чуть старше тебя. Почти ребенок. И он задыхался и смотрел на нас, на своих убийц, и я видел – он освободился. Он снова был собой. Это было невыносимо, Генри. И когда он умер, Освальд не мог смотреть на его тело. Вскочил на лошадь и унесся прочь. Он уже раскаялся, он ведь любил своего младшего сына куда больше, чем Ингвара. А я взял тело, перенес туда, где спрятано Сердце, и там похоронил. – Тис сжал пальцами переносицу. – Ты очень похож на него. Я не знаю, как это возможно, но это так. Смотрю на тебя – и вижу его. Худшего наказания Барс для меня и придумать бы не мог.

– Меня тоже убьешь?

– Не будь таким жестоким.

Генри коротко, зло рассмеялся:

– А, так это я жестокий? Ты... Ты старый, трусливый... – Он задохнулся. – Почему никто не знает, что он сделал? Почему все считают, что Сивард и разрушитель – два разных человека?

– Ни я, ни Ингвар не хотели, чтобы имя Сиварда было связано с ужасными вещами, которые он сделал. И мы придумали рассказывать эту историю по-другому. Был Сивард, герой. И был разрушитель, который преследовал его по пятам, как тень. А те слова в конце сказки про то, что «однажды эта игра продолжится» и добрый герой снова сразится со злым, я придумал, чтобы дать жителям королевства надежду, вселить в них мужество. Я считал, что добро – это добро, и оно должно быть совершенным, людям так легче.

Генри с трудом втянул воздух.

– Он мог в любой момент прекратить это, пока шел сюда, – наконец выдавил он, сам ненавидя себя за этот жалкий, трясущийся голос. – Я бы так не смог. Никто бы не смог. Если бы ты помогал ему с самого начала... Даже отсюда ты мог забрать его в безопасное место, спрятать, он был сильным, он бы мог держаться. Но легче было от него избавиться, да?

Тис отвел взгляд.

– Когда я понял, что ты такой же, как он... – Он затряс головой по-стариковски беспомощно. – Я слишком стар, чтобы опять через это пройти. Одного мальчика я уже похоронил. Я думал, что в следующий раз Барс выберет более... подходящего героя.

– Лучше бы он выбрал более подходящего наставника, – процедил Генри, подходя ближе. От ярости его трясло, и Тис попятился. – Этот меч еще у тебя?

– Освальд хотел забрать его себе, – пролепетал Тис. – Но я заколдовал меч так, чтобы он вернулся ко мне, как только дело будет сделано. Я хранил его.

Генри нетерпеливо дернул рукой:

– Давай его сюда. Я убью Освальда. Пока он жив, это все не закончится.

– Нет, Генри.

– Дай мне меч.

– Освальд прекрасно дерется. Ты его не победишь. Либо он убьет тебя, либо огонь заставит тебя бросить меч и схватить Освальда голыми руками.

Генри упрямо смотрел на него, и взгляд Тиса вдруг смягчился.

– Я знаю, что нужно сделать. – Старик расправил плечи. – Надо было еще в прошлый раз с этого начать. Я сам возьму меч и вызову Освальда на поединок.

– Ты что, меч держать умеешь? – издевательски спросил Генри.

– Да, конечно. Просто давно этого не делал. И знаешь что? Думаю, есть надежда, что после смерти Освальда со всех его воинов спадет заклятие подчинения... раз подчиняться больше будет некому. – Он глубоко вдохнул, успокаиваясь прямо на глазах, и потер подбородок. – Только надо побриться. Волшебник с бородой – это как-то несерьезно. Мы все исправим, Генри. Я убью Освальда, ты найдешь Сердце, а дальше разберемся.

Тис протянул руки вперед, и Генри попятился – на миг ему показалось, что старик решил сбросить его со скалы, – но тот вдруг притянул его к себе, так что Генри впечатался лицом в мягкую ткань на его груди. Генри попытался оттолкнуть его, но Тис держал крепко.

– Из меня вышел ужасный помощник. Сам не знаю, почему Барс опять меня выбрал, – негромко сказал Тис.

От него пахло печеньем, кошками и старостью, и Генри захотелось разрыдаться – и за себя, и за Сиварда.

– Барс хочет дать шанс тем, от кого никто ничего не ждет, – пробормотал он, невидяще глядя перед собой, и почувствовал, как Тис вздрогнул и за плечи оттянул его от себя, заглядывая в лицо.

– Я все исправлю, я буду с тобой до конца, что бы ни случилось. Ну ладно, мы еще поговорим. Я пошел за мечом, а ты вообще-то должен искать ключ.

И прежде чем Генри успел ответить, он исчез.

* * *

В сером, ничего хорошего не предвещающем свете нового дня спускаться по ущельям было легко. Генри даже не думал, какой дорогой ему идти, ноги словно шли сами. То же ощущение вывело его на вершину, а до этого – к памятнику в лесу. Шкатулка помнила Сиварда – вот в чем было дело. И сейчас, сбегая вниз по осыпающимся камням, Генри знал: именно здесь спускался Сивард в тот день, триста лет назад, спускался, чтобы умереть. От этой мысли Генри опять начал задыхаться.

Лошадей уже не было, сбежали куда-то, испуганные громким топотом солдат. Его спутники по-прежнему спали, и Генри пару минут смотрел на них. Сивард был совсем один. Нет ничего хуже, чем быть одному, подумал он, расталкивая их.

– Мама, – прошептал Сван, протирая глаза и глядя на черное войско: оно подошло уже почти на расстояние полета стрелы, были видны даже равнодушные, спокойные лица воинов.

Агата умоляюще посмотрела на Генри, и он без слов понял ее: «Скажи, что ты знаешь, что нам делать». Все четверо придвинулись поближе к Генри, как будто он мог хоть от чего-то их защитить.

– Объяснять некогда. В этих горах хранится ключ от всех дверей, – отрывисто произнес Генри и кивнул Джетту. – Я назначаю тебя хранителем. Иди и найди его.

– Я? – Тот коротко, неловко рассмеялся. – Да ты что, Генри. Нет, только не я.

– Ключ от всех дверей? Знаменитый сказочный предмет? – взвился Хью. – Да кто владеет им, может любую дверь открыть! И ты хочешь дать его проходимцу, вору, который сбежал из Цитадели? С ума сошел?

– Я должен выбрать того, кому доверяю, – отрезал Генри. – Джетт, найди его и быстро возвращайся сюда.

– Да я даже понятия не имею, как мне... – Джетт облизнул губы и вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то, а потом приложил ладонь к камням и сделал пару шагов, не отнимая руки от скалы. – Под камнями как будто... Как будто что-то теплое течет. И оно ведет куда-то туда.

Хью схватился за те же камни:

– Что ты выдумал? Они холодные.

– Не для меня, – тихо сказал Джетт.

Он хотел добавить что-то еще, но Генри нетерпеливо подтолкнул его, и Джетт пошел куда-то вглубь ущелий, не отнимая руку от камней.

Остальных Генри потянул за широкий выступ скалы, не спуская тяжелого взгляда с Хью: раз он столько сделал, чтобы помочь Освальду, от него можно ждать чего угодно. А Джетт справится и сам.

– Вы двое – держите Хью. Крепко.

– С чего это? Эй, я вам не зверь, чтобы меня держать!

– Это приказ, – негромко произнес Генри.

Агата взялась за руку Хью над локтем, Сван сделал то же самое. Хью едва не задохнулся от возмущения, и Генри почувствовал короткое мстительное удовольствие.

– А ну пусти, мордастый! Кого ты будешь слушать – его или меня?

– Его, – тихо сказал Сван. – Раз он говорит, значит, так надо.

Хью скрипнул зубами и повернулся к Генри:

– Ты что, угробить нас всех решил? Чего мы теперь ждем, умник?

– Не чего, а кого, – нервно сказал Генри.

Старик все не появлялся. Куда он пропал? Как будто взять меч – это так долго! Вдруг струсил и вовсе не придет?

– А вот и я – готов к битве и отлично выгляжу! Привет, мои юные друзья!

Все подскочили: к появлению людей из воздуха привыкаешь не сразу.

– Дедушка, а ты почему в халате? – нерешительно спросил Сван.

– А я-то рассчитывал услышать: «Ура, волшебник пришел нас спасать!» – притворно оскорбился Тис. – Это не халат. Это прекрасный старинный кафтан.

Генри хмуро оглядел гладковыбритого Тиса, и его запоздало кольнуло тревогой.

– У тебя нет доспехов или чего-то такого?

Тис беззаботно отмахнулся. Сейчас Генри поверить не мог, что четверть часа назад старик глядел на него таким убитым, мучительно виноватым взглядом.

– Я тогда все переплавил, чтобы закалить меч. Но он того стоил – красивый, а?

Тис поднял на раскрытых ладонях короткий меч из светлого металла. Меч не сиял, не светился, ничего такого, но Генри чувствовал исходящую от него силу, как будто воздух вокруг меча был плотным, упругим, едва не звенел от волшебства. Генри бездумно потянулся к нему. Он ни разу в жизни не держал в руках меч, и этот показался ему самым прекрасным оружием, какое он только видел.

– Да у Освальда меч в два раза длиннее! – возмущенно прошептал Хью, выглядывая из-за скалы на равнину. – Вы его этой железкой не победите!

– Для хорошего меча длина – не главное. Генри, прошу, убери руки – порежешься, а мне сейчас за кошками бежать некогда, – дружелюбно сказал Тис, и вся злость, какую Генри чувствовал, испарилась окончательно. – И кстати, у меня к вам важный вопрос. – Тис с железным лязгом убрал меч в ножны, полез в карман и вытащил горсть шариков в разноцветной бумаге. – Хотите конфет?

Хью и Сван схватили полные горсти и набили рот, Агата взяла одну, завороченно глядя на Тиса, и положила в рот вместе с бумагой, даже не заметив.

– Вот такой должна быть жизнь волшебника, детки. Все рады тебя видеть и едят конфеты. Никаких злодеев. – Тис прищурился, глядя в темное, тяжело нависшее небо. – Больше конфет не дам, берегите аппетит: когда со всех этих несчастных людей спадет заклятие, соберем большое чаепитие прямо на поле боя. Я позову скриплеров, они все устроят. И будьте любезны: когда я вернусь с победой, крикните мне «ура», сделайте приятное старику. Ну все, я пошел.

И он твердым шагом вышел из расселины и зашагал в сторону Освальда. Ветер трепал его седые волосы и край одежды, которую Сван назвал халатом.

Освальд негромко сказал: «Стоять», и все его войско остановилось, бессмысленно глядя перед собой. Первым рядом шли посланники в кожаных доспехах поверх зеленых курток, и Генри увидел: Олдус Прайд стоит прямо за плечом Освальда.

– Тис! – крикнул Генри, не выдержав. Ему хотелось сказать «спасибо», и «удачи», и «я знаю, что Сивард тебя простил». Но когда Тис остановился, с улыбкой обернувшись к нему, Генри смог выдавить только: – По-моему, с бородой было лучше.

– Тис... Какая неприятная встреча, – натянуто произнес Освальд. – Тебе, случайно, не пора спать или кормить кошек?

– Здесь, на месте гибели Великого Сиварда, я вызываю тебя на поединок, – громко сказал Тис.

Освальд сухо, невесело рассмеялся:

– Серьезно? Ты бы мне еще свой непобедимый меч на золотом блюде принес. Но здесь я с тобой драться не буду, у меня... – Он осекся: впервые на памяти Генри в этом металлическом голосе послышалось какое-то настоящее чувство. – У меня плохие воспоминания об этом месте.

– Такое бывает, когда убиваешь собственного ребенка, – дрогнувшим голосом сказал Тис и поднял меч. Тот тускло блеснул в хмуром утреннем свете.

Освальд рассмеялся наигранным, злым смехом:

– Твое убийство в мои планы не входило. Но раз уж ты настаиваешь... – Он пожал плечами и развернулся в сторону скал. – Генри, я знаю, ты где-то прячешься! Когда я убью старую развалину, это будет твоя вина! Ты позволил ему выйти сражаться за тебя. Не забудь.

И, едва договорив, Освальд вытащил меч и бросился на Тиса. Генри малодушно зажмурился. Но мечи дробно, быстро звенели, предсмертных криков вроде не было. Генри осторожно приоткрыл глаза – и медленно, потрясенно выдохнул.

Трудно было ждать ловкости, скорости или красоты от боя между седым стариком и человеком, с головы до ног закованным в железо, но рот у Генри восхищенно приоткрылся. Всю жизнь он учился драться так, как дерутся звери: прыгать, наскакивать, сбивать с ног, наносить как можно больше ударов, не думая слишком долго. Отец всегда говорил, что природа – лучший учитель. Но в этом бое не было ничего звериного: никаких криков, подножек, ударов локтем в живот. Только шаги, ложные выпады, быстрые взмахи руками, легкие касания меча о меч. Освальд и Тис сходились и расходились, кружили друг вокруг друга, выжидая момент для единственно верного удара. Это был молчаливый разговор. Генри чувствовал: оба просчитывают бой на несколько шагов вперед. Он стоял, вцепившись в белые камни, и думал об одном: когда он станет нормальным, когда огонь утихнет и можно будет не бояться, что во время драки потеряешь контроль и снимешь перчатки, он пойдет и научится вот так сражаться. Он чувствовал, что остальные думают о том же: на их лицах было искреннее восхищение, даже Хью перестал вырываться и во все глаза смотрел на бой.

Тис обманчиво неторопливым движением вскинул меч, а потом коротко, точно ударил вперед, но Освальд успел уйти в сторону и вдруг рукой, свободной от меча, врезал Тису кулаком по лицу. Тот отшатнулся, и Освальд пнул его ногой в колено, а потом ребром ладони ткнул в шею. Посреди сдержанного, полного достоинства боя это казалось грязной звериной дракой. Тис явно был не готов, и в ту пару секунд, пока он растерянно кашлял, Освальд схватился за лезвие его меча, дернул на себя, подбросил, переворачивая, и вонзил Тису в грудь.

Генри почувствовал, что кричит, но сам себя не услышал – уши забивала тишина, будто он внезапно оглох. Тис осел на землю, прижимая руку к груди, и Генри рванулся вперед. Он не сразу понял, почему не двигается с места, сколько бы ни дергался, – кто-то навалился на него сзади, прижимая к скале.

– Нет, нет, не ходи, он тебя убьет, это же нечестно, он дерется нечестно, – бормотал Сван, и Генри бездумно двинул ногой ему в лодыжку.

Сван завопил и разжал руки.

Освальд хотел драку без правил и без мечей? Пусть получит. Генри мчался вперед, и огонь внутри разгорался с каждым шагом. Он сорвет этот проклятый шлем, вцепится в доспехи, убьет голыми руками! Он летел прямо на Освальда, но тот коротким движением выставил вперед меч, и Генри резко остановился, задыхаясь, – острие меча уперлось ему в горло.

– Не стоит, – холодно сказал Освальд. – Лучше попрощайся. Он умирает.

Генри упал на колени. Старик лежал неподвижно, раскинув руки, и Генри сгорбился, сжимая в кулаках мягкие отвороты его кафтана.

– Ты же волшебник, – беспомощно пролепетал он. – Тебя же нельзя убить, да?

– Этим мечом можно убить кого угодно. Он сам его выковал, – сказал Освальд.

Генри почувствовал, как тот нависает над ним, и ближе наклонился к Тису, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Генри... – Старик медленно, через равные промежутки времени моргал, как будто это помогало ему оставаться в сознании, но по тому, как быстро пропитывалась красным его одежда, Генри уже знал: Освальд прав, все кончено. – Твой дар... не исчезнет.

– Что? О чем ты? Лучше молчи, ты не... Все будет в порядке, – на одной ноте бормотал Генри, у него тряслись губы, он сам едва разбирал, что говорит.

– Дар... ваш с Сивардом... Он не от Сердца. Я трус, я не смог... тебе... правду.
Пальцы Генри разжались.

– Даже если я достану Сердце, для меня ничего не изменится, – медленно проговорил он. Понимание накрыло его, как черная тень. – У меня не будет доброго дара.

Тис коротко кивнул и поморщился:

– Прости. – Язык у него заплетался. – Мой дом... твой. Просто... представь его.

Он хрипло втянул воздух, чтобы сказать что-то еще, но взгляд его уже остановился, в нем мутно отражалось серое небо.

Генри видел столько мертвых животных; смерть – это часть жизни, но сейчас это было невыносимо. Он еле чувствовал собственные руки, которые зачем-то продолжали трясти старика за отвороты кафтана. А потом раздался голос Освальда:

– Ты что, правда считал, что твой дар просто возьмет и исчезнет, если ты найдешь Сердце? Бедный мальчик. Я бы на твоём месте так не убивался по старику. Они с Барсом заставили тебя ввязаться в поход, от которого ты ничего не получишь. Какое лицемерие.

Генри на секунду уперся лбом в костлявую неподвижную грудь старика, а потом встал, стянул перчатки и бросил на землю. У него было такое чувство, что дыра в груди у него, а не у Тиса.

Освальд посмотрел на его руки, мертвенно-белые в утреннем свете:

– Как предсказуемо. Ну, попробуйся.

Освальд наклонил голову набок. Меч Тиса все еще был у него в одной руке, а собственный, тяжелый и длинный, – в другой, и Освальд предостерегающе приподнял оба. Но Генри все равно протянул руку к его шее. Освальд не двигался, и Генри пару секунд просто смотрел на него поверх собственной напряженной, будто судорогой сведенной руки. А потом дернул этой рукой вправо и коснулся шеи Олдуса Прайда, стоявшего за плечом Освальда. Тот закричал, отшатнулся, хватаясь за ожог на шее, и посмотрел на Генри ясным, перепуганным взглядом.

– Что... Генри? А где... О... – бессвязно забормотал он, увидев Освальда.

Генри медленно нагнулся, поднял перчатки и натянул их. Олдус тем временем пытался докричаться до посланников, которые спокойно глядели вдаль поверх его плеча.

– О, я и не знал, что ты так умеешь, – как ни в чем не бывало кивнул Освальд. – Если хотел показать, что держишь себя в руках, – хотя в твоём случае это звучит, как плохая шутка, – то молодец, получилось. Но тебе это не поможет: у меня много солдат, всех ты не расколдуешь. По первому же моему слову они убьют тебя, так что лучше вежи себя вежливо и тихо.

– Если б ты хотел, ты бы уже меня убил. – Генри знал: ужас придет потом, сейчас он чувствовал только невыносимое, холодное спокойствие. – Я тебя не боюсь.

– Ну что ж, тогда давай мирно разойдемся. Дорога к Сердцу идет через это ущелье, а мне уже, признаюсь, не терпится достать его и получить награду за труды.

Генри нахмурился. Судя по его карте, место шестого испытания и правда было в той стороне. Но откуда Освальду это знать?

Освальд понимающе хмыкнул и поглядел куда-то ему за спину. Генри чувствовал: все его спутники уже давно вылезли из-за скалы и замерли в проеме ущелья, и он шагнул чуть в сторону, загораживая их собой от Освальда. Все это время он старался не смотреть вниз, на тело Тиса, а сейчас посмотрел – и вздрогнул. Тела не было: в воздухе вились мелкие искры, не огненные, а полупрозрачные, будто сияющие капли воды.

– От волшебников не остается тел. Они растворяются и становятся частью всего, – невозмутимо пояснил Освальд. – Можешь начинать скорбеть, только вели своим людям посторониться, а то моя армия их затопчет. Такой уж у нее недостаток. Если говоришь: «Вперед», идут, даже если там стена. Стоять! – крикнул он себе за спину. Услышав знакомое слово «Вперед», первые ряды решили, что это он им.

– Ты не найдешь Сердце, даже если будешь на нем стоять, – тяжелым голосом сказал Генри. – Это может сделать только тот, кто прошел испытания. Поэтому ты меня и не убиваешь: надеешься отнять Сердце, когда я его достану. И я его достану, не сомневайся. А потом разберусь с тобой.

– Ты кое-что не учел. Все твои люди прошли испытания, а значит, при наличии ключа дверь откроется любому из вас.

– Ни ключа, ни помощников у тебя нет, – отрезал Генри. – Ты один. И сдохнешь один, когда я убью тебя. Но сейчас мне некогда. Олдус, идите за мной.

Того дважды просить не пришлось, он бегом бросился к скалам, туда, где стояли остальные, даже Джетт уже вернулся. Генри шел неспешно, расправив плечи, – а потом услышал за спиной смех Освальда:

– Лучше уж быть одному. Знаешь, что убило Сиварда? И тебя это тоже убьет. – Генри остановился, не оборачиваясь. – Вера в людей. Вы шли до конца ради того, чтобы люди были счастливы, чтобы у людей были дары. Но люди того не стоят. Джетт, дай мне ключ.

Генри едва не рассмеялся: если Освальд правда думал, что может приказывать всем вокруг так же, как своим солдатам, он не так уж умен.

А потом Джетт с неподвижным, застывшим лицом размахнулся и швырнул ключ Освальду.

Ключ серебристо блеснул в воздухе, Освальд, наверное, поймал его, но Генри за ключом не следил. Он смотрел только на Джетта, и ему казалось, что дыра в груди стала больше, разрасталась, ломая кости на своем пути.

– Никогда не доверяй людям, Генри, – мягко сказал Освальд. – Особенно таким, как этот. Он фокусник. Его работа – за деньги заставлять людей верить в ложь, да, Джетт? Иди сюда, заberi свою награду. И быстрее, пока он тебя не убил.

Джетт захромал вперед, но, поравнявшись с Генри, остановился, как будто ждал чего-то: слов, удара. Но Генри молча продолжал идти к скалам. Через плечо он увидел, как Освальд протянул Джетту маленький, тяжело звякнувший сверток.

– Десять золотых монет – все, как договаривались. Ну как, Генри, ради таких людей ты хотел найти Сердце? Я с первого испытания знал о каждом вашем передвижении. На нем моя метка, которую он добровольно дал себе поставить. – Голос Освальда взвился над равниной, уверенный и громкий. Теперь он обращался не только к Генри. – Нет ничего зазорного в том, чтобы перейти на сторону победителя. И я делаю щедрое предложение: кто хочет служить мне? Никакого напитка: солдат у меня достаточно. Теперь мне нужны генералы, а у них будет богатство, почет и армия в подчинении.

– Генералы? Я хочу! – крикнул Хью и подхватил с земли вещи. – Это чудовище меня терпеть не может, смотрит, как на гада ползучего, зачем мне с ним оставаться, когда он проиграл?

– Хью, не надо, не уходи! – Сван схватился за его рукав, но Хью отпихнул его.

– Отстань. Я начинаю новую жизнь, и в ней не придется носиться с тупым жирным братцем.

Сван разжал руки.

– Добро пожаловать, Хью Кэмпбелл. – Освальд весело наклонил голову. – Если любишь золото, у меня его сколько угодно. Сколько ты хочешь?

Хью что-то взбудораженно ответил, но Генри его не слушал, он кое-что вспомнил и вытащил из кармана монету.

– Ты просил ее за помощь, – едва узнавая свой голос, сказал он, по-прежнему не сводя глаз с Джетта. Тот остановившимся взглядом смотрел в землю. – Бери.

И он швырнул монету к ногам Джетта. Генри был почти уверен, что Джетт не возьмет, но тот подобрал ее и молча положил в карман. И в эту секунду Генри наконец понял: этого человека он не знает и никогда не знал.

– Ох, Генри, видел бы ты свое лицо. Джетт, я бы на твоём месте беспокойно спал по ночам, имея такого врага. Ну, а теперь вперед, – довольным голосом сказал Освальд. И все его люди зашагали в сторону ущелья.

Генри опустил на камень. Олдус и Агата застыли рядом. Сван по-прежнему кричал что-то Хью, уговаривал его, а Хью делал вид, что не слышит.

Дойдя до Генри, Освальд остановился.

– Теперь я знаю, куда идти, так что игры кончились. Если попытаетесь меня догнать, я вас убью. Идите домой, спасители королевства. Агата, как приятно, что твой длинный язык молчит. Толстый мальчик, прекрати кричать, твой брат явно всю жизнь мечтал от тебя избавиться. Господин Прайд, если решите считать себя героем, вспомните, как вы меня умоляли вас не убивать, прежде чем выпили напиток. – Освальд вытянул меч Тиса в сторону Генри и острием приподнял ему голову. – Ты хотел знать, почему я тебя не убил? Опозоренный враг лучше мертвого. Смерть – это не наказание. Настоящее наказание – это когда ты знаешь, что был близок к победе и проиграл. Ну, и еще когда твой друг продает тебя за десять монет.

Освальд пошел вперед, крепко сжимая меч Тиса, и Генри бессильно привалился к скале.

«Вот теперь нам точно конец», – словно наяву услышал он голос Джетта и поморщился, как от боли.

Чья-то рука погладила его по спине. Он вяло оглянулся – Агата сидела рядом и смотрела на бесконечные ряды идущих мимо солдат.

– Идите домой, – еле шевеля губами, произнес Генри. – Все закончилось.

– Никуда я без Хью не пойду, – размазывая по щекам слезы, пробормотал Сван.

Агата решительно встала и потянула Генри за руку. Тот не двинулся.

– Агата, а вы-то что здесь делаете? – нахмурился Олдус.

Генри едва слышал их голоса.

С того момента, как он снял заклятие с Олдуса, его трясло, как будто что-то утягивало его в густую, горячую темноту. Огонь разгорался, словно набухающий внутри шар, Генри слышал его так ясно, как если бы тот говорил ему в ухо, и вздрогнул – за два дня он успел отвыкнуть, что не один в собственной голове.

«Ты просил подождать, пока твое путешествие закончится. Оно закончилось. Ты проиграл, пора выполнить сделку. Не бойся, я позабочусь о тебе. Засыпай».

Генри закрыл глаза. Под веками была не темнота – все горело красным. Он хотел отвернуться, но не мог.

«Пожалуйста, только не сейчас, – подумал он. – Дай мне еще немного времени».

«Ты думал обмануть меня, правда? Думал, я просто исчезну и тебе не придется платить?»

«Я все понял, я был неправ, ты сильнее меня, но дай мне хоть неделю, прошу тебя».

«Могу дать день, не больше».

«Нет, это же слишком мало, пожалуйста, мне нужно больше времени, я...»

И тут его кожи коснулась вода. Огонь зашипел. Генри открыл глаза, чтобы прекратить это, – и увидел перед собой лицо Свана. Тот держал в руке большую плетеную флягу с водой, содержимое которой сейчас мерно выплескивал Генри в лицо.

– Помогло! – сказал Сван, во все глаза глядя на него. За плечом у него маячили испуганные лица Агаты и Олдуса. – Еще у меня конфета осталась, они тоже помогают.

Зашуршала бумага, потом Сван впихнул ему в рот что-то круглое и приторно-сладкое. Генри перекатил это во рту и поморщился.

«Один день», – шепнул огонь и притих.

– У вас есть с собой железные веревки? – хрипло спросил Генри у Олдуса.

У того вид был бледный и встрепанный, но в остальном два дня в армии Освальда его, к счастью, не изменили.

– Наручники? А зачем? – растерялся Олдус, но все же вытащил из-за пояса железную веревку с кольцами на концах. – Знаете, если вы хотите догнать Освальда, подойти к нему и сказать «Вы задержаны именем короля», этот план мне кажется немного...

Генри вытянул вперед руки:

– Надевайте.

– Вы опять? Я не повезу вас в Цитадель, я же сказал!

– Мы уже не успеем в Цитадель. Наденьте на меня эти штуки. Поверх перчаток.

Видимо, взгляд у него был достаточно красноречивый, потому что Олдус закрыл рот и молча надел веревки ему на запястья, прижав перчатки к коже.

– Затяните сильнее. Нет, еще сильнее.

Генри, не сдержавшись, дернулся, когда железо глубоко врезалось в кожу.

– Вам же больно, я ослаблю.

– Потерплю. У вас стрелы остались? – Генри кивнул на лук, висящий у Олдуса за плечом. Тот заглянул в колчан.

– Да, три стрелы есть. Но не думаю, что мы сможем убить Освальда, он же все-таки в доспехах с головы до ног и...

– Не его. Меня.

– Вы что, с ума сошли? – медленно спросил Олдус.

– У меня остался один день, а потом я превращусь во что-то ужасное. Но я не хочу, чтобы меня убили, как зверя, я хочу понимать, что происходит. Поход кончился, я так глупо себя вел, верил, что все исправится, и теперь... – Он захлебывался воздухом и словами. – Со мной и так покончено. Я просто ошибка, и вы должны ее исправить, вы же хотели спасти королевство? Вот и спасайте.

– Минуточку. – Олдус поднял руку, прерывая его. – Нас, кажется, было больше.

– Да какая разница! Домой они пошли! Стреляйте, ну!

– Домой? Уверены? А знаете что, Генри? Вы их привели сюда. Вы за них отвечаете. Так что хватит глупостей, идите и найдите их.

Генри поднял на него тяжелый взгляд:

– Освальд сказал, что зря я доверял людям. Он был прав.

– Я как-то пропустил момент, когда Освальд стал хорошим советчиком. Слушайте, Генри, мне правда жаль, что тот юноша, которого я встретил на дороге в Хейверхилл, вас подвел. Мне он казался славным парнем.

– Мне тоже, – глухо произнес Генри.

– Но мы-то все еще здесь, и вы не имеете права нас бросить. И вас тоже никто бросать не собирается. Вы спасли меня от худшего, что со мной было за всю жизнь. А теперь встаньте, найдите своих друзей и убедитесь, что они в порядке, – тихо сказал Олдус и протянул ему руку.

Генри долго смотрел на нее – бесстрашно протянутую ему открытую ладонь. А потом встал, обеими руками ухватившись за нее.

Блеклые следы вели в ту сторону, куда ушли войска Освальда, и вскоре Генри увидел Свана и Агату. Она шла первой, а Сван, переваливаясь с боку на бок, шагал за ней. Корзина размашисто билась о его ногу, из нее время от времени что-то выпадало.

– Сван, твой дом в другой стороне, – угрюмо сказал Генри, догоняя его.

Сван сердито повернулся к нему, махнув корзиной так, что из нее посыпались вещи, но он как будто не заметил этого.

– Я не пойду домой без Хью, – запальчиво сказал Сван. – Он хороший, он не мог согласиться служить Освальду, он просто... переволновался. Я с ним поговорю, и он передумает.

– Освальд сказал, что убьет нас, если мы попытаемся его догнать, – внятно пояснил Генри.

В ответ Агата осуждающе фыркнула, полезла к нему в карман и достала карту. Она долго смотрела, потом провела ногтем линию к эвкалиптовой роще через место под названием «Запутанный лес».

– Название легкой дороги не обещает, – заметил Олдус, глядя через ее плечо. – Но, думаю, вы правы: Освальд поведет войска по равнине, там с ними легче будет управиться, а через этот лес мы срежем путь и опередим их. Генри, вы идете?

– И какой у тебя план? – угрожающе спросил Генри, шагнув к Свану. – Думаешь, Сердце просто валяется где-то в эвкалиптовой роще?

– Нет. Я встану перед дверью и подожду, пока придут Освальд и остальные. И когда увижу Хью, скажу: «Или пошли домой вместе, или убивай меня, а от двери я не отойду». Хью сразу и одумается.

– Про какую дверь ты говоришь? – утомленно спросил Генри.

– Ну, ключ от всех дверей в сказках открывает любую дверь, – пояснил Сван, переступая с ноги на ногу. – Значит, в этой роще есть какая-то дверь, и я ее найду.

Генри потер лоб. Ему эта простая мысль в голову не пришла.

– Как ты отыщешь дверь посреди леса? – уже спокойнее спросил он, но Сван уже развернулся и пошел прочь. Агата зашагала было за ним, но Генри удержал ее: – Тебе-то туда зачем?

Агата шевельнула губами, как будто бесшумно произносила слова, и он прочел по ее губам: «Он убил моего отца».

– Освальд? – переспросил Генри.

Агата серьезно кивнула и начала собирать вещи, которые выпали из корзины Свана.

– Агата, объясните мне, наконец, что вы тут делаете и почему молчите? – спросил Олдус.

– Она немая, – хмуро пояснил Генри.

– Последний раз, когда мы беседовали, она прекрасно владела речью, – строго сказал Олдус.

– Вы что, ее знаете?

– Конечно. Она дочь покойного хранителя казны. Знаете, Агата, если бы ваша мать увидела, в каком вы виде, ее бы удар хватил.

Агата закатила глаза и пошла за Сваном, прижимая к себе охапку вещей.

– Нельзя их отпускать одних. Насчет двери идея хорошая и насчет обхода тоже, хотя, конечно, без ключа у нас шансов на успех нет, но будем хоть знать, что пытались, и... – Рот у Олдуса приоткрылся, и он вдруг схватил Генри за плечи. – Ну мы и тупицы. В Башне загадок вам ведь не нужен был ключ, чтобы открыть дверь, верно?

Генри непонимающе посмотрел на него, а потом выдохнул сквозь сжатые зубы. Ну конечно.

– Никакая вы не ошибка. Вы единственный человек в королевстве, который может открыть любую дверь без всякого ключа. Мы опередим Освальда, пройдя через тот лес, первыми найдем дверь, вы ее спалите и достанете Сердце. А теперь не глупите и давайте быстрее догоним их. Крупный юноша выглядит так, будто его не стоит надолго оставлять без присмотра, а Агату мне потом еще домой возвращать, пока она опять не сбежала, – строго сказал Олдус и каким-то хитрым способом расстегнул веревку у Генри на запястьях.

– Зачем? – дрогнувшим голосом спросил Генри. Сердце билось так тяжело, будто разбухло вдвое и теперь задевало ребра при каждом ударе. Добрый взгляд Олдуса выводил из себя. – Лучше не снимайте, я же опасен, и вдруг я...

– Вы же сказали, что у вас есть еще день. Так пусть это будет хороший день, Генри. А потом мы что-нибудь придумаем.

Вопреки своим словам, Олдус явно не торопился догонять Агату и Свана, которые бок о бок шли впереди, и какое-то время они с Генри молча шагали рядом. Стены ущелья все плотнее сходились над головой, как своды крыши, и в этом длинном, гулком коридоре из скал

далеко разносились удаляющиеся, торопливые шаги солдат. Освальду и правда не терпелось добраться до Сердца, раз он так их погнался.

– Слушайте, можно спросить? – вдруг произнес Олдус. – Простите за любопытство, но вы, случайно, не смогли открыть шкатулку Сиварда? Он с детства мой герой, я видел все предметы, которые ему якобы принадлежали, а этот – уж точно подлинный.

Олдус взволнованно заглянул ему в лицо, и Генри даже выдавил что-то, отдаленно похожее на улыбку. Он должен ответить. Ради Сиварда.

– Там оказалась записка, как найти ключ. Больше ничего.

– А взглянуть можно? – с трудом скрывая разочарование, протянул Олдус.

– Простите. – Генри покачал головой, пытаясь рукой заслонить карман так, чтобы контур шкатулки был не слишком заметен. – Я ее потерял.

Глава 15

Колесо дракона

Если бы Генри сказали, что он пожалеет об отсутствии Хью с его ворчанием, не поверил бы, но так оно и было. Сван с пугающей скоростью убедил себя, что они найдут Сердце, спасут Хью и выберутся живыми, и постепенно заразил своим неуместно бодрым настроением остальных. Олдус начал улыбаться, Агата – обрывать цветы с придорожных кустов. Генри думал, что они хоть съедобные, но Агата даже не попробовала, только нюхала их и вплетала в волосы. К счастью, все трое Генри не трогали. Олдус и Сван были заняты тем, что по губам пытались прочесть рассказ Агаты о том, как она здесь оказалась. Генри шел впереди, поминутно заглядывая в карту, и словно кожей чувствовал, как быстро уходит время.

А потом Олдус нагнал его.

– Слушайте, Генри, плохо дело. Если коротко – год назад чуть ли не половину всего, что хранилось в казне, украли. Король держит это в тайне, даже я не знал. Отец Агаты пытался выяснить, кто это сделал, и однажды вечером пришел домой взволнованный, сказал, что король Освальд – не легенда. При дворе есть человек, который работает на него.

Генри вопросительно приподнял брови, ожидая продолжения. Говорить он не мог: после всего, что произошло, ему казалось, что если он откроет рот – просто заорет на одной ноте.

– На следующий день его нашли мертвым. Всем сказали, что он скончался от сердечного приступа. А все самое ценное из того, что годами собирали посланники, видимо, оказалось у Освальда. Вот почему Пал забрал у меня шкатулку. Он боялся, что если я отвезу ее во дворец... – Олдус перевел дыхание. – Агата пыталась выяснить, кто пустил Освальда в казну, но потом с ней что-то случилось, она не хочет говорить что. Она прихватила деньги отца, сбежала из дома и поселилась неподалеку от Дома всех вещей. Агата одна из немногих знала, где его искать, ее отец был старым другом скриплеров. Она прекрасно разбирается в старинных предметах и, как и отец, хотела их защитить: скупала у людей и приносила скриплерам. Гибель Дома всех вещей ее просто убила. – Олдус явно ждал от Генри какой-то реакции на его рассказ, но тот только кивнул, и Олдус со вздохом прибавил: – Ладно, хоть объясните мне, откуда Освальд знает, где искать Сердце?

Генри сделал вид, что не слышал вопроса, но Олдус повторил, и Генри нехотя показал ему карту. На ней горели шесть огоньков, и Генри повел пальцем от одного к другому.

– Ого. Они соединяются в форме сердца, – выдохнул Олдус.

– Освальд отмечал на своей карте точки, где были предыдущие испытания. Благодаря Джетту он знает их все. Ему оставалось только провести две линии – через точки первого и пятого испытания – и посмотреть, где они пересекаются.

– В эвкалиптовой роще, – выдохнул Олдус. – Так просто?

– Да, – сказал Генри и ускорил шаг.

Он все ждал, когда его начнут убеждать, что пора отдохнуть и поискать еду. Он и сам это знал, краем глаза видел, что все уже еле тащатся, но про это никто почему-то даже не заикнулся. Генри был уверен, что они будут нить всю дорогу, и то, что они болтали обо всем, кроме этого, вызывало у него странную, неловкую тревогу, которой он не мог подобрать названия.

До Запутанного леса они дошли, когда солнце перевалило далеко за полдень. Голые склоны сменились густым лесом с новорожденной клейкой листвой. Здесь так пахло весной и чем-то одуряюще живым, что Генри все казалось, будто он сейчас услышит, как на деревьях лопаются почки.

Но вместо этого он услышал кое-что другое – за спиной у него вдруг раздалось знакомое дребезжание губной гармошки.

Генри подскочил. За пару секунд в голове у него пронеслось все, что он скажет Джетту. Он медленно повернулся – и выдохнул, облегченно и разочарованно. На гармошке играл Сван.

– Где ты ее взял? – резко спросил Генри, он чувствовал, что от этого звука у него волосы на загривке встают дыбом, как у взбешенного волка, слова застревали в горле, не давали дышать.

– Джетт ее оставил, когда ушел за ключом. Положил на камень. А я взял. – Сван как будто не понял, что не так, и несмело протянул Генри гармошку. – Хочешь поиграть?

Генри схватил ее, швырнул в кусты и зашагал дальше. Через пару минут звуки раздались снова, и Генри бросился назад, вырвал было гармошку у Свана, но тот потянул ее к себе. Генри бы, конечно, выиграл эту драку, если бы в нее не вступили Агата и Олдус – и совсем не на его стороне.

– Такими ценностями в наши времена не разбрасываются, да и повеселиться не помешает, – сказал Олдус. – К тому же получается у Свана отлично, да, Агата?

Та с силой закивала, и Сван расплылся в простодушной улыбке. Генри застонал и побрел дальше.

– Мы, кажется, тут уже были, – сообщил Сван минут через десять, оторвав от губ гармошку. – Я помню это поваленное дерево.

Генри огляделся. Он так злился, что даже не заметил: мимо этого поваленного клена они и правда уже шли, когда только пересекли границу леса.

– Нет. Это другое дерево, – веско сказал он и пошел дальше, заставив себя сосредоточиться, больше не отрываться от карты и ни о чем не думать.

И вскоре они наткнулись на то же самое поваленное дерево. Все остановились, глядя на трухлявый ствол так, будто он должен немедленно объяснить им, как такое произошло. Потом Агата вырвала у Генри карту, презрительно фыркнула, всем своим видом показывая: когда она их поведет, им не придется кружить на одном месте. Генри был потрясен тем, что ухитрился заблудиться в лесу, и молча уступил ей дорогу. Через четверть часа они стояли на том же месте.

Потом карту взял Олдус – то же самое.

– Давайте я попробую, – неуверенно сказал Сван.

Полчаса они бродили по какой-то уж совсем непролазной чаще, а потом вышли все к тому же дереву.

Но хуже всего было даже не это.

С тех пор как они вошли в лес, прошло не больше двух часов, но солнце здесь словно двигалось по небу быстрее, свет убывал, будто день клонился к вечеру. Тени деревьев на земле вытягивались, как костлявые руки, слишком быстро. Такого просто не могло быть, но Генри уже твердо усвоил: бывает все что угодно.

Он подошел к поваленному дереву и, прежде чем понял, что делает, ударил по нему ногой, потом снова и снова. Ему хотелось разнести дерево в щепки, он пинал его, задыхаясь от бессильной ярости, и остановился, только когда потемнело в глазах. Генри надеялся, что у всех хватит ума сейчас держаться от него подальше, но Сван подтащил к его ногам толстый обломок ветки и сказал:

– Вот, попробуй это.

Генри наподдал по деревяшке так, что она улетела, ломая на своем пути кусты.

– Ух ты! Здорово ногой бьешь! Наверное, в «Пни на счастье» всегда выигрываешь, да? Может, сейчас сыграем? – не унимался Сван, и Генри без сил опустился на поваленное дерево. – А, у нас мяча нет, он у Хью в мешке остался. Но вообще ты прав, подвижные игры – это то, что надо, когда настроения нет. Только я не хочу себе пальцы на ноге отбивать, давайте лучше в колесо дракона? Брось, чего ты так сморщился! Будет весело! Генри, смотри, ты огнедышащий дракон, бежишь за нами, если прикоснешься к кому-то, тот становится драконом вместо тебя.

– Ты ведь понимаешь, что мы заблудились? – уточнил Генри.

– Ага, понимаю. Но что мы сейчас можем сделать? Ничего. А когда ничего не можешь сделать, надо отвлечься и, может, мысль хорошая в голову придет.

– Неплохо сказано, – заявил Олдус.

Он стянул доспехи и куртку, хлопнул Свана по плечу и сорвался с места. Сван с веселым криком помчался за ним, и Генри бессильно потер лицо.

– От лишних движений быстрее теряешь силы, – не отнимая руки от лица, пробормотал он. – Вы что вообще делаете?

Агата нацарапала что-то на табличке, бросила ее Генри на колени и присоединилась к погоне. Генри поднял табличку. На ней крупными буквами было выведено: «Ты такой зануда».

Свет мелкими пятнами просачивался сквозь ветки, теплый, уже почти вечерний. Все трое носились вокруг поляны с дробным, захлебывающимся смехом, прятались за деревьями и снова срывались с места. И Генри вдруг почувствовал, что успокаивается.

А как только страх и злость исчезли, он сразу понял, что делать.

– Господин Худое Пальтишко, – тихо сказал он, – помогите нам. Мы заблудились.

Он огляделся. Мелкие листья бледно сияли в мягком, убывающем свете, на ветках переговаривались птицы, но шагов было не слышно, и Генри поклонился, приложив к груди руку. Он вспомнил: люди делали так в знак уважения.

– Скажи своим, чтобы так не вопили, – проворчал Худое Пальтишко прямо у него над ухом. Генри повернул голову: тот сидел на поваленном стволе рядом с ним, поставив фонарь на костлявые колени. – У меня голова уже разболелась.

– Ух ты! Худое Пальтишко! – запыхавшийся Сван подскочил к коротышке, схватил его и начал поворачивать во все стороны, разглядывая.

– Я тебе не кукла, толстый мальчишка, поставь меня на место!

Пальтишко попытался пнуть его, но Сван держал его на вытянутых руках, и огромные ступни бессмысленно молотили по воздуху.

– Все волшебные существа вымерли после потери Сердца, – пролепетал Олдус, вытирая взмокший лоб. Агата увлеченно разглядывала фонарь. – Невероятно! Можно взглянуть на вас поближе?

– Нет! – взревел Пальтишко и наконец дотянулся ногой до цели: ударил Свана в нос.

Сван выронил Пальтишко, тот проворно встал на ноги и отобрал у Агаты фонарь.

– Наш папа тебя просто обожает! – вопил Сван. – Ты покровитель нашей семьи!

– Да ты что. Я и не знал, – процедил Пальтишко, сердито глядя на Генри. – Где мои тайлисы, наследник Сиварда? Я же предупреждал: людям я не помощник. Явился только потому, что ты мне их обещал.

– Тайлисы? Генри, у тебя они тоже есть? – удивился Сван. – Вот это совпадение! У нас целая коллекция его тайлисов.

– Ваши я ему и обещал, – хмуро пояснил Генри.

– Ой, а откуда ты знал, что они у нас есть? Это же секрет, папа никому не говорил!

Генри тяжело вздохнул: придется рассказать.

– На постоялом дворе Джетт взломал дверь вашей комнаты, и я ночевал под кроватью. А Джетт, пока рылся в ваших вещах, вскрыл замок на ящике с тайлисами. Сказал, просто хочет посмотреть, что вы с собой таскаете.

Сван задумчиво кивнул:

– Хью говорил, что ему нельзя доверять. Хью такой умный.

– Так где мои тайлисы? – перебил Пальтишко. – Иначе и говорить не о чем.

– Они в мешке, который Хью забрал, – огорчился Сван. – А жаль, он всегда говорил, что, если вас отыскать, вы за эти тайлисы будете нам служить и покажете всякие клады! Эй, вы куда! Стойте! Я с детства все сказки про вас знаю! Можно мне вас обнять?

– Нет! – взвизгнул Пальтишко, но Сван уже прижал его к себе, а потом бережно поставил на место.

– А можно вместо тайлисов вам что-нибудь другое подарить? На память? Хью говорит, что добро нельзя разбазаривать, но я быстренько, пока его нету. Сейчас покажу, что у меня осталось. – Сван сел на землю и начал копаться в корзине. – Гребенка, два одеяла, мои любимые носки, видите, тут вышито: «Герой».

На носки Пальтишко поглядел с интересом, но тут же, будто опомнившись, отвернулся.

– Слушайте, – Генри сел на колени рядом с ним, чтобы посмотреть ему в глаза, не нависая сверху, – нам очень нужно выйти к Пропастям, чтобы остановить Освальда.

– Опять начинается? Это дело людей, не мое. Я же сказал в тот раз: больше ко мне не обращайся.

– Я знаю, что ты мне поможешь.

– С чего ты взял?

– Ты знаешь про Сиварда. Ты сказал мне тогда, что я похож на него и что Тис опять струсил. А это значит, тебе известно, кем он был и что сделал.

Лицо Пальтишки вытянулось.

– Ты о чем? – громким шепотом спросил Сван, и Генри повернулся к нему.

– Помолчи, ладно? – попросил он, и Сван закивал, доверчиво глядя на него. Пальтишко морщился и задумчиво жевал губу, и Генри продолжил: – Ты ведь злишься на людей не только за тайлисы. Ты злишься, что без даров они изменились, стали слабыми и жадными, разочаровали тебя. И получается, то, что сделал Сивард, было зря. Но мы можем это изменить, мы все исправим. Я прошу тебя ради него. Он хотел, чтобы я справился. Он бы мне помог.

Пальтишко долго смотрел в сторону, потом вздохнул и поднял выше фонарь.

– Ладно, люди, идите за мной. А ты дай мне свои носки, толстый мальчик. Как плату за проход. Мне они понравились.

Сван с восторженным видом протянул ему носки. Пальтишко важно надел их на свои огромные ноги и пошел вперед, раздвигая ветки и цепляясь за них одежкой.

– Сюда мы уже пробовали идти, дорога все равно выводит обратно, – вставил Олдус.

Пальтишко презрительно дернул плечами:

– Теряться у людей получается куда лучше, чем находить дорогу. – Пальтишко повернулся к Генри и вдруг улыбнулся почти искренне: – А уж у Сиварда теряться получалось лучше всех. Из Тиса был плохой помощник.

– Он...

– Умер. Знаю. В нашем королевстве все связано, так что мы все это почувствовали. Но не переживай, наследник. Умереть, пытаясь исправить свои ошибки, не такая уж плохая смерть.

Пальтишко коротко, остро взглянул на Генри и пошел быстрее. Генри заспешил за ним, и, когда они опередили остальных шагов на десять, Пальтишко заговорил опять каким-то новым голосом, серьезным и дружелюбным:

– После истории с уничтоженной деревней Сивард совсем потерял чувство верной дороги. Начал забывать, куда и зачем шел. И тогда ему на дорогу падали желуди, а иногда шишки или камни, и он шел по ним до самого конца. Я оплакивал его, когда его не стало. – Он помолчал. – Полагаю, ответ на один вопрос ты так и не получил. Зачем Сивард создал огненные камни?

– Чтобы... жечь деревни? – осторожно спросил Генри.

Пальтишко фыркнул:

– Он бы не стал жечь деревни. Он был в ужасе, когда сжег одну, и сделал он это без всяких камней. А ты никогда не думал, почему в ящике, который ты получил и так бездарно упустил на дороге, все камни были на месте?

Пальтишко подождал ответа, а потом объяснил неожиданно терпеливо, как ребенка:

– Прежде чем сбежать из дворца, Сивард с помощью своего дара создал огненные камни – в те времена люди много знали о волшебстве и умели им управлять. Он передал власть над камнями своему брату Ингвару. Это был прекрасный план, Генри. Когда Освальд бросился вдогонку за Сивардом, Ингвар сломал камни и приказал тварям беречь дворец от Освальда. Они много лет защищали дворец, именно поэтому Освальд не мог отвоевать корону обратно. А к тому времени, когда твари погасли, все, кто поддерживал Освальда, уже умерли. Но огненных зверей, бродивших вокруг дворца, все боялись, люди постепенно забыли, что те защищают их от злодея, и стали выдумывать про них всякие жуткие истории. – Пальтишко вздохнул. – Восемь камней Сивард взял с собой на случай, если придется защищаться от отца, но ни один не пустил в ход. Уходя сражаться с Освальдом, Сивард оставил свои вещи на вершине меловой скалы. Я забрал их и отдал Барсу на хранение, а он триста лет спустя подбросил камни на чердак, где их нашел вон тот кудрявый юноша.

– Так ты не просто старый ворчун-коротышка, – потрясенно пробормотал Генри.

– Конечно нет. Я – господин всех дорог, покровитель заблудших. Видел бы ты меня лет пятьсот назад! Пальтишко почти целое, повсюду детки – меня на всех потерянных не хватало, а они мне помогали. Но волшебные существа живут при людях, и, когда те впадают в убожество и уныние, мы делаем то же самое.

– Ты уже в нашу первую встречу знал, что Сивард был разрушителем! – рассерженно прошептал Генри, оглядываясь на остальных. – Не мог мне сказать?

Пальтишко пожал плечами:

– Узнай ты правду раньше пятого испытания, она бы тебе только навредила.

– Мне уже надоело, что никто ничего прямо не говорит! Барс что, не мог просто мне приказать: иди туда и возьми Сердце? Зачем ему вообще нужны эти испытания? От скуки?

– Испытания нужны не ему, а тебе. Они помогают узнать самого себя, и без первых никогда не пройти последнее.

– А какое последнее?

– О, мы пришли, – невинным тоном сказал Пальтишко.

И правда – они стояли у границы Пропастей, залитых красным закатным солнцем. Лес оборвался так резко, будто его обрубил ножом.

– Бегите быстрее. Как только солнце сядет, ночные стражи на вас бросятся, и им не объяснишь, кто ты такой, – посоветовал Пальтишко. – Они ребята славные, но туповатые.

Справа лес редел и переходил в равнину, а вдалеке, посреди Пропастей, блестела в закатном свете роща высоких серебристых деревьев с длинными бледными листьями. Как она выросла на этой сухой земле, Генри даже представить не мог.

– Сердце прямо там, да? – тихо сказал Генри, и собственное сердце застучало громче. Он повернулся к Пальтишке и поклонился: – Спасибо тебе. И прощай, больше я ни о чем не попрошу.

– О, такая учтивая речь мне по нраву! А ты, как говорят скриплеры, пообтесался. – Пальтишко дружелюбно пнул его огромной ногой. – Если люди обретут дары, пусть сошьют мне новое пальтишко. Только оно должно быть роскошное, с карманами, отворотами, позументом, пуговицами из ракушек и... В общем, у меня длинный список требований, только даровитый портной справится. Пришлите его ко мне. И пусть принесет в подарок носки, мне они понравились.

Пальтишко с достоинством повернул в лес, но тут Сван потянулся обнять его на прощание – и Пальтишко припустил во всю прыть, треща ветками и едва не теряя носки, что несколько убавило торжественности его уходу.

Генри оглядел всех и только сейчас, в ярком закатном свете, вдруг понял, как плохо они выглядят: осунувшиеся, грязные, голодные лица. Он улыбнулся, как ему казалось, подбадрива-

ющей улыбкой. Получилось так себе – все недоуменно переглянулись, как будто у него выросла вторая голова, и Генри с облегчением перестал улыбаться и зашагал вперед.

Свет стремительно бледнел, ложился на землю дрожащими, блеклыми полосами, а потом край солнца опустился за горизонт, и все вокруг, что минуту назад казалось ослепительно красивым, тут же стало выглядеть угрожающе.

– Никаких стражей не существует, – твердо сказал Олдус, осторожно переступая через трещины в земле. – Я посланник, и я знаю, что говорю. Из волшебных существ остались только скриплеры. Ну и Худое Пальтишко, как выяснилось. Но уж если бы были стражи, я бы точно об этом... – Слова Олдуса плавно перешли в тихий, хриплый стон.

Страж поднялся из трещины, клацая оскаленной пастью, полной мелких зубов. Олдус побледнел так, что к тому моменту, когда стражи поднялись из всех остальных щелей, бледнеть дальше было просто некуда.

– Мы неделю назад были в Пропастях, их не было. А, мы же шли там днем, – лепетал Олдус. – Даже если у меня не бред, они в сказках добродушные, они не должны быть такими... такими злыми.

– Я знаю, почему они злятся, – негромко сказал Генри. – Поглядите на кожу, из которой сделаны ваши доспехи.

Олдус перевел остекленевший взгляд себе на грудь. Доспехи, которые он так и не снял, были из той же самой блестящей черной кожи. Пальтишко говорил, что после потери Сердца Освальд уничтожил много волшебных существ. Судя по тому, сколько у Освальда доспехов, стражам досталось больше всех.

– Сван, покажи ему гармошку, – приказал Генри. – Не спрашивай зачем. Давай.

Толстяк нерешительно послушался. Страж долго щурился на выцарапанный на металле рисунок. Потом пощупал его когтем, вздохнул, тихо свистнул и, раскинув крылья, прыгнул обратно в щель. Все остальные сделали то же самое.

Когда все вокруг опустело, Генри лег на землю и прижался к ней ухом. Земля глухо рокотала.

– Рад, что ты все-таки решил отдохнуть. Но ты уверен, что здесь подходящее место? – заплетающимся языком спросил Олдус. Генри мельком отметил, что от потрясения тот наконец перестал говорить ему свое смешное «вы».

– Переходим быстрее. Войска уже почти здесь. – Генри кивнул на восток.

Они заспешили в сторону рощи, но все равно двигались медленнее, чем хотелось Генри. Все слишком устали, и к тому времени, когда они перешли Пропasti, сумерки сменились глубокой вечерней тьмой. От усталости кружилась голова, но Генри сразу бросился в рощу: если тут есть хоть какое-то здание с дверью, они его найдут еще до прихода Освальда. Но оказалось, что это только на словах так просто. Во-первых, было слишком темно. Во-вторых, роща оказалась далеко не маленькая. В-третьих, земля тут была сухая и песчаная, а под песком скрывались узловатые корни деревьев. Генри спотыкался на каждом шагу – корни словно сами лезли под ноги.

– Кажется, я ногу сломал, – безмятежно сообщил у него за спиной Сван. – Между корнями провалилась.

Генри обернулся. Сван сидел на земле, держась за лодыжку. Генри сел на землю рядом с ним и ощупал его ногу. Перелома не было, но Генри почувствовал – от усталости у толстяка уже дрожат мышцы. Он еще раз обвел всех взглядом и принял решение:

– Поищем утром. А сейчас надо отдохнуть.

Вернувшись к краю рощи, Генри увидел, что войска дошли до Пропастей. Он спокойно скрестил руки на груди, глядя, как из всех щелей в земле поднимаются ночные стражи. В этой чернильной темноте стражи с их широкими крыльями и острыми зубами больше не казались сонными. Они с пронзительным свистом бросались на людей Освальда, облепляли крыльями

их лица, царапали, валили на землю, не давали ступить ни шагу. И быть может, все эти люди не слишком хорошо соображали, но инстинкт боли, который у живого существа не отнимешь, заставлял их бежать назад.

– Не бежать! Рубите этих тварей! – кричал Освальд. Он размахивал мечом, стражи падали, но их было слишком много, и они нападали на него с такой яростью, что в конце концов даже ему пришлось отступить на равнину.

И тогда он выпустил в бой семь огненных тварей. За спиной у Генри испуганно охнули Агата, Олдус и Сван, но сам он даже ухом не повел. Он знал, что у огненных тварей есть один недостаток: они отлично прыгают, но не умеют летать.

Твари бросались на стражей, но те ловко разлетались во все стороны, поднимались в воздух, продолжая царапать когтистыми задними лапами солдат Освальда. Огненные звери кружились на месте, не понимая, на кого нападать, началась давка, и Освальд бессильно отозвал и людей, и тварей. В армии, бойцы которой не соображают, что делают, паника кончается плохо – это даже Генри понимал. Войско Освальда какое-то время копошилось на равнине, а потом затихло: видимо, всем приказали лечь и спать. Огненные твари свернулись клубками в стороне и замерли, ярко сияя сквозь темноту.

Генри начал собирать сухие ветки и куски коры, лежащие на земле, потом попросил у Свана огниво и начал разводить костер.

– Что ты делаешь? – запоздало спросил Олдус. – Он же узнает, что мы здесь.

– Пусть узнает. Как только начнет светать, мы пойдем искать дверь. И они тоже. Слышите, какой ветер? Ночь будет холодная. Надо согреться и приготовить какую-нибудь еду. – Генри снял с плеча Олдуса лук и колчан. Стрел осталось всего три, следовало потратить их с умом. – Попытаюсь поймать что-нибудь съедобное или хоть воду найти. Далеко тут не уйдешь, но вдруг повезет. Если по пути наткнушь на Сердце волшебства, позову вас.

«Да ты, никак, пошутил, приятель, – весело сказал в его голове голос Джетта. – Ушам своим не верю». И Генри хотелось бы ударить его, заставить замолчать, но бить было некого, и вот этого уже точно было не исправить.

– Эй! – Сван, шумно дыша, догнал его. – Я тебе помогу.

– Не надо, я справлюсь. Отдыхай.

Сван старался идти тихо, но шума от него было, как от стада лосей.

– Нет, вместе веселее! Ну пожалуйста, я хочу с тобой!

Генри со вздохом кивнул. Он пошел вдоль кромки рощи, прямо по Пропастям – тут было хоть немного светлее. Если учесть, сколько шума они наделали в этом тихом месте, на добычу можно было особо не рассчитывать, но Генри вдруг услышал тихое похрюкивание. Он отодвинул Свана к себе за спину и пошел на звук. Теперь он явственно различал шорох в нижних ветках дерева, хрюканье сменилось мокрым чавканьем. Генри отодвинул ветку и уставился на незнакомого зверя: серый, слегка похож на медведя, но длиной меньше руки, с круглыми мохнатыми ушами и большим кожистым носом, он сидел в развилке между ветками и жевал. При виде Генри он сонно повел ушами и откусил от ветки еще один лист.

– Такой славный, – громко сказал Сван.

Генри выдохнул сквозь сжатые зубы, но зверь даже не шевельнулся, только прижмурился и удобнее устроился в развилке, как будто ему лень двигаться даже ради спасения своей жизни. Неизвестно было, какой он на вкус, но все-таки мясо. Генри натянул тетиву, и тут Сван своим крупным телом оттеснил его от дерева.

– Что? – звенящим голосом спросил Генри.

– Не надо его убивать. Он же даже не убегает.

– Тем лучше. Нам нужна еда, – внятно произнес Генри. – Я пытаюсь достать еду. Он – еда.

– Я ведь не глупый. – Сван вдруг посмотрел на него серьезным, долгим взглядом. – Я знаю, что мы все завтра, наверное, умрем. Там очень много солдат, а нас мало. И Освальд мне,

наверное, не даст поговорить с Хью. – Он помолчал. Генри стоял, будто его окатили холодной водой. – Я просто веселился, чтобы других не расстраивать. Особенно Агату, она же девчонка. И я не хочу, чтобы кто-то прямо сегодня начал умирать. Он славный. – Сван вдруг потянулся к животному и погладил его пальцем по голове.

– Он тебе руку откусит.

– Нет, он же как плюшевый. – Сван еще раз погладил. Животное зажмурилось и уронило голову на грудь. – Смотри, он засыпает. Пошли обратно. Может, листья попробуем? Он так аппетитно их ел. – Сван сорвал лист и начал жевать, но тут же скривился и выплюнул. – Тьфу, горький. Ладно, еды у нас нет, но мы же потерпим, да? Я хотел есть, а теперь уже вроде не хочу, у меня запасов много.

Он хлопнул себя по бокам и тихо засмеялся, и Генри так хотел сказать ему, что все будет хорошо, но не смог. Вместо этого он внимательно оглядел полосу Пропастей между ними и костром – тот уютно разгорался за деревьями. Олдус и Агата сидели рядом, подкладывая ветки. Земля тут была ровная, безопасная, и Генри мрачно улыбнулся:

– Спорим, что я быстрее тебя добежу до костра? Я огнедышащий дракон, и лучше бы тебе спастись побыстрее. – Генри дернул рукой в сторону Свана, тот увернулся и, засмеявшись, бросился прочь. Генри не спеша побежал за ним. По дороге он увидел цветущий куст и на ходу оторвал от него один цветок.

До костра Сван добежал первым.

– Я победил, все видели? – Лицо у него снова было беззаботное, и на минуту Генри показалось, что разговор в роще ему привиделся.

Он сел у костра и воткнул цветок в растрепанные волосы Агаты. Та усмехнулась, и по этой бледной улыбке Генри понял: она знает то же, что и Сван. Да и Олдус, наверное, тоже.

– Может, сыграем еще во что-нибудь? – бодро спросил Генри у Свана. Он видел: никто не хочет спать, все знают, что другого такого вечера у них не будет.

– У меня есть «Слопай меня, великан» с самодельными карточками! Пойдет?

– Моя любимая, – не моргнув глазом сказал Генри. – Напомни, что надо делать?

Сван вытащил из корзины коробку и разложил на земле какие-то картонки. Генри внимательно слушал правила и кивал. Еще вчера он бы не поверил, что хорошая компания, смех и дурацкие игры помогут справиться с голодом и мыслями о том, что завтра ты превратишься в чудовище, но, кажется, так оно и было.

Они успели сыграть первый круг, когда Агата перекинула волосы на другое плечо, и цветок выпал. С земли его подняли деревянные пальцы-ветки, протянули ей, и она рассеянно воткнула его обратно в волосы, а потом медленно повернула голову. Между корней дерева торчала голова скриплера. Тут другая деревянная рука тронула Генри за плечо. Он оглянулся и увидел, что скриплер из-под другого дерева протягивает ему старое, сморщенное яблоко.

– Мы кое-что успели прихватить из деревень, перед тем как их сожгли, – проскрипел он, и Генри узнал его. В этот раз на голове у него вместо бумажного ободка был венок из розовых цветов. – Заносите!

Ближайшие корни деревьев раздвинулись, и скриплеры начали вылезать отовсюду, охапками таща что-то к костру.

– Можем предложить только пару яблок, сухие бутерброды, печенье и, конечно, для вас – наш лучший чай. – Пал поднял облупленный котелок и какую-то жестяную банку. – Для чая у нас был особый домик, он не пострадал.

– Я, может, что-то не так понял, но из-за людей вроде сожгли ваш дом, – нахмурился Олдус. Какой-то скриплер настойчиво совал ему в руку огромный кусок хлеба с вареньем. – С чего это вы решили помочь?

– О, кого я вижу. Господин Прайд. – Пал приветственно зашевелил ветками на голове. – Долгая жизнь нас научила: прошлое всегда в прошлом, нечего его оплакивать. А если люди

не разучились смеяться даже на тропе смертной тени, то, клянусь древесиной своих предков, вас рано считать бесполезными опилками. А теперь угощайтесь, вы голодны. Мы пока чай вскипятим.

Два раза никого просить не пришлось и, вгрызаясь в бутерброд, Генри подумал, что это лучший ужин в его жизни.

– А у вас оружия, случайно, нет? – спросил он, когда все наелись и сидели вокруг костра, сжимая щербатые кружки с чаем.

– Поищем. – Пал махнул несколькими скриплерам, они нырнули между корней и минут через пять вернулись, с грохотом свалив у костра свои находки. – Есть скалка, две лопаты, мешок перца, один нож хороший, другой тупой и палок сколько угодно.

– А перец-то зачем?

Мешок тут же схватила Агата, запустила в него руку и вдруг быстрым движением бросила щепотку перца Генри в глаза. Генри, конечно, успел увернуться, но Агата удовлетворенно кивнула, прижала к себе мешок и ткнула пальцем в сторону войск Освальда.

– Хочешь отбиваться от его воинов вот этим? – не поверил Генри. Она закивала с мрачной, удовлетворенной улыбкой и погладила мешок. – Ну, ладно. Сван, возьми тот нож, который получше. Если на тебя нападут – ударь в ответ, ты справишься. Ищи Хью, не думай больше ни о чем. Я уверен, он тебя послушает. Ты отлично ему все объяснишь.

– Думаешь?

– Ага. Можешь в стихах.

– Точно, Генри! Я придумаю песню, и, когда он ее услышит, сам меня найдет! – Сван вытащил гармошку и протянул ему. – Подыграй мне, а я буду придумывать. «Когда состаримся, мы вспомним этот день...» Нет, длинно. Так, нужна рифма. Рука-река, опять-вспять, звеня-меня... Хм. Надо подумать.

Генри, как мог, пытался дуть в ритм словам. Но скоро понял, что музыка Свану не нужна, он прислушивался только к строчкам у себя в голове, и Генри, бросив гармошку на землю, повернулся к остальным: Агата, Олдус и Пал в розовом венке сидели под деревом, разглядывая круглую металлическую коробку на цепочке.

– Это медальон-защитник, – пояснил Олдус, когда Генри сел рядом. – Превращает нашу любовь к семье в чары, которые ее защищают. Не хочу, чтобы он завтра остался где-то тут и Освальд его переплавил. – Он протянул его Палу. – Будьте добры, отнесите моей жене. И передайте моему сыну, что все сказки – правда. И что даже если у нас завтра ничего не получится и дара у него не будет, он не обязан становиться посланником. Может стать кем захочет.

Пал бережно взял медальон и исчез среди корней. Агата погладила Олдуса по плечу, и Генри внес это движение в список жестов, которые он пока не понимал, список, который уже никогда не понадобится.

– Знаете, Агата, ваш отец научил меня почти всему, что я знаю о старинных предметах, – бодро сказал Олдус. – Он бы вами гордился. А помните, как он однажды...

Скриплеры вытащили из-под корней два гребня и ворох цветов и начали причесывать Агату. Сван бормотал стихи и записывал на листе бумаги. Олдус рассказывал истории, Агата кивала и иногда ласково похлопывала скриплеров по коре.

Генри, растянувшись под деревом, с сонной улыбкой глядел на друзей. Листья сухо шуршали над головой, вдалеке горели огни в лагере Освальда, и Генри был уверен, что не сможет спать в такой вечер, но постепенно в голове будто распутались какие-то узлы, и все мысли залило ровной, уютной темнотой. Он почувствовал, что кто-то укрыл его одеялом, а потом соскользнул в глубокий, спокойный сон, как в воду.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

Генри мгновенно распахнул глаза, перекатился и придавил к земле человека. Тот молчал, но Генри понял: это Джетт. Костер давно потух, остальные спали. Генри встал, нащупывая

за поясом нож, и Джетт приподнял руки, улыбаясь неподвижной, будто прилипшей к лицу улыбкой.

– Спорим, ты себя спрашиваешь, как я прошел через Пропasti? Тайлис стражей. Показал его им, они пропустили.

Джетт ухмыльнулся шире, и Генри захотелось разбить ему лицо.

– Да, да, я вижу, что ты не слишком рад меня видеть, и знаешь, трудно тебя за это винить. Но смотри, что я принес. – Джетт разжал кулак: на ладони у него лежал серебристый ключ. Генри потянулся к нему, но Джетт проворно спрятал ключ за спину. – Я всю ночь ждал, пока Освальд заснет и можно будет стащить. Пришел предложить тебе одну сделку. Моя проблема в том, что на мне метка Освальда, и я уже чувствую – никуда меня этот весельчак не отпустит, найдет где угодно. А мне нужно сбежать от него и доставить кое-кому деньги. Ты ведь снял заклятие с посланника, а значит, и с меня можешь метку снять, так? Сними, и я отдам тебе ключ. – Джетт перевел дыхание и выжидательно поглядел на Генри.

Тот сцепил пальцы рук, заставляя себя дышать ровно. А ведь вечером ему казалось, что он обрел спокойствие невероятной глубины и уже ничто не может вывести его из равновесия.

Джетт пару секунд подождал ответа, потом мелко закивал сам себе и заговорил снова, сбиваясь, проглатывая слова:

– Я тебе все объясню, честно, только не смотри таким убийственным взглядом. Вечно я оказываюсь в ненужном месте в ненужное время. Если б я знал, чем это кончится, я бы к вам на север в жизни не сунулся. Помнишь, тебе на постоялом дворе казалось, что кто-то нас подслушивал? Ты еще подошел к двери с номером девять и стоял перед ней, а я тебя увел обратно в комнату братьев? Вот тогда все и началось. Я оставил тебя спать и ушел. Думал, больше не увидимся. А когда я проходил мимо той двери с девяткой, она распахнулась, и кто-то втащил меня внутрь. Обычный мужчина, средних лет, ничего особенного. Я сначала перепугался, но он велел не кричать, сказал, что хочет предложить мне одну работу, и, если я ее сделаю, он мне заплатит десять золотых, а мне... Мне очень нужны деньги. Я потому и в ту кражу ввязался, из-за которой в Цитадель попал. Не в смысле – о, неплохо бы подзаработать, а в смысле – это вопрос жизни и смерти. Деньги все уладят, и я смогу жить спокойно.

Он коротко, невесело рассмеялся, крепче сжимая пальцы на ключе и не отводя глаз от Генри, будто ждал какого-то ответа.

– Тот человек сказал: «Просто следуй за парнем, которого только что спрятал, куда бы он ни пошел. Если согласен, поставлю на тебе метку слежения и смогу на карте видеть, где ты», и я даже очнуться не успел – он схватил меня, как тушу, и прижал к коже какую-то штуку, больно было ужасно, но быстро прошло, и я подумал: «Ну и ладно, поставил и поставил». Думал только про деньги. Я пытался ее отодрать, но ничего не вышло.

Джетт наклонил голову вперед и набок: за ухом, почти под волосами, у него был маленький рисунок в виде кубка. Вокруг кожа была воспаленная и в порезах.

– Я хотел напроситься идти с тобой вместе, а тут ты взял и сам меня спас, когда бить начали. Никто так не делал. Всем было плевать на то, что меня колотили. А ты... Я думал, тот мужик просто из труппы конкурентов, хочет ваши секреты вызнать. До самой башни в этом был уверен, клянусь тебе. А когда понял, что нет никакой труппы, я подумал: «Во что ж я ввязался?» А потом была деревня, где мы Агату встретили. Я потерял вас всех из виду на площади, думал: ну все, таких слабаков, как я, первыми убивают. И тут кто-то хватает меня за плечо. Я обернулся – Освальд. Я уже с мамой мысленно попрощался, а он говорит: «Ты молодец, хорошо справляешься». Я от страха чуть не умер. Понял, что тот мужик, который мне на постоялом дворе работу пообещал, – это и был Освальд, только без доспехов. Он выглядит совершенно обычным, не скелет, не призрак, я даже голос его вообще не узнал – он в доспехах совсем по-другому звучит.

Джетт прижал к себе ключ и наконец, к счастью, перестал улыбаться.

– Ну, тут до меня и дошло, что я продал тебя Освальду. Он мне сказал: отступать поздно, если я хоть в чем-то ослушаюсь его приказов или расскажу тебе, он... А я не хотел умирать. Он велел показать ему, как выглядит подсказка, и сразу понял, что она ведет в дом скриплеров. Написал приглашение и сказал мне: «Сунь под дверь, когда будешь внутри». И дал доспехи, чтобы меня не поймали, – я бы до такого сам не додумался. Я уже понял, что делаю что-то ужасное, но поздно было. – Джетт со свистом втянул воздух. – После дома скриплеров я правда хотел с тобой пойти. Хотел, чтобы ты обо всем догадался и остановил меня. И ягоды поэтому бросал. До последнего думал, что ты все поймешь. Я ведь не знал тебя, когда соглашался на это. Думаешь, я не пожалел? У меня выбора не было, слушай, ты же лучше всех понимаешь, что это такое: когда не можешь от чего-то сбежать вообще никуда. Просто сними с меня эту дрянь, забери ключ, открой дверь и найди Сердце. Ты меня никогда больше не увидишь, обещаю, но помоги мне, я тебя прошу. – Он протянул Генри ключ, умоляюще глядя на него. – Генри, да скажи хоть что-нибудь. Хватит молчать.

И в этот момент Генри понял: он его не простит. Он не злился, больше не хотел его побить, он видел, что Джетт испуган, и почему-то не сомневался, что весь его рассказ – правда, но он не мог простить. И как только он это понял, внутри его будто что-то захлопнулось, и Генри заговорил так бесстрастно, что сам себе удивился:

– Если бы ты рассказал мне раньше, Освальд не догнал бы меня, дом скриплеров не сгорел бы и Тис бы не погиб. Отнеси ключ своему хозяину. Мне он не нужен.

Лицо у Джетта застыло, как маска.

– Конечно, он тебе нужен, – побелевшими губами пробормотал он.

Джетт был настолько уверен, что с помощью ключа купит себе свободу, что Генри почти стало жаль его.

– Обойдусь без него. И без твоей помощи. Знаешь, чего я хочу? – Генри прищурился, и под его взглядом Джетт шагнул назад. – Чтобы Освальд преследовал тебя до конца твоих дней. Чтобы ты знал, что куда бы ты ни пошел, он придет за тобой, если захочет. И да, ты прав, я знаю, каково это. – Генри ногой подпихнул к нему гармошку, которую бросил вчера неподалеку. – Забери это и проваливай. Еще раз покажешься мне на глаза – пожалеешь.

– Генри, если б ты знал, как мне... – Угол губ у Джетта дернулся в сторону, и в этом не было ничего от улыбки.

– Тебе не жаль, ты просто боишься. Уходи.

И Джетт развернулся и захромал через Пропasti. Ночной страж тут же бесшумно вырос перед ним, Джетт не глядя показал ему гармошку, и страж исчез. Какое-то время Генри в чуть побледневшей, предутренней темноте различал его неловкую фигуру и слышал шаги, но скоро все стихло. Генри хотел было лечь обратно – и замер.

На том месте, где Джетт стоял, прежде чем уйти, лежали тайлис и ключ.

Глава 16

Сердце волшебства

Близость рассвета почти не разбавляла тьму, контуры предметов вокруг едва угадывались. Ночь отступала медленно, словно с неохотой, но Генри больше не мог спать – приход Джетта всколыхнул в нем мутное, тяжелое предчувствие беды, и он не находил себе места, бродил вдоль края рощи, как растревоженный зверь. Джетт не мог оставить ключ просто так – он же, как выяснилось, ничего не делал без платы. Наверняка это какой-то хитрый план Освальда, еще хуже предыдущих.

Ключ холодной тяжестью давил на ладонь, Генри хотелось вышвырнуть его в щель Пропастей, чтобы никто и никогда не нашел, но он так и не смог этого сделать. Голос Олдуса в его голове настойчиво повторял, что такими вещами не разбрасываются, и в конце концов Генри хмуро затолкал ключ в карман.

Ему было душно даже этой холодной ночью – волосы липли к вспотевшему лбу, рука все время тянулась расстегнуть воротник рубашки, и так уже давно расстегнутый. Тис погиб через час после рассвета, – значит, до истечения сделки осталось совсем немного времени. Генри до боли сжал зубы. У него было такое чувство, будто он – единственный на свете, кто не спит, единственный, кто отвечает за то, что произойдет днем, и, если сделает что-то не так, мир обрушится ему на голову.

– Пап, я все сделаю, ты увидишь, – без голоса пробормотал он, вытирая лоб.

Отец верил в то, что Генри дойдет до конца, и Генри его не подведет, даже если это будет последнее, что он сделает.

И от этой мысли он вдруг успокоился. Страх, намертво вцепившийся во все его мысли, разжал зубы. Генри обвел взглядом Пропасти – бесконечное свободное пространство, такое маленькое на карте этого огромного королевства, едва подсвеченное блекло-розовой полосой восхода. Что бы ни случилось потом, у него есть еще целый час, и никогда еще время не казалось ему таким бесконечным.

В ладонь упиралось что-то твердое, и Генри понял, что все еще сжимает в руке тайлис – глиняную фигурку добродушного ночного стража с висящим набок языком. Генри прошел несколько шагов по Пропастям, чувствуя, как холодный ветер гладит воспаленную от жара, противно липкую кожу, и поставил тайлис на край трещины в земле. Долго ждать не пришлось: страж тут же поднялся над щелью и жадно уставился на фигурку.

– Вы нападаете только ночью, я знаю, – негромко сказал Генри. – Но мне нужно, чтобы вы хоть ненадолго задержали людей Освальда, даже если солнце уже взойдет.

Страж подслеповато заморгал, с сомнением взглянул на небо и покачал головой.

– Я знаю, что о многом прошу. Но если поможете нам победить, никто вас больше не тронет, – еле слышно договорил Генри, ловя взгляд маленьких темных глаз. – А если нет, Освальд не оставит вас в покое. Ему нужно будет все больше успехов, и ради этого он уничтожит ваш народ.

Пару секунд страж смотрел на Генри ясным, неожиданно смысленным взглядом, потом медленно кивнул и уже отступил обратно к трещине, когда Генри подвинул тайлис ближе к нему.

– А это подарок. Даже если не сможете помочь – он ваш.

Издав невнятный рокошущий звук, страж схватил фигурку, прижал к себе, и она... Генри потрясенно выдохнул. Пальтишко говорил, что тайлисы – это заколдованные дети волшебных существ, но одно дело знать, а другое – видеть, как глиняная фигурка потирает крыльями нос, ворочается и подрастает прямо на глазах.

Страж нежно погладил бывший тайлис когтем и торжествующе приподнял над головой. Минуту спустя все Пропasti были покрыты ночными стражами, они теснились вокруг того, который держал малыша, заглядывали друг другу за плечи и едва слышно урчали. А потом все одновременно раскинули крылья, замерли так на секунду – и прыгнули обратно в трещины.

Генри был уверен, что не проснуться от появления сотен стражей довольно трудно, но все его спутники по-прежнему крепко спали.

– Вставайте, а то я без вас Сердце найду, – громко сказал Генри. Внутри все дрожало от злости, надежды, предвкушения, будто он чувствовал все на свете одновременно.

Все трое заворочались и сели, а потом Олдус, зевая, подошел к Генри.

– Ну как, все тихо? – спросил он, ероша обеими руками кудри, будто это помогало ему проснуться.

Сван неподалеку издал радостный вопль: он нашел остатки вчерашнего печенья.

Генри хотел было ответить, что дозорных никто оставить не подумал, и если бы что-то правда случилось, они бы все погибли, но решил не быть, как говорила Агата, занудой.

– Тише не бывает. Олдус, пообещайте мне кое-что.

– Опять начинается? – Олдус потянулся и зевнул. Вид у него был такой мирный, словно он стоял на крыльце своего дома, а не на краю света. – Если в вашей просьбе не будет слов «Цитадель» или «пристрелите меня», то сделаю что угодно.

Генри с улыбкой посмотрел на него, и решительное выражение на лице Олдуса растаяло.

– Через час после восхода солнца это буду уже не я, – вполголоса сказал Генри.

Олдус затряс головой, упрямо сжав губы:

– Да что вы за человек такой? Как вы можете так спокойно об этом говорить?

– А что мне, плакать? Есть вещи, которые не изменишь. – Генри положил руку на колчан стрел у Олдуса за плечом. – Пока я что-то еще соображаю, я должен убедиться, что никто не пострадает. Следите за временем. Через час посмотрите мне в глаза, и если увидите то, что вас пугает... – Генри сжал колчан сильнее. – Обещайте мне. А когда дело будет сделано, можете забрать себе мою карту, она наверняка ценная.

Олдус поморщился, как от боли. Он долго смотрел на Генри, а потом кивнул коротким, нервным движением. Челюсти у него были сжаты так, что он, кажется, едва заставил себя говорить:

– Обещаю.

Агата уже пару минут стояла неподалеку, будто чувствовала, что этот разговор ей лучше не слышать. Увидев, что они замолчали, она подошла ближе. Скриплеры уложили ее волосы в сложный узел, перевитый цветами, и было что-то настолько странное в сочетании этого великолепия с чумазым, поцарапанным лицом, рваной одеждой, а также лопатой и мешком перца, которые Агата держала в обеих руках, что у Генри что-то сжалось в груди. Агата открыла рот, будто забыла, что не может говорить, и со вздохом закрыла. Потом вытащила из волос цветок и решительно воткнула ему в петлю для пуговицы.

– Съем его, если проголодаюсь, – кивнул Генри, и Агата засмеялась и пихнула его мешком с перцем.

– Я придумал песню, хотите послушать? – Сван, дожевывая печенье, подошел к ним и обхватил за плечи Олдуса и Агату.

– Позже, – сказал Генри. – Лучше послушайте мой план. Освальд скоро будет здесь, но его люди понимают только простые приказы, а значит, он прикажет им остановить тех, на ком нет доспехов.

Генри выжидательно посмотрел на остальных, ожидая, что они крикнут: «Ты так здорово все придумал!», но они, кажется, не сообразили, о чем речь, и он терпеливо договорил:

– Как только на вас кто-то нападет, врежьте ему и, пока не опомнился, отнимите доспехи и наденьте на себя. Ну, кроме вас, Олдус. Хорошо, что не выбросили подарок от Освальда.

Олдус торопливо стащил с себя доспехи и протянул Генри, но тот покачал головой:

– В ближайший час меня не убьют, можете не волноваться.

– Это почему? – спросил Сван, но Генри в ответ только махнул рукой. Ему не хотелось говорить: огонь с таким нетерпением ждет, когда Генри ему сдастся, что, если придется, спасет его даже от тысячи стрел.

Олдус протянул доспехи Свану, но тот с важным видом отпихнул его руку.

– Эй, я не слабак! Наденьте на Агату, в сказках даму первой спасают. А можно мне уже песню спеть? Когда Хью говорил «позже», он обычно имел в виду «никогда».

Генри собирался ответить, но тут над Пропастями раздался голос, усиленный старинным рогом, и надежда, что Освальда легко будет перехитрить, разбилась вдребезги.

– Эй! Я знаю, что вы там! Предупреждаю: я приказал убивать на месте всех, на ком нет доспехов. Так что если решите снять доспехи с кого-то из моих людей, его сразу убьют остальные. Для таких прекраснотушных пташек, как вы, это плохая новость, так что советую доспехи не трогать.

Генри потерял лицо, но даже не успел как следует прочувствовать, что его план провалился, как Сван вдруг затянул таким пронзительным голосом, что Генри едва не зажал уши:

*Мы братья, и если мы вместе споем,
То песня тебя сохранит, как броня.
А после пойдем и отыщем свой дом,
Ты только подпой, если слышишь меня!*

И, допев до конца, Сван тут же начал сначала.

Наверное, во времена Сердца люди сочиняли песни и получше этой, но Сван распевал ее с таким воодушевлением, что Генри даже заслушался и не сразу заметил, что вокруг происходит что-то странное.

Земля начала с хрустом покрываться ледяной коркой. Лед проступал среди корней деревьев, из щелей на земле, кое-где он намерз таким толстым слоем, что начал выгибаться горбами, и вскоре Генри понял: это не ледяные горки. Это звери. Их контуры становились все четче: лисы, олени, совы, – будто кто-то прорисовывал их черты на льду. И постепенно они задвигались, начали махать крыльями, переступать с лапы на лапу. А потом, будто втянув в себя остатки льда, с земли поднялась королева льда, и Генри сразу понял: она вполне довольна тем, с какими потрясенными лицами все на нее смотрят.

– Мы пришли на твой зов, поэт, – хрипловатым голосом сказала королева. – Я превратила свой лес в зверей, можете их погладить, если хотите.

– Привет, леди! – Сван весело помахал рукой. Он был единственным из присутствующих, кто не выглядел так, будто его ударила молния. – Вообще я Хью звал, но здорово, что вы пришли!

– Она настоящая? – пролепетал Олдус.

Королева улыбнулась. В полутьме она казалась слепленной из полупрозрачного черного камня.

– Если не верите, могу вас поцеловать, – учтиво предложила она, и Олдус передвинулся за ближайшее дерево.

– Спасибо, не стоит. Я женатый человек, – слабым голосом сказал он. Кажется, за последние дни все его представления о мире рухнули с треском.

– Я делаю это не для тебя, наследник. – Королева повернулась к Генри и протянула руку, будто хотела погладить его по щеке. – Мы не ввязываемся в войны людей, но если Освальд победит, он уничтожит все, что осталось от волшебства. А мой лес достоин лучшей судьбы.

– Например, погибнуть в бою с огненными тварями? – резко спросил Генри.

Ледяных зверей было семь, и он сразу понял, зачем она их привела. Помощь была, конечно, кстати, но он не хотел, чтобы Ледяной лес из-за него погиб, – и так слишком много всего произошло по его вине.

Королева скользнула ближе к нему; кажется, ногами она вовсе не ходила, просто гладко сдвигалась с одного места на другое.

– Это не только твое королевство, наследник. А если будешь со мной спорить, тебя тоже поцелую.

Генри сердито отвернулся от нее и посмотрел вдаль – туда, где огненные звери ярко освещали лагерь. Освальд ходил вдоль своих войск: видимо, давал указания. За плечом Освальда стоял Хью, весь скарб был привязан у него за спиной – он и сейчас не мог с ним расстаться. Генри даже отсюда видел, что Хью вполне доволен – голова гордо поднята, спина прямая. Он быстро кивал, слушая Освальда. Джетт был там же, его держали под руки два крупных воина, и Генри мельком подумал: он же трус, наверняка не хочет идти сражаться. Ну и хорошо, что Освальд его заставит, пускай Джетт посмотрит, до чего довела его ложь.

А потом Генри внимательно присмотрелся к движениям рук Освальда и перемещениям его солдат, и лоб у него разгладился.

– У меня две новости, хорошая и плохая, – пробормотал он. – Положено начинать с хорошей? Чтобы ловить нас в роще, Освальд отобрал всего один отряд. Если бы он пустил сюда всех, они бы и ему мешали искать дверь, бессмысленно толкались бы тут, натываясь на деревья. Но зато отряд он выбрал самый сильный. Видите, около сотни воинов стоят отдельно? Это те пятьдесят человек, что были в башне, и пятьдесят посланников.

– Четверо против ста – звучит обнадеживающе, – слабым голосом сказал Олдус.

– О нет, – Генри усмехнулся. – Не четверо.

Он обернулся: уже почувствовал, что в роще они не одни. За их спинами стояла толпа скриплеров, вооруженных палками, глиняными горшками и лопатами. Пал тоже был с ними, держал наперевес ножку стола, – Генри узнал его по цветочному венку.

– Знаете в этой роще какое-нибудь строение? – спросил Генри.

Скриплеры тут же начали смотреть в разные стороны, старательно делая вид, что не понимают человеческую речь, и Генри понял: даже если знают, не скажут.

И он повернулся к людям. Серый, призрачный свет постепенно наливался силой, теперь уже можно было разглядеть и корни, избороздившие землю, и контуры деревьев на десяток шагов вперед.

– Слушайте, я не умею красиво говорить, так что скажу как есть, – произнес Генри, ни на кого не глядя, – иначе не смог бы закончить. – Я все это время думал, что мы в этом походе по ошибке. Наверное, где-то есть более подходящие герои, но сейчас между Сердцем и Освальдом – только мы, а значит, уже не важно, кто мы такие, верно? Важно только то, что мы сделаем. И чем бы все ни закончилось... – Он перевел дыхание. Первый луч рассвета ударил по земле, роща вспыхнула серебристым светом. – Пора идти. Ваша задача простая: не отставайте от меня, помогите найти дверь и не дайте себя убить.

– Когда победим, устроим праздник, – предложил Сван.

– Конечно. – Генри улыбнулся спокойной, уверенной улыбкой. Этому он тоже научился: бывают моменты, когда лгать лучше, чем говорить правду.

Он кивнул всем, стоявшим вокруг, – людям, скриплерам, зверям из Ледяного леса – и сорвался с места.

* * *

Вместе с солнцем поднялся и ветер, холодный, пронзительный, он раскачивал деревья, продувал рощу насквозь, взметал с земли ворох сладко пахнущих листьев, бросал их Генри

в лицо, мешал бежать, заставил замолчать всех птиц, и Генри был рад ему, как никогда. Все посланники вооружены луками и стрелами, но при таком ветре о меткой стрельбе можно забыть.

Когда в воздухе раздался пронзительный свист, Генри сначала решил, что ветер совсем разошелся, но потом, приглядевшись к Пропастям, мелькавшим за деревьями, понял: стражи поднялись из всех щелей и бросились на воинов, пока те переходили Пропasti. На какое-то время это задержит Освальда. Вдруг за это время они успеют найти дверь?

Не успели. Повсюду тянулись бесконечные ряды одинаковых деревьев, нигде ни намек на дорогу, здание, реку, хоть что-нибудь, нарушающее однообразие серебристого леса. А потом рядом с Генри в ствол эвкалипта воткнулась стрела. Он вовремя дернулся в сторону, но уже было ясно: отряд Освальда добрался до рощи.

– Я их всех знаю! – крикнул у Генри за спиной запыхавшийся Олдус. – Это же мои посланники, я знаю, кто как стреляет, я отвлеку их!

И прежде чем Генри успел сказать, что это ужасная идея, что у посланников сотни стрел, а у Олдуса всего три, тот бросился в сторону, прячась за деревьями.

Генри заставил себя не думать о том, чем это кончится, чтобы не потерять боевое спокойствие, и помчался дальше, утягивая за собой Агату и Свана, но далеко они не убежали.

Лицо обдало жаром, листва ближайшего дерева обуглилась, и огненный волк выскочил им наперерез. Генри рванулся назад, закрывая собой остальных и судорожно соображая, что делать. Волк был огромный – за три дня у Освальда он разъелся на старинных предметах, и в яростных алых глазах теперь горела такая жажда убийства, какой Генри в жизни не видел ни у одного зверя.

Генри бессильно замер. Все мысли насчет того, что прорваться сквозь армию Освальда будет легко, казались ему сейчас просто безумными. Голос отца в голове приказывал ему не паниковать, сосредоточиться и найти решение, но какое тут может быть решение, когда...

– «Мы братья, и если мы вместе споем, то песня тебя сохранит, как броня!» – пропел у него над ухом Сван. Он вцепился Генри в плечо и трясся всем своим обширным телом, но голос его не дрожал.

В ту же секунду раздалось пронзительное шипение, во все стороны полетели брызги воды и ошметки пепла. Ледяной олень на всем скаку снес волка с дороги и прижал копытами к земле, но тот вывернулся и когтями вспорол оленю спину. После столкновения олень и волк стали меньше, но ярости у обоих не убавилось: они сшиблись снова, и Генри не стал ждать, чем это закончится, он уже мчался дальше. За спиной у него Сван на одной ноте бормотал свою песню, а потом вдруг остановился, пронзительно крикнул: «Там Хью!», бросился назад – и Генри не успел его удержать. Толстяк бесстрашно бежал, оступаясь, туда, где воины в черном густо загородили путь. Против солдат песня толстяку не поможет, а он этого даже не понимал, и Генри рванулся за ним, но Агата со всей силы потянула его дальше. Лицо у нее было мокрое.

К тому времени, как их остановили снова, они успели пробежать большую часть рощи, но вокруг ничего похожего на дом не попадалось, и Генри начал всерьез думать о том, что ошибся. Потом думать стало некогда: путь перекрыли десять человек из отряда, спавшего в башне, – с мечами, в старой, полуистлевшей одежде, они надвигались отовсюду, и первый уже занес меч, но тут Агата запустила руку в мешок с перцем и ловко швырнула пригоршню ему в глаза.

Воин закричал, выронил меч и схватился за лицо, остальные продолжали идти вперед, но через пару секунд еще трое зажмурились и схватились за глаза: с меткостью у Агаты все было отлично. Она замычала, сердито махнула Генри рукой и снова полезла рукой в мешок. Генри сглотнул. Нельзя ее тут оставлять. Но за спиной у воинов тянулся единственный участок рощи, который они еще не осмотрели, и невозможно допустить, чтобы Освальд нашел его первым: вдруг тоже придумает способ открыть дверь без ключа? К тому же воины нападали только на него, они даже не понимали, что Агата их враг, – она ведь была в доспехах. Отнять у нее

мешок или хотя бы проткнуть его мечом тоже никому в голову не приходило. И Генри помчался дальше.

Людей Освальда в роще становилось все больше, но здесь с ними разбирались скриплеры: били по ногам палками, залезали на деревья и оттуда метко швыряли глиняные горшки. Ночные стражи падали на воинов сверху, путаясь крыльями в ветках деревьев, иногда Генри слышал вдалеке громкий удар и шипение, чувствовал на лице пепел и капли воды – это ледяные твари сражались с огненными. Генри уклонялся от ударов и просто мчался туда, где было меньше людей.

Постепенно неразбериха вокруг начала стихать. Он прорвался в глубину рощи, вот только домов тут тоже не было, и Генри едва не застонал от отчаяния. Страх скользко ворочался в груди, Генри заметался по роще, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони даже сквозь перчатки. Ему уже казалось, что он сейчас просто остановится и закричит во весь голос, когда он вдруг увидел среди эвкалиптов дверь.

Не дом. Просто дверь.

Сначала Генри решил, что она осталась от какого-то давно разрушенного древнего здания, но вокруг нее все так густо заросло эвкалиптами, что приходилось признать: кажется, дверь всегда была просто дверью. Генри обежал вокруг – позади ничего особенного не было, но он уже чувствовал: эти щербатые камни, поросшие толстым мхом, именно то, зачем он сюда пришел, и Генри стянул перчатку, прижал руку к двери и...

И ничего не произошло. Дверь не обуглилась, даже не нагрелась – под ладонью Генри был все тот же прохладный камень, покрытый влажным мхом. Генри зубами стянул перчатку с другой руки, уперся ею в дверь – ничего не изменилось, и Генри судорожно перевел дыхание. Ладно, дверь волшебная, Барс или кто-то еще позаботился о том, чтобы ее нельзя было уничтожить, но у него же есть ключ. Он надел перчатки, вытащил ключ из кармана и вставил в скважину.

Ключ не повернулся.

Генри попробовал еще раз, быстро оглядываясь. Он чувствовал, что солдаты приближаются, одна стрела ударила в дверь и отскочила, Генри вовремя успел пригнуться, опять попытался – ничего.

А потом он понял – и едва не застонал. Сивард же написал: «Ключ будет повиноваться только хранителю до конца его жизни».

Пока Джетт жив, он остается хранителем ключа. Генри сжал зубы и в ярости треснул кулаком по двери – та, конечно, не открылась, а вот рука заболела, и эта боль немного привела его в чувство. Делать нечего – придется найти Джетта, придется убить его, без этого ключ Генри повиноваться не будет. Он должен это сделать ради всех остальных.

Генри сунул ключ в карман и бросился обратно, туда, где вспыхивали огненные звери и сновали, натыкаясь на деревья, люди в черных доспехах. Надо искать Джетта неподалеку от места, где отряд Освальда вошел в лес. Боец из хромого никакой, Освальд наверняка оставил его просто наслаждаться видом драки. Вокруг падали стрелы, свистели мечи, щеки иногда обдавало жаром, но Генри невозмутимо мчался вперед, иногда чуть уклоняясь в стороны. Огонь внутри разгорался все сильнее, отталкивал Генри от любой опасности мягким, почти ласковым касанием, будто дергал за ниточки, – и Генри позволил ему это, стараясь не думать, как же хорошо, когда такой могучий соратник сражается вместе с тобой, а не против тебя.

Самый короткий путь от равнины к роще через Пропasti вел к тому месту, где они ночевали, а значит, Освальд наверняка вошел в рощу именно там. Генри прорвался туда и уже решил, что ошибся, – здесь никого не было, войско давно продвинулось глубже в рощу, – когда увидел за деревьями знакомые рыжие волосы.

Джетт сидел, опустив голову на грудь, будто решил отдохнуть. Руки у него были связаны за спиной, – значит, отбиваться не будет. Генри сразу прижал к его горлу нож, второй рукой

оттягивая голову назад, – и понял, почему Джетта тащили двое воинов Освальда. Потому что он, судя по всему, не мог идти.

Лицо у него было безжизненного, костяного оттенка, глаза провалились, словно он давно не спал. Генри сильнее дернул его за волосы, и Джетт приоткрыл глаза.

– А, Генри, – заплетающимся языком пробормотал он. Губы у него посерели, нижняя была прокушена. – Я ему сказал, что не брал ключ. Он не поверил. Ищет тебя. Беги. – Слова становились все короче и наконец затихли совсем.

– Пока ты жив, ты хранитель. Я должен это сделать. – Генри сжал нож крепче. Ему было не по себе. До этого он ни разу даже не думал о том, как это – убить человека, и мысль о том, чтобы начать с Джетта, внезапно заставила его поежиться. Они расстались часа полтора назад, а теперь Джетт выглядел так, будто его били месяц подряд.

– А, я не подумал. – Джетт прикрыл глаза, словно не мог долго смотреть в одну точку.

– Эй! – Генри ударил его по щеке, ему почему-то казалось неправильным убивать его, когда он не смотрит. Джетт часто заморгал, и взгляд у него слегка прояснился. – Что он сделал?

– Этот его шар... Ну, ты помнишь. А убьет позже, когда торопиться не будет. Лучше ты.

Он попытался сесть прямо, но от усилия охнул и завалился вперед. Генри поймал его и прижал нож сильнее. Джетт потерял сознание, даже не почувствует, надо сейчас, нельзя терять время. Но рука дрожала, и он понял ужасную вещь: несмотря на ложь и предательство, это все еще тот самый человек, который поделился с ним своей едой и спас его, когда он замерзал. Генри не хотелось этого помнить, хотелось почувствовать чистую, беспримесную ярость, как вчера, тогда он смог бы это сделать, но память все время подсовывала другое.

«Ты лучший человек из всех, кого я встречал. Ну, после моей мамы, ясное дело».

Генри скрипнул зубами и всадил нож в дерево так, что оно вздрогнуло. Потом выдернул, разрезал веревку у Джетта на руках и поставил его на ноги. Тот тут же начал оседать обратно, и Генри перекинул его руку через свое плечо и потащил. Тот и в обычные дни ходил плоховато, а уж сейчас легче было бы тащить тушу овцы.

Джетт вдруг засмеялся кашляющим, задыхающимся смехом:

– Ты меня пугаешь. – Он мелко дышал. – Проще...

– Заткни рот. И передвигай ногами, – резко ответил Генри. Он уже понимал: с Джеттом дорога будет в несколько раз дольше, чем без него.

И он пошел, оглядываясь и пригибаясь. Вокруг было так много солдат: сотня металась по роще, остальные бессмысленно сгрудились вокруг, в Пропастях, отрезав пути отступления. Видя их, огонь пел от радости, дрожал от предвкушения, но он был честен, ждал своего часа. А уж тогда прикоснется к каждому в этой роще, будь он хоть увешан мечами. Никто не спасется. Генри дернул головой, пытаясь прогнать эти мысли. Джетт почти не мог идти сам, огонь подсказывал, что убить еще не поздно, но Генри только крепче перехватывал неожиданно тяжелое тело и упрямо брел вперед. Предчувствие говорило ему, что он опоздал, что Освальд уже совсем рядом, и, добравшись до двери, Генри едва не разрыдался от облегчения. Вокруг было полно воинов – они махали мечами, пытаясь разрубить скриплеров, которые не давали им проходу, но шагов на десять вокруг двери все было чисто, и Генри, бездумно уходя от ударов, добрался до цели без единой царапины. Он бросил Джетта на землю, полез за ключом – и тут ему в спину уперлось что-то острое.

– Стой, Генри. Подними руки, – довольным голосом сказал Освальд.

И Генри подумал: из Освальда охотник чуть ли не лучше, чем из него самого. Он явно уже какое-то время двигался следом, а Генри это едва чувствовал, за что сейчас и поплатился. Освальд стоял у него за спиной, сжимая непобедимый меч, из-за плеча у него выглядывали Хью и древний воин с зеленой лентой в волосах – тот самый, которого Генри схватил первым в Доме всех вещей.

– Твое мягкосердечие тебя погубит. – Освальд свободной рукой приподнял над головой карту. – На этом лгунишке все еще моя метка. Спасибо обоим, что привели меня к двери.

Джетт кое-как поднялся на колени и ухватился за дверь, но воин с лентой толкнул его обратно и прижал ногой к земле.

– Давай сюда ключ, Генри, – мягко сказал Освальд.

– Да, чудище, дай ключ! – подхватил Хью.

Генри не двигался, и тогда Освальд вдруг схватил Хью, дернул к себе и прижал меч к его шее.

Хью издал сдавленный, потрясенный звук.

– Дай мне ключ, Генри. Если ты спас даже вора, этого уж точно пожалеешь. – Освальд протянул свободную руку вперед.

Генри заколебался. Он успеет бросить ключ Джетту, прорваться за дверь, но тогда Освальд зарежет Хью. И Генри вдруг понял, почему не убил Джетта. Это была странная для охотника мысль, но что-то внутри его точно знало: даже Сердце волшебства не стоит ничьей смерти.

Стараясь вообще не думать о том, что делает, он медленно протянул ключ Освальду, и в ту же секунду что-то произошло.

Освальд пошатнулся: кто-то схватил его за руку с мечом, дернул вниз и повис на ней с воплем, полным такой ярости, что Генри даже не сразу его узнал.

– Не трогай моего брата!

Освальд отбросил Свана легко, как щенка, но Хью уже вывернулся и отполз на пару шагов. Генри швырнул Джетту ключ, он был почти уверен, что тот не поймает – он и рукой едва мог шевельнуть, – но ключ вдруг изменил направление движения прямо в полете и упал Джетту на ладонь.

Ну конечно. Сивард же написал, что ключ всегда будет узнавать руку хранителя.

Генри краем глаза видел, что Сван пришел не один. Агата, тяжело дыша, стояла неподалеку, не решаясь подойти ближе. Сван опять кинулся на Освальда, обхватил его за шею, пытаясь повалить, и тут Агата, прикусив губу от страха, запустила ему целую горсть перца прямо в щель на шлеме. Освальд вскрикнул, размахнулся мечом, но Генри успел дернуться вперед и толкнуть Агату в плечо, меч просвистел над ее головой и вонзился в дерево.

А потом раздался глухой каменный скрип: Джетт распахнул дверь, и Генри влетел в нее, не успев даже испугаться. Кто-то с силой захлопнул ее за ним, и Генри замер. Дверь никуда не исчезла, но за ней оказалось совершенно не то, что в реальности было по другую сторону.

* * *

Здесь росли деревья, усыпанные розовыми цветами, – те самые, что разливали чай в доме скриплеров, и тек прозрачный широкий ручей. Земля была покрыта сочной зеленой травой, яркой, как летом. И еще здесь не было ветра и стояла абсолютная тишина, как будто дверь отрезала все звуки.

Так вот почему Освальд не мог найти это место, и никто не мог. Сюда можно было попасть только через дверь.

Генри был уверен: как только окажется здесь, все станет ясно. Но ничего ясно не было, и Генри впервые подумал: он же понятия не имеет, как выглядит Сердце, вдруг оно где-то здесь, а он его не замечает? Генри вытащил карту и едва не застонал от разочарования. На ней ничего не изменилось – огонек шестого испытания горел так же бледно, значит, Генри не прошел его. Но в чем оно должно состоять? Огонь внутри торжествующе выл, будто пытался выломать ему ребра. Время истекло: после рассвета прошел уже почти час.

Через ручей было перекинута широкое бревно, и Генри пошел по нему, разглядывая мелкие камни на дне и поросшие травой берега. Потом вернулся обратно и прошелся вдоль ручья, сосредоточенно всматриваясь в каждое дерево, каждый клочок земли, но нашел только большой, расколотый надвое камень. На нем было выцарапано одно слово: «Сивард».

– Где оно? – спросил металлический голос за его спиной, и Генри медленно обернулся.

Освальд прошел через дверь вместе с воином с зеленой лентой. И если они смогли попасть сюда, то остальные, может быть...

Генри приказал себе об этом не думать.

– Держи дверь, – велел Освальд воину. – Никто не должен нам помешать.

Воин послушно навалился на дверь и застыл. Освальд выставил перед собой меч и медленно, мягко пошел к Генри. Тот попятился – из оружия, которое принесли скриплеры, он взял только зазубренный, старый нож.

– Где Сердце? Оно должно быть за дверью, где оно? – требовательно спросил Освальд.

Генри пожал плечами.

– Хочешь – ищи. У меня не вышло, – сам поражаясь своему спокойному голосу, проговорил он.

Освальд завертел головой жадно, нетерпеливо. На Генри он больше не смотрел, и тот замер на месте, пытаясь сосредоточиться, выдумать хоть какой-то план, а потом посмотрел себе под ноги. Опавшие лепестки деревьев двигались. Ветра не было, но они перекачивались по земле, будто что-то тянуло их друг к другу. Ну, если эти деревья могли разливать чай, то почему бы их лепесткам не кататься по земле, хмуро подумал Генри и снова перевел взгляд на Освальда – тот растерянно кружил по поляне, так же как Генри за пять минут до него.

Генри снова посмотрел вниз – и вздрогнул от неожиданности. Лепестки сложились в большую цифру «6». Ну конечно, Тис же говорил – каждое испытание сложнее предыдущего, значит, это должно быть почти невыполнимым. Генри поднял взгляд и увидел, что Освальд тоже смотрит на цифру.

– Шестое испытание, верно? Победа над главным соперником. – В голосе Освальда не было радости – вот что было самым странным. Никакого торжества. – Прости, Генри. Я надеялся, что это закончится не так.

И Освальд бросился на него.

Освальд был крупнее, тяжелее, с мечом и в доспехах, но Генри был быстрым. Отец ему всегда говорил: твое лучшее оружие – скорость, и никогда еще оно не выручало Генри больше, чем сейчас. План у него был проще некуда: победить Освальда тупым ножом даже нечего пытаться, а значит, надо отнять меч.

Загвоздка была только в одном: Освальд его план явно понял и делал все, чтобы Генри не смог подойти к нему близко. Огонь заволакивал голову, зудел в кончиках пальцев, щекотал кожу, кричал: «Снимай перчатки!», но Генри из последних сил заставил себя не слушать. Шанс подобраться ближе появится, если вывести Освальда из равновесия, и Генри сосредоточился на том, чтобы бить по ногам, пытаясь повалить его на землю. Генри не отвлекался ни на секунду, сосредоточенно уходя от ударов меча, пригибаясь и перекачиваясь, он дрался не только за себя – за Тиса и за Сиварда, которых убили тем же мечом, и эта мысль давала ему бешеную ярость, его собственную, не имеющую отношения к огню.

Отец всегда говорил ему: «Не думай во время драки», но сейчас Генри чувствовал себя непобедимым, страх смерти не отвлекал его – в конце концов, он пришел сюда не для того, чтобы выжить, – и можно было потратить несколько минут на размышления. План, который пришел ему в голову, был настолько совершенным, что Генри едва не ухмыльнулся. Он не умел ничего из того, что так здорово умели Тис и Освальд: драться мечом по всем правилам, обманывать неожиданными выпадами. Зато Генри всю жизнь преследовал зверей на открытых

пространствах и знал: иногда, чтобы выиграть, надо просто использовать окружающую обстановку.

Генри вытащил свой смехотворный старый нож и, кружа вокруг Освальда, начал теснить его к ручью. Освальд отбивался от бесполезных ударов Генри и иногда вынужденно делал шаг назад, ненадолго упуская преимущество нападающего. Генри налетал на него с такой стремительной, хладнокровной злостью, что он успевал только защищаться. Генри сделал все, чтобы оттеснить Освальда на бревно, перекинутое через ручей. Ручей был мелкий, едва ли по пояс, и совершенно не опасный, а бревно – толстое, так что Освальд вступил на него без страха. Генри не отставал, старательно показывая, что вымотался от своей глупой атаки, и Освальд, перехватив преимущество, начал теснить его обратно к берегу. Генри чувствовал в его движениях торжество, но он отлично знал: когда дерешься со зверем, нельзя отвлекаться на ощущение близкой победы – теряешь сосредоточенность, и тут-то в тебя и вцепляются клыки и когти.

Генри молниеносно стянул одну перчатку, дернулся вниз и схватился рукой за бревно.

Оно мгновенно осыпалось пеплом, Генри сразу прыгнул в воду, а вот Освальда это застало врасплох, и он рухнул в ручей, неуклюже взмахнув руками. Наверное, когда вода заливается в доспехи, это не так уж приятно, да и весить они начинают больше. Пару секунд Освальд беспомощно барахтался в воде, и Генри с силой всей своей ярости пнул его в сгиб локтя, придавил руку, вырвал меч и приставил к зазору под шлемом. Освальд поднял голову над водой с хриплым, захлебывающимся звуком, и Генри чуть надавил концом меча ему на шею. Надо было убить одним движением, но он медлил – таким человеческим был этот кашляющий звук. Генри крепче сжал меч. Он должен. Есть вещи, которые просто нужно сделать.

А Освальду тем временем удалось сесть на дно ручья, и он аккуратно, медленно поднял руки. Острие все еще прижималось к его горлу, и на секунду Генри показалось, что он хочет сделать движение людей, которое значит «сдаюсь». Но Освальд приложил руки к голове и потянул вверх шлем. Генри окатило мучительным холодным ужасом, он не хотел смотреть в лицо этому человеку, – тогда точно не сможет его убить, – но Освальд уже снял шлем, и рука Генри разжалась. Меч плашмя упал в воду, подняв брызги, но Генри даже не заметил. Он не мог дышать.

– Нет, – без голоса пробормотал он. – Нет. Нет.

Это был его отец – темные волосы налипли на лоб, на шее краснел порез, он осунулся и выглядел уставшим, но это совершенно точно был он.

– Хватит, – хрипло проговорил Генри, и голос его окреп. – Это не по-настоящему. Ты заставляешь меня это видеть.

– Успокойся. – Освальд поднялся на ноги, не сводя глаз с Генри. Больше не искаженный шлемом, его голос звучал так знакомо. – Ты все сделал, Генри. Ты молодец.

Генри понял, что мотает головой, упрямо сжав губы, забыв про Сердце, про все на свете, и хуже всего было то, что он уже знал: это не обман. Все, чего он не понимал в истории последних десяти дней, подтягивалось друг к другу, как лепестки волшебного дерева. Что же он за тупица, как можно было не догадаться, что это с самого начала был отец. Он был так потрясен, что даже не вздрогнул, когда отец резко нагнулся и поднял упавший на дно меч.

– Я же всегда говорил тебе: если хорошо продумывать то, что делаешь, то победишь. – Голос отца был ласковым, но под этой мягкостью сквозило нетерпение. – Давай, Генри, не стой столбом. Объяснения, рассказы, это все позже. Надо быстро найти его, пока оно не... Ну, ты увидишь.

Генри не сдвинулся с места. Вода холодила ноги, и его начало трясти мелкой дрожью, которую он не мог унять.

– У тебя же есть волшебная карта, верно? Дай мне ее, посмотрим, может, она подскажет.

Отец выжидательно поглядел на него, и Генри бездумно полез в карман и протянул ему карту. Самое дикое было в том, что даже сейчас он не смог послушаться, едва в голосе отца проскользнули приказные ноты.

Отец развернул карту и нахмурился:

– Странно. Огонек на шестом испытании мигает и горит явно не в полную силу. Надпись «Победа над врагом» проступила, но никаких подсказок больше нет. Ты знаешь, что надо делать дальше? – требовательно спросил отец.

Но Генри только моргнул: холод вдруг отступил, и его окатило таким пугающим жаром, будто кожа раскалилась докрасна.

– Слушай, что ты замер? Чему я тебя учил? Чувства не должны отвлекать от охоты. А сейчас мы с тобой на охоте. Сердце где-то здесь, но где? Оно не иголка в стоге сена. Когда Сивард украл его, оно было в большом коралловом ларце. Кораллы – это такие переплетенные камни, похожие на кровеносные сосуды, – пояснил отец, и у Генри дрогнули губы. Отец всегда объяснял ему незнакомые слова. Это не изменилось. – Я три сотни лет ждал этого момента, и рад, что мой сын разделит его со мной, если не будет так тупо стоять столбом. – Отец коротко улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. И руку на мече он по-прежнему не разжимал.

Генри едва слушал: его трясло все сильнее, огонь разгорался, заволакивал все внутри. Ему показалось, что света вокруг стало меньше, хотя, может, у него просто потемнело в глазах. И Генри понял, так ясно, словно кто-то сказал ему: «Время вышло, прошли ровно сутки». А отец все продолжал говорить, как будто раз уж начал, не мог остановиться.

– ...Не смотри на меня волком. Я что, был тебе плохим отцом? Без моих уроков ты бы здесь не стоял. Сиварда я вечно осуждал за его дар, но с тех пор многое понял. Ваш дар – награда, а не проклятие. Он позволяет добиться могущества, неподвластного обычным людям. И когда столько лет спустя ты родился с тем же даром, я подумал: «Исправлю все свои ошибки». Но Барс явился, чтобы даже это у меня отнять, перетянуть тебя на свою сторону. И как же я разозлился, ты бы знал. Но об этом потом, а теперь ты, как послушный сын, сойдешь с места и поможешь мне искать Сердце.

Генри закрыл глаза. Он больше не мог сопротивляться, будто какая-то сила тянула его за руки и ноги, а он сам проваливался в бездонную яму, сжимался, занимая в себе самом все меньше места. Генри стянул перчатки и уронил их в воду, даже не чувствуя рук. Он сделает то, что Сивард не смог. В Освальде так много силы, и он заберет ее всю, вместе с бессмертием. Отец ведь лгал ему, отец – и есть Освальд. Вода невыносимо жгла колени, и Генри почувствовал, что ноги делают шаг без всякого его участия и еще один, – меч его не остановит, ничто его не остановит. Отец попятился к берегу, и Генри первый раз в жизни увидел на его лице страх, но не замедлил шага. Он силен, как никогда, а сейчас станет еще сильнее. Мысли были сонными и будто чужими. Генри из последних сил открыл рот, пытаясь что-то сказать, но язык больше ему не повиновался. Огонь торжествующе пылал внутри его, могучий, непобедимый, и Генри, беспомощный, собрал всю свою волю, весь свой страх и сделал единственное, что мог, – это стоило ему таких усилий, как будто он пытался сдвинуть огромный валун. Он заставил себя оступить.

Генри медленно повалился в воду, и вода накрыла его с головой, обожгла кожу. Так, наверное, чувствовали себя обычные люди, оказавшись в огне. Было так больно, будто его перемалывает горный обвал, крошит ему кости. Он закричал, и в рот попала вода. Она давила со всех сторон, огонь пытался поднять его обратно, отец тоже, и Генри беспомощно хватался за дно, обламывая ногти. Он проиграл, он не успел найти Сердце до того, как его время кончится. Все инстинкты требовали, чтобы Генри разжал руки, но он не мог, под водой огонь не имел власти, он снова чувствовал себя собой, и это было так прекрасно, что лучше уж не всплывать. Но рука в железной перчатке упорно тянула его вверх, схватив за воротник, точно как в тот день, много лет назад, когда отец столкнул его с бревна в горную реку, чтобы научить плавать.

Генри из последних сил зашарил по дну, пытаясь ухватиться хоть за что-то, и рука скользнула по чему-то ребристому, гладко-твердому, непохожему на речные камни. Генри вцепился в это обеими руками, и огонь вдруг отступил, будто сжался и ушел в глубину. В ту же секунду отец рывком вытащил его, и Генри сел на дне, дрожа и задыхаясь. Вода стекала с волос, катилась в рот, и он жадно сглатывал ее, он знал: это недолгая передышка, огонь не исчез, конечно, он не исчез, просто затаился, охваченный дикой злобой на то, что его отпугнули, когда он был уже так близок к победе. Тут Генри понял, что все еще прижимает к груди то, за что пытался уцепиться, опустил глаза и закашлялся.

Это был ларец из гладких ветвистых алых камней. Генри был без перчаток, но ларец даже не нагрелся, и с уколом внезапной, безумной радости Генри понял: он знает, что внутри.

– Там же ничего не было. – Отец потрясенно глядел в воду. – Как ты понял, что его надо достать со дна?

Генри вяло пожал плечами. Он чувствовал себя выпотрошенным, совершенно пустым, как будто уже умер и только по какому-то недосмотру его тело еще дышит. Он был уверен, что отец попытается отнять ларец, но потом понял: ларец тяжелый, одной рукой не возьмешь, а Генри уже видел – отец слишком его боится, чтобы выпустить меч.

А потом отец шагнул вперед и прижал острие меча к его горлу.

– Поставь ларец на берег, – резко сказал он.

Генри с трудом, как старик, встал и побрел к берегу, вцепившись в ларец так, что побелели пальцы. Вода блестела, мелко серебрилась вокруг, гладила ноги, будто не хотела отпустить его, но Генри выбрался на берег и вместе с ларцом опустился на траву.

– А теперь открой крышку. Ты сейчас поймешь кое-что, – отрывисто проговорил отец. – Знаешь, что было самым интересным в твоём походе? Что он с самого начала был обречен на провал.

Генри представлял, что этот момент будет более торжественным, но все, о чем он сейчас мог думать, – как ему холодно, как близко острие меча от его лица и как, оказывается, приятно прикасаться к чему-то голыми руками и не превращать это в груды пепла. Время текло медленно, будто расплавилось. Генри крепче обхватил крышку и потянул ее вверх.

До этой минуты он даже не думал, что Сердце волшебства так похоже на обычное сердце – человека или животного. Зато он был уверен, что оно будет великолепным, сияющим и невероятным, и все вокруг сразу изменится.

Сердце, лежавшее на дне кораллового ларца, было тусклым, дряблым и сморщенным, оно еле билось, будто задыхаясь, – судорожные, короткие сокращения.

– Оно выглядит даже хуже, чем я надеялся, – довольным голосом сказал отец. – Ты не знаешь одной важной подробности, Генри. Когда Сивард спрятал Сердце, оно перестало давать людям дары, но ты уже понял – в нашем королевстве все взаимосвязано. Самому Сердцу силу давали волшебство и те вещи, в которые люди вкладывали частицы своего дара, и это не изменилось, когда его спрятали. С каждым уничтоженным старинным предметом, с каждым убитым существом или волшебником оно становилось чуть слабее. Я триста лет уничтожал предметы, не только чтобы создать армию. Я хотел, чтобы оно погасло. Хотел точно знать, что дары никогда не вернуться. Как же я ненавижу свой дар. – Отец постучал по виску пальцами свободной руки. – Он меня с ума сводил.

– Какой? – одними губами спросил Генри. Он по-прежнему стоял на коленях, и от этого отец казался еще выше ростом, чем всегда, он нависал над Генри, заслоняя собой свет.

Отец рассмеялся коротким, хриплым смехом. Острие прижималось к коже Генри легко, почти ласково.

– Я видел будущее. Неплохой дар для короля, вот только последние несколько лет своего правления я все время видел одно и то же: меня свергали с престола и убивали. И я решил: сделаю так, чтобы это будущее никогда не наступило. Я подарил себе бессмертие. А сейчас, когда

Сердце погаснет, пойду и снова отвоюю трон. Верну себе то, что принадлежит мне по праву. – Он сделал шаг к Сердцу, но Генри наклонился над ларцом, отгораживая его от Освальда, и тот послушно замер. – Оно больше никогда не загорится в полную силу, Генри. За последние сутки оно совсем ослабло: убит Тис, сейчас умирает волшебный Ледяной лес. С дарами покончено. То, что сделал Сивард, было зря. Лучше бы он сидел дома и остался жив. А теперь силы Сердца хватит, только чтобы исполнить какое-нибудь простенькое желание. Мне как раз пригодится способность находить спрятанные клады: моя нынешняя армия годится разве что для устрашения, но толку от нее мало, а монеты у меня на исходе. Пора пополнить запасы, тогда я смогу купить кого угодно, и он будет добровольно мне служить.

Генри сидел не двигаясь и не отводил взгляда от жалкого, сморщенного Сердца. Ему казалось, что его собственное сердце так же едва бьется задыхаясь, не способное уже никому ничего дать, выдохшееся и слабое.

Острие меча чуть сильнее надавило ему на горло. Налетевший откуда-то ветер рвал с деревьев лепестки, и они вились вокруг, как розовый снег.

– Все будет хорошо, – мягко сказал отец. – Не переживай из-за даров. У тебя-то он и так есть, а какое тебе дело до других? Я до сих пор не понимаю, почему ты, по какой-то странной игре природы, родился с даром в королевстве, где все уже давно стали бездарными. Но нам повезло: ты – последнее могучее волшебство в королевстве. Я стану королем, а ты – моей правой рукой, как и предсказано. С каждым, чью силу ты заберешь, ты будешь становиться сильнее. Вместе мы станем непобедимы, и при таком защитнике, как ты, больше никто не посмеет меня свергнуть. А теперь встань и сделай шаг назад – я должен загадать желание, пока этот жалкий заморыш не погас совсем.

Генри тяжело поднялся на ноги, от слабости у него дрожали колени. Теперь меч упирался ему в грудь: не угроза, просто предостережение. В голове бесконечно повторялись слова отца, он никак не мог от них отделаться, почему-то они не давали ему покоя: «Ты – последнее могучее волшебство в королевстве». Генри нахмурился: он ведь и раньше знал, что ни у кого, кроме него, нет дара, так почему сейчас это казалось важным?

Лепестки носились в воздухе, легко гладили его лицо – и Генри медленно выдохнул. Слова начали всплывать в его памяти, другие, сказанные ему в разное время разными людьми и существами, и в голове вдруг прояснилось, будто разошлись тучи и все залило ослепительным светом.

«В нашем королевстве все связано».

«Волшебство не исчезает: если разрушить его сосуд, оно просто переходит в тот, что рядом, – так Освальд и делает напиток».

«Ты не можешь выбирать, кем родился, но можешь выбрать, что с этим делать».

«Без предыдущих испытаний невозможно пройти последнее».

И надпись на двери уничтоженной башни: «Волшебство у тебя в крови, путник».

– Седьмое испытание... – потрясенно пробормотал Генри.

Больше никаких загадок. Теперь он точно знал, что надо делать.

– Отойдешь ты или нет? – нахмурился Освальд. Он явно терял терпение и давно бы отбросил Генри с дороги, если бы не боялся его.

Меч надавил Генри на грудь чуть сильнее, но он не сдвинулся с места. Шесть испытаний – чтобы найти Сердце. Седьмое – сделать так, чтобы оно загорелось снова.

Барс выбрал его не просто так – то, что заставит Сердце гореть, может сделать только он. С самого начала ничто не было случайным, каждый шаг вел его сюда, и Генри подумал: «Как странно. Оказывается, понимаешь, в чем был смысл твоей жизни, только когда дойдешь до самого конца».

– Я – не ошибка, – едва шевеля губами, произнес он.

– Да что ты бормочешь! Шаг назад, я же сказал!

Генри опустил взгляд. Ларец с Сердцем стоял прямо между ними. Все получится. Огонь еще не опомнился от воды, он не сможет помешать. Надо просто решиться. Это как прыжок в холодную воду. Всего одна секунда решимости – этого достаточно.

Меч по-прежнему упирался ему в грудь. Генри подался к отцу, схватил его обеими руками за локоть и с силой дернулся вперед.

Отец в панике оттолкнул его, выдергивая меч у него из груди, не понимая, что только помогает ему довести дело до конца: теперь кровотечение будет уже не остановить. Генри из последних сил опустил взгляд и увидел, как кровь капает на Сердце, впитывается в него – и то загорается чуть ярче, его биение становится сильнее. Генри опустился на колени, завалившись грудью на ларец, чувствуя, как под ним разгорается горячее сияние. Отец кричал что-то, дергал его за плечи, оттаскивая, теперь кровь текла на землю, но Генри знал: то, что началось, уже не остановить.

Кораллы, из которых был сплетен ларец, не зря были похожи на сосуды: они начали набухать, стали яркими, темно-алыми, они втягивали его кровь из земли и несли к Сердцу, и Генри хотел улыбнуться, но только мокро всхлипывал, втягивая воздух. Он не думал, что будет так больно, боль оглушила его, он вжимался щекой в траву, чувствуя себя так, будто на него упал каменный утес. Все, что он еще мог, – это смотреть, как из ларца разливается ослепительное теплое сияние, как краски вокруг становятся ярче и свет затапливает все.

Генри был уверен, что отец бросится к Сердцу, попытается потушить его снова, загадать желание. Он сам не знал, что стал бы тогда делать. Но отец только тряс его за плечи с такой силой, будто хотел, чтобы у него отвалилась голова. А потом отец прижал к ране руку в железной перчатке, и Генри со смутным, сонным удивлением понял, что до этого момента, кажется, не знал о боли вообще ничего. Он заскулил, пытаясь перевернуться на другой бок, и уже подумал, что от боли умрет быстрее, чем от потери крови, когда кто-то вдруг с силой отпихнул отца в сторону, незнакомый голос крикнул: «Вы что делаете!», и Генри с трудом открыл глаза, щурясь от яркого света. Над ним нависало обеспокоенное бородатое лицо. Прядь, переплетенная зеленой лентой, качалась прямо у Генри перед глазами.

– Вы слышите меня? Я лекарь, – настойчиво крикнул мужчина, потом перевел взгляд на рану, и по его лицу Генри понял: лекарь тут не поможет, рубашка промокла от крови насквозь. – Только у меня дар неподходящий, я прикосновением лечу простуду. Но у нас в деревне есть один парень, у него дар останавливать кровь. Вот только я не понимаю, где я и далеко ли деревня. Подождите, сейчас, надо зажать рану, держитесь, ладно?

От потрясения у Генри даже прояснилось в глазах. Если с этого воина спало заклятие, значит, и остальные... Он прислушался и наконец понял, что за настойчивый звук мерещится ему уже которую минуту. Это было пение, которое подхватывали все новые голоса: «Мы братья, и снова мы вместе споем, и песня тебя сохранит, как броня, а после пойдем и отыщем свой дом, ты только подпой, если слышишь меня!»

Сотни людей, которые пришли в себя, не понимая, где они, где их дом и их семьи, подхватывали песенку Свана, чтобы было не так страшно, – песенку, которую тот распевал во все горло, даже когда дело стало совсем плохо.

Генри вскрикнул: воин с зеленой лентой, стащив с себя рубашку, пытался зажать ему рану. Он вдруг понял, что отца давно не слышно, а он ведь был совсем рядом, Генри видел, как солнце ослепительно отражается от его доспехов. Отец сидел, сжав виски обеими руками. Почувствовав взгляд Генри, он обернулся.

– Что ж ты наделал, глупый ребенок, – одними губами проговорил он. – Я снова вижу, что будет. Что ж ты наделал. – Он поморщился, зашипел от боли и снова прижал к виску руку.

Ярко-красная рубашка прижалась к его груди сильнее, и Генри из последних сил отпихнул руку настойчивого лекаря. Ему хотелось только одного: чтобы его оставили в покое, дали

полежать и поглядеть на этот прекрасный, сияющий мир вокруг, пока он еще может держать глаза открытыми. А потом раздался голос – молодой, хриловатый и совершенно незнакомый.

– Вы же сами видите – ничего не выйдет. Идите, я о нем позабочусь. За дверью есть другие раненые.

Лекарь кивнул и поднялся, глядя на кого-то за спиной Генри. Освальд смотрел туда же, и на его побелевшем лице было такое потрясение, будто он увидел что-то невозможное даже в королевстве, полном невозможного.

– Ты же умер, – без голоса пробормотал отец.

– Конечно умер.

Чьи-то руки приподняли Генри, не пытаясь зажать рану, и секунду спустя его голова лежала у кого-то на коленях, а прохладная ладонь накрыла его лоб. Это было так приятно – к нему никто никогда не прикасался, даже отец. Генри сжался, думая, что рука сейчас отдернется, но она по-прежнему гладила его лоб, перебирала волосы, и он вдруг почувствовал такое спокойствие, как будто ничего плохого больше никогда не случится.

– Уходи, отец, – сказал все тот же голос у него над ухом. – Дай ему спокойно уснуть.

Отец нашарил на траве свой шлем и непобедимый меч и послушно поднялся, будто чем-то смертельно напуганный. Он больше не смотрел ни на Сердце, ни на Генри, – только на человека за его спиной. Отец шагнул назад и еще раз шагнул. Удаляющиеся шаги становились все чаще, и, когда они стихли, Генри стало легче дышать. Он с трудом запрокинул голову, вглядываясь в склонившееся над ним лицо, – молодой мужчина с тревожными серыми глазами. Генри никогда раньше не видел его, но точно знал, кто это такой.

– Сивард, – выдавил он и закашлялся.

Тот улыбнулся, и Генри едва не улыбнулся в ответ. Он еще никогда в жизни не был так счастлив кого-то видеть.

– Я при жизни забрал слишком много сил, мой дух никак не желал упокоиться. А еще я не хотел умирать, не дождавшись тебя. Хотел передать один подарок. Все-таки шкатулка с безрадостной историей внутри – слишком жалкое наследство.

Генри прижался виском к его ладони и огляделся: все вокруг заливал свет, и от этого их тени на земле казались ослепительно-яркими. Сивард сидел, привалившись спиной к своему могильному камню. Генри приподнял руку, чтобы коснуться Сиварда, убедиться, что он настоящий, но рука бессильно упала на траву. Генри был уверен, что вокруг нее расползется пятно пепла. Пепла не было, и он неверяще вцепился в траву. Он никогда не думал, что она такая удивительная на ощупь, такая мягкая и теплая, вот только почему она не сгорала?

– Потому что дара у тебя сейчас нет. Он был в твоей крови, и ты отдал его силу, чтобы зажечь Сердце, – сказал Сивард, будто услышав его мысли, и прикоснулся холодными губами к его виску. – Я знал, что ты справишься. А теперь пора отдохнуть. Спи спокойно, во сне все проходит.

Генри заморгал чаще, он даже не понимал, почему плачет, больно ведь больше не было, но слезы текли по щекам, сползали в уши. А потом он понял: тело онемело, и он больше не чувствует ладонью землю. Краски вокруг слепили глаза, расплывались, перетекали друг в друга. Он больше не мог на них смотреть, слишком ярко, и Сивард прижал его лицо к своей рубашке, зашептал что-то. Голос был неразборчивым, как шелест листьев, но прохладная рука по-прежнему лежала у Генри на затылке, и Генри хотел о чем-то спросить, но тут же забыл вопрос: веки отяжелели, будто невидимая сила давила на них, и он послушно закрыл глаза.

– Вот и все, – тихо сказал Сивард.

Глава 17

Яркие звезды

Генри приоткрыл глаза – и резко дернул головой, отворачиваясь от нестерпимого света. Прямо перед ним была зеленая трава, и он сонно улыбнулся, положил на нее руку – трава сразу же обуглилась, и Генри разом все вспомнил. Он сжался, ожидая боли, но она так и не пришла. Оглядеться не получилось – из ларца разливался слепящий свет. Потом стоявшее рядом дерево вдруг протянуло ветку и захлопнуло коралловую крышку. И Генри, медленно моргая, смог наконец разглядеть свою рубашку и землю вокруг. Нигде не было ни капли крови.

Встать он смог не сразу. Он как будто забыл, как пользоваться собственным телом. Перед глазами откуда-то взялась ветка дерева, Генри поднялся, неловко ухватившись за нее, и ветка тут же опустилась в воду, пошарила на дне ручья и вытащила пару мокрых перчаток. Она положила их на ларец с Сердцем, потом протянула Генри – уже совершенно сухие – и замерла, когда со стороны двери раздался резкий каменный скрип.

На поляну ввалился Джетт. Он едва разгибался, хромал больше обычного и был перепуган до смерти, но при виде Генри по его лицу разлилось облегчение. Он покачнулся, хотел прислониться к двери – та захлопнулась, толкнув его вперед, и он упал лицом в траву.

– Освальд скрылся, я думал, он тебя... Что это за место? Ну, не важно, – забормотал Джетт, нетвердо поднимаясь на ноги. На Генри он больше не смотрел, только в землю. – Слушай, я понимаю, это не мое дело, но ты в порядке? Такмотришь, будто с того света вернулся.

Генри не ответил. Он думал о том, как это странно: когда они только встретились, ему казалось, что Джетт вообще не расстается с улыбкой. А сейчас его осунувшееся, серое лицо выглядело так, будто он не улыбнется больше никогда.

Мысли проплывали в голове медленно, как облака. Генри молчал, и Джетт продолжил сам, запинаясь, будто слова, как и улыбки, раз и навсегда перестали ему служить:

– Я по делу, иначе я бы тебя не беспокоил. Когда Освальд за дверь выскочил, у него ключ в руке был. Я бы не смог отнять, но вспомнил, как ключ мне прямо в руку упал, когда ты его бросил. Решил попробовать, вытянул руку, и ключ сам от Освальда ко мне прилетел, представляешь? Освальд ко мне бросился, но меня скрипелеры защитили, и когда он понял, что не может у меня ключ забрать, сказал: «Я тебя найду» – и сбежал. В общем, я пришел отдать тебе ключ, вдруг пригодится. – Джетт неловким движением сунул ключ Генри в руку. – Когда он меня догонит и... В общем, раз я его тебе сам передал, после моей смерти хранителем станешь ты, а не он. Я только хочу попробовать доставить деньги до того, как он меня найдет. И я так рад, что ты жив, я... – Он захлебнулся словами, мотнул головой и побрел к двери, припадая на обе ноги.

– В следующий раз, когда неизвестно кто предложит тебе работу, для начала спроси, кто он такой, – проговорил Генри. Слова как-то странно ощущались во рту, но он справился. – Подойди.

Генри снял перчатку. Джетт подошел к нему и медленно, с остановившимся взглядом, кивнул. Он явно был уверен, что Генри все же решил убить его сам, и захлебнулся криком, когда тот прикоснулся к коже за его ухом. Генри сразу надел перчатку. Внутри ничего даже не дрогнуло, он чувствовал: дар остался с ним, но больше им не управлял, ненавистный голос затих.

Джетт поднял на него неверящие мокрые глаза, тронул кожу и с шипением отдернул руку от ожога.

– Метки больше нет, он тебя не найдет. Ты свободен, – сказал Генри, все с той же нелепой старательностью выговаривая слова. Но оцепенение, в котором он проснулся, с каждым

движением, с каждым словом отпускало его. Он вытащил из кармана две оставшиеся монеты и вложил в ладонь Джетту. – Тебе нужнее. И спасибо за ключ. А за остальное – вот.

И Генри врезал ему кулаком по лицу. Джетт отлетел, схватившись за нос. А потом сел на земле, вытер под носом кровь – и вдруг рассмеялся взбудораженным, трясущимся смехом, как будто сейчас заплачет. Генри протянул ему руку, Джетт поднялся, схватившись за нее. И вот теперь глаза у него были такие, как раньше, до встречи с Освальдом.

– Не ввязывайся больше ни во что, – негромко сказал Генри.

И Джетт улыбнулся ему широкой, растерянной улыбкой, хотел что-то сказать, но так ничего и не придумал.

Он поклонился и вышел, продолжая оглядываться. Генри смотрел ему вслед, пока дверь за ним не захлопнулась, подняв порыв ветра. Этот ветер сорвал с деревьев ворох лепестков, подкинул их в воздух, и Генри наконец заметил: деревья облетели полностью, теперь повсюду торчали голые ветки, ручей обмелел, трава пожухла. То ли сияние Сердца оказалось слишком ярким, то ли это место просто выполнило свое предназначение и теперь разрушалось. И еще кое-что изменилось. Могильный камень Сиварда, раньше расколотый надвое, сросся. Генри положил на него ладонь, глядя на выцарапанное на камне имя.

Сивард при жизни забрал слишком много сил и триста лет хранил их, чтобы отдать ему. Дар не исчез – нельзя изменить то, каким ты родился, – но Сивард дал ему время, чтобы просто жить, и это было лучшее наследство, какое только можно вообразить.

Генри вытащил из кармана черно-белого ферзя и поставил его на камень светлой стороной к себе.

– Спи спокойно, – негромко сказал он.

А потом подобрал карту, которую Освальд бросил на траву, и долго смотрел на две последние надписи: «6 – победа над главным врагом» и «7 – самопожертвование». Генри знал: шестой огонек перестал мигать, когда он упал в воду, пытаясь справиться с огнем; ведь не только Освальд был его врагом.

Генри поднял ларец с Сердцем – сквозь плетение красных кораллов пробивался едва заметный свет – и оглянулся в последний раз, зная, что никогда больше не увидит ни это место, ни могилу Сиварда. А потом толкнул дверь и шагнул вперед.

* * *

Ему показалось, что он разом оглох и ослеп, как в ту секунду, когда оказался на ярмарке в Хейверхилле, – и он сделал шаг назад, прижимаясь спиной к двери. Пахло гарью, на деревьях тлела листва, люди бестолково носились во все стороны, выкрикивая какие-то имена и иногда наступая на скриплеров, которые деловито спешили по своим делам. Встрепанный мужчина налетел на Генри, схватил его за плечи и выпалил:

– Я ищу свою жену, Эмили! Высокая рыжая женщина с суровым лицом, мы из Обри, нас же забрали вместе, а ее нигде нет!

Генри мелко затряс головой, и мужчина унесся дальше. Да уж, с дарами или без даров, но сотни людей пришли в себя в незнакомом месте, одетые в доспехи Освальда и без всяких воспоминаний о последних нескольких днях.

А потом Генри увидел что-то странное. Человек в свисающей клоками одежде с отсутствующим видом стоял рядом с обожженным эвкалиптом и водил ладонью по его коре. Там, где он проводил рукой, обгорелая кора превращалась в обычную, серебристую. Неподалеку другой человек в обрывках древней одежды подошел к эвкалипту, который еще горел в полную силу, поднял обе руки, закрыл глаза, и в ту же секунду над эвкалиптом пошел дождь. Генри неверяще посмотрел вверх: небо было ярко-синим, но над этим деревом висела маленькая туча.

– Мой дар снова работает! – Человек почувствовал взгляд Генри и со смехом обернулся к нему. – Вы не помните, как мы тут оказались? Когда пришла весть о смерти Сиварда, я отправился в Башню загадок за камнем удачи – собирался сразиться с Освальдом, удача не помешала бы, – и там со мной произошло что-то странное. Сейчас думаю: это, наверное, был сон.

Он опустил руки, и туча без его присмотра сдвинулась и поплыла над лесом.

– Эй! – закричал какой-то мужчина. – Кто меня водой облил?

А потом поглядел наверх, открыл рот и перепуганно понесся дальше.

– Простите, – рассеянно сказал человек с тучей, снова поднял руки и повел ими в воздухе.

Туча передвинулась и замерла над другим деревом с тлеющей корой.

Вокруг было так много шума, звуков, запахов, что Генри едва не спрятался обратно за дверь, но тут раздался грохот – и дверь рассыпалась в груды старых камней. Генри беспомощно уставился на нее, а потом ему на плечо легла холодная рука.

– Вернувшись из царства смерти, трудно сразу освоиться в мире живых. Когда я очнулась после трехсот лет сна, со мной было то же самое.

Рядом с ним стояла королева льда. Никто не обращал на нее внимания, люди проносились мимо, полагая, видимо, что ледяная женщина – не самая большая их проблема. Генри сначала показалось, что она светится, а потом он понял: это солнце ярко отражается ото льда.

– А где твои звери? – брякнул Генри. Другого вопроса в голову не пришло.

На ее лице засияла улыбка.

– Огонь и вода при встрече уничтожают друг друга, ты разве не знал? И мой лес, и огненные твари погибли. Но когда они дрались, как это было красиво! Не грусти, наследник Сиварда. Дары вернулись, скоро снова появятся мастера пения. Они придут на то место, где был мой лес, и от их песен он вырастет снова.

– Почему скоро появятся? А разве они еще не...

Она рассмеялась звенящим дробным смехом:

– Чтобы стать мастером, одного дара недостаточно. Его надо возвращать, да и дар свой люди чувствуют не сразу. Ваши предки внимательно изучали своих детей, чтобы понять, в чем их предназначение. Это не так-то просто.

Генри посмотрел на мечущуюся вокруг толпу:

– То есть у всех этих людей есть дары, но они пока сами не знают какие?

– Дар известен здесь только троим: тем, кто пришел в Башню загадок вскоре после потери Сердца. О, а вот и двое из них. – Она кивнула на человека с тучей и человека, снимающего гарь с эвкалиптов.

Королева блестела все ярче, и до Генри наконец дошло: она тает. Капли мелко текли по волосам и по платью, падали на землю.

– Да, и я тоже умираю: ведь мой лес и я – одно и то же. Хотя раньше я часто покидала его и путешествовала, – беззаботно сказала она, шагнув ближе, и Генри показалось, что шум вокруг исчез, будто королева окружила его ясной морозной тишиной. – Стоило людям заблудиться во время выюги в любом лесу королевства, я приходила к ним, целовала их, и они засыпали тихо, как дети. Всегда мечтала умереть от поцелуя. Мы еще встретимся, наследник. А сейчас – прощай.

Королева подошла к нему вплотную и сделала что-то странное: прикоснулась губами к его губам, и от этого гладкого, нежного, тающего прикосновения у него захолонуло сердце. Он подался вперед, открыл глаза – но ее больше не было. Лужа на земле вспыхнула под солнцем и впиталась в землю без следа. Генри бездумно прикоснулся к губам и даже через перчатку почувствовал на них холод. Шум вокруг вернулся, но Генри больше не боялся его, как будто ее прикосновение окончательно его разбудило. Он удобнее перехватил ларец и решительно зашагал прямо в неразбериху.

– Стой, – отрывисто произнес знакомый голос, и Генри поднял глаза.

Олдус стоял в нескольких шагах, натянув тетиву лука. Стрела целилась Генри прямо в сердце, чуть вздрагивая: рука у Олдуса была перевязана носовым платком, густо пропитанным кровью.

– Вы неправильно перевязали, – покачал головой Генри. – Надо крепче. И выше раны.

Олдус нахмурился, тревожно вглядываясь ему в лицо, а потом морщина между его бровей разгладилась, и он со стоном облегчения бросил лук. Генри поставил ларец на траву и перевязал Олдусу руку как следует. Тот, стиснув зубы, не отрывал взгляд от ларца.

– Генри, как же я рад вас видеть. Вы в порядке? А это оно? Поверить не могу! Лучше не выпускайте его из рук, вдруг Освальд за ним вернется?

– Вы его не поймали? – нарочито равнодушно спросил Генри.

– Нет. Я был далеко отсюда, когда все пришли в себя: пытался обезоружить посланников. Мне сказали, что Освальд преспокойно ушел. Никто не решился преградить ему путь. Я даже не знаю, как нам его теперь искать: неизвестно, как он выглядит, и старых портретов не сохранилось. Вы его, случайно, не видели без шлема?

Генри покачал головой, и Олдус разочарованно вздохнул, потом улыбнулся, потом опять посерьезнел, словно чувствовал столько всего разом, что никак не мог решить, на каком выражении лица остановиться.

– Сердце надо отвезти во дворец, там примут меры для его защиты.

– Имеете в виду тот дворец, из которого вынесли половину казны, и никто про это даже не знал? – переспросил Генри.

– Согласен, в моем плане есть изъяны, но другого у нас нет.

– Ладно, тогда берите. – Генри протянул ларец Олдусу, но тот замахал руками:

– Нет, что вы, я не могу отвечать за такую драгоценность! Вы его нашли, вы и повезете.

А король воздаст вам почести, наградит и прославит!

– Я просто уточню: тот самый король, который сказал, что не надо ловить Освальда, а надо ловить меня, потому что я опаснее?

– Но это было неделю назад! С тех пор вы нас спасли, и я уверен, что он передумает! У вас есть свободная неделька? Ох, простите, я забыл: вы же должны разыскать отца! Семья прежде всего, понимаю.

– Я... – Генри прокашлялся. – Я пока не собираюсь его искать. Уверен, он меня сам найдет. Рано или поздно.

«И лучше бы поздно», – мысленно прибавил он.

Олдус с сомнением посмотрел на него, но потом на его лице снова засияла воодушевленная улыбка.

– Как же ваш отец будет вами гордиться, когда услышит, что вы сделали!

«Вот уж это вряд ли», – отстраненно подумал Генри, но Олдус, к счастью, не обратил внимания на выражение его лица.

– В общем, это решено: вы, я и посланники едем во дворец вместе.

– Те посланники, которые мечтали меня поймать? – тупо спросил Генри.

План Олдуса казался ему верхом безумия, но тот только рукой махнул:

– Попозже им все объясню. Сейчас они где-то бродят, а мне не до них, надо срочно оповестить короля. – Олдус подскочил к скриплеру, который решительно толкал перед собой огромную бадью с водой. – Будьте любезны, передайте во дворец весть, что Сердце нашли.

Сразу стало очевидно, что ответа Олдус не ждал: когда скриплер заговорил, он от неожиданности поперхнулся.

– Не могу. Дворец защищен от наших проникновений: король слишком трясется над своим имуществом.

– Пал? – уточнил Олдус, хотя сразу было ясно, что это не Пал: ростом меньше, кора темнее и ветки на голове пышнее.

– Нет, я Аррон. Пал занят чаепитием.

– Каким чае... – начал Олдус, но скрипpler с бадьей уже двинулся дальше.

– Освальду негде было найти еды для тех, кого он заколдовал. Он только иногда приказывал матерям покормить младенцев, – заскрипели у Генри над ухом. Он посмотрел вверх: на ветке сидел Пал в своем розовом венке. – А теперь все поняли, что ничего не ели самое меньшее несколько дней. Настало время чаепития!

Пал спустился ниже и положил Олдусу на ладонь круглый серебристый медальон:

– Я только что был у вас дома. Сообщил вашей жене, что с вами все в порядке. Она меня расцеловала, велела вернуть медальон и сказать, чтобы вы быстрее ехали домой.

Олдус засмеялся и с трудом снова сделал серьезное лицо:

– Послушайте, Пал. Мне нужна почтовая птица, чтобы отправить сообщение королю. Можете достать?

На морщинистом деревянном лице Пала проступила гримаса, которая ясно показывала, что он думает о короле, но он кивнул, скрылся среди веток и через минуту вылез обратно, сжимая обеими руками сороку. Та ошалело вертела головой.

– Я ее попросил отнести ваше письмо. А мне пора распоряжаться угощением. Давно мы не устраивали таких больших застолий. – Он сунул птицу в руки Олдусу, слез с дерева и, переваливаясь на своих корнях, заспешил прочь.

– О, я забыл, мне еще нужны бумага, перо и чернила! – крикнул ему вслед Олдус, но Пал сделал вид, что не слышит. – Ладно, придется самому где-то достать. А вы пока поищите остальных. Увидимся позже, Генри. И умоляю, не оставляйте ларец где попало. Если его украдут, это будет глупейший финал нашей истории.

И Олдус умчался, прижимая к себе задумчивую сороку.

Генри завертел головой, прислушиваясь к звукам вокруг, а потом различил среди них плач и бросился вперед, спотыкаясь о корни. Этот голос, даже искаженный рыданиями, он узнал сразу – и как же он был рад его слышать!

Сван сидел под деревом, прижимая к лицу мокрые от слез руки, и Генри опустился рядом.

– Ты в порядке? – спросил он и сам поморщился от того, как глупо прозвучал его вопрос.

Сван, всхлипывая, отнял руки от лица.

– Освальд меня головой об дерево ударил, я без чувств и свалился, – выдавил он. – А потом слышу: кто-то прямо мне в ухо горланит мою песню, а за ним все вокруг подхватывают. Я глаза открыл – все вокруг сияет, а надо мной Хью навис, поет и за плечи меня трясет. Он так обрадовался, что я живой! – Тут рассказ Свана на какое-то время был прерван горестным плачем. Генри не стал его перебивать. – А потом Освальд из-за двери обратно выскочил и схватил Хью за шиворот. Сказал: «Ты хотел быть генералом? Вот и будь, а других у меня теперь нет». И потащил его за собой. Я хотел на Освальда броситься, но голова очень болела, и я его за ногу схватил и по земле за ним тащился. Хью вырывался, но куда из такой железной ручищи вырвешься! Вот досюда я дотащился, а потом руки и разжались, Хью меня все звал, звал, пока его Освальд совсем не увел. – Сван согнулся и заплакал.

Генри положил руку ему на плечо: он вспомнил, что люди так делают, когда хотят кого-то успокоить.

– Мы его найдем. Никуда он не денется, убивать его Освальду незачем.

– Точно найдем? – Сван выпрямился и уставился на Генри.

– Обещаю, – кивнул Генри, стараясь не думать о том, что делает. – А где Агата?

– Не знаю. Я ее у двери последний раз видел. Агата! – перепуганно крикнул Сван и тут же застонал, схватившись за затылок.

Они оба кричали снова и снова. И Генри понял, что чувствуют люди вокруг, когда зовут своих родичей, а никто не отзывается. К тому времени, когда его подергали за рукав, он уже успел так перепугаться, что при виде Агаты чуть не сел на землю.

Волосы у нее расплелись и теперь лежали на плечах широкой черной волной, кое-где в них жалко висели потрепанные цветы. Пару секунд она смотрела на Генри и Свана, и в ее взгляде уже не было ничего от разъяренной волчицы, которую они встретили в лавке диванов, а потом она качнулась вперед и обняла их обеими руками.

– К тебе дар речи, случайно, не вернулся? – тихо спросил Генри.

Она качнула головой, вытащила из кармана табличку и уголь, поколебалась, но все же написала: «На мне заклятие молчания. Сердце тут ни при чем. Я так рада, что вы живы».

– Мы его снимем, слышишь? Закончим с Сердцем и займемся этим.

Агата фыркнула так, что даже без всякой записки стало ясно: она в это не верит. Она убрала табличку, но, наткнувшись в своем кармане на что-то, чего не ожидала там найти, удивленно вытащила руку. На ладони у нее лежала губная гармошка. Агата вопросительно посмотрела на Генри, и тот покачал головой:

– Она была не у меня, а у Джетта. Вы с ним успели поговорить около двери? Ну, то есть под «поговорить» я имел в виду его.

Агата мрачно кивнула и жестами показала, что с ее стороны разговор заключался в ударе по лицу.

– Понимаю, – кивнул Генри. – Но обычно он подбрасывает людям вещи, чтобы загладить свою вину, так что да, ему жаль.

Агата раздраженно вздохнула, но все же спрятала гармошку обратно, а потом взглянула куда-то в сторону и удивленно замычала. Невдалеке двое скриплеров несли огромный стол. Тот на ходу бился обо все деревья, и Генри подумал: «Интересно, как они его протащили между корнями?»

– Предметы же сгорели, откуда они его взяли? – вслух пробормотал Генри.

Ответа он не ждал. Но ему ответили.

– Хороший скриплер всегда знает, где взять все для чаепития, – сообщил скриплер с облупленной корой.

И стол двинулся дальше. Сван заворуженно пошел за ним, Агата не отставала, и Генри побрел следом. Людей в роще стало меньше, и они легко прошли ее до половины, а потом Генри увидел под деревом что-то знакомое – остальные прошли мимо и даже не заметили. Он опустил ларец на землю и поднял заплочный мешок Хью.

– Хью никогда не бросил бы свои вещи! – дрожащим голосом начал Сван.

Генри успокаивающе поднял руку и тут кое-что вспомнил. Он развязал тесемки на мешке, заглянул внутрь и сразу увидел то, что искал: запертый ящик. Генри подобрал с земли камень и сбил с ящика замок. К счастью, Сван не возражал.

– Он не хотел, чтобы они достались Освальду. Можно мне их взять? – пробормотал Генри, заворуженно глядя на глиняные тайлисы.

– Конечно бери. Хью говорил, они дорого стоят, продашь их и хоть немного заработаешь. – Сван вытер нос и уткнулся лицом в мешок.

– Господин Худое Пальтишко! – негромко позвал Генри.

Сначала было тихо, а потом среди деревьев закачался приближающийся фонарь.

– Что, наследник? – брюзгливо спросил Пальтишко, подходя ближе. От его добродушия и следа не осталось: очевидно, настроение у него было так себе. – Зажег Сердце и думаешь, тебе теперь все можно? Ты же обещал ничего больше не просить!

– А я ничего и не прошу. Вот этот парень хочет кое-что тебе подарить. Его зовут Сван Кэмпбелл, и с сегодняшнего дня ты покровитель их семьи.

– Еще чего, делать мне нечего! – пробурчал Пальтишко... и осекся, когда Генри поставил перед ним открытый ящик. – Все здесь, – прошептал он. – Все мои детки. Чего вы за них хотите?

– Только чтобы ты помогал Кэмпбеллам, если понадобится. Там один потерялся, прямо как ты любишь. А больше ничего не нужно. Да, Сван?

Сван кивнул, и Пальтишко вдруг издал радостный вопль, сгреб все фигурки и прижал к груди. Те запищали и повисли на нем, надрывая его одежду еще больше, но Пальтишко ущерба не заметил, он раскачивался из стороны в сторону, зажмурившись и прижав к себе малышей, а потом развернулся и потопал в лес. По дороге он натолкнулся на скриплера с чайником, тот проскрипел: «Доброе утро, давно не виделись!», но Пальтишко на приветствие не ответил. Он спешил в чащу, бросив фонарь посреди дороги.

– Грубиян, и всегда таким был, – проворчал скриплер. – Идите за мной, Генри и его друзья, чай готов.

– Заберу, чтобы Хью потом не говорил, будто я все вещи растерял, – твердо сказал Сван и повесил мешок себе на плечо.

– Вы идите, я скоро приду, – бросил Генри. – Мне нужно тут кое-что закончить. А, подождите! Хотел спросить: можете мне отвезти Сердце во дворец?

– Ладно, – повеселел Сван. – А папе, чтобы не волновался, напишу, что у нас с Хью все хорошо и мы пока в приключении.

Агата кивнула с неохотой: кажется, домой ей не слишком хотелось. Но тут Сван хлопнул ее по плечу и крикнул:

– Эй, давай наперегонки!

И они помчались за скриплером, ловко огибая деревья.

Генри подождал, пока они скроются вдалеке, и бессильно привалился к дереву.

Никаких дел у него не было. Просто теперь, когда он убедился, что все в порядке, ему хотелось побыть одному. Забиться куда-нибудь, где будет тихо, и попытаться привыкнуть к мысли, что его отец, самый умный и самый храбрый на свете, врал ему всю жизнь.

– А ну стоять! – сказал за его спиной хриплый голос. – Медленно поставь на землю то, что у тебя в руках.

Генри застыл. До чего ж он дошел, если к нему смогли подобраться незаметно. Приказ повторили, и Генри опустил ларец на землю. В конце концов, драться легче, когда руки свободны.

– Подними руки и повернись, да без глупостей!

Он послушался. Перед ним стояли посланники – не все, человек двадцать, – и у каждого в руках был лук с натянутой стрелой. Олдуса среди них не было.

– Мы тебя выследили, теперь не уйдешь! – угрюмо сказал один, широкоплечий, тот самый, которому Джетт показывал фокус с монетой около Башни загадок. – Ты в городе от нас сбежал, ударил нашего капитана господина Прайда по голове, так что теперь, думаю, в Цитадель тебя не повезем. Я всегда говорил, что с таким, как ты, лучше на месте разделаться.

Генри огляделся, но роща уже окончательно опустела. Сердце у него застучало медленно и сильно. Если бы они хоть не целились в него. А так дело хуже некуда: как только он дернется, чтобы отбиться, они выстрелят. Должен быть другой способ... а что, если...

Генри расправил плечи. Не всему, что он теперь знал о жизни, его научил отец. Кое-что он за эти дни узнал и от других людей. Например, то, что слова – это тоже оружие.

– А что, собственно, случилось? – спросил он.

Посланники переглянулись.

– Не понимаю, чем такой мирный человек, как я, мог вызвать ваше недовольство, – продолжал Генри, осторожно подбирая слова.

– Что ты городишь? Ты же разрушитель! То чудовище, которое король велел обезвредить!

– Я? – удивился Генри. – Думаю, вы меня с кем-то перепутали. Я что, похож на чудовище? Посланники посмотрели друг на друга, и на их лицах проступило недоумение.

– Вроде нет, – нестройно промямлили они.

– В таком случае, разрешите пройти, – улыбнулся Генри. Он и сам понятия не имел, где слышал все эти вежливые слова, они сами всплывали в голове, будто он знал их раньше, но забыл.

– Да ты же тот, кого мы задержали в городе! – рассердился широкоплечий и выше поднял лук.

Генри непонимающе нахмурился:

– Боюсь, у вас немного помутилось в голове. Вы хорошо помните последние дни?

По лицам посланников сразу стало ясно: вообще не помнят.

– Вот, у меня портрет где-то был! – нашелся один. Он убрал лук, вытащил из кармана смятый лист бумаги и протянул Генри.

Генри осторожно опустил руки, взял бумагу и долго на нее смотрел.

– Совсем на меня не похож, – наконец сказал он, глядя на свое мрачное лицо, выведенное углем. – От такого типа я бы сам подальше держался. Удачи с поисками.

Посланники уставились на рисунок, потом на него. Генри отвечал спокойным взглядом, старательно подавляя желание сбежать.

– Ты погляди на него, он же из благородных, – зашептал один на ухо широкоплечему. – Да и разговор учтивый. Тот-то дикий должен быть, как зверь.

Широкоплечий вздохнул, опустил лук, и весь его боевой задор сразу превратился в усталую неловкость.

– Простите, обознались. А вы не подскажете, где мы?

– На краю света, – усмехнулся Генри. – Хотите чаю? Тогда вам вон туда.

– Еще раз простите за беспокойство. Пойдемте, мы вас проводим. У вас какой-то предмет ценный, старинный. Если этот тип поблизости бродит, как бы он вас не обокрал. Да еще мы видели, что тут скриплеров – воришек – полно.

Генри со вздохом поднял ларец и в окружении толпы посланников пошел в ту сторону, куда умчался скриплер с чайником.

Когда они вышли из рощи, у Генри перехватило дыхание. Так вот куда делись все люди! Кажется, они поняли, что на открытом пространстве искать своих будет легче.

У самой кромки рощи хозяйничали скриплеры. Будто не слыша суеты и отчаянных криков людей, они расставляли столы, стулья, стелили ковры там, где столов не хватало, таскали воду, раскладывали еду. Несколько столов были заняты. Судя по счастливым лицам, за ними собрались те, кто уже нашел своих родичей. Люди обнимались, качали на коленях измученных детей. Генри вдруг увидел мальчика, который дал ему клетчатый платок. Похоже, во время пожара его все же поймали войска: он был весь в саже. Но сейчас он ел яблоко, а родители обнимали его с обеих сторон. Увидев Генри, мальчик помахал ему рукой, и Генри поднял ладонь в ответ.

Сотни людей по-прежнему бродили по Пропастям, повторяли имена, заглядывали в лицо каждому встречному, и то тут, то там слышались взволнованные возгласы тех, кто отыскал своих. Генри долго смотрел, как освещаются радостью их лица, когда они находят тех, кого искали.

А потом его потянули за штанину, и он увидел маленького скриплера с молодой, свежей корой.

– Привет, я Элвин. Пал велел мне усадить вас на почетное место, накормить и во всем помогать.

– Кстати, а откуда вы взяли всю эту еду? – спросил Генри, разглядывая бесконечные столы, за которыми смеялись и пировали те, кто уже нашел в толпе родичей.

– Пришли ко всем, кто с детства любил сказки о скриплерах, и предложили один мудрый совет в обмен на продукты и посуду. Идите за мной, юный наследник.

– Я потом приду.

Скриплер с сомнением поглядел на него:

– Вам грустно. А что развеселит лучше, чем пир с друзьями?

– Просто хочу побыть один, – покачал головой Генри.

Ветки у скриплера грустно обвисли.

– Тогда примите мудрый совет. Мы все слышали, что Тис завещал вам свой дом – такие новости в волшебном мире разлетаются быстро. Вы можете попасть туда, как только захотите, и там вас никто не потревожит.

«Мой дом – твой, просто представь его», – вспомнил Генри. Последний подарок Тиса, старик как чувствовал, что Генри будет некуда вернуться. И Генри, закрыв глаза, попробовал представить себе дом на облаках.

Он даже не думал, что получится так легко, но сразу свет, запах и словно даже вес воздуха вокруг стали другими. Генри открыл глаза: он стоял в залитой золотистым светом прихожей облачного дома, и о его ноги терлась звериная голова. Генри наклонился и бездумно почесал кошку между ушами, как делал Тис. Он через перчатку почувствовал – или вообразил, что чувствует, – тепло и мягкий мех, и мельком пожалел, что не может погладить ее голой рукой, но без душевной прежней боли, он с этим уже смирился.

Генри поставил ларец с Сердцем на стол у входа и пошел по коридору, открывая по очереди все двери. Кошки одна за другой присоединялись к осмотру, вились вокруг его ног, словно хотели, чтобы он на них наступил.

Комнат было много, и все пустые – вещи Тис переплавил ради непобедимого меча. Мебель осталась только в спальне да еще в столовой, и там Генри впервые за день наконец вздохнул спокойно, полной грудью. Здесь он в безопасности.

На столе лежал лист бумаги, придавленный миской сухарей, на нем было написано его имя, и Генри развернул записку.

«Вернулся за мечом и решил черкнуть тебе пару слов. Дурное предчувствие говорит мне, что победить Освальда у меня не выйдет, но я должен хоть попытаться, верно?»

Ты еще многого не знаешь о людях и их обычаях, но я уверен, что ты всему научишься. И, на случай, если не успею сказать: чем бы все ни кончилось, я горжусь тобой.

Р. С. Рыбное печенье для кошек – в верхнем ящике стола».

Генри сел, уронив письмо на колени. Так вот почему старик так долго ходил за мечом. Генри бездумно открыл верхний ящик и насыпал печенье кошкам прямо на пол – те сразу сгрудились вокруг. В столовой было тихо, пылинки плясали в золотистом свете. Генри попробовал заменить одну печаль другой, не такой невыносимой, и, чтобы не думать о старике, который растворился и стал частью всего, он осторожно, будто ступая на некрепкий лед, подумал об отце.

В тот день, на охоте, отец увидел следы Барса, проследил за Генри, подобрал на дороге ларец с камнями и увидел встречу с Тисом. Непонятно, как он сам так быстро добрался до ярмарки и где взял маску и плащ, но, может, у отца были волшебные предметы, которые позволяли быстро перемещаться. Какая же тоска. Генри думал, что знает своего отца лучше всех на свете, а оказалось... Он помотал головой и заставил себя сосредоточиться. Отец велел ему бежать на постоянный двор, а потом ушел от посланников и отправился туда же. Поселился в комнате под номером девять, подслушал их разговор с Джеттом, затащил того в комнату и купил. Наверняка отец понимал: раз уж Барс выбрал Генри, только он сможет отыскать место,

где спрятано Сердце, и хотел быть как можно ближе, когда это случится, чтобы увести Сердце у него из-под носа.

План отца был совершенен. Но теперь Генри видел в нем кое-что, чего не замечал раньше. Отец натравил на него людей на ярмарке. Потом, в Башне загадок, пытался разозлить Генри тем, что посланники якобы убили его отца. Разбудил в нем дар огня, смертельно опасный для всех вокруг, убеждал его друзей в том, что не надо было связываться с таким, как Генри. Заставил Джетта отдать ключ у всех на глазах, хотя куда разумнее было бы до последнего скрывать, кто предатель.

Все это не имело никакого смысла: отец просто стравливал Генри и людей вокруг, заставлял их бояться и ненавидеть друг друга. Отец с детства повторял ему, что люди – недостойные, опасные, злобные типы, и ему была противна мысль о том, что Генри они понравились, что он хочет быть, как они, подружиться с ними. Отцу хотелось, чтобы к концу похода люди стали для Генри смертельными врагами, и тогда он принял бы сына, сказал: «Мы заодно, ведь только я понимаю тебя». И Генри поверил бы ему и сделал все, что велит отец.

Он победил только потому, что люди приняли его таким, как есть. Только потому, что научили его – уж как могли, – что значит быть человеком.

Генри опустил голову на стол, прижался щекой к гладкому дереву, и кошка тут же запрыгнула ему на колени. Отец говорил: «Никогда не признавай своего поражения, иди к победе до конца», и Генри последовал его совету. Вот только сам отец будет действовать так же. Он попытается отбить Сердце обратно и загадать свое желание. Попытается вернуть трон. В королевском дворце до сих пор есть его человек – отца Агаты убили, когда он попытался обнаружить этого человека. Казна пуста, старинных предметов больше нет, а создавать новые люди научатся не сразу. У Освальда остался Хью, а еще – непобедимый меч и ларец с огненными камнями.

– Может, все-таки чаю? – проскрипели у него над ухом.

Генри подскочил и уставился на Элвина. Тот с терпеливым видом сидел на столешнице.

– Ты что, даже тут меня можешь найти?

– Конечно, я же скриплер. Генри, друзья вас обыскались. Пал четвертый раз подогревает для вас свой лучший пирог. Дочка хранителя казны сплела вам венок из цветов. Сван написал в вашу честь песню, и должен сказать, что дара к стихосложению у него, кажется, все-таки нет.

Кошка подошла к Элвину и потерлась головой о его кору. Скриплер пощекотал ей шейку веткой и продолжил:

– Люди за столами обсуждают слухи о герое, который всех спас. Каких только выдумок я не слышал! Что спаситель Сердца – не то древний воин, не то принц, не то воскресший Сивард, не то победитель столичного конкурса по стрельбе из лука. Но Олдус велел нам всем помалкивать о правде, сказал, что вы не любите лишнего внимания и если на вас начнут бросаться толпы поклонников, вы сбежите в лес, а бегаєте вы превосходно.

– Он так сказал? – фыркнул Генри.

– А еще сказал, чтобы не искали вас и спокойно праздновали. И что вы обязательно вернетесь. И велел Свану не расспрашивать, где вы были так долго. Сказал, что вам надо побыть одному.

Генри потрясенно выдохнул, и скриплер улыбнулся. Глаза среди складок коры сияли.

– Они ваши друзья. Они понимают вас и любят. Хотите еще один мудрый совет? Надо уметь не только побеждать, но и радоваться победе.

– Скажи им, что я иду.

Элвин тут же скрылся, и Генри пошел в прихожую. Спокойно открыл дверь – и тут же с невнятным вскриком захлопнул ее обратно.

Он думал, его способность удивляться была исчерпана еще с утра – оказалось, ничего подобного. Генри постоял, держа ладонь на ручке двери, потом снова осторожно потянул ее

на себя. Ничего не изменилось: за дверью все так же стоял Барс. На чем он, собственно, стоял, если за дверью не было ничего, кроме облаков, Генри разглядеть не успел. Барс неспешно зашел в прихожую и сел в шаге от Генри, обернув хвост вокруг лап.

– Э-э-э... – сказал Генри и прокашлялся, но ничего умнее ему в голову так и не пришло.

И тогда Барс заговорил сам. Морда его при этом не двигалась: голос, низкий и звучный, совершенно человеческий, доносился откуда-то из живота:

– Ты себя не спрашивал, почему я именно сейчас решил, что пора вам найти Сердце? Не сто лет назад, не пятьсот лет спустя?

Взгляд у Барса был добродушным и в то же время опасным, он ждал ответа, и Генри осторожно предположил:

– Потому что, по легенде, игра продолжится, когда родится такой, как я?

– Ты родился с этим даром именно сейчас, потому что так хотел я. На королевство надвигается опасность, какой еще не бывало. Без Сердца королевство людей пало бы под ее натиском за пару недель, но сейчас, когда освоитесь с дарами, у вас появится шанс.

– Я думал, ты выбрал меня назло Освальду, – медленно проговорил Генри.

Барс фыркнул:

– Я лучший волшебник этого королевства, а может, и всех остальных. Досаждать человеку, одержимому постыдным страхом смерти, – глупо. Я выбрал тебя, когда ты только родился: звезды над твоей колыбелью сияли особенно ярко, и я пришел к тебе и вдохнул в тебя дар.

Генри заморгал:

– Ты что, мог дать мне и добрый дар, если бы захотел? Так почему...

– О своем даре ты еще слишком мало знаешь, чтобы судить. Иногда то, что кажется худшим наказанием, приносит нам удачу. И я пришел сказать тебе: все только начинается.

Барс развернулся, прыгнул за дверь, прямо в подсвеченные золотом облака, – и исчез.

Генри долго смотрел на облака, проплывающие вниз, и, когда почувствовал, что готов, закрыл глаза.

– Хочу к своим, – сказал он, делая шаг вперед.

Когда туман вокруг рассеялся, он стоял на краю рощи. День был серый, ослепительное утреннее солнце ушло, но Пропasti были ярко подсвечены сотнями парящих в воздухе разноцветных огней: кажется, здесь собрались все светляки королевства. Люди сидели за длинными столами, разговаривали, передавали друг другу чайники и смеялись так спокойно, как будто и угощение, и время были бесконечными. Вокруг больше не было потерянных, каждый нашел своих родных и свое место.

Элвин с радостным скрипом схватил Генри за штанину и потащил к одному из столов, за которым тесно сидели люди. Но было одно свободное место – перед ним стоял чайник и куча тарелок с едой. К чашке кто-то прислонил табличку, на которой почерком Агаты было написано: «Для Генри. Не трогать».

Сван громко смеялся и что-то рассказывал тем, кто сидел вокруг него. Подойдя ближе, Генри разобрал: «Слыхали песню, которую все запели, когда Сердце загорелось? Это я сочинил!» Олдус сидел, низко согнувшись над столом, макал перо в чернила и быстро что-то писал. Перед ним лежала кipa исписанных листов, рядом со скучающим видом сидела почтовая сорока и от нечего делать долбила клювом по столу. Генри взял верхний лист – Олдус даже не обернулся – и прочел первую фразу: «Если вам скажут, что я, Олдус Прайд, ни в чем не виноват, не слушайте. В тот день я повел себя, как последний болван...»

Генри положил лист обратно и перебрал остальные. Видимо, это было то самое письмо королю, которое Олдус собирался написать. Но, кажется, он не смог вовремя остановиться и вместо этого начал записывать всю историю с самого начала. У Олдуса как будто даже рука не устала, и, если существовал дар без труда исписывать кучу бумаги, Олдус, похоже, его обрел.

– Привет! – Сван обернулся, и его улыбка засияла в полную силу. – Садись, тут такой мармелад, лучше, чем у нас в Хейверхилле! – Сван вдруг нахмурился, глядя ему в лицо, и серьезным, взрослым голосом спросил: – Ты в порядке?

Генри кивнул и обвел взглядом серебристую рошу, снующих повсюду скрипленов с распутившимися листьями, светляков, шумных людей, чашки и тарелки.

– Просто блеск, – ответил он.

И, уже произнеся это вслух, с удивлением понял: да это же чистая правда.

Книга 2

Короли будущего

Пролог

В прекрасном волшебном королевстве жили два мальчика, и судьба их с детства была известна: один должен был стать героем, другой – чудовищем. И если бы я придумывал, что было дальше, я сказал бы: они выросли и сразились, хороший победил плохого, а дальше жил долго и счастливо, конец. Но это другая сказка.

* * *

За три сотни лет до того, как родились эти двое, королевство лишилось главной своей драгоценности – Сердца волшебства. Уверен, вы про это слышали, но позвольте рассказать еще раз – нет в наших землях истории, которую повторяли бы чаще, чем эту.

Величайший волшебник на свете издавна любил путешествовать в обличье барса. Лично я всегда верил, что это чистая правда: такую причуду нарочно не выдумаешь. В древности Барс подарил правителям королевства удивительный предмет – Сердце волшебства. Его сила наделяла каждого жителя особым даром: сочинять музыку, строить дома, лечить прикосновением. На всякое дело был свой мастер.

И все было хорошо, пока на трон не взошел король Освальд. Больше всего на свете он хотел стать бессмертным и однажды выяснил: любое желание исполнится, если прикоснуться к Сердцу волшебства. Так он и поступил, и его желание сбылось, вот только Сердце потускнело, и дары у всех ослабели. Но Освальд уже не мог остановиться и решил загадать еще одно желание, но тогда Сердце погасло бы навсегда.

Тут в нашей истории и появляется добрый герой Сивард. Барс подсказал ему, где можно спрятать Сердце так, чтобы Освальд никогда его не нашел, и Сивард отправился в поход. А Освальд послал вдогонку своего помощника – разрушителя, обладавшего даром уничтожать прикосновением все, до чего дотронется. Сивард успел спрятать Сердце, но разрушитель догнал его, они сразились и, смертельно ранив друг друга, оба погибли.

Короля Освальда выгнали из дворца, и трон занял его сын, но сказать, что добро победило, было бы преувеличением. Сердце было надежно спрятано от Освальда, и его волшебство больше не достигало людей. Некогда великое королевство жило теперь бедно и печально,

ведь его жители рождались бездарными и были не способны создать что-то новое. Ни Барс, ни Освальд с тех пор не показывались, но люди продолжали верить: однажды эта история продолжится, Барс и Освальд найдут новых воинов, и исход их битвы решит судьбу Сердца: либо его найдут и вернут людям, либо уничтожат навсегда.

Но годы шли, ничего не менялось, королевство угасало, и многие перестали надеяться на перемены. В сказку о Сердце волшебства верили теперь только дети, и каждый был уверен, что, когда вырастет, именно он окажется избранником Барса, наследником великого Сиварда.

Вот с этого и начинается наша история.

Через триста лет после пропажи Сердца у короля Лоренса и королевы Тильды родился первенец. Принца назвали Эдвард, что значит «благословенный защитник». Он рос умным, красивым и храбрым ребенком – во всяком случае, так считали его родители, а принц охотно в это верил.

Когда удавалось ускользнуть от няни, Эдвард с младшим братом забирались на башню в крепостной стене дворца и смотрели вниз, на Мертвое озеро и горы, что виднелись за ним.

– А за горами что? – спрашивал Роберт каждый раз, будто не знал ответ наизусть.

– Там полно загадок и приключений, – отвечал Эдвард. – А еще где-то там прячется злобный Освальд. Мы однажды найдем его и покажем где раки зимуют. Как тебе такой план?

Роберт заливался счастливым смехом. Он был согласен на что угодно, пока они делали это вместе. Каждый раз им влетало от няни за то, что они залезли на стену, – и каждый раз они забирались туда снова.

А потом произошло кое-что ужасное. Эдвард лишился и брата, и матери, а отец возненавидел его. Но принц не терял надежду. Он знал одно, и это единственное, что осталось ему от счастливых времен: однажды Барс придет к нему, и он станет новым Сивардом, отыщет Сердце, победит Освальда и разрушителя. Он был уверен, что все исправит.

Как бы не так. Когда ему исполнилось восемнадцать, все рухнуло еще раз.

Я знаю это точно – ведь я и есть принц.

* * *

В ту ночь, четвертую после Зимнего дня, я проснулся от крика. Я сначала решил, что кричал сам, – опять те же сны, сны, в которых Роберт умирает. Но голос продолжал раскатываться по дворцу, и я узнал его: отец.

Я бросился к двери, путаясь в одежде и зажигая свечи. У нас во дворце есть правило – не выходить из комнаты после заката. Во-первых, свечной воск может испортить ковры. Предки явно как-то по-другому освещали эту громадину, но как – уже никто не знает. Во-вторых, сама тьма здесь живая, будто за плечом у вас прячется кто-то невидимый и злобный.

Но я все равно схватил подсвечник и, стараясь не глядеть по сторонам, бросился к отцу. В его покоях уже были Ингрид, Уилфред и парочка слуг. Сам отец сидел на полу в старинной ночной рубашке, и взгляд у него был совершенно безумный. Хуже, чем обычно.

– Никаких волшебников не бывает, ваше величество, – успокаивающе сказала Ингрид.

При виде меня все замолчали. Если вы когда-нибудь были человеком, которому нигде не рады, вы отлично представите себя на моем месте.

– Вы можете идти спать, ваше высочество, – неловко начал Уилфред. – Простите, мне жаль, что вас беспокоили.

Я поклонился, принимая его извинения, но с места не сдвинулся, – чтобы выставить меня, придется ему придумать довод получше.

– Я видел его, – заговорил отец, глядя в стену. – Волшебника. Человек с седой бородой и в длинной одежде возник посреди моей комнаты. Он сказал.... Сказал, что его зовут Тис.

– Как волшебника из сказок, который с лечебными кошками и конфетами? – уронила Ингрид.

От неожиданности все, кажется, даже забыли про то, что хотели меня выгнать. Отцу, видимо, было совсем худо.

– Он сказал, что король Освальд вернулся и я должен отправить войско бороться с ним. Якобы он жжет деревни где-то на юге, – отец сглотнул. – Что вообще творится? Недавно мне доложили, что объявился человек с даром разрушителя и уничтожает имущество.

Я подавился воздухом. Такие новости, а я ничего не знал. Мне иногда казалось, что во дворце это особый вид развлечения: делать так, чтобы я обо всем узнавал последним.

– На всякий случай я отправил весь отряд поиска ловить его. Конечно, нет никакого разрушителя, просто вор, использующий сказку, чтобы пугать людей, но... – Голос отца окреп. – Но от посланников до сих пор нет вестей. А теперь вот это.

– И что вы собираетесь предпринять? – осторожно спросила Ингрид.

Отец посмотрел на нее неожиданно ясным взглядом, так, будто она сказала страшную глупость, – и в его лице появилось что-то от прежнего отца, от короля, которым он был до того, как...

– Я не собираюсь ничего предпринимать! – крикнул отец. – Все это сказки. Посланников задержали какие-то дела. Уверен: выяснится, что это был просто вор. Мы в безопасности.

Даже свечи не разгоняли тьму в комнате, только бросали на стены странные, движущиеся тени.

– Конечно, вы правы. Вот, выпейте и поспите. – Ингрид протянула ему травяную настойку. Ей явно не терпелось поскорее вернуться к себе.

Отец проглотил настойку, и его уложили спать. Я стоял в углу, надеясь, что про меня забудут. А когда все разошлись, подошел к отцу и опустился на пол. Теперь его бледное больное лицо было совсем рядом с моим.

– Все, что предсказано, сбывается, да? – прошептал я. – Уверен, Барс выберет меня, и я не могу сидеть тут и ждать. Я найду Сердце. Благослови меня ехать.

– Не будет тебе моего благословения ни на что, – отрезал отец.

– А если я привезу Сердце? – упрямо спросил я, и отец утомленно прикрыл глаза.

– Привези, тогда посмотрим.

Я вылетел из комнаты и бросился к себе. Дорожного мешка у меня не было, потому что я никогда никуда не ездил, так что пришлось взять сумку для прогулок. Я побросал в нее вещи и кинулся к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.